

Г. ЭМАР

Г. ЭМАР

Scan Kreyder - 17.11.2017 - STERLITAMAK

Γ.ΘΜΑΡ

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

Г. ЭМАР

собрание сочинений
в двадцати пяти томах

том тринадцатый

Охотники за пчелами

Каменное сердце

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1994

ББК 84.4 Фр.
Э54

Иллюстрации А. КАПНИНСКОГО

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОС»

Эмар Г.
Э54 Собрание сочинений: В 25 т. Т. 13: Охотники за пчелами; Каменное сердце: Романы / Перевод с фр. — М.: ТЕРРА, 1994. — 368 с.

ISBN 5-85255-399-9 (т. 13)

ISBN 5-85255-092-2

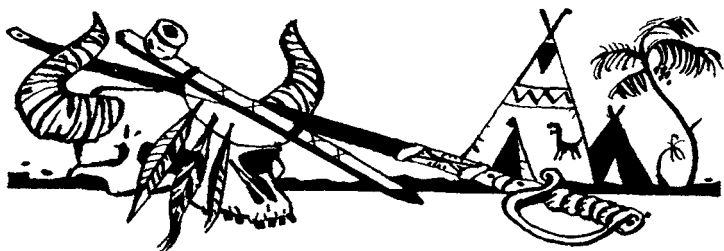
Э 4703010100-037 Подписное
А30(03)-94

ББК 84.4 Фр.

ISBN 5-85255-399-9 (т. 13)
ISBN 5-85255-092-2

© Издательский центр
«ТЕРРА», 1994

Охотники за пчелами

ГЛАВА I

Встреча на Дальнем Западе

После открытия богатых приисков в Калифорнии и на реке Фрейзер Северная Америка вступила в эру процветания. Цивилизация распространялась столь стремительно, что вскоре не осталось и следа от роскошного буйства американских степей, способных поразить воображение поэта.

Свой первозданный вид здесь сохранила только одна страна, удивляющая и своими контрастами, и гармонией одновременно, где под неусыпным оком творца соседствуют бескрайние зеленые равнины и безмолвные песчаные пустыни.

Эта страна, которой еще не коснулся заступ переселенцев, называется Дальним Западом. Там по-прежнему господствуют индейцы, разъезжающие на таких же неукротимых, как они сами, мустангах; здесь они у себя дома; они охотятся за бизонами и дикими лошадьми, воюют между собой или с белыми охотниками, отваживающимися вторгнуться в последнее прибежище краснокожих.

В 1958 году, 27 июля, три часа спустя после захода солнца, некий всадник на великолепном мустанге ехал вдоль берега реки Вермехо, которая, проделав восьмидесятимильный путь по пустыне, сливается с рекой дель-Норте.

Всаднику в кожаном костюме мексиканских охотников на вид было лет тридцать. Высокий, стройный и грациозный, с изящными манерами. Гордое и мужественное лицо его носило печать чистосердечия и доброты, внушавшие уважение и симпатию.

Его голубые глаза с кротким, как у женщины, взглядом, густые белокурые кудри, выбивавшиеся из-под широких полей шляпы, матовая белизна кожи делали его непохожим на мексиканца и наводили на мысль, что он родился не в жарком климате Мексики.

Человек этот, такой кроткий с виду, был необычайно мужествен и беспредельно отважен. Под тонкой и почти прозрачной кожей его холеных рук с розовыми ногтями таилась невероятная сила.

В ту минуту, когда мы знакомим его с читателем, человек этот сидел, распластавшись в седле, а может быть дремал, дав волю своему мустангу ступать неторопливо, останавливаясь пожевать пожухшую на солнце траву.

Место, где находился наш всадник, представляло собой довольно обширную равнину, разделенную на две почти равные части рекою Вермехо с крутыми скалистыми берегами. Равнина эта была справа и слева обрамлена широкой грядой холмов, постепенно переходящих в горы с высокими вершинами, покрытыми снегом.

Несмотря на действительную или мнимую расслабленность или дремоту, всадник время от времени открывал глаза и, не поворачивая головы, бросал вокруг себя пытливый взгляд. Ни один мускул на его лице не выдавал тревоги, впрочем, весьма естественной в стране, где ягуар считается далеко не самым опасным врагом человека.

Путешественник или охотник — мы пока не знаем, кто он, — продолжал свой путь все так же медленно, с беззаботным видом. Он отъехал шагов на пятьдесят от скалы, возвышавшейся, подобно часовому, на берегу Вермехо, когда оттуда вышел человек, вооруженный американской винтовкой. Он несколько минут смотрел всаднику вслед, потом проворно вскинул винтовку и выстрелил.

Всадник покачнулся в седле и в следующую минуту повалился на землю и застыл в неподвижности.

Испуганная лошадь поднялась на дыбы и помчалась во весь опор к лесу, покрывавшему отроги гор, и вскоре исчезла в его густых зарослях.

Сразив так ловко свою жертву, убийца снял шляпу и вытер пот со лба.

— Черт побери! — радостно воскликнул он. — Кажется, на сей раз я прикончил этого демона. Видать, я угодил ему в самый позвоночник. Вот это выстрел! Интересно, что сказали бы эти дураки, которые уверяли, что он кол-

дун и что мне удастся убить его, если только я вложу в винтовку серебряную пулю?! Ну, слава Богу, я честно заработал сто пиастров! Наконец-то мне повезло! Да будет благословенна Святая Дева за покровительство, которое она мне оказала! Я не премину выразить ей мою признательность.

С этими словами незнакомец с величайшим тщанием снова зарядил винтовку.

— Уф, — продолжал он, опускаясь на траву. — Сколько же я за ним гонялся! Надо бы посмотреть — насмерть я его уложил или только ранил. Нет! А вдруг я наклонюсь над ним, а он возьмет и пырнет меня ножом! Я не так глуп. Лучше подожду да выкурю пока пахитоску. Если через час он будет лежать так же неподвижно, значит, все, скопытился. Мне некуда торопиться, — прибавил он со зловещей улыбкой.

И, вполне успокоившись, он вынул из кармана табак, свернул пахитоску и с удовольствием закурил, искоса поглядывая на труп, лежавший в нескольких шагах от него.

Мы воспользуемся этой паузой, чтобы поближе познакомиться читателя с нашим незнакомцем.

Он был роста несколько ниже среднего, но ширина плеч и крепкие руки свидетельствовали о незаурядной силе. Лоб вдавленный, как у хищных зверей, длинный, похожий на клюв хищной птицы нос нависал над громадным ртом с тонкими губами, обнажившими острые, неровные зубы; серые, маленькие и косые глазки придавали его физиономии зловещее выражение.

На этом человеке был охотничий костюм, похожий на костюм всадника: кожаные панталоны с шелковым поясом, доходившие до колен; высокие сапоги и блуза с открытым воротом и короткими рукавами. Прямая сабля без ножен, воткнутая в железное кольцо на левом боку, и туго набитая сумка, висевшая на правом плече на ремне из бизоновой шкуры; на земле расстелено пестрое, яркой расцветки индейское одеяло.

Между тем минуло уже полтора часа, а убийца, куривший пахитоску за пахитоской, все не решался подойти к поверженному всаднику, лежавшему неподвижно с закрытыми глазами.

Убийца не спускал с него глаз все это время, но тот оставался неподвижным. Над ним уже начали кружить стервятники, по мнению убийцы, привлеченные трупным

запахом. Огненный диск солнца навис над самым горизонтом, пора было решиться взглянуть на труп.

Убийца неохотно поднялся.

— Ну, — пробормотал он, — уж теперь-то он должен быть мертв. Пойдем посмотрим. Однако будем помнить, что осторожность — мать безопасности. — И вынул из-за пояса острый нож, с которым не расстанется ни один мексиканец, чтобы иметь возможность перерезать веревку, если враг набросит ему на шею аркан. Чиркнул лезвием по камню и, удостоверившись, что все в порядке, решил, наконец, приблизиться к лежавшему по-прежнему неподвижно всаднику.

Следует заметить, что в американских пустынях действует правило, а именно: самый кратчайший путь от одного пункта до другого — обходной. Вот и наш незнакомец, вместо того, чтобы пойти напрямик, стал заходить со стороны, двигаясь осторожно и то и дело останавливаясь, чтобы убедиться, что его жертва мертва. На всякий случай он держал нож наготове и даже не исключал возможности поспешно ретироваться. Но эти предосторожности оказались ни к чему. Всадник не обнаруживал ни малейшего признака жизни. И убийца успокоился.

Скрестив руки на груди, он смотрел на труп, лежавший ничком.

— Да, конечно, он мертв, — сказал он себе. — Жаль, это был храбрец. Никогда бы я не осмелился вступить с ним в единоборство в открытом бою. Но честный человек должен держать слово. Мне заплатили, и я обязан был оправдать заработок. Странно, почему же нет крови? Должно быть, она излилась внутрь. Тем лучше для него, меньше пришлось страдать. Однако для большей верности воткну-ка ему нож в спину. Хотя и так ясно, что он не оживет. Но ведь мне заплатили, а тех, кто платит, обманывать негоже.

После этого убийца опустил на колени и, опершись правою рукою о его плечо, уже собрался занести над ним нож, как вдруг мнимый мертвец мгновенно вскочил и, подобно ягуару, бросился на своего убийцу, схватил его за горло и, опрокинув навзничь, прижал коленом грудь, затем выхватил у него нож, прежде чем тот успел опомниться!

— Сделайте одолжение, приятель, успокойтесь! — сказал всадник насмешливым тоном.

Все это произошло гораздо быстрее, чем мы рассказывали об этом. Но как бы быстро и неожиданно ни произошло только что случившееся, незнакомец-убийца слишком привык к случайностям, а потому быстро обрел обычное хладнокровие.

— Ну, приятель, — продолжал всадник, — что вы скажете на это?

— Я скажу, что вы искусно притворились, — ответил тот с усмешкой.

— Вы по этой части большой дока!

— Может быть, — скромно ответил тот.

— Я проявил хитрость, достойную вас.

— Пожалуй, даже превзошли меня. Я думал, однако, что убил вас. Это странно, — добавил он, как бы рассуждая сам с собой. — Они были правы, это я дурак. В другой раз возьму серебряную пулю, тогда уж будет наверняка.

— Что вы говорите?

— Ничего.

— Извините, вы что-то сказали.

— Вы непременно хотите знать?

— Должно быть, хочу, если спрашиваю.

— Я сказал, в другой раз возьму серебряную пулю.

— Для чего?

— Для того, чтобы вас убить.

— Чтобы меня убить? Полноте! Вы с ума сошли. Неужели вы думаете, что я вас отпущу?

— Вовсе не думаю, тем более что в этом случае вы сделали бы большую ошибку.

— Потому что вы хотите меня убить?

— Да, и как можно скорее.

— Стало быть, вы очень меня ненавидите?

— Я? Нисколько!

— Так для чего же вам меня убивать?

— Честный человек должен держать слово.

Всадник пристально посмотрел на него и задумчиво покачал головой.

— Гм! — продолжал он через минуту. — Обещаете ли вы, если я на время вас освобожу, не попытаться убежать?

— Обещаю тем с большим удовольствием, что пребывать в такой позе довольно утомительно и я желал бы ее переменить.

— Вставайте! — сказал всадник, поднимаясь.

Тот не заставил долго ждать и в мгновение ока был на ногах.

— Ах, как хорошо оказаться свободным, — сказал он.

— Не правда ли? Теперь не желаете ли немного побеседовать?

— Очень желаю, кабальеро. Я могу извлечь немалую пользу из нашего разговора, — отвечал он, кланяясь с самой обезоруживающей улыбкой.

Враги сели рядом как ни в чем не бывало. Это одна из примечательных черт мексиканского характера. Убийство у этого народа стало настолько обычным, что нередко человек, чуть не лишившийся жизни, попав в искусно устроенную ему ловушку, спокойно и даже вполне миролюбиво пожимает руку человеку, вознамерившемуся его погубить, потому что не сегодня завтра он сам способен проделать то же.

Однако в данном случае всадник руководствовался отнюдь не этими соображениями, а совсем иными, о которых мы узнаем позже. При всем видимом простодушии он испытывал глубокое отвращение к разбойнику, покусившемуся на его жизнь.

Что же касается последнего, то справедливости ради должны сказать, что он сожалел лишь об одном, что промахнулся, и мысленно обещал себе исправить оплошность как можно скорее.

— О чем вы думаете? — спросил вдруг всадник.

— Я? Ни о чем, — ответил разбойник с невинным выражением на лице.

— Вы ошибаетесь. Я знаю, о чем вы думаете в эту минуту.

— О! На этот счет позвольте вам сказать...

— Вы думаете, как бы меня убить, — резко прервал его всадник.

Разбойник ничего не ответил, только пробормотал сквозь зубы:

— Экий демон! Он угадывает даже самые сокровенные мысли. С ним надо держаться начеку.

— Готовы вы отвечать чистосердечно на мои вопросы? — продолжал через минуту всадник.

— Да, насколько это будет для меня возможно.

— То есть когда ваши интересы не заставят вас солгать?

— Сеньор, никто ничего не делает себе во зло. Ни-

кто не может принудить меня говорить дурно о себе самом.

— Это правда. Кто вы?

— Сеньор, — начал разбойник гордо, — я имею честь быть мексиканцем. Мать моя была индианка, отец — гваделупский кабальеро.

— Прекрасно, но я желаю знать, кто вы.

— Ах, сеньор! — продолжал разбойник тем плаксивым тоном, к которому так любят прибегать мексиканцы. — Я имел несчастье...

— А! Вы имели несчастье, сеньор... Ах, извините! Кажется, вы забыли назвать ваше имя?

— Оно вам ничего не скажет, сеньор, но если желаете знать, извольте: меня зовут Тонильо эль-Сапоте, к вашим услугам, сеньор.

— Благодарю, сеньор Сапоте. Теперь продолжайте, я вас слушаю.

— Я перепробовал много ремесел за свою жизнь. Был и лепером, и погонщиком мулов, и маромером, и солдатом. К несчастью, я немножко вспыльчив. Когда рассержусь, я бываю легок на руку.

— Или тяжел, — с улыбкой заметил всадник.

— Это одно и то же. Так что я имел несчастье подрезать пять или шесть человек, которые по неосторожности затевали со мной ссору. Судья разгневался и, сочтя меня повинным в смерти шести человек, заявил, что я заслуживаю виселицы. Тогда, поняв, что мои сограждане не понимают меня и цивилизация не способна меня оценить, я подался в пустыню и сделался охотником.

— За людьми? — усмехнулся всадник.

— Что же делать, сеньор, времена тяжелые, гренгосы платят за череп с волосами по двадцать долларов; сумма подходящая, особенно когда терпишь нужду. Но прибегаю к такому заработку только в крайнем случае.

— А! Очень хорошо. Теперь скажите, вы знаете меня?

— По слухам, но не лично.

— Имеется ли у вас какая-нибудь причина ненавидеть меня?

— Я уже имел честь сказать вам, что нет.

— Так зачем же вы хотели меня убить?

— Я хотел вас убить?! — вскричал разбойник с искренним удивлением. — Ни в коем случае!

— Как, негодяй, — сказал всадник, нахмутив брови. —

вы осмеливаетесь утверждать подобную ложь, когда вы уже четыре раза стреляли в меня из своей винтовки и вот даже сегодня...

— О, позвольте, сеньор! — с жаром возразил эль-Сапоте. — Это совсем другое дело. Я стрелял в вас, это верно, и, вероятно, еще буду стрелять, но, клянусь спасением души моей, у меня и в мыслях не было вас убивать. Фи! Я! Кабальеро! Как вы можете так дурно думать обо мне, сеньор?

— Зачем же вы стреляли в меня?

— Затем, чтобы лишить вас жизни.

— И вы не называете это убийством?

— Вовсе нет, это просто была работа.

— Как это «работа»? Этот негодяй сведет меня с ума, клянусь честью!

— Сеньор, честный человек обязан держать слово. Мне заплатили.

— Чтобы меня убить? — вскрикнул всадник.

— Именно, — ответил эль-Сапоте. — Вы понимаете, что я обязан был отработать полученные деньги.

Наступило минутное молчание. Очевидно, всаднику довод разбойника казался не столь убедительным.

— Хватит, — сказал он через минуту.

— Я очень сожалею, сеньор.

— Вы, конечно, понимаете, что ваша судьба в моей власти?

— Было бы трудно оспаривать это.

— Хорошо. Так как, по вашему собственному признанию, вы стреляли с очевидным намерением лишить меня жизни...

— Не могу этого отрицать, сеньор.

— Стало быть, убив вас теперь, когда вы у меня в руках, я воспользуюсь правом возмездия.

— Это совершенно справедливо, кабальеро. Я должен даже признать, что, действуя подобным образом, вы поступите вполне законно.

Всадник с удивлением взглянул на него.

— Итак, вы согласны умереть? — спросил он.

— Хочу, чтобы вы поняли меня правильно, — живо возразил разбойник. — Я вовсе не желаю умереть, совсем наоборот, но я игрок честный. Я проиграл, значит, должен платить, как того требует справедливость.

Всадник некоторое время размышлял.

— А если вместо того, чтобы воткнуть вам в горло нож, —

сказал он, наконец, — на что я имею полное право, как вы и сами признаете...

Эль-Сапоте кивнул в знак согласия.

— Если я возвращу вам свободу, — продолжал всадник, — как вы будете себя вести?

Разбойник печально покачал головой.

— Повторяю, я лишу вас жизни. Честный человек обязан держать слово. Я не могу обманывать тех, кто мне платит, это подорвало бы мою репутацию.

Всадник расхохотался.

— Видимо, вам неплохо заплатили за мою жизнь? — спросил он.

— Да нет, но нужда заставляет мириться со многим. Я получил сто пиастров.

— Всего-то? — презрительно воскликнул всадник. — Я думал, что стою дороже.

— Гораздо дороже, тем более что эта задача трудная, но в другой раз я возьму собственную пулю.

— Вы идиот, приятель. Вы не убьете меня никогда. Сегодняшний случай вас ничему не научил. Я четыре раза слышал свист ваших пуль, это мне надоело. И мне захотелось узнать наконец, кто в меня стреляет. Как видите, это мне удалось.

— Это правда. Впрочем, может быть, вы не подозревали, что я находился так близко от вас.

Всадник пожал плечами.

— Я даже не хочу спрашивать, кто вас нанял. Возьмите, вот ваш нож, он мне не нужен. Ступайте, я слишком презираю вас, чтобы бояться. Прощайте!

Говоря это, всадник встал и жестом, исполненным величия и презрения, велел разбойнику уходить.

С минуту разбойник пребывал в нерешительности, потом, низко поклонившись своему великодушному врагу, сказал голосом, слегка дрогнувшим от волнения:

— Благодарю, сеньор. Вы лучше меня, но все-таки я вам докажу, что я не такой негодяй, как вы думаете, и что во мне сохранилось нечто человеческое.

Всадник только молча пожал плечами и пошел прочь. Разбойник смотрел ему вслед с непривычным для него чувством печали и признательности, придавшим его физиономии несвойственное ей выражение.

— Он не имел права мне верить, — прошептал разбойник. Читатель уже заметил его склонность к монологам. —

Да, он мне не верит. Впрочем, как же можно верить моим словам? Тем хуже! Тяжело будет, но честный человек обязан держать слово. Я ему докажу, что он еще меня не знает. В путь!

Утешившись этими словами, разбойник вернулся к скале, за которой прежде прятался, обошел ее, отвязал укрытую там лошадь, вскочил в седло и ускакал, бормоча с искренним восторгом:

— Какой храбрец! Какая сильная натура! Как будет жаль, если его убьют из-за угла, как антилопу! Ей-богу, я постараюсь, чтобы этого не произошло, не будь я Са-поте!

Он переправился вброд через Вермехо и вскоре исчез в высокой траве на противоположном берегу.

Когда наш храбрый незнакомец удостоверился, что разбойник уехал, он определил по отбрасываемой деревьями тени время и, внимательно осмотревшись, издал длинный пронзительный свист, многократно повторенный эхом.

Через несколько секунд послышалось отдаленное ржание, потом почти сразу же быстрый топот копыт, похожий на отдаленные раскаты грома. Затем совсем рядом затрещали ветки, кусты расступились, и взору нашего незнакомца предстал его великолепный мустанг.

Благородное животное замерло на месте, сделало глубокий вдох, вытянуло шею и повело головой в разные стороны, словно оценивая обстановку, потом радостно бросилось вперед к своему хозяину. Животное смотрело на него вполне осмысленно, и тот ласково потрепал его по голове, разговаривая с ним, как с человеком. Наконец, убедившись, что разбойника действительно нет поблизости, он поправил сбившуюся сбрую лошади, вскочил в седло и тоже поскакал прочь. Но вместо того, чтобы ехать вдоль берега Вермехо, он отправился в противоположную сторону, к горам.

Теперь наш незнакомец был совсем не тот, каким мы его увидели впервые, спокойно покачивающегося в седле, доверившись своей верной лошади. Теперь это был бдительный наездник, тщательно вглядывавшийся в чащу леса, словно пытаясь прозреть ее насквозь. Слегка пригнув голову, он чутко прислушивался к малейшему шороху, а заряженную винтовку держал под рукой так, чтобы иметь возможность немедленно пустить ее в ход, если возникнет такая необходимость.

Человек этот был теперь совершенно неузнаваем. Сцена, которую только что наблюдал читатель, была всего лишь одним из тех незначительных эпизодов, которые повторялись на каждом шагу в пустыне, и не способна была всерьез его взволновать. Теперь же он устремлялся навстречу действительно серьезной опасности.

ГЛАВА 2

В лесу

Итак, незнакомец въехал в густой лес, начинавшийся на отлогих отрогах гор.

Американские леса совсем не похожи на леса Старого Света. Здесь деревья разных пород растут вперемешку с обилием перелесков и полян, на которых в беспорядке громоздятся засохшие деревья.

Часто окончательно или частично засохшие деревья оплетены лианами, которые поддерживают их в горизонтальном положении. Лианы же порой достигают толщины древесных стволов. Особенно восхитительно щедрое разнообразие листвы. Иногда в пустом стволе засохшие листья, сгнивая, образуют назем, и если туда попадают семена, то из них в положенное время появляется молодая поросль, заменяющая собой старые деревья.

Природа словно желает сберечь эти старые деревья от губительной силы времени, укрывая их вершины до земли, как плащом, сероватым мхом в виде широких фестонов. Мох этот, называемый испанской бородой, придает деревьям почти фантастический вид.

Рельеф почвы в этих лесах весьма причудлив — от небольших возвышенностей и холмов до углублений с застоявшейся водой, где обитают отвратительные аллигаторы, копошащиеся в зеленой тине, а в вонючем тумане, поднимающемся от воды, кружатся тучи комаров. За лесом расстилаются безбрежные равнины, однообразие которых приводит в отчаяние и нагоняет тоску. Реки, не имеющие названия, текут по этим неведомым просторам, унося черных лебедей, беспечно отдавших себя воле течения, между тем как розовые фламинго мелан-

холично застыли на берегу и лишь время от времени проворно суют нос в воду, чтобы поймать облюбованную ими рыбку.

Хотя пространство для обозрения весьма ограничено, порой сквозь внезапно открывшийся просвет можно увидеть разнообразные картины. Беспрерывный шум слышится в этих таинственных местах, величественные голоса пустыни, торжественный мир невидимых миров, созданных творцом.

Среди этих таинственных лесов обитают хищные звери и земноводные, которыми изобилует Мексика. Леса вдоль и поперек изрезаны тропинками, неведь когда проложенными ягуарами и бизонами, каждая из которых неизменно ведет к водопою.

Горе смельчаку, который отважится без надежного проводника вступить в сложный лабиринт громадных лесных массивов. После нескончаемых мук он рано или поздно сделается добычей хищных зверей. Сколько смелых первопроходцев бесславно окончили здесь свои дни! Только побелевшие кости, найденные у подножия дерева теми, кто шел по их следу, свидетельствовали о страшной участи их предшественников, которая, без сомнения, угрожала и им.

Возможно, незнакомец был одним из таких путешественников. Он оказался в лесной чаще в ту минуту, когда солнце, закатившись за горизонт, уступило место ночному мраку, совершенно непроглядному в густых зарослях леса.

Слегка пригнув голову, насторожив зрение и слух, незнакомец уверенно двигался вперед по причудливым извилинам звериной тропинки, след которой то и дело терялся в густой траве.

Уже несколько часов ехал он, не замедляя бега лошади и все дальше и дальше углубляясь в лес. Он переправился вброд через много рек, преодолел глубокие овраги, и на всем пути его неизменно сопровождал рык ягуаров и мяуканье тигровых кошек, словно следовавших за ним по пятам.

Его не тревожила близость хищников, он упорно двигался вперед, хотя с минуты на минуту это становилось все труднее, лес становился все более и более неприступным. Кусты и низкорослые деревья исчезли, уступив место гигантскому красному дереву, столетним дубам и кедром, мрачные ветви которых образовывали плотный

навес на высоте свыше двадцати пяти метров. Тропинка сделалась шире и плавно поднималась вверх к невысокому голому холму.

Подъехав к подножию холма, всадник остановился и, не сходя с лошади, внимательно огляделся по сторонам. Вокруг царила мертвая тишина. Голоса хищных зверей затихли вдали, слышалось только тихое журчание воды, просачивавшейся сквозь щели в скале и падавшей с высоты трех-четырёх метров. Темно-синее небо было усыпано мириадами ярких звезд, и луна, плывущая среди белых облаков, заливала серебряным светом холм, являвший собой поразительный контраст окружающей беспроглядной тьме.

Несколько минут незнакомец сохранял неподвижность, прислушиваясь к темноте, держа оружие наготове.

По-видимому убедившись, что вокруг все спокойно и ничто не нарушает ночной тишины, он хотел было сойти наземь, но вдруг его лошадь настороженно подняла голову, наострила уши и несколько раз глубоко втянула в себя воздух. И почти мгновенно послышался громкий треск ветвей, из-за деревьев совсем рядом со всадником выскочил великолепный лось, быстро пересек тропинку и исчез в темноте. Вскоре топот его копыт, едва касавшихся земли, покрытой сухими листьями, затих в лесной чаще.

Незнакомец направил лошадь вспять, к подножию холма. Он все еще внимательно вглядывался в лесные заросли, словно бдительный часовой. Добравшись до того места, где он решил остановиться, незнакомец легко спрыгнул с лошади и, укрывшись за ней, вскинул винтовку на плечо и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Буквально через несколько минут он различил шаги нескольких человек, направляющихся к тому месту, где он находился. Вероятно, незнакомец знал, кто эти люди, потому что вышел из своего укрытия, взял лошадь за узду и, опустив винтовку стволом к земле, уверенно направился им навстречу, хотя на губах у него мелькнула какая-то неопределенная улыбка.

Наконец ветви раздвинулись, и незнакомец увидел четверых мужчин, поддерживавших под руки едва державшуюся на ногах женщину. И, как это ни удивительно в здешних краях, люди эти, судя по одежде и цвету кожи, белые, передвигались пешком, у них не было лошадей.

Эти пятеро продолжали идти, не замечая присутствия незнакомца, который по-прежнему стоял неподвижно, следил за их приближением со смешанным чувством жалости и печали. Вдруг один из путников случайно поднял голову.

— Слава Богу! — радостно воскликнул он по-мексикански. — Наконец-то нам встретился человек. Значит, мы спасены!

Путники остановились, а тот, кто первым приметил всадника, поспешно приблизился к нему.

— Кабальеро, — обратился он к всаднику изысканнейшим образом, — позвольте просить вас о любезности, в которой обычно не отказывают в нашей ситуации: о помощи и покровительстве.

Всадник, прежде чем ответить, испытующе взглянул на незнакомца. Это был человек лет пятидесяти, с благородными чертами и изящными манерами. Хотя виски посеребрила седина, он был изящен и строен, а в черных глазах читался молодой задор. Изысканный костюм и непринужденность обращения свидетельствовали со всей очевидностью, что он принадлежит к сливкам мексиканского общества.

— За несколько минут вы, кабальеро, совершили две серьезные ошибки, — ответил всадник. — Во-первых, вы подошли ко мне вплотную без всяких предосторожностей. Во-вторых, совершенно не зная меня, вы просите моей помощи и покровительства.

— Я вас не понимаю, сеньор, — удивился мексиканец. — Разве люди не должны помогать друг другу?

— В цивилизованных странах — да, — с усмешкой продолжал всадник. — Однако в пустыне встреча с человеком почти всегда таит в себе опасность: ведь мы дикари.

Мексиканец не мог скрыть своего удивления.

— Итак, — сказал он. — Неужели вы не протянете руку помощи себе подобным и тем самым обречете их на гибель?

— Мне подобные, — возразил всадник с язвительной иронией, — хищные звери. Между вами и мною нет ничего общего, уйдите и оставьте меня в покое.

— Хорошо, — надменно проговорил мексиканец, — я не буду докучать вам более. Если бы дело касалось меня, я не стал бы просить вас ни о чем. Жизнь не настолько мне дорога, чтобы я пожелал ее продлить

способом, оскорбляющим мою честь, но с нами женщина, почти ребенок, моя дочь, которая нуждается в немедленной помощи и может умереть, если такая помощь не будет ей оказана.

Всадник ничего не ответил и отвернулся, словно ему было неприятно продолжать разговор. Мексиканец вернулся к своим спутникам, остановившимся у внешней кромки леса.

— Ну что? — спросил он, с беспокойством глядя на дочь.

— Сеньорита лишилась чувств, — печально ответил один из его спутников.

Мексиканец горестно вздохнул и несколько минут с волнением смотрел на дочь, потом вдруг, охваченный отчаянием, побежал к незнакомцу. Тот уже сидел в седле, собираясь уехать.

— Остановитесь! — вскричал мексиканец.

— Чего вы еще от меня хотите? — спросил незнакомец. — Дайте мне уехать и благодарите Бога, что наша неожиданная встреча в этом лесу не возымела для вас неприятных последствий.

В этих загадочных словах таилась угроза, которая не могла остаться незамеченной мексиканцем. И все-таки он не унимался.

— Невозможно, — горячо заговорил он, — чтобы вы были таким жестоким, как хотите выказать себя. Вы еще очень молоды, и ваше сердце не может быть столь бесчувственным и суровым.

Незнакомец рассмеялся каким-то странным смехом.

— У меня нет сердца, — сухо проговорил он.

— Заклинаю вас именем вашей матери, не бросайте нас!

— У меня нет матери.

— Ну, тогда именем существа, которое вы любите больше всего на свете.

— Я не люблю никого.

— Никого? — растерянно повторил мексиканец. — Если так, то я весьма сожалею, потому что вы должны очень страдать.

Незнакомец вздрогнул, лихорадочный румянец залил его лицо, но он тотчас же взял себя в руки.

— Теперь дайте мне уехать.

— Нет, прежде я должен узнать, кто вы.

— Кто я? Ведь я уже сказал. Хищный зверь, существо, имеющее человеческое обличье, но питающее ко всем людям лютую ненависть, которую ничто и никогда не способно будет утолить. Молите Бога, чтобы вам впредь не довелось встретить меня на своем пути. Я как ворон: один мой вид приносит несчастье. Прощайте!

— Прощайте! — печально прошептал мексиканец. — Да сжалится над вами Господь и да не накажет он вас за вашу жестокость!

В эту минуту до мексиканца донесся голос дочери, хотя и слабый, но нежный и мелодичный, как пение американского соловья:

— Батюшка! Мой добрый батюшка! Где вы? Не оставляйте меня!

— Я здесь, здесь, дочь моя! — крикнул в ответ мексиканец и поспешил на зов дочери.

При звуках этого мелодичного голоса незнакомец встре-пенулся, в его голубых глазах сверкнула молния, по спине пробежал холодок, и он схватился рукой за сердце, словно стараясь не дать ему выпрыгнуть из груди. Несколько секунд он пребывал в нерешительности, потом пришпорил лошадь и вскоре очутился рядом с мексиканцем.

— Чей это голос? — спросил он каким-то странным голосом, опуская руку на плечо мексиканца.

— Голос моей умирающей дочери, — в ответе мексиканца слышался горестный упрек.

— Умирает! — прошептал незнакомец с волнением. — Умирает она?

— Позвольте мне пойти к моей дочери.

— Батюшка! Батюшка! — продолжала звать девушка слабым голосом.

Незнакомец выпрямился. Лицо его вдруг приняло выражение непоколебимой воли.

— Она не умрет, — сказал он глухим голосом, — пойдемте.

Девушка неподвижно лежала на земле с закрытыми глазами: лицо ее покрывала смертельная бледность, только слабое, прерывистое дыхание и свидетельствовало о том, что в ней теплится жизнь. Окружавшие ее люди неотрывно глядели на нее с выражением глубокой печали, и крупные слезы орошали их загорелые щеки.

— О! — вскричал отец, упав на колени возле девушки и осыпая ее руку поцелуями, смешанными со слезами. — Я

отдам все свое состояние и саму жизнь тому, кто спасет мою дочь!

Незнакомец спрыгнул с лошади и несколько минут внимательно глядел на девушку. Затем обратился к мексиканцу.

— Какая болезнь поразила девушку? — спросил он.

— Ах! Болезнь неизлечимая: ее ужалила коралловая змея.

Незнакомец сурово нахмурил брови.

— Если так, то она неминуемо погибнет, — сказал он глухим голосом.

— Погибнет? О Боже! Нет, нет! Моя дочь! Моя любимая дочь!

— Да, если только... Сколько времени прошло с тех пор?

— Нет еще часа.

Лицо незнакомца просветлело, но он продолжал молчать.

Между тем сгрудившиеся вокруг него мексиканцы с тревогою и нетерпением ждали, что он скажет.

— Менее часа? Тогда ее еще можно спасти.

Мексиканец облегченно вздохнул.

— Вы уверены в этом? — спросил он.

Незнакомец пожал плечами:

— Я ручаюсь только в одном — сделаю все возможное и даже невозможное, чтобы вернуть вам дочь.

— О, спасите ее! Спасите! — умолял несчастный отец. — Кто бы вы ни были, я буду благословлять вас до конца своих дней!

— В этом нет никакой необходимости, — сухо сказал незнакомец. — Не ради вас попытаюсь я спасти этого ребенка. Впрочем, каковы бы ни были причины, побуждающие меня к этому, я избавлю вас от какой бы то ни было благодарности...

— Вполне возможно, что вы говорите искренне, но...

— Довольно! — резко оборвал его незнакомец. — Мы и так уже потеряли много времени на пустые слова. Поспешим, пока не поздно.

Все сразу умолкли, а незнакомец осмотрелся вокруг.

Мы упомянули, что мексиканцы расположились у кромки леса. Незнакомец стал разглядывать деревья, оказавшиеся снаружи, переходя от одного к другому, ища какое-то определенное и, видимо, не находя. Наконец он радостно вскрикнул, что означало — нашел! Достал из-за

голениища нож и, срезав ветку лианы, поспешил к мексиканцам, с беспокойством следившим за ним.

— Возьмите, — сказал он одному из них, казавшемуся пеоном, — снимите все листья с этой ветки и тщательно изрубите их. Только поторопитесь, сейчас дорога каждая секунда.

Пеон немедленно приступил к делу. А незнакомец тем временем обратился к отцу девушки:

— В каком месте укус?

— Чуть ниже левой лодыжки.

— Ваша дочь смелая?

— Какое это имеет отношение к делу?

— Отвечайте, время не ждет.

— Бедняжка ужасно изнурена и очень ослаблена.

— И все-таки придется делать операцию.

— Операцию? — с ужасом воскликнул мексиканец.

— Вы предпочитаете, чтобы она умерла?

— А без операции нельзя обойтись?

— Нет, к тому же мы и так потеряли уже много времени.

— Тогда делайте. Да поможет вам Бог!

Нога девушки ужасно распухла и на месте укуса приобрела зеленоватый оттенок.

— О! — пробормотал незнакомец. — Теперь держите девушку крепче, чтобы я ее не поранил.

Незнакомец повелевал так внушительно, что мексиканцы безоговорочно ему повиновались. Он сел на землю, положил ногу девушки себе на колено и вооружился ножом. К счастью, луна светила ярко и все было видно, как днем.

Незнакомец принял сосредоточенный вид и решительно твердой рукой сделал крестовидный надрез на месте укуса. Девушка при этом громко вскрикнула и задержалась всем телом.

— Держите ее, ради Бога! — сердито взревел незнакомец, одновременно хладнокровно и с необычайной ловкостью выжимая из раны черную густую жидкость. — А теперь листьев! Листьев!

Пеон был тут как тут. Незнакомец зажал листья в кулак и стал старательно выжимать сок в рану, потом наложил листья на рану, подобно пластырю, и осторожно опустил ногу девушки на землю.

Едва сок лианы попал в рану, девушка почувствовала облегчение, нервные спазмы прекратились, мало-помалу

она успокоилась и, прекратив сопротивление, закрыла глаза.

— Теперь можете ее не держать, — сказал незнакомец, — она уснула.

Действительно, размеренное, хотя и очень слабое, дыхание девушки свидетельствовало о ее глубоком сне.

— Слава Богу! — восторженно воскликнул вконец истрадавшийся отец. — Теперь ей ничто не угрожает, не правда ли?

— Да, — медленно проговорил незнакомец, — если не возникнет какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, опасаться более нет оснований.

— Но какое необыкновенное средство употребили вы для исцеления моей дочери?

Незнакомец презрительно улынулся и, по-видимому, не собиравшись отвечать, однако после некоторого колебания, быть может, поддавшись тайному тщеславию, которое порой побуждает человека действовать вопреки его воле, он вдруг заговорил.

— Подобные пустяки приводят вас, жителей городов, в восторг, — сказал он с иронией. — Человек, вся жизнь которого прошла в пустыне, знает много такого, о чем понятия не имеют обитатели ваших великолепных городов. Хотя они всячески стараются показать нам, бедным дикарям, свое ложное знание, с единственной целью нас унижить. Природа не скрывает тайн от тех, кто непрерывно, будь то в непроглядной тьме ночи или при свете дня, терпеливо и не впадая в отчаяние от неудач, постигает ее таинственную гармонию. Великий Творец, создав эту огромную вселенную, выпустил ее из своих могущественных рук только тогда, когда добро повсюду перевесило зло, поместив, так сказать, противоядие рядом с ядом.

Мексиканец слушал со всевозрастающим удивлением этого человека, который был для него загадкой и который каждую минуту представлял перед ним в новом свете.

— Но, — продолжал незнакомец, — гордыня и самонадеянность делают человека слепым. Привыкнув все примерять к себе, воображая, что все существующее в мире создано исключительно для его удобства, он желает познать тайны природы только тогда, когда они — тайны — могут сослужить ему добрую службу. Возьмем хотя бы ваши нынешние обстоятельства. Место, в котором мы находимся, низменное и болотистое, естествен-

но, должно кишеть змеями, тем более, что жгучие лучи солнца делают их буквально бешеными. Однако мудрая природа предусмотрительно одарила именно эти места особой породой лианы, называемой микания, которая служит надежным лекарством от укусов змей.

— Я собственными глазами видел чудодейственное это средство. Но каким образом люди об этом узнали?

Незнакомец охотно рассказал:

— Лесной наездник однажды заметил, как черный сокол, более известный здесь как гвако, питающийся главным образом змеями, вцепился в свою жертву, но, видимо, не рассчитал силы: змея ужалила его. Тогда сокол, оставив змею, полетел к лиане и стал клевать ее листья; наклевавшись вдоволь, сокол вернулся к своей жертве и продолжал сражаться до полной победы.

Лесной наездник был человек умный и знал по опыту, что животные, лишенные разума, находятся под особым покровительством Господа, и решил испытать средство на себе.

— И он осуществил свое намерение? — поинтересовался мексиканец.

— Конечно, он дал себя ужалить коралловой змее, самой опасной из всех, но благодаря микании укус оказался не более опасным, чем укол колючки шиповника. Вот каким образом было найдено это драгоценное лекарство. Но, — добавил незнакомец, вдруг переменив тему, — я исполнил ваше желание и помог вашей дочери, она спасена. Прощайте. Мне пора.

— Прежде назовите свое имя.

— К чему?

— Я хочу сохранить в памяти имя человека, к которому до конца своих дней буду питать признательность и благодарность.

— Вы с ума сошли! Мне не к чему называть свое имя. Может быть, вы и без того слишком скоро узнаете его.

— Хорошо, я не смею настаивать, неважно, какие причины вынуждают вас действовать подобным образом. И не стану пытаться искать встречи с вами, коль скоро вы этого не желаете. Однако я хотел бы назвать вам свое имя. Я — Педро де Луна. Хотя до сих пор я никогда не углублялся так далеко в степь, мое поместье Лас-Нориас де Сан-Антонио находится на границе Деспобладос, возле устья реки Сан-Педро.

— Я знаю поместье Лас-Нориас де Сан-Антонио. Его владелец, по вашим городским меркам, должен быть одним из счастливцев мира сего. Я вовсе не завидую вашему богатству, оно мне ни к чему. Теперь вы мне все сказали, не правда ли? Прощайте!

— Как прощайте? Вы нас покидаете?

— Конечно. Неужели вы думали, что я буду здесь с вами всю ночь?

— Я надеялся, по крайней мере, что вы доведете дело до конца.

— Я вас не понимаю, кабальеро.

— Неужели вы бросите нас без всякой надежды выбраться отсюда и мою несчастную дочь, которая погибла бы здесь без вашего участия?

Незнакомец молча хмурил брови, изредка поглядывая на девушку. Чувствовалась происходившая в нем внутренняя борьба. Он молчал, видимо не зная, как ему поступить.

— Послушайте, — сказал он наконец прерывистым голосом. — Я буду с вами откровенен. Я никогда не умел лгать. У меня неподалеку жалкая хижина, служащая мне жилищем, но, поверьте, вам лучше остаться здесь, чем следовать за мною.

— Почему? — удивился мексиканец.

— Я не обязан давать вам объяснения на этот счет, только, повторяю, послушайте меня и останьтесь здесь. Но, если вы непременно хотите следовать за мною, я противиться не стану, а, напротив, буду вам надежным проводником.

— Разве нам угрожает опасность под вашим кровом? Я не могу предположить такое. Гостеприимство в степи священо.

— Может быть. Я не скажу вам ни да, ни нет, решайте сами, только поскорее, потому что я спешу.

Дон Педро де Луна бросил горестный взгляд на дочь, потом, обернувшись к незнакомцу, сказал:

— Что бы ни случилось, я последую за вами. Моя дочь не может оставаться здесь, под открытым небом. Вы спасли ее, я на вас полагаюсь, укажите дорогу.

— Хорошо. Я вас предупредил.

Теокали

Как мы видели, незнакомец основательно колебался, прежде чем предложить убежище дону Педро и его дочери, при том, что оставаться в лесу ночью было опасно: в любую минуту они могли стать добычей хищных зверей. Когда же он все-таки на это решился, он поспешил немедленно покинуть это место, где произошла его встреча с мексиканцами. Теперь он с беспокойством оглядывался по сторонам, взгляд его все чаще и чаще обращался к вершине холма, как будто он страшился увидеть там нечто ужасное.

Между тем девушка спала глубоким сном, столь целесообразным для нее после всего пережитого, и будить ее было неразумно. Поэтому с помощью пеонов дона Педро незнакомец нарезал древесных ветвей, соорудил носилки и, устелив их листьями, накрыл одеялами, чтобы молодой госпоже было удобно лежать. Когда все было готово, девушку очень осторожно подняли и уложили на носилки.

Из трех спутников дона Педро двое были пеоны, или слуги-индейцы, третий — управляющий поместьем.

Управляющий был ростом чуть выше среднего, широкоплеч, со слегка кривыми ногами от постоянной езды верхом, худощав — кости да кожа, под которой отчетливо проступали крепкие мускулы. Человека этого, которому на вид было лет сорок пять, звали Лючиано Педральва, он был предан душою и телом своему господину, роду которого его предки служили почти двести лет.

Его дубленое солнцем и ветром лицо носило печать ума и деликатности, а черные, широко открытые глаза выражали энергию и отвагу. Дон Педро безгранично до-

верял этому человеку, которого он считал скорее другом, нежели слугою.

Носилки должны были нести пеоны, а дон Педро и Лючиано шли по разные стороны носилок, чтобы отстранять ветви деревьев и лиан. По молчаливому знаку незнакомца, восседавшего на лошади, процессия медленно пустилась в путь.

Вместо того чтобы вернуться в лес, незнакомец продолжал двигаться к холму, и вскоре они достигли его подножия, где начиналась узкая тропинка, плавно поднимавшаяся вверх. Вот по этой тропинке и повел их незнакомец.

Мексиканцы следовали за ним на расстоянии десяти или пятнадцати шагов. Вдруг на повороте дороги, за которым уже исчез проводник, мексиканцы услышали пронзительный свист и невольно остановились, не зная, идти вперед или возвращаться назад.

— Что это значит? — прошептал дон Педро с беспокойством.

— Несомненно, тут что-то не так, — ответил Лючиано, с беспокойством оглядываясь по сторонам.

Но, кажется, ничто им не угрожало. Однако через несколько минут с разных сторон откуда-то издалека донеслись точно такие же свистки, очевидно служившие ответом на первый.

В эту минуту появился незнакомец. Лицо его было бледно, движения порывисты. Он пребывал в сильном волнении.

— Вы сами этого хотели, — сказал он. — Я умываю руки, что бы ни случилось.

— Скажите, по крайней мере, какая опасность нам угрожает? — спросил дон Педро.

— Разве я знаю? — воскликнул незнакомец, с трудом сдерживая рвущийся наружу гнев. — Вам что, будет легче оттого, что вы узнаете? Вы не хотели мне верить. Теперь просите помощи у Бога, потому что вы никогда не встречались с такой опасностью, которая нависла над вами теперь.

— Ну почему вы все время говорите загадками? Ведь мы — мужчины, в конце концов, и, как бы ни велика была грозящая нам опасность, мы сумеем встретить ее достойно.

— Вы сошли с ума! Разве один человек справится с

сотней? Вы неминуемо погибнете. Но вы должны винить в этом самого себя, вы сами захотели войти в берлогу Тигровой Кошки.

— О! — вскричал мексиканец с ужасом. — Какое имя вы произнесли?!

— Имя человека, в руках которого вы сейчас оказались.

— Как! Тигровая Кошка, этот страшный разбойник, на счету которого бесчисленные преступления, который постоянно держит в страхе всю округу и наделен, как говорят, дьявольским могуществом, — это чудовище недалеко отсюда?

— Да, и предупреждаю вас, будьте осторожны. Вполне возможно, что он сейчас нас слышит, оставаясь невидимым и для вас, и для меня.

— Это уже не имеет значения! — воскликнул дон Педро. — Моя несчастная судьба теперь во власти этого демона, и мне нечего больше бояться, потому что он безжалостен и моя жизнь больше мне не принадлежит.

— Откуда вы это знаете, сеньор дон Педро де Луна? — услышал он насмешливый голос.

Мексиканец вздрогнул и невольно попятился назад.

Тигровая Кошка, прыгая с проворством животного, имя которого он носил, скатился с вершины высокой скалы, нависшей над тропинкой, и легко приземлился в двух шагах от мексиканца.

Воцарилось напряженное молчание. Два человека, стоявшие лицом к лицу с горящими глазами и стиснутыми зубами, с любопытством разглядывали друг друга.

Мексиканец впервые воочию видел этого страшного человека, наводившего ужас на всю округу, вплоть до самых отдаленных селений, вот уже тридцать лет. Мы в нескольких словах опишем внешность этого человека, которому суждено сыграть важную роль в нашем повествовании.

Тигровая Кошка был высок и широкоплеч, руки и ноги с сильно развитыми мускулами, при том, что лучшая половина его жизни миновала, свидетельствовали о незаурядной силе. Длинные волосы, белые как снег, в беспорядке рассыпались по плечам и сливались с покрывавшей грудь такой же седой бородой. Широкий и открытый лоб, глаза с пронзительным взглядом из-под нависших бровей. Короче, у него была внешность типичного обитателя пустыни, высо-

кого, сильного, величественного и неумолимого. Хотя лицо его от постоянного пребывания на солнце и на ветру сделалось кирпичного цвета, в нем безошибочно угадывалась принадлежность к белой расе.

Костюм его представлял собой нечто среднее между костюмами мексиканцев и краснокожих, то есть, хотя он носил шерстяную полосатую накидку, его мокасины, ярко изукрашенные разноцветными стеклышками и погремушками, свидетельствовали о принадлежности к индейцам, обычаям и образу жизни которых он следовал уже давно. Широкий нож, топорик, мешок с дробью и пороховница были прилажены к кожаному поясу, крепко стягивавшему его бедра.

И что особенно удивляло, так это орлиное перо, воткнутое в волосы над правым ухом, как будто этот человек высказывал притязание на роль начальника индейского племени. Наконец, в руке у него была винтовка с изящной серябряной насечкой.

Вот как выглядел человек, которого и белые охотники, и краснокожие прозвали Тигровой Кошкой.

И внешность его вполне оправдывала это имя, тем более если считать достоверными ходившие о нем слухи.

Однако мы не станем далее распространяться об этом странном человеке. Мы убеждены, что красноречивее всяких слов расскажут о нем последующие события.

Оправившись от растерянности, вызванной внезапным появлением Тигровой Кошки, дон Педро холодно ответил:

— Вы, кажется, знаете меня лучше, чем я вас. Однако, если справедлива половина слышанного мною о вас, я должен предположить, что со мной вы поступите так же, как обычно поступаете со всеми несчастными, попадающими вам в руки.

Тигровая Кошка насмешливо улыбнулся:

— А вы боитесь?

— Лично я не боюсь, — презрительно ответил дон Педро.

— А эта девушка? — продолжал Тигровая Кошка, кивнув в сторону носилок.

Мексиканец вздрогнул, смертельная бледность покрыла его лицо.

— Вы не ведаете, что говорите. Даже ярость свирепых индейцев смягчается при виде слабой женщины.

— Но ведь городские жители считают меня свирепее

краснокожих и даже хищных зверей, — сказал Тигровая Кошка опять с усмешкой.

— Достаточно, — надменно возразил дон Педро. — Если я, несмотря на серьезные предостережения, имел безрассудство отдаться в ваши руки, делайте со мною, что хотите, но избавьте меня от необходимости слушать ваши речи.

Тигровая Кошка нахмурился, с досадой ударил винтовой по земле, пробормотав что-то невнятное, однако почти тотчас же лицо его приняло свое обычное бесстрастное выражение, и совершенно спокойным тоном он сказал:

— Помните, в самом начале нашего разговора, который вам так не нравится, кабальеро, я спросил вас, откуда вы это знаете?

— Ну что же? — спросил мексиканец, удивленный такой странной переменной в своем собеседнике.

— Я повторил эту фразу не за тем, как вы, может быть, предполагаете, чтобы вас поддразнить, а просто чтобы выслушать ваше откровенное мнение о себе.

— Я полагаю, что мое мнение вас мало интересует.

— Может быть, более, чем вы думаете, поэтому прошу вас, отвечайте.

Мексиканец с минуту молчал. Тигровая Кошка не сводил с него пытливого взгляда.

Что же касается охотника, который вопреки собственной воле согласился служить проводником дону Педро, то он с любопытством следил за происходящим. Прекрасно зная характер Тигровой Кошки, он ничего не понимал и только мысленно представлял себе трагедию, которой неизбежно кончится притворное его добродушие. Дон Педро же совсем иначе оценивал происходящее. Возможно, он ошибался, но ему слышалась искренность в голосе собеседника.

— Если вы непременно того желаете, — сказал он, — извольте, я отвечу вам откровенно. Я думаю, что сердце ваше не столь жестоко, как вы стараетесь показать, и что в душе вы испытываете от этого горечь, потому что, несмотря на гнусные поступки, в которых вас обвиняют, вы воздержались от многих жестоких злодеяний, несмотря на безжалостную свирепость, которую вам приписывают.

Тигровая Кошка сделал нетерпеливое движение.

— Не прерывайте меня, — живо продолжал мексиканец. — Я знаю, что поступаю опрометчиво, но вы требо-

вали от меня откровенности. В большинстве случаев счастливая или несчастливая судьба человека зависит от него самого. И вам не удалось избежать общей участи. Обладая сильным характером, обуреваемый страстями, вы, вместо того, чтобы стараться преодолеть их, отдались их воле и, падая и падая все ниже, достигли той степени, на которой теперь находитесь. Однако не все добрые чувства умерли в вас.

Презрительная улыбка мелькнула на губах старого разбойника.

— Не улыбайтесь, — продолжал мексиканец. — Вопрос, который вы мне задали, свидетельствует о том, что вы ненавидите общество, отвергнувшее вас, и вместе с тем хотите знать его мнение о вас. Почему? Я вам сейчас скажу. Потому что, быть может, вопреки вашей воле, чувство справедливости, которым Господь наделил каждого человека, вызывает в вашей душе протест против всеобщего проклятия, тяготеющего над вашим именем. Вы стыдитесь самого себя. Человек, осознавший это, сколь бы порочен он ни был, близок к раскаянию. И заданный вами вопрос — это предвестник раскаяния.

Хотя дон Педро умолк, Тигровая Кошка как будто все еще прислушивался к его словам, но вдруг, гордо вскинув голову, обвел насмешливым взглядом окружавших его людей и залился сухим нервным смехом, который может быть уподоблен лишь смеху гётевского Мефистофеля. Смех этот был неприятен мексиканцу, он понял, что дурные инстинкты партизана одержали верх над добрыми мыслями, которые на одно мгновение как будто шевельнулись в его душе. Через минуту лицо Тигровой Кошки снова обрело холодную суровость.

— Хорошо! — воскликнул он с показной веселостью, которая, однако, не обманула дона Педро. — Я ожидал нравоучений и вижу, что не ошибся. Но, рискуя упасть в вашем мнении, или, точнее, позволить вам уверовать в правильности ваших суждений обо мне, я хочу, чтобы вы вернулись в Лас-Нориас де Сан-Антонио, не только не потеряв ни единого волоска на голове, но еще и удостоившись моего хорошего приема. Такое мое решение вас удивляет, не правда ли? Вы этого не ожидали?

— Напротив, я именно это и предполагал.

— Вот как? — удивился разбойник. — А если я предложу вам гостеприимство в моем доме, вы не откажетесь?

— Почему же, если это предложение искренне?

— Даю вам слово, что ни вы, ни сопровождающие вас лица не должны ничего опасаться.

— Хорошо, — сказал дон Педро, — я следую за вами.

Однако незнакомец, с возрастающим беспокойством следивший за беседой, бросился к мексиканцу и схватил его за руку:

— Остановитесь! Остановитесь! Не верьте притворной доброжелательности этого человека. Он готовит вам ловушку. В его словах таится коварство.

Тигровая Кошка выпрямился и, бросив на молодого человека презрительный взгляд, величественным тоном изрек:

— Ты бредишь, мальчик. Этому человеку не грозит никакая опасность. Я многим пренебрегаю на этом свете, но есть нечто, что я свято чту и в чем я никогда и никому не дал оснований усомниться. Это мое слово. Пустите же нас. Девушка, которую ты спас от смерти, еще очень слаба, она нуждается в уходе, которого ты не в состоянии ей обеспечить.

Незнакомец вздрогнул. Мрачный огонь сверкнул в его голубых глазах, он уже собирался было что-то сказать, однако промолчал и, понурившись, с затаенным гневом в душе отошел в сторону.

— К тому же, — невозмутимо продолжал Тигровая Кошка, — при всей той силе, которой ты обладаешь в других частях пустыни, здесь, как ты знаешь, господствую я, и здесь моя воля — закон. Предоставь же мне действовать по собственному усмотрению и не прибегать к средствам, мне неприятным. Мне достаточно только подать знак, и твоя безмерная гордыня будет укрощена.

— Хорошо, — глухо отозвался молодой человек, — я знаю, что не в силах что-либо сделать, но обращайтесь осторожно с этими людьми. Они находятся под моим покровительством, и в случае чего я сумею за них отомстить.

— Да, да, — грустно сказал Тигровая Кошка, — я знаю, что ты не колеблясь отомстишь даже мне, если решишь, что имеешь на то основания. Но мне все равно, поскольку здесь всем распоряжаюсь я.

— Я последую за вами в ваше логовище. Не думайте, что я оставлю этих людей в ваших руках.

— Хорошо, я не возражаю и, более того, приветствую твое присутствие.

Незнакомец презрительно улыбнулся, но промолчал.

— Пойдемте, — продолжал Тигровая Кошка, обращаясь к мексиканцу.

Маленький караван тронулся в путь, ведомый Тигровой Кошкой, рядом с которым шагал мрачный незнакомец — проводник мексиканцев.

После нескольких поворотов тропинки, становившейся все круче, так что мексиканцы поднимались на нее с трудом, Тигровая Кошка обернулся к мексиканцу и самым небрежным тоном заметил:

— Прошу извинить, что я вас веду по таким дурным дорогам. К несчастью, другой дороги к моему жилищу нет. Впрочем, мы уже совсем близко.

— Но я не вижу никаких признаков жилья, — ответил дон Педро.

— Это правда, — сказал Тигровая Кошка, улыбаясь. — Однако нам осталось пройти каких-нибудь сто шагов, и, уверяю вас, мое жилище способно не только вместить всех нас, но и в десять раз больше народу.

— Если только ваше жилище не в подземелье, что предположить весьма трудно, я не могу себе представить, где оно может находиться.

— Вы почти угадали. Я живу не в подземелье в полном смысле этого слова, но все-таки в убежище, находящемся в недрах земли. Однако те немногие лица, которые там побывали, остались здоровы и невредимы. Так что опасаться вам нечего.

— Тем хуже, — ответил мексиканец, — тем хуже для них, а особенно для вас.

Тигровая Кошка нахмурился.

— Послушайте, — сказал он, приняв опять небрежный и беззаботный вид. — я перестану говорить загадками, слушайте, это очень интересно. Когда ацтеки вышли из Атцтлана, то есть из Соколиной земли, и отправились на завоевание Анахуака, или страны междуводной, им предстояло предпринять длительную экспедицию. Она длилась несколько столетий. Время от времени они устраивали себе передышку и на месте таких остановок основывали города, в которых прочно оседали на длительное время. То ли потому, что они намеревались остаться в этих поселениях навсегда, то ли чтобы запечатлеть свое пребывание в пустынной стране для потомков, они строили пирамиды. Вот почему так много развалин встречается на мексиканской

земле, в том числе и теокали^{*}, последние следы исчезнувшего мира. Эти теокали, неподвластные времени, вросли в землю и так слились с ней, что порой бывает трудно их узнать. Впрочем, вот смотрите, холм, на который мы сейчас выбираемся, не что иное, как ацтекский теокали.

— Теокали! — с удивлением воскликнул дон Педро.

— Боже мой! — продолжал Тигровая Кошка. — Сколько он существует! Однако природа взяла свое, она вернула себе права на эти земли и ацтекский теокали превратила в зеленый холм. Вы, без сомнения, знаете, что теокали пусты внутри?

— Да, — ответил мексиканец.

— В недрах этого теокали я основал свое жилище. Но вот мы и пришли. Позвольте мне пройти вперед и указать вам дорогу.

Действительно, наши путешественники дошли до грубого портика древней постройки, который вел в подземелье, где царствовала глубокая темнота, не позволявшая судить о его размерах. Тигровая Кошка свистнул, и немедленно вспыхнул яркий свет.

— Пойдемте, — пригласил партизан, идя впереди, указывая дорогу.

Дон Педро не колеблясь приготовился следовать за ним, сделав, однако, своим спутникам знак быть начеку. И, словно прочитав мысли мексиканца, незнакомец быстро наклонился к нему и чуть слышно прошептал:

— Остерегайтесь, вы входите в логовище тигра. — И быстро отошел, как будто опасаясь, что это не укроется от внимания Тигровой Кошки. Но хорош или дурен был этот совет, последовал он слишком поздно. Колебание было непростительным, а побег невозможен.

Со всех сторон, как бы по волшебству, на скалах появились мрачные силуэты множества людей, неслышно, а главное — непонятно откуда появившихся. Итак, мексиканцы с замирающим сердцем вошли в страшное логовище.

Подземелье было довольно обширным, с высокими стенами. В глубине его помещалась ротонда, в центре которой был зажжен огромный костер. От ротонды отходили четыре длинных коридора. Тигровая Кошка, все так же ведя за собой мексиканцев, направился в один из этих ко-

* Теокали — мексиканский храм.

ридоров. Остановившись перед дверью, сплетенной из тростника, он сказал:

— Вот здесь вы можете располагаться. В вашем распоряжении две комнаты, не сообщающиеся с другими частями подземелья. Я распоряжусь, чтобы вам принесли еду, дров для костра и факелы для освещения.

— Благодарю вас за внимание, которого я, признаться, не ожидал, — ответил дон Педро.

— Почему же? Неужели вы думаете, что при желании я не сумею оказать гостеприимства, подобающего мексиканскому?

— О!.. — дон Педро торопливо замахал рукой.

— Словом, вы мои гости на эту ночь. Спите спокойно, никто не нарушит ваш сон. Через час я пришлю человека с лекарством. До завтра!

Поклонившись изящно и непринужденно, чего дон Педро никак не ожидал от подобного человека, Тигровая Кошка простился и ушел. Несколько минут его шаги слышались под мрачными сводами коридора, потом затихли. Мексиканцы остались одни. Дон Педро решил тогда войти в отведенные ему комнаты.

Поверхностные сведения

Что бы ни говорили некоторые несведущие авторы, ачиенды испанской Америки вовсе не майораты, а всего лишь большие земледельческие фермы, как ясно следует из их названия. Эти поместья, разбросанные на большом расстоянии одно от другого и окруженные обширными землями, по большей части необитаемыми, располагаются обычно на вершине крутого холма в таком месте, которому легко обеспечить защиту.

Так как собственно ачиенда, то есть дом владельца, составляет центр колонии и включает в себя конюшни, многочисленные надворные постройки, хранилища, жилье для пеонов и капеллу, она окружена высокой и толстой стеной и рвом с внешней стороны, чтобы служить надежной защитой от нападения.

В таких поместьях обычно проживает шестьсот-семьсот человек разного ремесла. Земли, принадлежащие такому поместью, нередко превышают размеры целого департамента во Франции.

В поместьях, как правило, много лошадей и волов, пасущихся на свободе в лугах под присмотром пеонов и вакеров, таких же неукротимых, как и животные.

Поместье Лас-Нориас де Сан-Антонио, то есть колодезь св. Антония, возвышалось на вершине холма, поросшего лесом, сквозь густую листву которого кое-где проглядывала матовая белизна высоких стен, украшенных менасами, то есть зубцами определенной формы, по которым угадывалось благородство происхождения владельца поместья.

Действительно, дон Педро де Луна принадлежал к роду

первых испанских завоевателей и в крови его предков не было ни единой капли индейской крови.

Хотя после объявления независимости старые обычаи начали утрачивать свою силу, дон Педро де Луна гордился своим благородным происхождением и дорожил своими альменасами, которые имели право себе позволить одни только дворяне во время испанского владычества.

С того момента, как в свите Фернанда Кортеса, знаменитого авантюриста, Лопес де Луна ступил ногою в Америку, состояние этой семьи, до той поры очень бедной — у дона Лопеса не было ничего, кроме шляпы и шпаги, — стало быстро расти и вскоре достигло невероятных размеров. Семья достигла такого благоденствия, что впоследствии уже ничего не могло его уменьшить, и дон Педро де Луна, истинный представитель этого древнего рода, уже обладал богатством, размеры которого он не мог даже определить. Богатство это еще более преумножилось за счет владений донна Антония де Луна, его старшего брата, исчезнувшего двадцать пять лет назад во время событий, к которым мы еще вернемся.

Полагали, что он трагически погиб в пустыне или, что еще более вероятно, попал в руки апачей, этих неумолимых врагов белых, с которыми они непрестанно ведут ожесточенную войну.

Словом, дон Педро был единственным представителем своего рода и состояние его не поддавалось исчислению. Кстати, не будучи в Мексике, невозможно представить себе размеры богатства, накопленного землевладельцами. Если бы они занялись подсчетами, то обнаружили бы, что они в пять или шесть раз богаче самых крупных европейских капиталистов.

Казалось бы, судьба всячески благоволит к богатому землевладельцу, и он наслаждается безоблачным счастьем, однако изрезанный глубокими морщинами лоб дона Педро, печальная строгость лица, отчаяние во взгляде, обращенном к небу, наводили на мысль, что он отнюдь не так безгранично счастлив, как это может показаться со стороны, что его терзает какая-то тайная тоска, с годами становившаяся все более тягостной.

Что же так глубоко печалило дона Педро?

Мексиканцы — самые забывчивые и беззаботные люди на свете. Это во многом объясняется условиями, в кото-

рых они живут, в том числе и удивительно переменчивым климатом. Мексиканец живет на вулкане, земля постоянно дрожит у него под ногами, поэтому он стремится жить сегодняшним днем. Вчера для него не существует уже сегодня, а завтра может не наступить. Единственное, что реально для него существует, это — сегодня.

Жители ачиенды Лас-Нориас, непрерывно подвергавшиеся набегам краснокожих, непрерывно занятые защитой от нападения и грабежа, были еще более забывчивыми, чем их соотечественники в отношении прошлого, совершенно их не интересовавшего. Следовательно, тайна печали дона Педро, если только такая тайна существовала, принадлежала ему одному. А так как он никогда не жаловался, никогда не рассказывал о ранних годах своей жизни, то трудно было даже высказать какие-то предположения, а поэтому никто ничего не знал.

Единственное существо было способно разгладить морщины на лбу дона Педро и вызвать мимолетную улыбку на его устах — его дочь.

Пятнадцатилетняя донна Гермоза была редкостная красавица. Агатые дуги бровей, словно начертанные кистью, подчеркивали прелесть лба матовой белизны, большие голубые задумчивые глаза, опущенные длинными ресницами, контрастируя с черными, как эбеновое дерево, волосами, локонами ниспадавшими на нежную шею, вызывали ощущение удивительной гармонии.

Маленького роста, как все знатные испанки, она отличалась необычайно гибким станом. Эта восхитительная девушка излучала радость и веселье, а ее звонкий голосок звучал в ачиенде с утра до вечера, соперничая с голосами птиц.

Дон Педро боготворил свою дочь, он любил ее беспрдельно, что может быть понято только отцами, в полной мере заслужившими право так называться.

Гермоза, выросшая в ачиенде, лишь изредка и ненадолго появлялась в больших городах и была чужда городских обычаев. Привыкнув жить как вольная птичка и размышлять вслух, она была до крайности откровенна и наивна. Все обитатели ачиенды, о которых она трогательно заботилась, обожали ее. Но, живя в этой отдаленной провинции, привычная к грозным кличам краснокожих, а то и являясь свидетельницей кровавой резни, она рано свыклась с постоянно угрожавшей их ачиенде опасности,

демонстрируя мужество и душевную силу, которых никак нельзя было заподозрить в этом слабом существе. Сила, которую ощущали все соприкасавшиеся с ней, была необъяснима и удивительна. Поэтому все безоговорочно подчинялись ее обаянию и были готовы даже пожертвовать ради нее жизнью.

Несколько раз нападавшие на ачиенду апачи и команчи, будучи ранеными, оказывались в руках мексиканцев. Донна Гермоза не позволяла дурно обращаться с этими несчастными, приказывала старательно ухаживать за ними, а потом, когда они выздоравливали, возвращала им свободу. В результате краснокожие мало-помалу отказались от нападения на ачиенду, и девушка в сопровождении всего лишь одного человека, с которым мы скоро познакомим читателя, безбоязненно отправлялась на дальние прогулки верхом по степи и часто, влекомая азартом, уезжала далеко от ачиенды, а индейцы при этом не только не мешали ее прогулке, а, напротив, из чувства суеверного благоговения, оставаясь невидимыми, старались всячески обеспечить ее безопасность.

Краснокожие, с присущей им поэтичностью, звали ее Белой Бабочкой, такой легкой и нежной она им казалась, когда скакала по высокой траве, едва сгибавшейся под тяжестью ее тела.

Чаще всего девушка направлялась к одинокому домику неподалеку от ачиенды. В домике этом, выстроенном в живописном месте, окруженном старательно возделываемыми землями, жила женщина лет пятидесяти с сыном, статным красавцем двадцати пяти лет, с гордым взором и с пылким сердцем, которого звали Эстеван Диас.

Тетушка Мануэла — так звали старушку — и Эстеван питали к девушке чувства искренней дружбы и преданности, Мануэла была кормилицей донны Гермозы и потому считала ее почти дочерью, так велика была ее к ней привязанность. Эта женщина принадлежала к той категории слуг, которая навсегда исчезла в Европе, они как бы являются членами семьи, и господа воспринимают их скорее как друзей, нежели слуг.

В сопровождении Эстевана Гермоза совершала длительные прогулки, о которых мы упомянули выше. Это постоянное пребывание пятнадцатилетней девушки наедине с двадцатипятилетним мужчиной, которое в наших странах, так лицемерно добродетельных, показалось бы

неприличным, было совершенно естественным в глазах обитателей ачиенды, знавших глубокое почтение и верную дружбу, питаемые Эстеваном к его молодой госпоже, которую в детстве он держал на коленях и помогал ей учиться ходить.

Гермоза, с присущим ей весельем и шаловливостью, находила удовольствие в обществе Эстевана, над которым она подшучивала без опасения вызвать его недовольство и тем более гнев.

Дон Педро относился к Мануэле и ее сыну дружески и с величайшим доверием. Уже два года назад поручил он Эстевану важную должность мажордома, которую он делил, по причине обширности земель, с Лючиано Педральвой.

Эстеван Диас и его мать были после хозяина самыми главными лицами в ачиенде, где не только в силу их положения, но и доброго нрава они пользовались всеобщей любовью и уважением.

Мексиканские землевладельцы, земельные владения которых необычайно велики, имеют обыкновение время от времени совершать объезды своих владений, которые, по бытующему в Южной Америке выражению, способствуют богатому урожаю и тучности скота. Дон Педро ежегодно совершал объезд своих земель, и работники с нетерпением ждали прибытия господина, которое, хотя бы на короткий срок, облегчит их тяжелое положение.

В Мексике рабство, упраздненное в связи с провозглашением независимости, продолжает существовать, невзирая на закон, который землевладельцы ловко обходят.

В каждой ачиенде содержится большое количество работников, как правило, это коренные индейцы, не озабовавшиеся, однако, необходимостью вникнуть в существо исповедуемой ими религии, поэтому новые обряды они сочетают с обрядностью их прежней веры. Побуждаемые нищетой, они нанимаются за очень умеренную плату к землевладельцам, чтобы удовлетворить два главных своих порока игру и пьянство. Но так как индейцы — самые беззаботные существа на свете, часто их скромного жалованья недостает на еду и одежду, и над ними постоянно довлеет угроза голодной смерти, если они не изыщут способ удовлетворить свои элементарные жизненные потребности. Тут-то им и приходят на выручку богатые землевладельцы. В каждой ачиенде по приказу хозяина мажордомы де-

ржат магазины, в которых продаются одежда, оружие, домашняя утварь и проч. Товары продаются пеонам в счет будущего жалованья. Разумеется, за эти вещи здесь берется плата в десять раз дороже их настоящей цены. В результате бедняки-пеоны никогда не получают назначенного им скудного жалованья, но еще и находятся в полной зависимости от своих хозяев, которым за несколько месяцев они задалживают огромные суммы без всякой надежды когда-нибудь ее выплатить. А так как на этот счет существует определенный закон, пеоны принуждены оставаться в услужении у своего хозяина до тех пор, пока не отработают свой долг. К несчастью для них, они постоянно в чем-нибудь нуждаются, и долг, вместо того, чтобы уменьшаться, постоянно растет, и чаще всего, протрудившись всю свою жизнь, пеоны умирают неоплатными должниками. Таким образом, фактически они находятся в рабстве, как бы прикреплены к земле и эксплуатируются без всякого зазрения совести, создавая баснословные богатства своим хозяевам.

Донна Гермоза, как было заведено в ее семье, обычно сопровождала отца в этих ежегодных поездках, находя удовольствие в том, чтобы оставить светлый след своего благодетельного пребывания среди пеонов.

В этом году, как и прежде, она сопровождала отца, обозначая свое присутствие в каждой ачиенде каким-нибудь благодеянием по отношению к больным, старикам или детям.

В тот день, с которого началось наше повествование, дон Педро со своими спутниками направлялся в ачиенду Лас-Нориас де Сан-Антонио, около двух суток назад покинув серебряные рудники, которые он разрабатывал в пустыне.

Не доезжая двадцати миль до ачиенды, дон Педро, полагая, что провожатые ему больше не нужны, отправил вперед дона Эстевана Диаса и вооруженную охрану предупредить о его приезде, при себе же оставил только Лючиано Педральву и двух пеонов. Дон Эстефан убеждал своего господина, что оставаться в пустыне без охраны опасно, что она буквально кишит пиратами и мародерами самого низкого пошиба, которые в любую минуту могут напасть на них, однако дон Педро, полагая, что ему не следует опасаться этих негодяев, поскольку они никогда не проявляли по отношению к нему какой-либо враждеб-

ности, настоял на своем. Дон Эстеван, хотя и неохотно, вынужден был подчиниться своему господину.

Между тем дон Педро не спеша продолжал путь, мирно беседуя с дочерью и посмеиваясь над мрачными предчувствиями управляющего, когда тот прощался со своим хозяином.

День прошел, и мрачные предчувствия донна Эстевана не оправдались. На всем протяжении пути не обнаружилось каких-либо подозрительных путешественников. Пустыня была спокойна. Насколько хватало глаз вокруг не было никого, кроме антилоп, мирно щипавших сочную траву.

На закате солнца дон Педро и его спутники достигли огромного девственного леса, откуда до ачиенды оставалось не более двадцати миль. Дон Педро решил устроить здесь привал, чтобы прибыть в Нориа на следующее утро до наступления полуденного зноя. За несколько минут был сооружен шалаш из веток для донны Гермозы, зажжены костры, лошади спутаны, чтобы не могли убежать далеко от лагеря. Путешественники весело поужинали и расположились на ночлег. Однако управляющий, знавший повадки индейцев, счел благоразумным принять меры предосторожности, чтобы обеспечить спокойствие своих спутников. Он выставил часового, приказав соблюдать строжайшую бдительность, а сам сел на лошадь с намерением осмотреть окрестности. Дон Педро, уже сонный, приподнял голову и спросил Лючиано, что он намерен делать. Когда тот сообщил о своем намерении, дон Педро расхохотался и решительно приказал ему отпустить лошадь спокойно пастись и лечь у костра, чтобы на другой день на рассвете быть готовым к дороге. Управляющий неохотно повиновался, он не понимал странного поведения своего господина, который обычно проявлял предусмотрительную осторожность.

Дело в том, что дон Педро де Луна, подвластный необъяснимому року, который порой туманит разум даже самых умных людей, был убежден, что так близко от дома, почти что на его собственной земле, ему нет необходимости опасаться пограничных бродяг и мародеров, которые конечно же не решатся напасть на такого важного человека, который способен сурово покарать за малейшее оскорбление его персоны.

Однако, несмотря на приказание хозяина, снедаемый тайным беспокойством, управляющий решил не ложиться спать и быть начеку. Когда дон Педро уснул, он тихо встал, взял винтовку и, осторожно ступая, направился к лесу. Но как только он вышел из полосы света, отбрасываемого костром, и вступил в лес, его схватили чьи-то невидимые руки, опрокинули наземь, связали и зажали рот так быстро, что он не успел не только пустить в ход оружие, но даже вскрикнуть, чтобы предупредить своих спутников.

Однако, как это ни странно, напавшие на управляющего люди всего лишь связали его и оставили лежать на земле, не причинив какой-либо физической травмы.

— Бедная барышня! — прошептал этот достойный человек, совершенно не думавший о собственной судьбе. Он продолжал лежать связанным довольно долго, жадно прислушиваясь к звукам пустыни и опасаясь в любую минуту услышать отчаянные крики дона Педро или донны Гермозы. Но вокруг все было тихо, ничто не нарушало ночного покоя пустыни. Наконец, спустя некоторое время ему набросили одеяло на лицо, видимо, для того, чтобы он не мог узнать, кто на него напал, подняли осторожно с земли и куда-то понесли. Напрасно несчастный ломал себе голову, пытаясь разгадать намерения своих похитителей, они все время молчали и легко скользили по земле, словно призраки.

Мексиканцы вообще по натуре фаталисты. Вот и управляющий, сознавая бесполезность своих усилий, безоговорочно покорился судьбе и терпеливо ждал решения своей участи.

Ждать пришлось недолго. Вскоре несшие его люди остановились и, поставив его на ноги, мгновенно исчезли. Оставшись один, управляющий попытался порвать связывавшие его веревки и энергично двинул руками.

Каково же было его удивление, когда только что туго связывавшие его веревки легко упали на землю. Теперь он мог беспрепятственно сбросить с головы одеяло и вынуть из рта кляп. Когда же, обретя полную свободу, он огляделся по сторонам, его ждал еще один сюрприз. Донна Гермоза, ее отец и пеоны лежали тут же, тоже связанные, и с головами, закутанными одеялами. Управляющий снял веревки и одеяло сначала с девушки и ее отца и, наконец, с пеонов.

Место, где оказались путешественники, было им совершенно незнакомо. Они находились в чаще густого леса, а их лошади и багаж исчезли. Оказавшиеся без провизии и лошадей в девственном лесу, путешественники были обречены на гибель. Они отдавали себе отчет в том, что после страшных страданий они либо умрут от голода, либо станут добычей диких зверей.

Отчаяние дона Педро не знало границ. Как он сетовал на свое легкомыслие, он винил себя в том, что навлек беду на своих спутников, а главное — на безмерно любимую дочь, на которую взирал со слезами и тоской.

Только донна Гермоза в этих ужасных обстоятельствах сохраняла присутствие духа, нежными речами пыталась вернуть мужество отцу и первой предложила перестать предаваться отчаянию и постараться найти дорогу к ачиенде.

Решимость, проявленная донной Гермозой, передалась ее спутникам, и если к ним не вернулась надежда, то, по крайней мере, они обрели силы, чтобы действовать. Слова девушки во многом способствовали этому.

— Несомненно, — сказала она, — наша длительная поддержка беспокоит наших друзей в ачиенде, и они отправятся нас искать. Дон Эстеван, прескрасно знающий пустыню, непременно отыщет наши следы: стало быть, наше положение совсем не безнадежно. Не будем же падать духом, если не хотим, чтобы Бог оставил нас своими заботами. Пойдемте, я надеюсь, что мы скоро выберемся из этого леса и увидим солнце.

К несчастью, в девственном лесу, если его не знаешь, ориентироваться трудно, все деревья кажутся одинаковыми, не видно ни горизонта, ни звезд. Поэтому положиться можно только на инстинкт. Путешественники блуждали целый день, но дорогу так и не нашли.

Дон Педро никак не мог понять, зачем людям, укравшим их лошадей, понадобилось бросить их в непроходимом лесу. Зачем было действовать так жестоко? Но сколько он ни ломал себе голову, разумного ответа найти не мог.

Путешественники отправились в путь утром, день сменился ночью, а они все шли и шли, шли просто для того, чтобы идти, а не потому, что у них появилась надежда добраться до ачиенды.

Донна Гермоза мужественно переносила тяготы пути,

подбадривая своих спутников, а порой и находя строгие слова, способные помочь им преодолеть минутное малодушие.

И вдруг девушка громко вскрикнула, оказалось, ее ужалила змея. Это очередное несчастье, которое должно было бы окончательно сломить путешественников, как ни странно, внезапно придало им силы. Теперь все их мысли сосредоточились на одном — во что бы то ни стало спасти своего ангела-хранителя.

Однако человеческие силы имеют предел. Изнуренные усталостью и тревожностями этого дня, путешественники уже стали терять всякую надежду на спасение, когда Господь вдруг послал им незнакомца в лице охотника.

Откровенный разговор

Проводив гостей в отведенные для них «комнаты», Тигровая Кошка отправился к довольно большому отсеку, служившему ему жилищем.

Он шел размеренным шагом и, судя по нахмуренным бровям, был чем-то озабочен. Пламя факела, который он держал в правой руке, отбрасывало причудливые блики на его лицо и придавало ему странное выражение, в котором были и ненависть, и радость, и беспокойство.

Дойдя до своей комнаты, если можно так назвать углубление в десять футов длины и семь вышины, где мебель заменяли бизоньи черепа, валявшиеся там и сям, да охапка маисовой соломы, небрежно брошенная в углу и, несомненно, служившая постелью обитателю этого странного жилища, Тигровая Кошка воткнул факел в железный крюк в стене и, скрестив на груди руки, задорно вскинул голову, пробормотав:

— Наконец!

Вероятно, в этом слове сосредоточивался для него длинный ряд мрачных и смелых размышлений.

Произнеся это слово, Тигровая Кошка поспешно осмотрелся вокруг, как будто опасаясь, что его могли услышать. Насмешливая улыбка скользнула по его бледным губам, он сел на бизоний череп, опустил голову на руки и погрузился в глубокое раздумье.

Прошло довольно много времени, а он продолжал сидеть все в той же позе. Наконец едва заметный шорох привлек его внимание, он быстро поднял голову и, обернувшись к входу, сказал:

— Заходите же, я жду вас с нетерпением.

— Сомневаюсь, — слышался суровый голос.

Охотник, или незнакомец, короче, тот самый человек, с которым читатель познакомился в самом начале этой книги, стоял на пороге и вызывающе глядел на Тигровую Кошку. Лицо последнего сделалось мрачным, но он тотчас же поправился.

— О! О! — сказал он с напускной веселостью. — Вообще-то я ждал не тебя, мальчик. Ну, все равно, добро пожаловать.

Молодой человек не двигался с места.

— Вы в самом деле говорите то, что сейчас думаете? — спросил он с усмешкой.

— Разве я имею обыкновение скрывать свои мысли?

— При определенных ситуациях это бывает полезно.

— Я не спорю, но это не тот случай. Ну, войди же, садись, давай поговорим.

— Да, — ответил молодой человек, делая несколько шагов вперед, — тем более что я намерен потребовать от вас серьезного объяснения.

Тигровая Кошка нахмурил брови и сказал с плохо скрытым гневом:

— Ты позволяешь себе так со мной разговаривать... Разве ты забыл, кто я?

— Я ничего не забыл из того, что должен помнить, — резко ответил охотник.

— Гм! Ты забываешь, мальчик, что я твой отец.

— Мой отец? Чем это можно доказать?

— Как ты смеешь так говорить? — гневно вскричал Тигровая Кошка.

Охотник пренебрежительно пожал плечами.

— Впрочем, не имеет значения, отец вы мне или нет. Разве вы не повторяли мне тысячу раз, что семейные узы — сущая ерунда, что само это понятие придумано человеком из эгоистических побуждений, в угоду испорченному обществу. Здесь находятся только двое людей, равных по силе и мужеству, и один из них пришел требовать от другого ясного и честного объяснения.

Пока молодой охотник говорил, Тигровая Кошка сверлил его своими пронизательными глазами, и, только когда тот замолчал, он улыбнулся.

— У волчонка прорезываются зубы? Он хочет укусить того, кто его выкормил?

— Он его разорвет, не колеблясь, в клочья, если потре-

буется, — запальчиво возразил охотник, стукнув по земле тяжелым прикладом винтовки, которую он держал в руке.

Вместо того чтобы рассердиться на угрозу, так решительно заявленную охотником, Тигровая Кошка внезапно смягчился, на его суровой физиономии появилась улыбка, что случалось с ним крайне редко, и он радостно всплеснул своими огромными руками.

— Хорошо ревел, мой львенок! — вскричал он с довольным видом. — Каменное Сердце, тебя правильно прозвали. Чем больше я с тобой общаюсь, тем больше люблю. Я горжусь тобою, мальчик, потому что ты мое творение, и я даже не смел льстить себя мыслью, что мне удастся создать такое совершенное чудовище. Продолжай в том же духе, сын мой, ты далеко пойдешь, это я тебе предсказываю.

Тон, которым все это было сказано, свидетельствовал об искренности Тигровой Кошки.

Каменное Сердце — теперь мы знаем имя молодого охотника — слушал отца с холодно-презрительным видом, лишь изредка пожимая плечами, а когда тот умолк, сказал:

— Хотите выслушать меня?

— Конечно, милое дитя! Скажи, что тебя тревожит?

— Не пытайтесь меня обмануть, старый демон, я знаю вашу адскую жестокость и ваше беспримерное вероломство.

— Ты мне льстишь, мальчик, — сказал Тигровая Кошка лукавым тоном.

— Отвечайте откровенно и категорически на мои вопросы.

— Вот как! Ну, спрашивай! Спрашивай, не бойся.

— Я не боюсь. Только у меня нет времени гоняться за вами по лесному лабиринту. Вот почему я прошу сказать мне сегодня правду.

— Я не могу обещать заранее, не зная, о чем ты собираешься спрашивать.

— Берегитесь! Если вы меня обманете, я это все равно узнаю, и тогда...

— Тогда? — ехидно спросил старик.

— Пусть демон возьмет мою душу, если я не воткну нож между ваших плеч.

— Ты забываешь, что нас будет двое.

— Тем лучше! Стало быть, будет драка. Я предпочитаю именно это.

— Тебе еще не надоело? Но посмотрим! Говори или отправляйся к черту! Слушаю. Я, так же как и ты, не могу попусту тратить время.

Каменное Сердце, который до этой минуты стоял посреди комнаты, опустился на бизоний череп, приставив винтовку к колену.

— Вы ждали Грифа, когда я появился здесь так некстати?

— Ты угадал, мальчик.

— Теперь, когда вы завершили один разбой, вы, конечно, замышляете очередное вероломство?

— Клянусь душою, мальчик, я тебя не понимаю!

— Черт побери! Стало быть, у вас вдруг помутился рассудок!

— Может быть, и я просил бы тебя выражаться пояснее.

— Хорошо. Впрочем, не старайтесь отпираться, я все узнал из болтовни ваших приспешников.

— Если тебе все известно, о чем же ты собираешься меня спрашивать?

— Во-первых, правда ли это?

— Совершенная правда. Вот видишь, я откровенен.

— Итак, вы действительно захватили этих путешественников спящими?

— Да, мальчик, как степных собак в норе.

— Вы украли их лошадей и поклажу?

— Действительно, все так.

— Потом вы перенесли их в густые заросли леса и тем самым обрекли на ужасную смерть?

— Я велел перенести их в лес — да, но не для того, чтобы они умерли там с голода.

— Для чего же, в таком случае, вы сделали это? Не могу же я поверить, что это было сделано с единственной целью — скрыть следы грабежа. Вы не соблюдаете таких предосторожностей, вам проще пустить в ход нож.

— Совершенно справедливо, мальчик. Я не имел намерение причинить этим странникам какой-нибудь вред.

— Чего же вы еще хотите о них? Ваше поведение удивляет меня в высшей степени.

— Оно подстрекает твое любопытство, признайся, мальчик.

— Да. И вы ответите на все вопросы, не правда ли?

— Смотря по обстоятельствам, мальчик, смотря по обстоятельствам. Но для начала, в свою очередь, обещай мне ответить на один мой вопрос.

— На один, хорошо! Говорите, я вас слушаю.

— Как ты находишь донну Гермозу? У нее очень хорошенькие глазки, не правда ли? Словно она похитила кусочек неба, до того они лазурны.

При этом вопросе, заданном столь неожиданно, молодой человек вздрогнул и по его лицу разлился лихорадочный румянец.

— Для чего вы спрашиваете меня об этом? — спросил он упавшим голосом.

— Тебе какое дело? Отвечай, коли обещал.

— Я ее не разглядывал, — ответил молодой человек явно в замешательстве.

— Ты лжешь, мальчик, ты очень хорошо рассмотрел ее, или нынешние молодые люди не похожи на молодых людей моего времени, чему я поверить не могу.

— Да, это правда, и мне абсолютно неважно, кто узнает об этом! — отвечал Каменное Сердце, в котором чувствовались замешательство и досада. — Я разглядывал эту донну Гермозу, как вы ее называете, и нашел ее красивой! Вы удовлетворены?

— Почти. И ты восхищен только ее красотой?

— Я не обязан вам отвечать на другие вопросы.

— Это верно, впрочем, я знаю это наперед и избавляю тебя от ответа.

Молодой человек потупил голову, чтобы избежать пытливого взгляда Тигровой Кошки.

— Теперь, — продолжал он через минуту, — вернемся к нашему разговору.

— Ты неблагодарный и не хочешь ничего понять. Неужели ты не догадался, что я действовал таким образом исключительно ради тебя.

Каменное Сердце вздрогнул от изумления.

— Ради меня! — вскричал он. — Что может быть общего между этой девушкой и мною? Вы насмехаетесь надо мной!

— Напротив, я говорю совершенно серьезно.

— Если так, признаюсь, я ничего не понимаю.

— Полно, полно, это ты насмехаешься надо мной. Во всей этой истории я отвел тебе лучшую роль. Ты представишь спасителем и еще говоришь, что ничего не понимаешь?

— Эту роль, которую, по вашим словам, вы отвели мне, я взял добровольно, без всякого вмешательства с вашей стороны.

— Ты так думаешь, мальчик?

Тигровая Кошка залился громким смехом.

Молодой человек не считал нужным настаивать на своем.

— Я допускаю, — продолжал он, — что все произошло по вашему плану. Но теперь, когда эти путешественники здесь, как вы намереваетесь поступить?

— Признаюсь, мальчик, я еще ничего не решил на этот счет. Здесь все будет зависеть только от тебя.

Молодой человек вздрогнул:

— От меня?

— Да. Подумай и реши, что ты хочешь с ними сделать, а я обещаю поступить сообразно твоему желанию.

— Вы мне клянетесь в этом? Точно, батюшка?

— Да, как видишь, я сговорчив.

— Именно эта-то кротость, столь несвойственная вашему характеру, и пугает меня.

— Вот ты опять с твоими неоправданными подозрениями, черт тебя дери! Мне представился случай раз в жизни вспомнить, что я человек, что я должен помогать себе подобным в несчастье, а ты не желаешь верить моим словам!

— Как же может быть иначе? Ваши действия так темны, а средства, к которым вы прибегаете, так необычны и так не согласуются с обычной логикой, что, при всем моем знании вашего характера, я никогда не смогу проникнуть в тайну вашего замысла.

На лице Тигровой Кошки опять мелькнула победоносная улыбка, но почти тотчас же исчезла, сменившись отеческим добродушным выражением.

— Однако цель мою в данном случае сумел бы разгадать и ребенок.

— Стало быть, я глуп, потому что вовсе ее не угадываю, и буду вам благодарен, если вы откровенно ее изложите.

— Чтобы девочка влюбилась в тебя, черт побери!

Молодой человек был ошеломлен этим признанием и смутился:

— В мснтя?

— В кого же, как не в тебя? Не в меня же, конечно.

— О нет! — молодой человек печально покачал голо-

вой. — Это невозможно. Нас разделяет непреодолимая преграда! Вы забыли, что я, Каменное Сердце, — человек, при одном упоминании которого пограничные жители дрожат от ужаса. Нет, нет, это сущий вздор. Это невозможно. Повторяю, совершенно невозможно.

Тигровая Кошка презрительно пожал плечами.

— Тебе еще многое предстоит узнать, сын мой, об этом сложном существе, именуемом женщиной, в котором уживается ангел с демоном, и представляющем собой странное смешение всех существующих добродетелей и пороков. Знай же, мальчик, что со времени Евы женщина не изменилась. Ей присущи измена и вероломство, в ней одновременно уживаются кошка и змея. Женщину либо укрощает сильный мужчина, либо она тешит себя надеждой укротить его. Она неизменно презирает мужчину, если не будет втайне его бояться и не будет испытывать к нему уважения. У тебя есть все шансы покорить сердце Гермозы. Ты отверженный, и имя твое внушает страх, но, поверь мне, мальчик, любовь любит контрасты, она не знает расстояний и презирает границы, воздвигнутые человеческим тщеславием. Чаще всего женщина отдаст предпочтение именно тому, которого, по мнению света, она должна бы отвергать.

— Довольно! — вспыхнул молодой человек. — Ваши чудовищные теории уже достаточно взбудоражили мой ум и встревожили мое сердце. Мне надоел этот разговор. Что намерены вы делать с вашими пленниками?

— Повторяю, их участь зависит исключительно от тебя: она в твоих руках.

— Если так, они недолго будут пребывать в вашем отратительном логовище. Они покинут его завтра на рассвете.

— Я согласен, мальчик.

— Я сам буду их сопровождать. А вы вернете им лошадей и поклажу.

— Отдай ты сам. Выдумай какую-нибудь историю, чтобы вернуть им их имущество, не компрометируя при этом меня в их глазах.

— Не компрометируя вас! — усмехнулся Каменное Сердце.

— А то как же? — ответил Тигровая Кошка с лукавой улыбкой.

— Я дорожу единственным добрым поступком, соде-

янным мною. Я не хочу, чтобы он имел какой-нибудь изъян.

— Итак, мы условились обо всем, вы не нарушите данное мне слово?

— Не нарушу, будь спокоен.

— Спокойной ночи, до завтра. Я приготовлю все.

— Спокойной ночи, мальчик. Не трудись, я все беру на себя.

Они расстались. Тигровая Кошка внимательно прислушивался к шуму шагов сына, затихавших вдали. Когда водворилась тишина, лицо его вдруг приняло озабоченное выражение, он задумчиво покачал головой.

— Любовь делает человека проницательным, — прошептал он прерывающимся от волнения голосом. — Не дадим ему возможности разгадать мои планы, иначе сорвется план мщения, который я лелею уже много лет, в самый последний момент.

Вместо того чтобы лечь, старик схватил почти догоревший факел и вышел.

Между тем, несмотря на беспокойство, которого не могло не внушать их пребывание среди свирепых на вид и грубых в обращении людей, наши путешественники провели ночь вполне спокойно, никакой зловещий шум не нарушал их покоя, и, немного побеседовав, изнуренные усталостью и пережитыми волнениями, они наконец заснули.

Донна Гермоза проснулась на рассвете, вполне оправившаяся от пережитых страданий благодаря лекарству, приложенному к ране. Теперь укус змеи был не опасен, и девушка ощущала себя способной держаться на лошади. Это приятное известие окончательно развеяло владевшую доном Педро тревогу, и он с нетерпением ожидал встречи с хозяином.

Действительно, выждав время, когда, по понятию Тигровой Кошки, люди, которым он оказал гостеприимство, должны были проснуться, он явился к ним осведомиться, как они провели ночь. Дон Педро горячо поблагодарил его, заверив, что все они здоровы и что даже донна Гермоза чувствует себя вполне сносно.

— Тем лучше, — ответил Тигровая Кошка, бросив пылкий взгляд в сторону девушки. — Было бы жаль, если бы такое очаровательное существо погибло так нелепо. Теперь что вы намерены делать? Не истолкуйте преврат-

но мой вопрос. Я рад был бы оказывать вам гостеприимство столько, сколько вы пожелаете. Я был бы только счастлив.

— Благодарю вас за любезное приглашение, — ответил дон Педро. — К сожалению, я не могу им воспользоваться. У меня в ачиенде, должно быть, все крайне обеспокоены нашим отсутствием.

— О, понимаю. Значит, вы намерены ехать?

— Как можно скорее, признаюсь вам. К несчастью, у меня нет лошадей, и я попросил бы довершить ваше любезное гостеприимство, за которое, право, не знаю, как вас благодарить, согласившись продать мне лошадей, чтобы мы могли вернуться домой, и, кроме того, я был бы вам весьма обязан, если бы вы дали мне проводника, который провел бы нас через лес, чуть было не ставший нашей могилой, и вывел на дорогу. Видите, кабальеро, о сколь многом я прошу вас.

— Ваша просьба вполне резонна. Я постараюсь ее исполнить. Но каким образом вы очутились в девственном лесу, вдали от человеческого жилья и к тому же без лошадей?

Дон Педро бросил украдкой настороженный взгляд на Тигровую Кошку, но лицо его оставалось непроницаемым.

Тогда дон Педро рассказал ему со всеми подробностями о своих злоключениях. Тигровая Кошка выслушал его с величайшим спокойствием, ни разу не прерывал, а потом сказал:

— Все это кажется мне неприятным. Жаль, что вчера вечером не знал об этом. Теперь слишком поздно, однако, может быть, мне удастся возратить похищенное у вас. Во всяком случае, я позабочусь о вашем благополучном возвращении домой. Не беспокойтесь об этом. Не думаю, чтобы вы имели намерение пуститься в путь натошак. Сразу после завтрака вы сможете ехать. Прошу простить меня, я должен сделать необходимые распоряжения относительно вашего путешествия. Через час я дам вам знать.

Он ушел, поставив путешественников в тупик, они недоумевали по поводу его сегодняшней любезности. Это был совсем другой человек.

Прошло полтора часа, а хозяин не давал о себе знать, как обещал. Однако потом явился индеец и, не говоря ни

слова, сделал путешественникам знак следовать за ним. Те не колеблясь повиновались.

Через несколько минут они вышли на вершину теокали, который вечером при свете луны они приняли за холм. Отсюда путешественникам открылся великолепный пейзаж. Утренний туман, пронизываемый острыми лучами солнца, придавал фантастический вид густым зарослям деревьев.

Завтрак был устроен на открытом воздухе и подан на листьях красного дерева. Тигровая Кошка пришел первым и ждал своих гостей. Несколько краснокожих, вооруженных и разрисованных, как на войне, прохаживались по площадке с равнодушным видом, словно не замечая присутствия посторонних.

— Я предпочел, — сказал Тигровая Кошка, — угостить вас завтраком здесь, где можно наслаждаться великолепным видом.

Дон Педро поблагодарил его и сел к импровизированному столу вместе с дочерью и доном Лючиано. Пеоны завтракали отдельно. Завтрак состоял из овощей, приправленных перцем, сушеной говядины, дичи, маисовых лепешек, смилаксовой воды и водки. Это был настоящий охотничий завтрак.

— Кушайте и пейте, — сказал Тигровая Кошка, — потому что вам предстоит долгий путь.

— А вы разве не окажете нам честь, разделив с нами завтрак, предложенный нам? — спросил дон Педро, видя, что старик встал.

— Извините меня, кабальеро, — вежливо, но решительно ответил Тигровая Кошка. — Я уже давно позавтракал.

— Вот как! — огорчился мексиканец. — Жаль. Но, по крайней мере, вы не откажетесь выпить за мое здоровье?

— Я, право, очень огорчен, но должен вам отказать, — сказал разбойник, поклонившись.

Этот отказ, при всем любезном гостеприимстве старика, внезапно воздвиг невидимую стену отчуждения между ним и мексиканцами.

Дело в том, что жители Новой Испании в чем-то сродни арабам: они делят трапезу только с друзьями. Поэтому у дона Педро зародилось смутное подозрение в отношении старика. Он бросил на него проницательный взгляд, но улыбающееся лицо хозяина рассеяло его подозрения.

Завтрак прошел в молчании. Только когда он закончился, донна Гермоза, поблагодарив Тигровую Кошку за щедрое гостеприимство, спросила, увидит ли она до отъезда охотника, который накануне оказал ей неоценимую услугу.

— Он в отсутствии, сеньорита, — ответил Тигровая Кошка, улыбаясь, — в отсутствии по вашему делу, но должен скоро вернуться.

Девушка приготовилась уже расспросить поподробнее, но в это время со стороны леса послышался шум, похожий на отдаленные раскаты грома, который с каждой минутой становился все сильнее.

— Вот, сеньорита, — пояснил Тигровая Кошка, — человек, которого вы желаете видеть, едет. Он будет здесь через несколько минут. Сейчас вы слышите топот копыт лошадей, которых он ведет.

Путешествие

И в самом деле, через несколько минут путешественники увидели довольно многочисленный отряд всадников, выехавших из леса.

Во главе отряда ехал Каменное Сердце. Дон Педро несканно обрадовался, узнав своих лошадей и мулов.

— А! Вораи пришлоь вернуть свою добычу!

— Кажется, так, — ответил Тигровая Кошка, подавив улыбку.

Охотник остановил свой отряд в некотором удалении от теокали, сам сошел с лошади и подошел к путешественникам.

— Я вижу, экспедиция вам удалась, — сказал Тигровая Кошка насмешливым тоном.

— Да, — коротко ответил Каменное Сердце и отвернулся.

— Я рад, — продолжал Тигровая Кошка, обращаясь теперь к дону Педро. — Теперь вы вернетесь домой на собственных лошадях, не лишившись поклажи.

— Я не знаю, право, как благодарить вас за все, что вы для нас сделали, сеньор, — ответил вконец расстрогавшийся мексиканец.

— Не надо благодарить меня. Я проявил лишь то участие, которое должен проявить по отношению к любому человеку, оказавшемуся в таком же положении.

Тигровая Кошка, очевидно, намеревался лишь быть вежливым, однако в его голосе помимо его воли прозвучал сарказм, а потому и эффект был прямо противоположный тому, на который он рассчитывал. Не понимая, чем вызван этот сарказм, дон Педро почувствовал себя обиженным.

— Солнце уже высоко, — вмешался в разговор Каменное Сердце. — Пора в путь, если вы хотите пройти через лес до наступления ночи.

Тигровая Кошка поддержал Каменное Сердце:

— Несмотря на огорчение, которое причинит мне ваш отъезд, я обязан сказать вам, вы поступите правильно, если отправитесь в путь немедленно, если только ничто не удерживает вас здесь.

Дон Педро и его спутники тотчас же поднялись и в сопровождении обоих охотников спустились на равнину. Когда наши путешественники подошли к своим лошадям и мулам, индейских всадников там не оказалось, и дон Педро стал оглядываться по сторонам, надеясь увидеть их где-нибудь поблизости.

— Что вы ищете, сеньор? — настороженно спросил Тигровая Кошка.

— Извините, — ответил дон Педро, — но я боюсь без проводника въехать в этот лабиринт, а я не вижу обещанного вами проводника.

— Он перед вами, сеньор, — сказал Тигровая Кошка, указывая на охотника.

— Да, — подтвердил Каменное Сердце, вызываясь глядя на Тигровую Кошку. — Я сам вас провожу и обещаю, что вы вернетесь в свою ачиенду целыми и невредимыми, если даже придется встретиться в пути со зверями или злыми людьми.

Тигровая Кошка промолчал, хотя слова эти были явно предназначены ему. Он только пожал плечами и как-то неопределенно улыбнулся.

— О! — радостно воскликнул дон Педро. — С таким провожатым нам действительно нечего опасаться. Уже проявленное вами ранее великодушие служит надежной гарантией на будущее.

— Поедьте, — резко сказал Каменное Сердце, — мы и так уже потеряли слишком много времени.

Путешественники молча сели на лошадей.

— Прощайте! Благополучного пути! — сказал Тигровая Кошка, когда они готовы были тронуться в дорогу.

— Одно слово, кабальеро, — вдруг сказал дон Педро, обращаясь к Тигровой Кошке.

Тот подошел, вежливо кланяясь.

— Слушаю вас, сеньор. Не могу ли я оказать вам еще какую-нибудь услугу?

— Нет, — ответил мексиканец. — И так я уже злоупотребил вашим гостеприимством. Однако, прежде чем расстаться с вами, может быть, навсегда, я желал бы сказать вам, что, не вдаваясь в причины, заставившие вас действовать именно так, а не иначе, ваше отношение к нам было так дружелюбно и так благородно, что я не могу не выразить всей моей признательности. Что бы ни случилось дальше, сеньор, во всяком случае, до очевидных доказательств противного, я считаю себя вашим должником и, если представится случай, буду счастлив отплатить вам тем же.

Прежде чем Тигровая Кошка, удивленный словами дона Педро, свидетельствовавшими о том, что он раскусил его обман, снова обрел обычное хладнокровие, мексиканец пришпорил лошадь и поскакал догонять своих спутников. Старик оставался неподвижен, глядя вслед путешественникам, пока те не скрылись в лесу. Тогда он медленно зашагал к теокали, глухо бормоча себе под нос:

— Неужели он догадался? Нет, это невозможно. Однако он заподозрил неладное. Видно, я в чем-то допустил оплошность.

Между тем путешественники въехали в лес, следуя за Каменным Сердцем, ехавшим чуть впереди опустив голову и, по-видимому, в мрачном раздумье.

Они ехали уже около двух часов в полном молчании. Охотник словно был сам по себе и совершенно не замечал тех, кому он служил проводником. Он даже ни разу не повернул головы, чтобы удостовериться, что они следуют за ним. Такое поведение Каменного Сердца не очень удивляло дона Педро, который, судя по тому, как тот вел себя накануне, мог ожидать любых неожиданностей. Однако он был оскорблен нарочитой холодностью и равнодушием этого человека и поэтому не делал никаких попыток заговорить с ним в надежде на обходительность и расположение с его стороны.

Ближе к полудню путешественники выехали на прогалину, довольно обширную, в центре которой из расселины в скале, возвышающейся в виде пирамиды, бил фонтанчик чистой и прозрачной, как хрусталь, воды. Прогалина эта, осененная пустыми сводами гигантских деревьев, росших по ее краям, являла собой превосходное место для отдыха усталых путешественников.

— Мы переждем здесь, пока спадет самая жара, — сказал проводник. И это были первые слова, произнесенные им за все время пути.

— Хорошо, — улыбнулся дон Педро. — Лучшего места просто не придумаешь.

— На одном из мулов навьючена провизия. Вы можете распорядиться ею. Она взята для вас, — сказал охотник.

— А вы разве не закусите с нами? — спросил дон Педро.

— Я не голоден, не беспокойтесь. Я должен заняться делом.

Считая бесполезным настаивать, дон Педро спешил, потом снял дочь с лошади. На лошадей надели путы и стали готовиться к отдыху.

Каменное Сердце молча помог пеонам снять с мула провизию и, разложив ее перед доном Педро и его дочерью, быстро удалился в лес.

— Станный человек! — прошептал управляющий, с удовольствием приступая к трапезе.

— Его поведение совершенно непонятно, — согласился дон Педро.

— Несмотря на его резкие выходки, он кажется мне добрым, — кротко заметила донна Гермоза. — До сих пор он вел себя с нами безукоризненно.

— Это так, — согласился дон Педро, — однако он вызывает холодность, которая, признаюсь, невольно меня тревожит.

— Мы не можем дурно думать о человеке, который до сих пор делал нам только добро, — возразила девушка с некоторой горячностью. — Мы обязаны ему жизнью, особенно я. Он спас меня от неминуемой смерти.

— Это правда, и все-таки это трудно согласуется с его поведением.

— Вовсе нет, папа, этот человек привык жить среди индейцев и невольно перенял их молчаливость и сдержанность. То, что вам кажется холодностью, вероятно, всего лишь робость с людьми, с которыми он не привык общаться и с которыми, не зная наших обычаев, он не умеет говорить.

— Вероятно, ты права, дитя мое, однако мне хотелось бы удостовериться в этом, и я не расстанусь с ним, не поставив его разговориться.

— Зачем его мучить, папа? Мы можем требовать от него только того, чтобы он проводил нас до ачиенды. Пре-

доставим же ему действовать по своему усмотрению, если только он исполнит данное нам обещание.

— Да, сеньорита, — возразил управляющий, — но согласитесь, что мы окажемся в весьма затруднительном положении, если ему вздумается покинуть нас и не вернуться.

— Это предположение невероятно, Лючиано. Его лошадь пасется с нашими. И потом, что может заставить его решиться на такую гнусную измену?

— Этот человек, несмотря на белизну его кожи, скорее индеец, чем белый, а я, сеньорита, не доверяю краснокожим.

— Притом, — согласился с доном Лючиано дон Педро, — я не понимаю, что побудило его бросить нас одних и уйти в лес.

— Откуда мы знаем? — заметила девушка. — Может быть, он намерен оказать нам услугу.

— Я только знаю, сеньорита, — продолжал управляющий, — что если этот человек не вернется, то наше положение окажется ужаснее того, из которого он нас вызволил вчера, потому что тогда у нас были ружья, а теперь мы совершенно безоружны и не сможем защищаться, если на нас нападут люди или хищные звери.

Дон Педро побледнел:

— В самом деле! Оружие у нас было похищено, а я об этом и не подумал. Не попали ли мы в засаду и не изменник ли этот человек?

— Нет, папа, — решительно возразила девушка, — он порядочный человек, я в этом убеждена. Скоро вы убедитесь в несправедливости ваших подозрений.

— Дай-то Бог! — прошептал дон Педро неуверенным тоном.

В эту минуту издалека донесся пронзительный крик и долгий свист. Лошадь охотника, спокойно щипавшая траву, насторожилась, потом вдруг бросилась в ту сторону, откуда донесся свист, и, заржав от удовольствия, исчезла в лесу.

— Что я вам говорил, сеньорита! — вскричал управляющий. — Теперь вы мне верите?

— Нет, — по-прежнему решительно ответила она, — я вам не верю, этот человек не изменник. При всей странности его поведения вы скоро убедитесь, что ошиблись.

— На этот раз, дочь моя, я вполне разделяю мнение дона

Лючиано. Ясно, что по какой-то причине этот человек нас бросил.

Девушка отрицательно покачала головой, но промолчала. А дон Педро продолжал:

— Что же нам делать? Нам надо принять какое-то решение. Не можем же мы оставаться здесь на ночь?

— Я думаю, — сказал управляющий, — что нам ничего не остается, как немедленно ехать. Как знать, может, негодяй сейчас готовится напасть на нас во главе отряда таких же разбойников, как и он?

— Да, но куда ехать? Никто из нас не знает дороги, — возразил дон Педро.

— Лошадям присущ инстинкт, никогда их не обманывающий. Они всегда направляются к человеческому жилищу. Предоставим же им идти, куда они хотят.

— Доверимся же лошадям. Давайте немедленно трогаться в путь.

— Папа, ради Бога! — умоляла донна Гермоза. — Подумайте, что вы делаете? Не действуйте с поспешностью, о которой наверняка будете сожалеть. Давайте подождем еще немного. Сейчас только полдень. Часом больше или меньше мы будем ждать, но это ничего не изменит.

— Я не стану ждать ни одной секунды! — запальчиво вскричал дон Педро и встал. — Поскорее седлайте лошадей. Мы немедленно едем.

Пеоны повиновались.

— Повремените, папа, — взмолилась девушка. — Я слышу лошадиный топот, наш проводник возвращается.

Поколебавшись невольно при убедительном тоне дочери, дон Педро опять опустился на траву, сделав знак своим спутникам последовать его примеру.

Донна Гермоза не ошиблась. Топот копыт, услышанный ею, не был похож на топот лошадей. Это была медленная и тяжелая поступь какого-то крупного животного.

— Может быть, это серый медведь, — всполошился дон Педро.

— Или пума, отыскивающая добычу, — тихо проворчал управляющий.

Беспокойство путешественников было безмерным. Брошенные здесь без оружия, они легко могли сделаться добычей хищного зверя. Они даже не могли помыслить о том, чтобы спрятаться, — местность была совершенно незнакомой.

— Вы ошибаетесь, — сказала девушка, единственная сохранявшая хладнокровие и присутствие духа. — Никакая опасность не угрожает нам. Посмотрите, лошади продолжают пастись, продолжают спокойно щипать траву, не проявляя ни малейших признаков беспокойства.

— Это правда, — согласился дон Педро. — Если бы они почуяли едкий запах хищного зверя, они испугались бы и убежали.

В это время кусты раздвинулись и показался охотник с лошастью на поводу.

— Ну, что я говорила! — радостно вскричала донна Гермоза, между тем как ее отец и управляющий, стыдясь своих подозрений, потупили головы.

Лицо охотника было по-прежнему холодно и бесстрастно, только еще более мрачное. У его лошади на спине был прилажен увесистый сверток из бизоньей шкуры.

— Извините, что я так внезапно вас оставил, — сказал он голосом, в котором угадывалось некоторое волнение, — но я слишком поздно обнаружил, что оружие у вас отняли, конечно, чего я не могу предположить, вы позабыли его в теокали, а так как, вероятно, оно вам понадобится здесь, в пустыне, я сходил за ним.

— Так вы поэтому оставили нас?

— А то почему же еще? — просто ответил охотник. — Я привел вас сюда, потому что совсем недалеко отсюда находится один из тайников, которые мы, охотники, разбрасываем по пустыне, но, — прибавил он с горькой улыбкой, — он был кем-то обнаружен и ограблен. Поэтому мне пришлось отправиться к другому, более далекому. Вот почему мне понадобилась лошадь, которая быстро прибежала на мой зов, иначе я вернулся бы значительно раньше.

Охотник рассказывал обо всем этом обыденно, без малейшего желания представить его действия как некое благодеяние путешественникам. Он снял с лошади поклажу. Там оказалось пять американских винтовок, ножи, прямые сабли, порох, пули и топоры.

— Вооружайтесь, это хорошие винтовки. Они вас не подведут, когда настанет время пустить их в дело.

Мексиканцы не заставили себя долго ждать и вскоре оказались вооруженными, как говорят, до зубов.

— Теперь, по крайней мере, — сказал охотник, — вы сможете защищаться, вместо того, чтобы позволить прирезать себя подобно антилопе.

— О, — прошептала донна Гермоза, — я знала, что он поступит именно так.

— Благодарю, сеньорита, — ответил охотник. — Спасибо, что вы верили мне!

При этих словах лицо охотника просветлело, в глазах сверкнула молния, но тотчас снова обрело свою обычную холодность.

— Я обещал доставить вас домой целыми и невредимыми, — сказал он, — и доставлю.

— Разве вы предвидите какую-нибудь опасность? — спросил дон Педро.

— Опасность существует всегда, — ответил тот с горечью, — особенно в пустыне.

— Не угрожает ли нам предательство?

— Не задавайте мне вопросов, я не стану отвечать. Просто примите к сведению мои слова. Если вы дорожите вашими головами, вы должны полностью довериться и безоговорочно повиноваться мне. Потому что все мои действия подчинены единственной цели — благополучно доставить вас в вашу ачиенду. Вы согласны на мои условия?

— Да! — с готовностью отозвалась донна Гермоза. — Что бы ни случилось, мы не усомнимся в вашей добропорядочности и будем действовать в соответствии с вашими указаниями.

— Клянусь! — подтвердил дон Педро.

— Хорошо, теперь дело за мной. Не беспокойтесь, а сейчас позвольте мне сосредоточиться, чтобы все тщательно обдумать.

Слегка поклонившись, он отошел на несколько шагов и сел под деревом.

Между тем слова охотника возбудили беспокойство мексиканцев. Они понимали, что им грозит серьезная опасность и что охотник обдумывает способ ее преодолеть. Но теперь, когда у них есть хорошее оружие, порох, патроны, они оценивали свое положение более оптимистично и при всем огромном беспокойстве не отчаивались, верили, что смогут избежать приготовленной им ловушки.

Охотник, неподвижно сидевший под деревом около получаса, приподнял голову, определил время по длине тени деревьев и, проворно вскочив, сказал:

— По лошадям, пора в путь.

Через несколько минут путешественники уже сидели на лошадях.

— В путь! — продолжал охотник. — Внимательно следите за моими действиями, ехать будем по-индейски.

В пустыне езда по-индейски означает езду гуськом, один за другим, чтобы оставлять как можно меньше следов.

Но вместо того чтобы продолжать ранее избранное направление, охотник въехал в ручей и ехал по его течению до того места, где в него вливались два притока. Каменное Сердце поехал по левому. Мексиканцы неукоснительно следовали за ним.

В лесу стояла удушливая жара, так как густая растительность мешала циркуляции воздуха. И было абсолютно тихо. Птицы притаились в листве деревьев и не подавали признаков жизни. Только огромные тучи комаров, жужжа, кружились над болотами.

Между тем ручей, по которому ехали наши путешественники, все расширялся в своем течении и постепенно превратился в реку. Кое-где уже встречались следы вырванных с корнем деревьев и унесенных течением. Такие деревья представляют серьезную опасность для навигации. Сейчас на них стояли, по обыкновению на одной ноге, розовые фламинго. Берега становились все более крутыми, и лошадям пришлось идти вплавь. Эта неизвестная река, в голубых водах которой отражалась только небесная лазурь или зеленые купола деревьев, представляла собой грандиозное и величественное зрелище, наполнявшее сердце какой-то нежной меланхолией и внушавшее религиозный страх.

Путешественники, безмолвные словно призраки, медленно плыли по реке за своим проводником. Добравшись до огромной скалы, нависавшей над водою, Каменное Сердце повернул слегка в сторону и, соскочив с лошади, поводья которой отдал дону Педро, ехавшему за ним следом, бросился вплавь под свод скалы, жестом руки дав понять своим спутникам, чтобы они продолжали путь.

Вскоре охотник появился в индейской пироге, которые отличаются удивительной легкостью. Путешественники быстро пересели в лодку, а лошади налегке поплыли за ними.

Донна Гермоза была счастлива. Рана от змеиного укуса все еще давала о себе знать, и езда на лошади была для нее

весьма утомительной, хотя она всячески это скрывала. Однако это не укрылось от проницательного взора охотника, вот он и решил продолжить путь на лодке. Так плыли они примерно около часа, и ничто не возбуждало их беспокойства, тем более мысли о присутствии врага. Тем временем они достигли места, где оба скалистых берега круто поднимались вверх. Посередине реки возвышалась огромная гранитная глыба, как видно отколовшаяся часть скалы. Туда-то охотник и направил лодку.

Мексиканцы сначала удивились, но вскоре поняли замысел охотника. Когда они проплывали мимо этой глыбы, они заметили, что одна ее сторона отлогая и в ней виднеется отверстие, очевидно вход в пещеру.

Лодка причалила, путешественники высадились и тотчас поспешили вывести из воды лошадей. Бедные животные изнемогали от усталости.

— Пойдемте, — сказал охотник, взвалив лодку на плечо.

Мексиканцы последовали за ним. Пещера оказалась обширной и, по-видимому, простиралась на большое расстояние под водой. Лошади были помещены в отдаленном отсеке, где им задали корм.

— Здесь, — сказал охотник, — мы в полной безопасности, насколько это возможно в пустыне. Если ничто нам не помешает, мы проведем здесь ночь, чтобы дать отдых лошадям. Вы можете развести огонь без опасения, дым незаметно уходит через многочисленные расселины. Хотя мне кажется, что преследователи потеряли наши следы. И все-таки я пойду посмотрю, что делается вокруг. Не беспокойтесь. Я всюду охраняю вашу безопасность. Через час я вернусь. Вам лучше оставаться здесь. В девственных лесах никогда не знаешь, чьи глаза тебя могут увидеть. До скорого свидания!

Он ушел, оставив своих спутников в смятении тем более сильным, что они догадывались о грозящей им опасности и не могли предположить, откуда и в каком обличье она обрушится на них. А кроме того, они находились в полной зависимости от человека, истинного характера и, главное, намерений которого они не знали.

Стычка

Однако природа обладает только ей одной присущим правом, которым она никогда не пренебрегает. При тяжком беспокойстве мексиканцев и их невероятной усталости они знали, что им прежде всего необходимо пополнить запас сил. После мрачных размышлений по поводу критического или почти отчаянного своего положения дон Педро приказал пеонам развести огонь и приготовить ужин.

Надо заметить, что люди, занятые физическим, а не умственным трудом, при любых обстоятельствах не забывают о еде и сне. У них не пропадает аппетит, и они не страдают от бессонницы. И объясняется это легко. Поскольку они расходуют много сил на борьбу то с людьми, то со стихиями, им эти силы необходимо восстанавливать, иначе они просто не выживут.

За ужином все были печальны и молчаливы. Со страхом думали о приближении ночи. Именно ночь, как правило, выбирают краснокожие для нападения на своих врагов. Вот почему и разговор у них не клеился.

Охотник отсутствовал довольно долго. Солнце давно исчезло за высокими вершинами гор, зловещий мрак окутал землю, ни одна звезда не зажглась на небе, густые черные тучи скрывали луну.

Дон Педро не хотел никому доверять заботу об их общей безопасности — он растянулся у входа в пещеру и зорко вглядывался в черную ленту реки. Рядом с ним находился дон Лючиано, который так же, как и он, отказался от сна, снедаемый беспокойством об их горестной судьбе. Крутые берега были пустынные, и только в одном месте время от времени мелькали черные тени.

Очевидно, это были хищные звери, приходившие на водопой.

— Пойдемте! — вдруг услышал дон Педро и увидел охотника, стоявшего, опершись на винтовку. Все трое вернулись в пещеру. Догоравший костер все еще давал достаточно света, чтобы можно было различить лица друг друга.

— Как долго вас не было! — заметил дон Педро.

— Я прошел целых шесть миль. Но не в этом суть. Дело в том, что один человек, имя которого я не назову, решил помешать вашему возвращению домой. Нас преследует отряд апачей. Несмотря на принятые мною меры предосторожности, им удалось напасть на наш след. От этих хитрых демонов, зоркий глаз которых может уловить в воздухе след полета орла, ничто не укроется. Индейцы расположились здесь совсем близко, они готовят плоты и пироги, чтобы напасть на вас.

— Много их? — спросил дон Педро.

— Нет, человек двадцать, не больше. И только у шестерых есть ружья, у других только стрелы и копья. Знают, что вы безоружны, или, по крайней мере, так думают, и надеются захватить вас без боя.

— Но кто же так настойчиво преследует нас?

— Какое это имеет значение? Это странное и таинственное существо, жизнь которого — нескончаемая череда темных преступлений, сердце его — бездна, в которую никто не отваживается заглянуть, в том числе и он сам, при том, что он не боится ничего на свете. Но оставим это в стороне. Через два часа на вас будет совершено нападение. У вас есть три способа действовать в такой ситуации.

— А именно? — живо поинтересовался дон Педро.

— Первый — остаться здесь, ждать нападения и мужественно сражаться. Когда апачи увидят, что люди, вопреки их ожиданиям, вооружены, они могут лишиться мужества и уйти.

Донна Гермоза, разбуженная голосами, приблизилась к мужчинам и с беспокойством слушала их разговор. Дон Педро покачал головой.

— Этот способ кажется мне опасным, — сказал он, — потому что, если нашим врагам удастся закрепиться на скале, они одолеют нас численностью.

— Так, видимо, и произойдет, — согласился охотник.

— А каков второй способ?

— Эта скала сообщается посредством подземного перехода, пролегающего под рекой, с другою скалой, стоящей отсюда довольно далеко. Я выведу вас к ней, там мы сядем в лодку и, переправившись на другой берег, попробуем спастись на лошадях.

— Я предпочел бы этот способ, если бы наши лошади не были так утомлены и если бы можно было надеяться на возможность спастись таким образом ночью в условиях пустыни.

— Краснокожие знают так же хорошо, как и я, эту скалу. Возможно, они уже заблокировали выход, через который мы надеемся бежать.

— О! О! — печально резюмировал дон Педро. — Несмотря на ваше доброе намерение спасти нас, предлагаемые вами способы неудачны.

— Согласен с вами, но, к несчастью, не от меня зависит выбор.

— Ну а каков третий способ? — безнадежно прошептал дон Педро.

— Боюсь, что последний вам покажется еще менее состоятельным. Эта безумная и отчаянная попытка, которая таит в себе, может быть, надежду на успех, но при одном условии, если бы среди нас не было женщины, мы не имеем права подвергать ее одной опасности для того, чтобы избавиться от другой.

— Тогда нечего об этом и говорить, — сказал дон Педро, бросив горестный взгляд на дочь.

— Извините, папа! — вмешалась донна Гермоза. — Давайте посмотрим, что собой представляет этот способ, может быть, именно он нам и подойдет. Объясните, сеньор, — продолжала она, обращаясь к охотнику. — После того, что вы сделали для нас, мы поступили бы неблагодарно, если бы не последовали вашему совету. Я убеждена, что то, чего вы не решаетесь нам сказать, есть единственный способ спасения.

— Может быть, — ответил охотник, — но, повторяю, сеньорита, этот способ неудобен для вас.

Девушка выпрямилась, насмешливая улыбка скользнула по ее розовым губам, и она сказала слегка ироничным тоном:

— Стало быть, вы считаете меня слабой и малодушной, сеньор? Конечно, я всего лишь слабая женщина, но разве на протяжении нашего многочасового путешествия

вы не заметили, что мое сердце не ведает страха, и что мои нравственные силы восполняют физическую слабость, и что, наконец, я не теряю присутствия духа ни в какой ситуации.

Каменное Сердце внимательно выслушал девушку, и по мере того, как она говорила, лицо его светлело и загоралось ярким румянцем.

— Извините меня, сеньорита, — проговорил он дрогнувшим от волнения голосом. — Я был не прав. Сейчас все объясню.

— Я знала, — сказала она с кроткой улыбкой, — что вы будете мне объяснять.

— Апачи, как я вам говорил, расположились недалеко отсюда на берегу реки, уверенные, что им ничто не угрожает. Они спят, пьют водку или курят, ожидая часа, когда они должны на вас напасть. Нас пятеро, хорошо вооруженных и решительных. Мы знаем, что наше спасение всецело зависит от успеха нашей экспедиции. Я предлагаю высадиться на остров и неожиданно напасть на краснокожих. Может быть, нам удастся прорваться, и тогда мы будем спасены, потому что, потерпев поражение, они не осмелятся погнаться за нами. Вот что я хотел вам предложить.

Наступило довольно продолжительное молчание, которое, наконец, прервала донна Гермоза:

— Напрасно вы колебались сообщить нам этот план. Это действительно единственный способ спасения. Лучше храбро устремиться навстречу опасности, нежели малодушно дрожать, ожидая ее. Мы должны действовать, нам нельзя терять ни минуты.

— Дочь моя, — вскричал дон Педро, — ты с ума сошла! Мы обрекаем себя на верную смерть.

— Пусть так, папа. Наша судьба в руках Бога. Его покровительство было так очевидно до этой минуты. Он не оставит нас и теперь.

— Сеньорита права! — согласился управляющий. — Нападем на этих демонов внезапно, притом я убежден, что этот охотник, перед которым я искренне извиняюсь за свою подозрительность, сумеет незаметно подобраться к лагерю апачей.

— По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее.

— Если вы настаиваете, я согласен, — сказал со вздохом дон Педро.

Хотя пеоны не принимали участия в разговоре, они схватили поспешно винтовки, что свидетельствовало об их готовности исполнить свой долг.

— Следуйте за мною, — сказал охотник, зажигая факел.

Не рассуждая более, ведомые охотником мексиканцы вошли в подземелье. По пути они взяли лошадей, которым несколько часов отдыха возвратили подорванные силы, и продолжали двигаться к выходу. Над головою они слышали глухой и непрерывный шум воды. Вспугнутые светом факела ночные птицы срывались со своих мест и начинали кружить вокруг них со зловещими и неприятными криками.

Наконец охотник остановился.

— Подождите меня здесь, — сказал он и, отдав факел управляющему, убежал.

Отсутствие его продолжалось недолго, вскоре он вернулся.

— Пойдемте.

Они снова пошли за ним. Вскоре свежий воздух ударил им в лицо, и перед ними в темноте мелькнули две-три светлые точки: они дошли до второй скалы.

— Теперь надо удвоить осторожность, — сказал охотник. — Эти светлые точки, проглядывающие сквозь туман, — костры в лагере апачей. Слух у них тонкий. Малейший шум немедленно обнаружит наше присутствие.

Лодку опять спустили на воду и быстро разместились в ней. Дон Лючиано, сидя на корме, держал поводья лошадей, которые следовали за лодкой вплавь. Переправа длилась всего несколько минут, вскоре нос пироги глухо уткнулся в песок.

Место высадки было выбрано охотником как нельзя лучше. Высокая скала отбрасывала густую тень, надежно скрывавшую наших путешественников. А в двадцати шагах от берега начинался густой лес.

— Сеньорита останется здесь с пеоном караулить лошадей, — распорядился охотник. — А мы отправимся в путь.

— Нет, — решительно возразила девушка. — Я справлюсь одна, а вам лишний человек не помешает. Дайте мне пистолет, чтобы я могла защищаться, если на меня нападут, что маловероятно.

— Однако, — начал было охотник, — сеньорита...

— Я так хочу, — решительно сказала она, — поезжайте, и да хранит вас Господь!

Дон Педро судорожно прижал дочь к груди.

— Мужайтесь, папа, — сказала она, целуя его, — все будет хорошо.

Она выхватила у него пистолет и быстро удалилась, сделав прощальный знак рукой. Охотник в последний раз попросил своих спутников соблюдать осторожность, и маленький отряд двинулся за ним следом в лес.

Пройдя по-индейски с четверть часа, мексиканцы увидели впереди костры апачей. По знаку охотника они легли на землю и поползли, стараясь не производить шума. Они держали заряженные ружья наготове. Приблизившись почти вплотную к лагерю, они обнаружили, что пьяные апачи спят мертвецким сном. Только трое или четверо воинов, судя по ястребиному перу, воткнутому в волосы над ухом, начальников, сидели и курили с необычайной важностью, присущей индейцам.

По приказанию охотника мексиканцы рассредоточились и укрылись за стволами деревьев.

— Вы оставайтесь здесь, — сказал охотник шепотом, — а я войду в лагерь. Сидите неподвижно и ни в коем случае не стреляйте, пока я не брошу шляпу наземь.

Мексиканцы молча кивнули, и охотник исчез в кустах.

Из своего укрытия мексиканцы могли наблюдать за тем, что происходит в лагере краснокожих, и даже слышать их разговор, потому что всего несколько шагов отделяли их от костра, возле которого важно восседали начальники. Подавшись вперед, держа палец на курке винтовки, мексиканцы с лихорадочным нетерпением ждали сигнала охотника.

Минуты, предшествующие атаке, несут печать торжественности. Человек наедине с собою думает о предстоящем сражении и своей готовности принести собственную жизнь на алтарь победы. И как бы ни был он храбр, его обуревают чувство страха. В эти томительные минуты перед ним, как во сне, с головокружительной быстротой проходит вся его жизнь, и, странное дело, больше всего в этот момент его заботит мысль о том, что после смерти его ждет неизвестность.

Прошло минут десять после ухода охотника, когда в кустах с противоположной стороны от той, где притаились мексиканцы, послышался легкий шум. Апачские на-

чальники небрежно повернули головы и в отблесках костра увидели Каменное Сердце.

Охотник не спеша приблизился к ним и церемонно поклонился, не говоря ни слова. Начальники отвечали на его поклон с присущей у краснокожих вежливостью.

— Добро пожаловать, — сказал один из начальников. — Не угодно ли брату моему сесть у огня совета?

— Нет, — сухо ответил охотник, — мне некогда.

— Брат мой благоразумен, — продолжал начальник, — он бросил бледнолицых, потому что знает: Тигровая Кошка выдал их длинным стрелам апачских воинов.

— Я не бросал бледнолицых, брат мой ошибается. Я поклялся защищать их.

— Приказания Тигровой Кошки не позволяют этого.

— Я не обязан повиноваться Тигровой Кошке, я ненавижу коварство и не позволю краснокожим осуществить то, что они задумали.

— О! Брат мой говорит очень громко, — продолжал начальник. — Я слышал, как ястреб дразнил орла, но могущественная птица одним кончиком крыла умертвила его.

— Оставьте насмешки, начальник. Вы — один из самых знаменитых воинов нашего племени. Вы не согласитесь исполнить коварный замысел. Тигровая Кошка принимал этих путешественников в своем теокали, оказывал им гостеприимство, а вы знаете, что гостеприимство священо в пустыне.

Апач презрительно рассмеялся:

— Тигровая Кошка — великий начальник, он не захотел ни пить, ни есть с бледнолицыми.

— Это недостойное коварство.

— Бледнолицые — собаки и воры, апачи возьмут их скальпы.

— Негодяи! — вскричал охотник гневно. — Я тоже бледнолицый, бери же мой скальп.

Движением быстрым, как мысль, он бросил наземь шляпу, кинулся на индейского начальника и вонзил ему в сердце нож. В тот же миг прозвучали пять выстрелов, и другие начальники, сидевшие у костра, повалились наземь. Огнестрельное оружие было только у этих начальников.

— Вперед! Вперед! — кричал охотник, схватив свою винтовку и бросаясь на перепуганных апачей.

Мексиканцы немедленно устремились на помощь свое-

му проводнику. Завязалась ожесточенная схватка шести человек с пятнадцатью апачами, схватка тем более ужасная и тем более жестокая, что каждый знал: ему нечего ждать пощады. К счастью, у белых людей были пистолеты и они могли стрелять в упор в грудь своих врагов и только потом пустили в ход сабли. Индейцы были застигнуты врасплох. Они никак не ожидали нападения. Бледнолицые словно выросли из-под земли и в считанные минуты уложили добрую половину апачей, прежде чем остальные сообразили, что к чему, было уже поздно, дальнейшая борьба становилась невозможной.

— Остановитесь! — крикнул охотник.

Белые и краснокожие опустили оружие как бы по взаимному согласию. Охотник продолжал:

— Воины апачские, бросьте ваше оружие!

Они повиновались. По знаку охотника мексиканцы связали их без малейшего сопротивления с их стороны. Когда краснокожие осознают, что они побеждены, они покоряются с бесстрашием и с фанатичной верой в закон, который устанавливает победитель, как бы ни был жесток этот закон. Из двадцати апачских воинов в живых остались только восьмеро, остальные были убиты.

— На восходе солнца я приду возратить вам свободу, — сказал охотник. — А до тех пор не пытайтесь разорвать свои узы. Вы меня знаете, я прощаю только один раз.

Мексиканцы подобрали оружие, брошенное индейцами, и ушли. Лошади апачей паслись на конце лагеря. Каменное Сердце загнал их в лес.

— Теперь, — сказал охотник, — вернемся к сеньорите.

— Неужели вы действительно отпустите этих людей на свободу? — спросил дон Педро.

— Непременно. Неужели вы хотите, чтобы их растерзали живьем хищные звери?

— Это не было бы большим несчастьем, — заметил злопамятный дон Лючиано.

— Разве они не такие же люди, как и мы?

— О! — возразил тот. — Они так мало похожи на людей, что об этом не стоит и упоминать.

— Итак, вы намерены оказаться среди этих свирепых людей, обозленных случившимся. Вы не боитесь, что они вас убьют? — спросил, в свою очередь, дон Педро, на что охотник ответил с высокомерной усмешкой:

— Они не посмеют.

Дон Педро не мог сдержать удивления и продолжал:

— Краснокожие чрезвычайно мстительны.

— Да, — согласился охотник, — но я для них не человек.

— А кто же?

— Злой гений, — прошептал Каменное Сердце глухо.

Тем временем они дошли до того места, где оставили на поечение донны Гермозы лошадей. Шум битвы был хорошо слышен донне Гермозе, но мужественная девушка, одна в девственном лесу, не поддавалась вполне естественному страху, понимая важность порученного ей дела, и оставалась на месте. Держа по пистолету в каждой руке, она тревожно прислушивалась к звукам пустыни, полная решимости скорее умереть, чем попасть в руки индейцев.

Отец в нескольких словах рассказал ей о том, что произошло, и они поскакали во всю прыть.

Маленький отряд, предводительствуемый Каменным Сердцем, скакал всю ночь со скоростью, которую трудно себе представить.

На восходе солнца они выехали из леса. Перед ними открылись выжженные солнцем просторы пустыни. Они скакали еще два часа, не замедляя бега лошадей, и наконец остановились.

— Здесь мы расстанемся, — сказал охотник твердым, но грустным голосом.

— Уже? — донна Гермоза не могла скрыть своего огорчения.

— Благодарю за сожаление, сеньорита, но так надо. До вашей ачиенды осталось всего лишь несколько миль. Дорога здесь хорошая, и моя помощь больше вам не нужна.

— Мы не можем так просто с вами расстаться, сеньор, — сказал дон Педро, протягивая ему руку. — Я бесконечно вам обязан!

— Забудьте об этом, кабальеро, — перебил его молодой человек. — Забудьте обо мне. Мы не должны больше видеться. Вы возвращаетесь к цивилизованной жизни, а я — в пустыню. У нас разные дороги, лучше пожелайте, чтобы случай никогда больше не сводил нас. Я, — добавил он, взглянув на юную девушку, — я уношу о встрече с вами воспоминание, которое не изгладится из моей памяти ни-

когда. Теперь прощайте! А вот и вакеры из вашей ачиенды направляются вам навстречу. Вы в полной безопасности.

Он пригнул голову к шее лошади, повернул ее и ускакал. И вдруг, приподняв голову, он увидел скакавшую рядом с собой донну Гермозу.

— Остановитесь! — сказала она.

Он машинально повиновался.

— Возьмите, — продолжала она с волнением, протягивая ему тонкое золотое колечко. — У меня нет вещи драгоценнее этой. Кольцо это принадлежало моей матери, которую я не имела счастья знать. Сохраните его на память обо мне, сеньор.

Оставив кольцо в руке охотника, девушка ускакала прочь.

Крепость

Когда в Новом Свете утвердилось испанское владычество, правительство, чтобы обезопасить себя от набегов индейцев, основало на крайней границе своих владений посты, назвав их президио, и населило их преступниками всякого рода, от которых сочла нужным избавить Испанию.

Президио Сан-Лукар на реке Вермехо было создано одним из первых. Первоначально президио Сан-Лукар состояло только из одной крепости на северном берегу, на вершине крутого утеса, возвышающегося над рекою над южными окрестностями. Крепость эта представляла собою квадратное строение, обнесенное каменными стенами с тремя бастионами. Внутри крепости имеется капелла, пасторат и пороховой магазин. По сторонам расположено жилье преступников, обширное помещение для комсданта, казначея, гарнизонных офицеров и маленькая больница. Все постройки здесь одноэтажные с плоской итальянской крышей. Кроме того, правительство предусмотрело здесь обширные амбары, булочную, мельницу, две мастерские, слесарную и плотничью, а также конюшни для лошадей и рогатого скота.

Ныне крепость эта наполовину разрушилась, стены обваливаются со всех сторон, только жилые строения находятся в хорошем состоянии.

Президио Сан-Лукар разделяется на три части, две на северной и одна на южной стороне реки. Общий вид ее печален, здесь растут всего лишь несколько деревьев, и то только на берегу реки, что свидетельствует о неблагоприятной почве. Улицы засыпаны мелким песком и пылью.

Через три дня после событий, описанных нами в предыдущей главе, в два часа пополудни пять или шесть вакеров и леперов сидели в таверне Сан-Лукар на южном берегу реки и горячо спорили, прихлебывая водку большими глотками.

— Черт побери! — вскричал долговязый парень наглой наружности. — Мы что, не свободные люди? Если наш губернатор, сеньор дон Луис Педроза, продолжает собирать с нас такую непомерную дань, Тигровая Кошка не так уж далеко, чтобы нельзя было с ним договориться. Хотя он теперь индейский начальник, он белой породы без всякой примеси и кабальеро с головы до ног.

— Молчи, Паблито, — возразил другой, — уж лучше бы ты проглотил свои слова с водкой, чем болтать подобные глупости.

— Я хочу говорить! — не унимался Паблито, который смачивал себе глотку обильнее, чем другие.

— Разве ты не знаешь, что на нас из мрака смотрят невидимые глаза, невидимые уши улавливают все, что мы говорим, и потом используют их в своих интересах.

— Полно! — пожал плечами первый. — Ты всегда всего боишься, Карлочо, а мне на шпионов наплевать!

— Паблито! — одернул его тот, приложив палец к губам.

— Что? Не прав я? Зачем дон Луис желает нам зла?

— Вы ошибаетесь, — перебил третий, — дон Луис желает вам добра, и доказательством тому служит то, что он берет у вас как можно больше.

— Этот черт Верадо — настоящий мошенник! — расхохотался Паблито. — Что ж! После нас хоть потоп!

— А пока будем пить, — сказал Верадо.

— Да, — подхватил Паблито, — будем пить, утопим заботы в рюмке. И разве дон Фернандо Карриль не поможет нам в случае надобности?

— Еще одно имя, которое должно застревать у тебя в горле, особенно здесь! — воскликнул Карлочо гневно, ударив по стойке кулаком. — Разве ты не можешь сдерживать язык, проклятая собака?

Паблито нахмурился и искоса взглянул на товарища.

— Уж не хочешь ли ты давать мне уроки? Черт побери! Ты выводешь меня из терпения!

— Почему же не преподать тебе урок, если ты нуждаешься в этом? — ответил тот хладнокровно. — Вот уже два

часа ты накачиваешься вином и стал подобен меху. Вот и мелешь вздор, как старая баба. Замолчи или ступай спать.

— Ты заплатишься мне за эти слова! — взревел Паблито, изо всех сил воткнув нож в стойку.

— Ну что ж! Кровопускание пойдет тебе на пользу. У меня так и чешутся руки пырнуть ножом в твою гадкую морду.

— Ты сказал «гадную морду»?

Паблито бросился на Карлочо, изготовившегося для отпора. Другие вакеры и леперы стали между ними, пытаются их разнять.

— Эй, кабальеро! — сказал трактирщик, сочтя своевременным вмешаться в распрю. — Помиритесь, ради Бога! Не ссорьтесь здесь. Если вы хотите объясниться, это можно сделать на улице.

— Трактирщик прав, — согласился Паблито. — Пойдем, если ты мужчина.

— С удовольствием.

Оба вакера в сопровождении своих товарищей отправились на улицу. Достойный же трактирщик, стоя на пороге харчевни, засунув руки в карманы панталон, насвистывал песенку в предвкушении драки. Паблито и Карлочо, которые уже сняли шляпы, чтобы прикрываться ими, как щитом, жеманно поклонились друг другу, обернули левые руки своими накидками, вытащили из-за пояса длинные ножи и, не говоря ни слова, заняли исходную позицию с поистине удивительным хладнокровием.

Поединки такого рода, который, впрочем, только один известен в Мексике, состоят в том, чтобы нанести удар в лицо своему противнику. Удар, нанесенный выше пояса, считается недостойным настоящего кабальеро. Оба противника, приняв надежную стойку и откинув голову назад, пристально смотрели друг на друга, пытаясь угадать тактику противника ловко отражать удары и оставить противнику шрам на лице. Другие вакеры, с маисовыми пахитосками во рту, следили за сражением с бесстрастным взглядом и рукоплескали тому, кто оказывался более ловким.

Борьба продолжалась с равным успехом для противников уже несколько минут, когда Паблито, зрение которого утратило свою остроту из-за обильных возлияний, замешкался на одну секунду, и нож Карлочо рассек ему лицо во всю длину.

— Bravo! Bravo! — разом возопили вакеры. — Вот это удар так удар!

Противники же, польщенные одобрением товарищей, отступили на шаг, поклонились зрителям, вложили ножи в ножны, отвесили друг другу церемонный поклон и, обменявшись рукопожатием, воротились в таверну.

Вакеры представляют собой особый сорт людей, нравы которых совершенно неизвестны в Европе. Сан-лукарские вакеры являются их своеобразным эталоном. Родившись на индейской границе, они приобрели кровожадные привычки и презрение к опасности. Неутомимые игроки, они не выпускают карт из рук. Жизнь они не ставят ни в грош. Игра рождает уйму поводов для ссор, когда в ход пускается нож. Не думая ни о будущем, ни о настоящем, они одинаково безразличны и к жизни, и к смерти, перед лицом опасности никогда не задумываются о последствиях своих поступков. Однако люди эти, которые легко бросают свою семью ради того, чтобы жить на свободе среди дикарей, люди, которые бездумно проливают кровь себе подобных, которые беспощадны в своей ненависти, — эти люди обладают такими качествами, как преданность и необыкновенная самоотверженность. Характер их отличается странная смесь добра и зла, необузданных пороков и истинной добродетели. Это лентяи, игроки, забияки, пьяницы, люди жестокие, гордые, но вместе с тем необычайно храбрые и преданные друг другу или хозяину, которого сами же и выбирают. С детства они привычны к крови, так как в ачиендах им поручен убой скота. Поэтому их совершенно не пугает и человеческая кровь. Шутки их так же грубы, как и нравы. Самая невинная заключается в том, чтобы грозить друг другу ножом по самому ничтожному поводу.

Тем временем как вакеры, воротившись в таверну, скрепляли водкой восстановленный мир, в таверну вошел человек, закутанный в плащ, и в шляпе, надвинутой на глаза. Он молча приблизился к стойке, окинул присутствующих равнодушным взглядом, закурил пахитоску и три раза ударил по стойке пиастром, который держал в руке.

При этом неожиданном жесте посетителя, походившем на сигнал, вакеры мгновенно умолкли, словно пораженные молнией. Паблито и Карлочо вздрогнули, пытаясь угадать черты незнакомца, скрытые плащом и шляпой, в

то время как Верадо поспешно отвернулся, дабы спрятать лукавую улыбку.

Незнакомец между тем бросил недокуренную пахитоску и вышел из таверны так же неожиданно, как пришел. Через минуту Паблито и Карлочо, сделав вид, будто вспомнили о чем-то важном, покинули таверну. Верадо проскользнул вдоль стены до двери и побежал вслед за ними.

— Гм! — пробормотал трактирщик. — Не иначе как эти три негодяя замышляют какое-нибудь грязное дело, где полетит не одна голова. Ну, да это их дело!

Другие вакеры, увлеченные игрой, склонившись над картами, не обратили внимания на исчезновение товарищей.

Незнакомец же в плаще и шляпе, отойдя от таверны, обернулся. Оба вакера шли почти следом и беседовали, как двое праздных людей, вышедших прогуляться. Сделав едва заметный знак вакерам, незнакомец продолжал идти по дороге, которая постепенно поднималась вверх по холму, превращаясь в тропинку, уходившую в лес.

Там, где дорога переходила в тропинку, незнакомца и двух вакеров обогнал всадник, рысью направлявшийся в президио. Однако озабоченные серьезными мыслями, ни незнакомец, ни вакеры не обратили на него внимания. Всадник же бросил на них проницательный взгляд и, постепенно замедляя бег лошади, остановился в нескольких шагах от них.

«Прости меня, Господи! — сказал он себе. — Это или дон Фернандо Карриль или сам дьявол во плоти? Этот дурак Капоте опять промахнулся! Какое у него может быть дело с этими двумя разбойниками, которых, судя по наружности, можно принять за помощников сатаны? Пусть я лишусь моего имени Торрибио Квируга, если не узнаю, в чем дело».

Он быстро соскочил с лошади.

Сеньор дон Торрибио Квируга был человек лет тридцати пяти, роста несколько ниже среднего, плотного телосложения. Однако во всем его облике чувствовалась недюжинная сила. Маленькие серые глаза, сверкавшие коварством и смелостью, озаряли его невзрачную физиономию. На нем был типичный костюм мексиканца среднего сословия.

Сойдя на землю, он осмотрелся по сторонам, но не нашел никого, кому мог бы поручить свою лошадь, по-

тому что в Сан-Лукаре почти невероятно увидеть на улице одновременно двух прохожих. Он в сердцах топнул ногой, намотал узду на руку, отвел лошадь в таверну, которую только что покинули вакеры, и поручил ее трактирщику. Исполнив этот святой долг, потому что самый преданный друг мексиканца — его лошадь, дон Торрибио поспешил назад, нимало не заботясь о предосторожностях, как человек, который намерен выследить кого-то, полагая остаться незамеченным. Вакеры тем временем успели скрыться за песчаным холмом. Однако дон Торрибио увидел, как они поднимаются по крутой тропинке, ведущей в густой лес.

Будучи уверенным, что непременно найдет их, дон Торрибио пошел медленнее и, чтобы отвести от себя всякое подозрение, закурил сигару. Вакеры, к счастью для него, не обернулись ни разу и вошли в лес вслед за человеком, в котором дон Торрибио узнал дона Фернандо Карриля. Когда дон Торрибио, в свою очередь, подошел к лесу, он для начала повернул немного направо, потом лег на землю и стал ползти очень осторожно, чтобы нарушенная пелена тумана не привлекла внимания вакеров. Вскоре он расслышал голоса и, приподняв голову, на прогалине совсем рядом увидел ту самую троицу, что-то горячо обсуждавшую между собой. Он поднялся с земли, укрылся за кленовым деревом и стал слушать.

Дон Фернандо Карриль сбросил плащ, и, прислонившись к дереву, с видимым нетерпением слушал Паблито. Руки дона Фернандо в перчатках, на ногах — лакированные сапоги, роскошь, неслыханная на этой отдаленной границе. Костюм его, чрезвычайно богатый, совершенно не походил на костюм вакеров. На шейном платке у него красовался огромный бриллиант, а ткань на плаще стоила не менее пятисот пиастров.

Пока мы ограничимся этим кратким описанием дона Фернандо. За два года до начала этого рассказа дон Фернандо Карриль приехал в Сан-Лукар. Никто его не знал, не знали, ни откуда он приехал, ни от кого получил свое огромное состояние, ни где его имение. Дон Фернандо купил в нескольких милях от Сан-Лукара ачиенду и под предлогом защиты от индейцев укрепил ее, окружил палисадами и рвами и даже оснастил двумя небольшими пушками. Таким образом он оградил свою жизнь от любопытных. Хотя его ачиенда была закрыта для каких-ли-

бо визитеров, он сам был желанным гостем самых знатных семей Сан-Лукара и частенько их навещал. Однако время от времени он, ко всеобщему удивлению, исчезал на целые месяцы.

Дамы напрасно пускали в ход свои обворожительные улыбки, мужчины — изощренные вопросы, чтобы хоть что-нибудь выведать у дона Фернандо. Дон Луис Педроза, которому положение губернатора давало право на любопытство, несколько беспокоился по поводу дона Фернандо, но в конце концов должен был отступить, полагаясь на время, которое рано или поздно срывает самые плотные покровы и обнаруживает тайны. Вот какой был человек, слушавший Паблито на прогалине, и вот все, что было о нем известно.

— Хватит, — вдруг вспыхнул он. — Ты собака и собачий сын.

— Сеньор! — робко сказал Паблито.

— Я с удовольствием прикончил бы тебя, негодяй!

— Вы мне угрожаете?! — вскричал вакер, побледнев от бешенства и обнажая нож.

Дон Фернандо схватил его за руку и так сильно сжал, что Паблито застонал.

— На колени и проси прощения, — сказал дон Фернандо и бросил негодяя наземь.

— Нет, лучше убейте меня.

— Пошел прочь отсюда. Ты — настоящая скотина.

Вакер с трудом, шатаясь, встал на ноги. Кровь прилила к глазам, губы посинели, все тело дрожало. Он поднял нож и подошел к дону Фернандо, который стоял, скрестив руки.

— Да, — сказал он. — Я скот, но все-таки вас люблю. Простите меня или убейте, только не прогоняйте.

— Убирайся, говорю тебе!

— Это ваше последнее слово?

— Да, убирайся прочь.

— А! Так-то? Ну и ладно, когда так!

Вакер мгновенно выхватил нож, чтобы нанести себе удар.

— Я прощаю тебя, — сказал тогда дон Фернандо, останавливая руку Паблито. — Но если ты хочешь продолжать служить мне, оставайся нем, как мертвец.

Вакер упал к его ногам и стал осыпать его руку поцелуями, точь-в-точь как собака, которая лижет руку гос-

подина, побившего ее. Карлочо все это время оставался бесстрастным свидетелем этой сцены.

— Какое могущество таит в себе этот человек, чтобы снискать такую безмерную любовь? — прошептал дон Торрибио, по-прежнему скрываясь за деревом.

После краткого молчания дон Фернандо Карриль заговорил:

— Я знаю, что ты мне предан, и питаю к тебе полное доверие. Но ты пьяница, а вино — дурной советник.

— Я не стану больше пить, — поспешил заверить вاکер.

Дон Фернандо презрительно усмехнулся:

— Пей, но не до потери разума. В пьяном виде произносятся слова, которые могут оказаться страшнее кинжала. Вот как сегодня. Не господин сейчас говорит с тобою, а друг. Могу я положиться на вас обоих?

— Да, — ответили вاکеры.

— Я отлучусь на несколько дней. Зорко следите за здешними окрестностями. Недалеко отсюда находится ачиенда Лас-Нориас де Сан-Антонио. Вы знаете ее?

— Кто не знает дона Педро де Луна! — воскликнул Паблито.

— Так вот, как следует наблюдайте за этой ачиендой и снаружи и внутри. Если вы заподозрите что-нибудь необычное в отношении дона Педро или донны Гермозы, один из вас должен немедленно предупредить меня. Вы знаете, где меня найти?

Вакеры утвердительно закивали головами.

— Обещаете ли вы мне исполнять быстро и четко каждое из моих приказаний, как бы непонятны они ни были?

— Клянемся.

— Хорошо. И последнее: сойдите как можно ближе с вакерами. Постарайтесь, не возбуждая подозрения, которое, как известно, всегда спит с открытым глазом, собрать отряд решительных людей. Да, кстати, остерегайтесь Верадо. Это предатель. У меня есть доказательство, что он шпионит за мной в пользу Тигровой Кошки.

— Убить его? — холодно спросил Карлочо.

— Возможно, это было бы благоразумно, только освободиться от него надо без шума.

Вакеры украдкой переглянулись, но дон Фернандо сделал вид, будто ничего не заметил.

— Нужны вам деньги?

— Нет, — ответили вакеры, — у нас пока есть еще немало.

— Все равно, вот возьмите. Лучше всегда иметь в запасе. — И он бросил Карлочо увесистый кошелек. — Теперь, Паблито, приведи мою лошадь.

Вакер исчез в лесу и почти сразу же вернулся, ведя за узду великолепную лошадь.

— Прощайте! — сказал дон Фернандо. — Запомните, осторожность и верность. Нескромность будет стоить вам жизни.

Дружески поклонившись вакерам, он пришпорил лошадь и поскакал в сторону президио. А вакеры отправились восвояси.

Не успели они пройти некоторое расстояние, как кусты на обочине прогалины зашевелились, и оттуда высунулась голова человека, бледного от страха. Это был Верадо, который, с ножом в одной руке и с пистолетом в другой, приподнялся на цыпочках и, испуганно озираясь по сторонам, вполголоса забормотал:

— Черт побери! Убить меня без шума! Посмотрим! Посмотрим! Какие демоны! Э! Оказывается, подслушивать полезно.

— Это единственный способ услышать, — сказал насмешливый голос.

— Кто это? — вскричал Верадо, метнувшись в сторону.

— Друг, — ответил дон Торрибио Квируга, выходя из-за дерева.

— А! Сеньор дон Торрибио Квируга, добро пожаловать. И вы также подслушивали?

— Подслушивал? Еще бы! Я воспользовался этим случаем, чтобы выяснить кое-что о доне Фернандо.

— Ну и что же вы думаете о нем после того, что услышали?

— Этот кабальеро кажется мне довольно таинственным злодеем, но с Божьей помощью мы разрушим его козни.

— Хорошо, если так! — воскликнул Верадо.

— Что же намерены вы делать?

— Право, не знаю. У меня голова идет кругом. Понимаете ли, они хотят убить меня без шума. По моему мнению, Паблито и Карлочо — самые отвратительные злодеи в пустыне.

— Ну, я давно их знаю. Сейчас они не особенно меня беспокоят.

— А меня, признаюсь, они беспокоят, и даже очень.

— Полноте, вы еще живы, черт побери!

— Мне от этого не легче. Я нахожусь между дьяволом и смертью.

— Полноте! Неужели вы боитесь? Ведь вы — самый смелый охотник на ягуаров.

— Ягуар всего лишь ягуар. С ним можно справиться с помощью ружья, а два злодея, которых дон Фернандо напустил на меня, настоящие дьяволы, безбожники и беззаконники, зарежут родного отца за мерку водки.

— Это правда. Приступим же к делу. По причинам, которые вам нет необходимости знать, я чрезвычайно интересуюсь доном Педро де Луна, а особенно его очаровательной дочерью. Дон Фернандо Карриль, судя по тому, что мы только что узнали, замышляет против этого семейства какой-то страшный заговор, который я хочу расстроить. Вы согласны мне помогать? Два человека многое могут сделать, если будут действовать сообща.

— Итак, вы мне предлагаете товарищество, дон Торрибио?

— Называйте это как хотите, но отвечайте мне поскорее.

— Когда так, откровенность за откровенность, дон Торрибио. Сегодня утром я наотрез отказался от вашего предложения, а вечером принимаю его, потому что мне нечего больше терять. Мое положение совершенно безвыходно. Убить меня без шума! Ей-богу, я отомщу! Я принадлежу вам, дон Торрибио, как мой нож — своей рукоятке. Я буду предан вам и телом и душой, даю вам слово вакера.

— Прекрасно! Я вижу, мы легко можем понять друг друга.

— Скажите, что мы уже поняли, и это будет истинная правда.

— Хорошо, но надо принять необходимые меры предосторожности, для того, чтобы добиться успеха. Дичь, за которой мы собираемся охотиться, поймать нелегко. Вы знаете лепера по имени Тонилю эль-Сапоте?

— Знаю ли я Тонилю? — радостно вскричал вакер. — Это мой кум!

— Тем лучше! Этот Тонилю — человек решительный, на которого можно положиться без опасения.

— Это истинная правда. Более того, у него прекрасные правила.

— Действительно. Отыщите его и сегодня вечером, через час после заката солнца, ступайте вместе с ним в Каллехон де Лас-Минас.

— Понятно.

— Там мы втроем составим план действий.

— Да, и будьте уверены, мы с Тонильо найдем способ избавить вас от этого человека, который замыслил убить меня без шума.

— Кажется, это очень вас тревожит?

— Еще бы! Поставьте себя на мое место. Впрочем, кто доживет, увидит: дону Фернандо не удастся разделаться со мною так, как он это замыслил.

— Итак, решено, сегодня вечером в Каллехоне с Тонильо?

— Мы будем там оба, если даже мне придется привести его насильно.

— Теперь каждый из нас отправится по своим делам.

— Понятно. А вы в какую сторону направляетесь?

— Прямо в ачиенду дона Педро де Луна.

— Послушайте, дон Торрибио, не говорите ему ни о чем.

— Меня не надо предупреждать, Верадо!

— Я сказал вам это потому, что дон Педро, хотя это человек прекрасный и совершеннейший кабальеро, может быть, придерживается немножко отсталых взглядов, и он, вероятно, будет стараться отговорить вас.

— Может быть, вы правы. Пусть он лучше не знает об услуге, которую я хочу ему оказать.

— Да, да, это гораздо лучше. Итак, дон Торрибио, до вечера!

— До вечера в Каллехоне. Прощайте, желаю вам успеха.

Они расстались. Дон Торрибио Квируга зашагал к трактиру, где он оставил свою лошадь на попечении трактирщика, между тем как Верадо, лошадь которого была спрятана поблизости, вскочил в седло и помчался вскачь, бормоча сквозь стиснутые зубы:

— Убить меня без шума! Чего захотел! Ну, посмотрим, посмотрим!

Донна Гермоза

Каменное Сердце не ошибся, когда сказал своим подопечным, что облако пыли вдали было поднято слугами ачиенды, спешившими им навстречу. Действительно, не успел охотник удалиться, как облако пыли, быстро приближавшееся, вдруг рассеялось, и наши путешественники увидели многочисленный отряд вакеров и пеонов, скакавших во всю прыть. Возглавлял отряд дон Эстеван Диас, не переставший бранить своих спутников за то, что они, как ему казалось, едут слишком медленно. Скоро оба отряда встретились. Эстевана Диаса, как и предвидел дон Педро, встревожило продолжительное отсутствие хозяина, и, опасаясь, не случилась ли с ним беда, он быстро собрал самых надежных людей в ачиенде и отправился на его поиски. Он со своим отрядом изъездил пустыню вдоль и поперек. Однако без счастливой случайности, которая свела путешественников с Каменным Сердцем в ту минуту, когда у них уже не оставалось ни мужества, ни сил, вероятно, эти поиски так ничем и не окончились бы, а в мрачную летопись здешних мест вписалась бы еще одна зловещая и страшная трагедия.

Велика была радость дона Эстевана и его спутников, когда они отыскиали тех, кого опасались уже никогда не увидеть, и все весело направились к ачиенде, куда и прибыли два часа спустя.

Едва донна Гермоза сошла с лошади, как, сославшись на усталость, удалилась в свою комнату.

Войдя в свою чистую спокойную спальню, донна Гермоза окинула взором дорогое ей убранство комнаты и инстинктивно опустилась на колени возле статуи святой

Девы, которая стояла в углу, убранная цветами, словно для того, чтобы охранять ее.

Молитва девушки, обращенная к святой Деве, была продолжительной. Около часа, стоя на коленях, донна Гермоза шептала слова, которые никто не мог слышать, кроме Бога. Наконец она поднялась медленно, словно нехотя, перекрестилась в последний раз и опустилась на диван, погрузившись в глубокие раздумья. Что могло серьезно занять ум прежде всегда веселой и беззаботной девушки, жизнь которой с первого дня рождения была сплошной радостью и над ее головкой всегда было безоблачное ясное небо, сулившее ей такое же радостное ощущение? Почему же сейчас брови ее постоянно хмурились, образуя едва приметную морщинку на ее светлом лбу?

Никто и даже сама Гермоза не могли бы объяснить. Не отдавая себе отчета в свершившихся в ней переменах, донна Гермоза словно бы пробуждалась от долгого сна. Сердце ее билось чаще, кровь стремительнее текла в жилах. И неведомые доселе мысли все чаще посещали ее, возбуждая головокружение. Словом, девушка становилась женщиной. Внезапное беспокойство без всякой видимой на то причины сменялось раздражительностью, ни с того, ни с сего она вдруг начинала рыдать, но в следующую же минуту на прескрасных устах появлялась очаровательная улыбка. Вся эта изменчивость в настроении диктовалась мыслями, которые теперь неотступно будоражили ее сознание и которые невозможно было прогнать, дабы снова обрести спокойствие и беззаботную веселость, которых она лишилась почти навсегда.

— О! — воскликнула она однажды. — Я хочу его узнать!

Девушка внезапно нашла объяснение своему внутреннему состоянию, она любила, или, по крайней мере, ее сердце уже созрело для любви. Однако, произнеся вслух неожиданно вырвавшиеся у нее слова, девушка смутилась и поспешила набросить покрывало на статую Мадонны. Мадонна, которой девушка привыкла поверять все свои мысли, не должна теперь знать ее женские тайны. Эту деликатность в своем святом веровании Гермоза немедленно уловила.

Возможно, она сама сомневалась в себе, и чувство, пробудившееся в ее сердце так внезапно и с такой силой,

казалось ей недостаточно чистым для того, чтобы поверять ей свои желания и надежды.

Укрыв статую Мадонны покрывалом, которое, по ее представлениям, должно было скрыть ее мысли от пронизательного взора небесной покровительницы, донна Гермоза позвонила.

Дверь тихо отворилась, и прелестная чола просунула свое лукавое личико в отверстие двери.

— Войди, — сказала донна Гермоза, сделав ей знак приблизиться.

Чола, стройная девушка с гибким станом и прелестная, как все метиски, грациозно опустилась на колени у ног своей барышни и, устремив на нее большие черные глаза, сказала с улыбкой:

— Чего желаете вы, нинна?

— Ничего, Кларита, — уклончиво ответила донна Гермоза. — Просто мне захотелось повидаться и поговорить с тобою.

— О, какое счастье! — радостно воскликнула девушка, захлопав в ладоши. — Я так давно не видала вас, нинна!

— Тебя очень тревожило мое отсутствие, Кларита?

— Можете ли вы спрашивать, сеньорита? Я вас люблю как сестру. Я слышала, вы подвергались большим опасностям?

— Кто это сказал? — рассеянно спросила донна Гермоза.

— Все только и говорят о том, что случилось в пустыне. Пеоны бросили работать, чтобы послушать об этом. В ачиенде все очень беспокоились.

— А!

— В те два дня, когда вас нигде не могли найти, мы не знали, какому святому молиться. Я дала обет — пожертвовать золотое колечко моей доброй покровительнице св. Кларе.

— Благодарю, — улыбнулась Гермоза.

— Но больше всех переживал дон Эстеван Диас. Он места себе не находил и в том, что случилось с вами, винил себя. Он бил себя в грудь, уверяя, что должен был послушаться вашего отца и остаться с вами, несмотря на его приказание.

— Бедный Эстеван! — сказала донна Гермоза, думавшая в это время совсем о другом человеке и которую начинала утомлять болтовня ее камеристки. — Он любит меня, как брат.

— Это правда. Он поклялся своей головой, что этого никогда больше не случится с вами и что теперь он уже не оставит вас никогда и ни при каких обстоятельствах.

— О! Стало быть, он очень за меня беспокоился?

— Вы не можете себе этого представить, нинна, тем более что вы, кажется, оказались в руках самого свирепого пирата.

— Однако, уверяю вас, что человек, приютивший нас, окружил нас заботой и вниманием.

— Так говорит ваш отец, но дон Эстеван уверяет, что он давно знает этого человека, что доброта его притворна и что за ней скрывается какая-то хитрость.

Донна Гермоза вдруг задумалась.

— Дон Эстеван сумасшедший, — сказала она. — Его дружеские чувства ко мне сбивают его с толку. Я убеждена, что он ошибается. Но ты заставила меня вспомнить, что по приезде я убежала, не поблагодарив его. Я хочу загладить эту невольную оплошность. Он еще в ачиенде?

— Кажется, да, сеньорита.

— Ступай узнай и, если он еще не ушел, попроси его ко мне.

Камеристка проворно встала и удалилась.

— Если он его знает, — прошептала девушка, оставшись одна, — он должен будет сообщить мне то, что меня интересует.

Она с нетерпением ждала возвращения камеристки. Та как будто угадывала нетерпение своей госпожи и поспешила исполнить данное ей поручение. Не прошло и пяти минут после ее ухода, как она доложила о доне Эстеване.

Мы уже сказали, что дон Эстеван был красавец с львиным сердцем, с орлиным взором, изящные манеры которого свидетельствовали о благородном происхождении. Он вошел, поклонившись донне Гермозе дружески, без излишней церемонности, что вполне допускали его продолжительные, неизменно добрые отношения с нею, потому что он, так сказать, видел, как она родилась.

— Ах! Эстеван, друг мой, — радостно сказала она, протягивая ему руку, — я рада вас видеть! Сядьте и поговорим.

— Поговорим, — в тон ей весело отвечал молодой человек.

— Подай стул дону Эстевану, чола, и уходи. Ты свободна.

Камеристка повиновалась.

— О, как много я вам расскажу, друг мой! — продолжала девушка.

Эстеван улыбнулся.

— Во-первых, — продолжала она, — извините, что я убежала. Мне необходимо было остаться одной, чтобы несколько поправить мои мысли.

— Я это понимаю, милая Гермоза.

— Итак, вы на меня не сердитесь, Эстеван?

— Нисколько, уверяю вас.

— Правда? — спросила она с напускной серьезностью.

— Пожалуйста, не будем говорить об этом, милое дитя. После того, что вам довелось пережить, это вполне естественно. Это еще долго будет давать о себе знать.

— О, конечно! Однако, откровенно говоря, мой добрый Эстеван, эти опасности были не так велики, как ваше дружеское расположение ко мне заставило вас предположить.

Молодой человек решительно покачал головой.

— Вы ошибаетесь, нинна, — сказал он, — эти опасности, напротив, были гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Нет, Эстеван, уверяю вас, люди, которых мы встретили, оказали нам самое дружеское гостеприимство.

— Я допускаю, но отвечу вам только одним вопросом.

— Спрашивайте, я отвечу, если смогу.

— Знаете ли вы человека, который предложил вам это дружелюбное гостеприимство? — спросил Эстеван, делая ударение на последних двух словах.

— Признаюсь, я этого не знаю, и мне даже не пришлось в голову спросить.

— Напрасно, сеньорита, а то вы узнали бы, что его зовут Тигровая Кошка.

— Тигровая Кошка! — вскричала она, побледнев. — Это самый ужасный злодей, который уже много лет нагоняет страх на обитателей этих краев! О, вы ошибаетесь, Эстеван, этого не может быть, это не он!

— Нет, сеньорита, я не ошибаюсь, я ручаюсь за свои слова. А то, что я узнал от вашего отца, не оставляет ни малейшего сомнения на этот счет.

— Но почему же тогда этот человек так радушно нас принял и не воспользовался случаем, когда мы оказались в его власти?

— Никто не способен проникнуть в тайники души это-

го человека. К тому же вы не знаете, а он мог расставить вам ловушку. Не преследовали ли вас краснокожие?

— Это правда, но мы избавились от них благодаря нашему проводнику, — сказала донна Гермоза с легким трепетом в голосе.

— Все так, — продолжал молодой человек иронично, — но знаете ли вы, кто этот проводник?

— Несмотря на настойчивую просьбу отца, он так и не назвал своего имени.

— У него были на то причины, нинна, потому что имя это повергло бы вас в ужас.

— Да кто же этот человек?

— Сын Тигровой Кошки, тот, кого называют Каменное Сердце.

Донна Гермоза непроизвольно отпрянула назад, закрыв лицо руками.

— О, это невозможно! — вскричала она. — Этот человек не может быть чудовищем. Он был так предан нам, он спас мне жизнь!

— Как! — удивился молодой человек. — Что вы хотите сказать? Он спас вам жизнь?

— Разве вы этого не знали? Разве мой отец вам этого не рассказывал?

— Нет, дон Педро ничего такого мне не говорил.

— Тогда я вам скажу, Эстеван, потому что, кто бы ни был этот человек, надо отдать ему справедливость: если я не умерла в страшных муках, то обязана этим только ему одному.

— Ради Бога, объясните, Гермоза, все по порядку.

— Когда мы блуждали по лесу, — продолжала она с необычайным волнением, — и пребывали в полном отчаянии, ожидая смерти, которая не замедлила бы явиться, меня вдруг ужалила змея, самая опасная из всех. Поначалу я терпела боль, чтобы не подвергать в еще большее отчаяние моих спутников.

— О! — восторженно воскликнул он. — Я вас узнаю, нинна! В любых обстоятельствах вы тверды и мужественны!

— Да, — ответила она с печальной улыбкой. — Но слушайте дальше! Вскоре боль сделалась нестерпимой, и силы изменили мне. В эту-то минуту Господь и послал нам тогда того, кого вы называете Каменным Сердцем. И он решил мне помочь.

— Странно! — прошептал Эстеван с задумчивым видом.

— С помощью каких-то листьев он сумел предотвратить действие яда, и через несколько часов я почувствовала облегчение, а потом и вовсе исцелилась. Ну, как вы считаете теперь, обязана я ему жизнью?

— Нет, — уверенно ответил Эстеван, — потому что, при том, что он действительно вас спас, я не могу угадать, с какой целью он это сделал.

— С целью меня спасти, просто из человеколюбия, что, впрочем, доказало его последующее поведение. Своим избавлением от преследовавших нас апачей мы обязаны ему одному.

— Все, что вы рассказываете, нинна, кажется мне невероятным сном. Слушая вас, я не пойму, сплю я или бодрствую.

— Но разве этот человек совершал какие-нибудь гнусные поступки, что у вас сложилось о нем такое дурное мнение?

Эстеван Диас не отвечал, он казался сконфуженным. Наступило минутное молчание.

— Говорите, друг мой, я вас слушаю.

— Гермоза, — продолжал он. — будьте осторожны, не позволяйте себе неблагоразумно следовать порывам вашего сердца. Берегите себя от горьких разочарований в будущем. Каменное Сердце, как я вам сказал, сын Тигровой Кошки. ☹ его отец мне нечего вам сказать. Это чудовище приобрело слишком кровавую репутацию, чтобы необходимо было входить в какие-либо подробности. «Слава» отца, создавшего репутацию убийцы и грабителя, естественно, отразилась на сыне. Его боятся так же, как и отца. Однако, справедливости ради, я должен признать, что, хотя его и обвиняют в страшных злодеяниях, каких-либо доказательств на этот счет не существует. Он сам и его жизнь окружены непроницаемой таинственностью. Существует много домыслов на этот счет, но истинной правды никто не знает.

— Ах! — воскликнула донна Гермоза. — Эти слухи ошибочны.

— Не спешите брать его под защиту, Гермоза. Как говорится, в каждом слухе есть доля истины. Впрочем, уже одно его ремесло могло бы служить уликою против этого человека.

— Я вас не понимаю, Эстеван. Какое ремесло вы имеете в виду?

— Каменное Сердце — охотник за пчелами.

— Как? Охотник за пчелами? — перебила его донна Гермоза, смеясь. — Но мне это ремесло кажется самым невинным.

— Да, название приятно звучит на слух. Ремесло само по себе совершенно невинное, но пчелы, эти часовые цивилизации, которые, по мере того как белые завладевают Америкой, проникают в самые неприступные пустыни, требуют от людей, охотящихся за ними, совершенно особой закалки, бронзового сердца в железном теле, твердой решимости, неукротимого мужества и воли.

— Простите, я перебую вас, Эстеван, но все, что вы говорите, только делает честь таким людям, решающимся на такое опасное ремесло.

— Да, — продолжал он, — вы были бы правы, если бы эти люди, полудикие по причине жизни, какую они ведут, непрерывно подвергающиеся серьезным опасностям, принужденные постоянно защищать свою жизнь от краснокожих и от хищных зверей, подстерегающих их на каждом шагу, не взяли бы за правило убивать людей, и делают они это совершенно равнодушно. Для них убить человека все равно, что коптить пчелиный улей. Часто они убивают просто от нечего делать, стреляют в первого встречного белого или краснокожего, словно в мишень. Поэтому индейцы боятся их гораздо больше, чем хищных зверей. И они бегут от охотника за пчелами с большим страхом и поспешностью, нежели от серого медведя, самого лютого обитателя наших американских лесов. Поверьте, нинна, я ничего не преувеличиваю. Когда эти люди появляются на границах, начинается всеобщая паника, потому что их путь полит кровью и усыпан трупами их жертв, лишившихся жизни по большей части по какому-нибудь ничтожному поводу. Словом, милое дитя, охотники за пчелами — это чудовищные существа, обладающие всеми пороками белых и краснокожих, но не позаимствовавшие от них ни одного хорошего качества. В результате ни те, ни другие не приемлют охотников за пчелами.

— Эстеван, я серьезно выслушала объяснения, которые вы мне дали. Благодарю вас. Только, признаюсь, по моему мнению, они не говорят ни за, ни против человека, о

котором я расспрашиваю вас. Я допускаю, что охотники за пчелами — жестокие дикари, возможно, это даже справедливо, но разве не могут среди них быть люди благородные, с чистым сердцем и благородным характером? Вы говорили вообще об охотниках за пчелами, но кто мне докажет, что Каменное Сердце не является исключением? Его поведение позволяет мне думать именно так. Я мало сведуща в житейских делах, но скажу вам откровенно, что я думаю об этом человеке. С самого рождения обреченный на жизнь самую постыдную, он всячески противостоял окружающему его дурному миру. Сын преступного отца, невольный сообщник разбойников, которым неведомы понятия чести и порядочности, он нашел в себе силы отринуть путь грабежа и насилия и предпочел иной путь — путь постоянных опасностей. Сердце его осталось добрым, и когда случай представил ему возможность совершить добро, он с радостью воспользовался ею. Вот что я скажу вам, Эстеван, если бы вы, как я, в течение двух дней наблюдали этого странного человека, я убеждена, вы согласились бы со мною и согласились бы, что он скорее достоин сострадания, нежели осуждения, потому что, окруженный хищными зверями, он сумел остаться человеком.

Эстеван с минуту пребывал в задумчивости, потом наклонился к ней, пожал ее руку с нежным состраданием.

— Я жалею вас и восхищаюсь вами, Гермоза, — сказал он кротко, — вы оказались именно такой, какой я вас представлял. Я наблюдал за вами с самого рождения и теперь с удовлетворением могу сказать: в женщине воплотились все задатки ребенка, а потом и девушки. Сердце у вас благородное, чувства возвышенные — словом, вы совершеннейшее из созданий и избранная душа. Я не осуждаю вас за то, что вы повиновались порывам вашего сердца. Вы оказались подвластны инстинкту красоты и добра, который овладел вами вопреки вашей воле. Но, увы, милое дитя! Я, как ваш старший брат, более опытный, хочу высказать вам свое мнение. Не делая никаких предположений относительно того, какое вам уготовано будущее, я должен просить у вас позволения обратиться к вам с просьбой.

— С просьбой? — удивилась донна Гермоза. — О, говорите, друг, говорите, я буду так счастлива, если смогу сделать вам что-нибудь приятное.

— Благодарю, Гермоза, но просьба моя касается не меня, а вас самой.

— Тем больше оснований мне согласиться, — ответила она с очаровательной улыбкой.

— Послушайте, дитя, события этих двух дней совершенно изменили вашу жизнь и заронили в вашу душу чувство, о существовании которого вы до сей поры не знали. Вы всегда относились ко мне с полнейшим доверием. Я прошу и впредь доверять мне. Больше всего на свете я желаю видеть вас счастливой. Этим определяются все мои мысли, все поступки. Я останусь верным вам всегда и никогда не поступлю вопреки вашей воле. И если я желаю быть вашим поверенным, то только для того, чтобы помогать вам советами и делом оберегать вас от всяких невзгод и от ловушек, которые могут быть расставлены на вашем пути и куда легко угодить наивному и благородному существу, такому, как вы. Вы обещаете исполнить мою просьбу?

— Да, — твердо заявила она, глядя ему прямо в лицо. — Я обещаю вам, Эстеван, потому что вы действительно мне брат. Что бы ни случилось, у меня никогда не будет от вас тайн.

— Благодарю, Гермоза, — сказал молодой человек, вставая, — надеюсь доказать вам скоро, что я достоин считаться вашим братом. Приходите послезавтра после обеда к моей матери, я буду там. Может быть, мне удастся представить вам некоторые доказательства того, на что сегодня мог только намекать.

— Что вы хотите сказать, Эстеван? — вскричала донна Гермоза с волнением.

— Пока ничего, милое дитя. Позвольте мне действовать по своему усмотрению.

— Каков ваш план? Что вы намерены делать? О друг мой! Не придавайте тому, что я вам сказала, большего значения, чем следует. Я увлеклась и наговорила вам таких вещей, из которых было бы неправильно делать заключения...

— Успокойтесь, Гермоза, — перебил ее дон Эстеван, улыбаясь, — я не делаю никаких неприятных для вас выводов из нашего разговора. Я понял, что вы испытываете большую признательность к человеку, который спас вам жизнь, что вы были бы рады узнать, что этот человек не недостоин чувства, которое он внушает вам, и не более того.

— Это действительно так, друг мой. Кажется, это желание естественно и никто не может его осуждать.

— Конечно, милое дитя, поэтому я не осуждаю вас. Напротив, только я, как мужчина, могу делать много такого, что недоступно вам, женщинам. Поэтому я стараюсь приподнять таинственное покрывало, скрывающее жизнь вашего исцелителя, для того, чтобы иметь возможность определенно сказать вам, достоин он вашего внимания и симпатии или нет.

— О, сделайте это, Эстеван, прошу вас от всего сердца!

Молодой человек лишь улыбнулся в ответ на страстный призыв донны Гермозы и, поклонившись, ушел.

Оставшись одна, она обхватила голову руками и заплакала. Неужели она сожалела о той откровенности, которую себе позволила? Или она боялась самой себя? Только женщины, причем женщины испано-американские, в жилах которых течет раскаленная лава вулкана, способны решить этот вопрос.

Дон Фернандо Карриль, как мы уже сказали, после разговора с вакерами поскакал по дороге, ведущей к президио, но, не доезжая до него, он постепенно замедлил бег своей лошади и ехал не спеша, внимательно поглядывая по сторонам, как будто поджидал кого-то.

Однако мы позволим себе усомниться в этом, потому что дорога на всем своем огромном протяжении была совершенно пуста.

Пиковый туз

Дон Фернандо некоторое время оставался неподвижен.

— Он не явится, — прошептал он, — меня обманули, нет, это невозможно.

Потом, бросив последний взгляд вокруг, он прищиприл было лошадь, но вдруг так резко удержал ее, что бедняжка встала на дыбы от боли. Дон Фернандо заметил двух всадников, направляющихся к нему. Один ехал от поселка, другой — по той самой дороге, где он сам проехал несколько минут назад.

— Все идет хорошо. Вот дон Торрибио Квируга, а кто этот другой всадник? — прошептал он, обернувшись к человеку, ехавшему от президио.

Лицо его посуровело, он как будто колебался минуту, но потом выпрямился, улыбнулся иронично и, сказав себе: «Лучше так», стал поперек дороги, преградив путь всадникам.

Прибывшие всадники, зорко следившие за ним, обратили внимание на его вызывающий жест. Но их это не тревожило, и они продолжали ехать навстречу друг другу так же тихо, как и прежде. Всадник, выехавший из поселка, подъехал к дону Фернандо первым.

Мексиканцам, независимо от их положения в обществе и полученного воспитания, присуща врожденная вспыльчивость, которая не подводит.

Как только незнакомец подъехал к дону Фернандо, тот слегка изменил положение лошади, снял шляпу и, низко поклонившись, сказал:

— Сеньор кабальеро, позвольте мне задать вам вопрос.

— Кабальеро, — ответил незнакомец так же вежливо. — Вы оказываете мне большую честь.

— Меня зовут дон Фернандо Карриль.

— А меня — дон Эстеван Диас.

Всадники снова поклонились и надели шляпы.

— Сеньор дон Эстеван, я очень рад познакомиться с вами. Угодно вам уделить мне десять минут?

— Сеньор дон Фернандо, хотя я и тороплюсь, но готов задержаться, чтобы побыть в вашем приятном обществе.

— Вы очень добры, кабальеро, благодарю вас. Если быть кратким, то речь идет о том, что направляющийся сюда кабальеро сеньор...

— Дон Торрибио Квируга. Я его знаю, — перебил Эстеван.

— Когда так, тем лучше. Этот человек, очень почтенный, впрочем, по какой-то странной случайности мой враг.

— Как жаль!

— Не правда ли? Что же делать? Он так враждебно настроен ко мне, что уже четыре раза пытался меня убить, подговорив разбойников.

— Попытки его оказались тщетными, сеньор дон Фернандо.

— Я тоже так считаю. Поскольку хочется покончить с этим, я решил предложить ему выход из этого затруднительного для него положения.

— Это будет поступком истинного кабальеро.

— Я понимаю, как он должен беспокоиться. Я был бы рад, если бы вы согласились быть свидетелем сделки, которую я намерен ему предложить.

— С удовольствием, кабальеро.

— Очень вам благодарен и буду рад отплатить вам тем же. Но вот и тот, о ком мы говорили.

Действительно, дон Торрибио Квируга был уже совсем близко.

— О, я не ошибаюсь! — воскликнул он с напускной веселостью. — Я имею удовольствие встретиться с моим любезным приятелем доном Фернандо Каррилем.

— Это я самый, любезный друг, и так же, как вы, рад этой случайной встрече, — ответил дон Фернандо, поклонившись.

— Если уж я вас встретил, то не отпущу, мы вместе доедем до президио.

— Я этого желал бы, дон Торрибио, но прежде, если позволите, я скажу вам несколько слов, которые, может быть, воспрепятствуют исполнению вашего желания.

— Говорите, говорите, любезный сеньор. Вы можете сказать лишь то, что мне очень приятно будет выслушать в присутствии приятеля Эстевана.

— Дон Фернандо действительно просил меня остаться, чтобы присутствовать при вашем разговоре, — ответил молодой человек.

— Прекрасно. Говорите же, любезный сеньор.

— Не сойти ли нам с лошадей, сеньоры? — сказал дон Эстеван. — Кажется, разговор предстоит продолжительный.

— Совершенно верно, кабальеро, — ответил дон Фернандо. — Здесь неподалеку грот, где нам будет очень удобно разговаривать.

— Пойдемте туда как можно скорее, — с улыбкой изъясил свою готовность дон Торрибио.

Три всадника сошли с дороги и, повернув вправо, направились к небольшому лесочку. Если бы кто-нибудь увидел их, идущими рядом, улыбающихся и весело беседующих между собой, непременно принял бы их за давних приятелей. Между тем в действительности, как скоро увидит читатель, все было совсем не так.

Вскоре они достигли леса и сразу же увидели грот, о котором говорил дон Фернандо. Грот этот походил на невысокий холм и был довольно узкий. Покрытый зеленью снаружи и внутри, он представлял собой идеальное место отдохновения во время дневного зноя.

Всадники сошли с лошадей, сняли с них узду и вошли в грот, наслаждаясь царившей здесь прохладой, чему способствовала также тонкая струя воды, сбегавшая по стенке грота с меланхоличным журчанием. Они бросили одеяла на землю и, спокойно растянувшись на них, закурили.

Первым заговорил Торрибио:

— Как я вам признателен, дон Фернандо, что вы вспомнили об этом восхитительном убежище. Теперь, если вам угодно объясниться, я выслушаю вас с чрезвычайным удовольствием.

— Сеньор дон Торрибио Квируга, — заговорил дон Фернандо. — Меня, право, смущает ваша любезность, и, если бы я не был самым неумолимым вашим врагом, Бог

мне свидетель, я был бы самым искренним вашим другом.

— Ах, судьба рассудила иначе! — со вздохом изрек дон Торрибио.

— Знаю, любезный сеньор, и искренне сожалею.

— Не более меня, клянусь вам.

— Наконец, если уж на то пошло, мы оба должны покориться судьбе.

— Ах! Я стараюсь, любезный сеньор.

— Я это знаю, и потому ради ваших интересов, равно как и моих, я решил положить этому конец.

— Я не вижу, каким образом этого можно достигнуть, если только один из нас не согласится умереть.

— Эта ненависть должна была уже обойтись вам в кругленькую сумму.

— Четыреста пиастров, которые украли у меня плуты, потому что вы до сих пор живы, и не считая двухсот других, которые я намерен предложить сегодня одному пикаро, поклявшемуся, что непременно убьет вас.

— Весьма сожалею. Если так будет продолжаться, вы в конце концов разоритесь.

Дон Торрибио ничего не ответил и только вздохнул. Дон Фернандо между тем продолжал, бросая потухшую пахитоску и готовясь закурить другую:

— В свою очередь, любезный сеньор, я вам признаюсь, что, несмотря на редкостную неспособность людей, нанимаемых вами, мне начинает надоедать служить им мишенью именно тогда, когда я менее всего об этом думаю.

— Я понимаю. Это действительно очень неприятно.

— Не правда ли? Итак, желая удовлетворить наши общие интересы и покончить с этим раз и навсегда, я, кажется, изыскал способ решить вопрос к взаимному удовольствию.

— А! Интересно, какой же? Я знаю, дон Фернандо, что вы человек изобретательный и наверняка придумали что-нибудь замысловатое.

— Нет, напротив. Вы иногда играете в карты?

— Так редко, что правильнее сказать не играю.

— Точно так же, как и я. Вот какое предложение я сделаю вам, учитывая, что убить меня вам не удастся.

— Вы думаете, любезный сеньор? — сказал дон Торрибио, по-прежнему улыбаясь.

— Я уверен в этом, иначе вы давно бы достигли вашей цели.

— Я согласен с этим, следовательно, что же вы предлагаете?

— А вот что: мы возьмем колоду карт. Тот, кому попадет пиковый туз, будет считаться выигравшим и станет обладателем жизни своего противника, который будет вынужден тут же прострелить себе голову.

— Да, этот способ действительно замысловат.

— Итак, вы согласны, сеньор Торрибио?

— Почему же не согласиться, любезный сеньор? Это равносильно любой партии, только в данном случае отыграться нельзя. Возьмем же карты.

Оказалось, что у каждого из этих трех благородных кабальеро, которые никогда не играли, в кармане была колода карт. Они выложили их с такой поспешностью, что не могли удержаться от громкого хохота.

Мы уже не раз упоминали в наших прежних сочинениях, что страсть к карточной игре в Мексике граничит с безумством. Поэтому читателя не должна удивлять легкость, с какою дон Торрибио принял предложенные его врагом условия. Для совершенно непредсказуемых мексиканцев все необычное обладает какой-то фантастически притягательной силой.

— Позвольте, сеньоры, — вступил в разговор дон Эстебан, до той поры только слушавший, но не принимавший участия в разговоре. — Может быть, есть какой-то другой способ решения конфликта?

— Какой? — вскричали дон Фернандо и дон Торрибио в один голос, обернувшись к дону Эстебану.

— Неужели ваша ненависть так сильна, что она может удовлетвориться только смертью одного из вас?

— Да! — глухо проговорил дон Торрибио.

Дон Фернандо выразил согласие кивком головы.

— Когда так, — продолжал дон Эстебан, — почему бы, вместо того, чтобы полагаться на слепой случай, вам не прибегнуть к дуэли?

Оба с презрением отвергли предложение дона Эстебана.

— Чтобы мы стали драться подобно презренным леперам, подвергаться опасности обезобразить себя или сделаться калекой?! Я с этим не соглашусь. Лучше смерть!

— Я тоже так считаю.

— Как вам угодно, кабальеро, — сказал дон Эстебан. — Действуйте по своему разумению.

— А кто будет сдавать? — поинтересовался Торрибио.

— Ах, черт поberi! В самом деле! — воскликнул дон Фернандо. — А я не подумал об этом.

— Я, если вы согласны, — сказал дон Эстебан. — Тем более что я могу быть совершенно беспристрастен, ибо одинаково дружелюбен к вам обоим, сеньоры.

— Это правда, но для того, чтобы избежать каких-либо недоразумений, вы должны выбрать наудачу колоду, которую будете сдавать, — заметил дон Торрибио.

— Хорошо, положим все три колоды под шляпу, и я возьму наугад первую, какая попадется.

— Хорошо. Как жаль, что вы раньше не подумали об этой партии, дон Фернандо!

— Ничего не поделаешь, любезный сеньор. Раньше мне это в голову не приходило.

Дон Эстебан вышел из грота, чтобы не видеть, как противники будут класть карты под шляпу. Через минуту они позвали молодого человека.

— Итак, вы решили сыграть эту партию? — спросил он.

— Да, — ответили они.

— Вы клянетесь исполнить строгий приговор судьбы?

— Клянемся, дон Эстебан.

— Хорошо, сеньоры, — продолжал он, сунув руку под шляпу и взяв колоду карт. — Теперь вручите ваши души Богу, потому что через несколько минут один из вас предстанет перед Ним.

Дон Фернандо и дон Торрибио истово перекрестились и с тревогой устремили глаза на роковую колоду. Дон Эстебан тщательно стасовал карты, потом дал снять обоим противникам.

— Будьте внимательны, сеньоры, я начинаю.

Небрежно опершись на локоть, они курили пахиточки с нарочитой беззаботностью, которую, однако, опровергал настороженный блеск глаз.

Между тем карты быстро сыпались одна за другой, у дона Эстебана оставалось в руке не более пятнадцати. Он вдруг остановился.

— Кабальеро, — сказал он, — подумайте еще раз.

— Сдавайте! Сдавайте! — лихорадочно вскричал дон Фернандо. — Теперь последнюю карту мне.

— Вот она! — ответил дон Эстебан, открывая ее.

— О! — воскликнул дон Фернандо, бросая пахитоску. — Пиковый туз. Видите, дон Торрибио, как это странно, ей-богу! Вы не можете никого винить, сама судьба обрекла вас на смерть.

Дон Торрибио сделал нервное движение, но тотчас же взял себя в руки и вежливым тоном, которым беседовал прежде, сказал:

— Это правда. Должен признаться, дон Фернандо, что мне не везет с вами ни в чем.

— Я полон сочувствия, любезный дон Торрибио.

— Партия была превосходна. Я никогда в жизни не испытывал таких сильных ощущений.

— И я тоже. К несчастью, отыграться нельзя.

— Вы правы, теперь мне предстоит заплатить по счету.

Дон Фернандо молча поклонился.

— Будьте спокойны, любезный сеньор, я не заставлю вас долго ждать. Если бы я предвидел случившееся, я захватил бы пистолет.

— У меня есть, я могу предоставить его в ваше распоряжение.

— Будьте добры, дайте мне один.

Дон Фернандо поднялся, вынул пистолет из луки седла и подал его дону Торрибио, сказав при этом:

— Он заряжен. Курок слегка туговат.

— Какой вы редкостный человек, дон Фернандо! Все предусмотрели, все до мелочей.

— Привычка к путешествиям, дон Торрибио, и больше ничего.

Дон Торрибио взял пистолет и взвел курок.

— Сеньор, — сказал он, — я прошу вас только не бросать мое тело хищным зверям. Я был бы в отчаянии, если бы знал, что послужу им пищею после моей смерти.

— Успокойтесь, любезный сеньор. Мы доставим вас к вашему дому на вашей собственной лошади. Мы тоже были бы в отчаянии, если бы тело такого совершеннейшего человека, как вы, подверглось осквернению.

— Вот и все, о чем я хотел вас просить, сеньоры. Теперь позвольте поблагодарить вас и прощайте!

Бросив последний взгляд по сторонам, он хладнокровно приставил пистолет к правому виску. Дон Фернандо поспешно остановил его руку.

— Я вот о чем подумал, — сказал он.

— Пора, — сказал дон Торрибио, все так же бесстраст-

но. — Еще несколько секунд, и было бы поздно, но послушаем, о чем же вы подумали.

— Вы честно проиграли мне вашу жизнь, не так ли?

— Как нельзя честнее, дон Фернандо.

— Итак, она принадлежит мне. Вы умерли, я имею право распоряжаться вами, как мне заблагорассудится.

— Я этого не отрицаю. Вы видите, что я готов заплатить свой долг, как подобает кабальеро.

— Я отдаю вам должное, любезный сеньор. А если я позволю вам остаться в живых, обязуетесь ли вы убить себя по моему первому требованию и подчинить жизнь, которую я вам дарую, только моим интересам? Подумайте, прежде чем ответите.

— Итак, — сказал дон Торрибио, — вы мне предлагаете условие?

— Да, вы употребили именно то самое слово. Я действительно ставлю условие.

— Гм! — задумался дон Торрибио. — Это серьезно. Что сделали бы вы, дон Эстебан, на моем месте?

— Я? Я согласился бы не колеблясь. Жизнь — штука хорошая, и гораздо лучше наслаждаться ею как можно дольше.

— В том, что вы говорите, есть доля правды, но подумайте, при этом я становлюсь невольником дона Фернандо, потому что могу располагать жизнью до тех пор, пока это будет ему угодно, и по первому его требованию обязан убить себя.

— Это правда, но дон Фернандо — истинный кабальеро и потребует от вас этой жертвы только в случае самой крайней необходимости.

— Я пойду даже на уступку, — сказал дон Фернандо. — Я ограничиваю срок действия моего условия десятью годами. Если до той поры дон Торрибио не умрет, он снова обретет все свои права и будет свободен располагать своею жизнью.

— А! Вот это мне приятно! Вы действительно настоящий кабальеро, любезный сеньор, и я принимаю жизнь, которую вы возвращаете мне так любезно. Тысячу раз благодарю вас, — продолжал повторять он, разряжая пистолет. — Это оружие мне теперь ни к чему.

— Только, любезный дон Торрибио, поскольку никто не может предвидеть будущего, вы не откажетесь дать письменное обязательство?

— Конечно, но где достать бумагу?

— Кажется, в моих альфорхасах есть все необходимое для письма.

— Я ведь уже говорил вам, что вы человек редкостный и предусмотрительный.

Дон Фернандо сходил за своими альфорхасами. Это нечто вроде двойных карманов, подвешиваемых к седлу, куда кладут вещи, необходимые в дороге. В Мексике да и во всей испанской Америке альфорхасы заменяют чемоданы. Дон Фернандо достал бумагу, перья и чернила и разложил все это перед доном Торрибио.

— Теперь, — сказал он, — напишите, что я вам продиктую.

— Диктуйте, любезный сеньор, я готов.

— Я, нижеподписавшийся, — начал дон Фернандо, — дон Торрибио, свидетельствую, что я честно проиграл мою жизнь дону Фернандо Каррилю. Я признаю, что моя жизнь принадлежит отныне дону Фернандо Каррилю, который будет властен располагать ею по своему усмотрению, а я обязан безоговорочно повиноваться его приказаниям, и если он сочтет необходимым, лишить меня жизни у него на глазах или погибнуть в опасной экспедиции, ибо речь идет о жизни, которую я проиграл и которую он даровал мне по своей воле. Я свидетельствую, кроме того, что всякое чувство ненависти к вышеупомянутому дону Фернандо Каррилю угасло в моем сердце и что я никогда не буду ему вредить прямо или косвенно. Настоящее обязательство я принимаю на десять лет, считая со дня подписания этого акта, после чего я вступаю в обладание всех моих прав и могу располагать своей жизнью по своему усмотрению, а дон Фернандо утрачивает права на мою жизнь. Составлено и подписано мною 17 марта 18... года. Ниже следует подпись свидетеля дона Эстевана Диаса. Теперь, — добавил дон Фернандо, — подпишите, попросите подписать дона Эстевана и отдайте эту бумагу мне.

Дон Торрибио любезно запечатлел свою подпись и передал перо дону Эстевану, который также без малейшего возражения подписал эту странную бумагу.

Затем дон Торрибио посыпал бумагу пылью, чтобы высушить чернила, аккуратно сложил ее вчетверо и отдал дону Фернандо, который, прочтя внимательно, спрятал на груди.

— Сделка совершена, — сказал дон Торрибио. — Те-

перь, любезный сеньор, если вам не угодно что-нибудь мне приказать, я попрошу позволения уйти.

— Мне было бы очень неприятно удерживать вас долее, кабальеро, ступайте, желаю вам успеха.

— Благодарю за это пожелание, но боюсь, что оно не исполнится. С некоторых пор мне явно не везет.

Поклонившись в последний раз обоим, он взнуздал свою лошадь, вскочил в седло и ускакал.

— Неужели вы действительно потребуете исполнения этого условия? — спросил дон Эстеван, когда остался наедине с доном Фернандо.

— Конечно, — ответил тот. — Вы забываете, что этот человек — мой смертельный враг. Но я должен покинуть вас, дон Эстеван. Я хочу попасть сегодня в Лас-Нориас, а теперь уже становится поздно.

— Вы отправляетесь в ачиенду дона Педро де Луна?

— Собственно, не в ачиенду, а в окрестности ее.

— Если так, нам по пути, потому что я тоже еду в ту сторону.

— Вы? — спросил дон Фернандо, бросив на него вопросительный взгляд.

— Я — мажордом ачиенды, — просто ответил Эстеван Диас.

Они вместе вышли из грота и сели на лошадей. Дон Фернандо Карриль ехал задумчиво рядом со своим спутником, односложно отвечая на вопросы последнего.

Ранчо

Нашим путешественникам предстоял довольно длинный путь. Дон Эстеван не прочь был бы сократить его в беседе с доном Фернандо, тем более что знакомство с ним, а главное — его поступки основательно разожгли любопытство молодого человека. К несчастью, дон Фернандо Карриль, судя по всему, не был расположен поддерживать разговор, и мажордому пришлось сообразовываться с настроением своего спутника.

Уже давно остался позади поселок, и они уже скакали по берегу Вермехо, когда услышали приближающийся топот лошади. Мы говорим услышали, потому что вскоре после отъезда из грота солнце скрылось за горизонтом и почти сразу же без перехода густой мрак окутал землю. В Мексике, где полиции не существует или где она существует только номинально, каждый вынужден сам заботиться о собственной безопасности. Поэтому, когда ночью на дороге встречаются двое, они подъезжают друг к другу с большой осторожностью, предварительно убедившись, что им ничего не грозит.

— Проезжайте мимо! — закричал дон Фернандо ехавшему навстречу человеку, когда тот подъехал к ним на расстояние, чтобы услышать его голос.

— Почему же это? Вы знаете, что вам нечего меня опасаться, — ответил встречный путник, останавливая лошадей.

— Я узнаю этот голос.

— И человека тоже, сеньор дон Фернандо, потому что вы недавно с ним встречались. Я — эль-Сапоте.

— А! — приветливо отозвался дон Фернандо. — Это ты, Тонильо. Подъезжай, мой милый.

Тот немедленно подъехал.

— Что ты делаешь в столь поздний час на дороге?

— Я возвращаюсь с одного свидания в поселке.

— Я надеюсь, это свидание не связано с каким-нибудь плохим делом.

— Вы меня обижаете, дон Фернандо, я — честный человек.

— Я в этом не сомневаюсь. Впрочем, твои дела меня не касаются. Я не хочу в них вмешиваться. Прощай, Тонилю.

— Позвольте задержать вас на минуту. Если уж мне посчастливилось встретиться с вами, уделите мне несколько минут, тем более что я вас искал.

— Ты? Уж не тем ли, зачем искал наемни? Я думал, что ты отказался от такого рода затей, которые со мною тебе не удаются.

— В двух словах вот в чем дело, дон Фернандо. После того, что произошло между нами наемни, я подумал, что обязан вам жизнью и что, следовательно, я более свободен в своих действиях относительно вас. Но вы знаете, сеньор, я кабальеро и, как честный человек, должен держать слово. Я решил отправиться к человеку, который заплатил мне за вашу смерть. Тяжело, конечно, было возвращать такую большую сумму, однако я не колебался. Недаром же говорят, что доброе дело всегда бывает вознаграждено.

— Ты должен знать это лучше других, — сказал, смеясь, дон Фернандо.

— Вы смеетесь? Судите сами. Я искал того, о ком идет речь, следовательно, нет надобности называть вам его имя.

— Да, конечно, я его знаю.

— Прекрасно! Сегодня утром один кабальеро из числа моих друзей предупредил меня, что этот человек желает поговорить со мною. Стало быть, я был совсем близок к исполнению своего намерения, но, представьте себе, в тот момент, когда я приготовился было вернуть деньги и отказаться от его поручения, человек этот заявил, что теперь вы помирились с ним и стали его лучшим другом, а потому он оставляет мне сто пиастров в качестве вознаграждения за беспокойство, которое он мне причинил.

— Ты виделся с этим человеком сегодня?

— Да, я только что от него.

— Хорошо. Продолжай, приятель.

— Итак, кабальеро, теперь, когда честь моя осталась незапятнанной, я могу распоряжаться собою по своему усмотрению. И я готов с радостью служить вам.

— Ну, что же, может, ты мне понадобишься через несколько дней.

— Вы не раскаетесь, если поручите мне что-нибудь, сеньор. Вы непременно встретите меня у...

— Не беспокойся об этом! — перебил его дон Фернандо. — Когда надо будет, я тебя найду.

— Как вам угодно, сеньор. Теперь позвольте мне проститься с вами и с этим благородным кабальеро, вашим другом.

— До свидания, Сапоте. Благополучного пути!

Лепер продолжал свой путь.

— Сеньор, — сказал тогда дон Эстебан, — через несколько минут мы приедем к домику, где я живу с моей матерью, и я был бы очень рад предложить вам ночлег.

— Благодарю вас за любезность и охотно принимаю ваше приглашение. Дом ваш далеко от Лас-Нориас?

— Всего в одной миле. Если бы было светло, отсюда можно было бы увидеть высокие стены ачиенды. Позвольте мне служить вам проводником до моего бедного жилища.

Всадники свернули налево и выехали на широкую тропинку, обрамленную алоэ. По громкому лаю нескольких сторожевых собак и мелькавшим в темноте огням дон Фернандо догадался, что теперь они совсем близко от цели.

И в самом деле, минут через десять они оказались перед небольшим домиком, у крыльца которого их встречали с факелами несколько человек. Они остановились возле самого крыльца, сошли с лошади и, поручив их пегону, вошли в дом. Дон Эстебан шел впереди, чтобы принять гостя как подобает хозяину дома.

Они вошли в довольно просторную комнату, меблированную стульями, скамьями и массивным столом, накрытым на несколько персон. На выбеленных стенах этой комнаты висело несколько отвратительно нарисованных картин, изображавших времена года, пять частей света и тому подобное.

Пожилая женщина, одетая с некоторым изыском, хранившая следы былой красоты, стояла посреди комнаты.

— Матушка, — сказал дон Эстебан, почтительно ей кланяясь, — позвольте представить вам дону Фернандо

Карриля, благородного кабальеро, который изъявил согласие провести эту ночь под нашим кровом.

— Добро пожаловать, — приветствовала гостя донна Мануэла с любезной улыбкой. — Этот дом и все, что в нем находится, к вашим услугам.

Дон Фернандо низко поклонился матери молодого человека:

— Сеньора, премного благодарен вам за этот прием.

Донна Мануэла при виде гостя вздрогнула и с трудом удержалась от возгласа удивления. Его голос поразил ее. Она бросила на него пронизательный взгляд, но поняла, что ошиблась; как бы сознаваясь в ошибке, дружелюбно указывая на стол, сказала:

— Не угодно ли вам пожаловать к столу? Сейчас вам подадут ужин. Вы, наверно, основательно проголодались.

Донна Мануэла села за стол, дон Эстебан занял место по левую ее руку, а дон Фернандо — по правую. Трое или четверо пеонов вошли и по знаку своей госпожи сели на противоположном конце стола.

Ужин был умеренный. Он состоял из турецких бобов, приправленных перцем, сушеной говядины, курицы с рисом, маисовых лепешек и водки.

Молодые люди ели, как и подобает путешественникам, проделавшим путь в десять миль, не останавливаясь. Донна Мануэла с удовольствием смотрела, как исчезали кушанья, которые она накладывала им на тарелки, и продолжала ласково потчевать их. После ужина все перешли во внутреннюю комнату, служившую гостиной.

Разговор, который, естественно, шел несколько вяло за ужином, мало-помалу оживился и вскоре благодаря донне Мануэле принял непринужденный и даже задушевный характер.

Дон Фернандо с тайным удовольствием предавался этой беспорядочной беседе, которая постоянно переходила с одного предмета на другой. Он охотно слушал длинные рассказы донны Мануэлы и добродушно отвечал на вопросы, которые она обращала к нему.

— Вы уроженец прибрежных мест или родились вдали от реки, кабальеро? — спросила вдруг эта добрая дама своего гостя.

— Право, сеньора, — сказал он, улыбаясь, — признаюсь откровенно, я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

— Почему же, сеньор?

— По самой простой причине: я не знаю, где родился.

— Однако вы — мексиканец?

— Все заставляет меня думать именно так, сеньора, однако я за это не поручусь.

— Как странно! Разве ваши родные живут не здесь?

Тень пробежала по лицу дона Фернандо.

— Нет, сеньора, — ответил он сухо, и хозяйка дома, поняв, что коснулась болезненной темы, поспешила переменить тему разговора:

— Вы, конечно, знаете дона Педро де Луна?

— Очень мало, сеньора. Случай свел нас один только раз, правда, при таких странных обстоятельствах, что он не может не помнить об этом, но вряд ли я войду когда-нибудь в его ачиенду.

— Напрасно, кабальеро. Дон Педро старый христианин^{*}, оказывающий гостеприимство по старинному обычаю. Он счастлив, когда ему представляется случай выказать гостеприимство.

— К сожалению, неотложные дела требуют моего присутствия далеко отсюда, и я боюсь, что у меня не будет времени посетить ачиенду.

— Извините, сеньор, — вступил в разговор дон Эстебан, — вы, конечно, не имеете намерения отправиться в пустыню?

— Почему вы задаете этот вопрос, кабальеро?

— Потому что мы находимся на самом краю индейской границы, и, если вы не намерены вернуться, вам откроется только один путь — в пустыню.

— Именно в пустыню я и намерен отправиться.

Дон Эстебан не мог скрыть удивления.

— Извините, если я покажусь вам назойливым, — сказал он, — но вы, видимо, не знаете той пустыни, в которую собираетесь.

— Извините, сеньор, напротив, я знаю ее очень хорошо.

— Зная ее, вы осмеливаетесь отправиться туда в одиночестве?

— Я, кажется, доказал вам сегодня, сеньор, что осмеливаюсь делать многое.

* Выражение, употребляемое для обозначения потомков древних завоевателей, кровь которых всегда оставалась без примеси.

— Да, да, я знаю, что ваше мужество беспредельно. Но то, что вы собираетесь предпринять сейчас, — безрассудство.

— Безрассудство, сеньор! О! Мне кажется, вы немножко преувеличили. Разве человек решительный, хорошо вооруженный и на хорошей лошади может опасаться индейцев?

— Если бы вам пришлось защищаться только от индейцев и хищных зверей, я бы еще мог согласиться с вами. Храбрый белый человек может справиться с двадцатью краснокожими. Но возможно ли одолеть Тигровую Кошку?

— Тигровую Кошку? Извините меня, кабальеро, но я вас не понимаю.

— Я поясню, сеньор. Тигровая Кошка — белый человек. Неизвестно, что побудило его связать свою судьбу с апачами, сделаться одним из их начальников. Он питает неистребимую ненависть к людям своей расы.

— Я тоже слышал о том, что вы рассказываете, но человек этот один только и есть белый среди индейцев. Как бы он ни был опасен, я полагаю, он тоже смертен и человек храбрый способен его убить.

— К сожалению, вы ошибаетесь, кабальеро. Этот человек не единственный белый среди индейцев. Есть и другие разбойники, тоже белые.

— Да, — заметила донна Мануэла, — между прочим, его сын, который, говорят, такой же свирепый и такой же безжалостный грабитель, как и он сам.

— Матушка, это только догадки насчет Каменного Сердца, нельзя ничего утверждать определенно.

— Кто этот человек, о котором вы говорите?

— Уверяют, что это его сын, но точно никто не может сказать.

— И вы называете этого человека Каменным Сердцем?

— Да, сеньор, а я слышал о его великодушии, свидетельствующем, напротив, о его благородном сердце и пылкой душе, способной на добрые дела.

Мимолетная краска покрыла лицо дона Фернандо.

— Вернемся к Тигровой Кошке, — сказал он. — Чего мне следует опасаться?

— Всего. Притаившись где-нибудь за скалой в пустыне, этот разбойник нападает на многочисленные караваны, грабит их, убивает одиноких путешественников. Его ловушки расставлены так искусно, что никто не способен

их избежать. Верьте мне, кабальеро, откажитесь от этого путешествия или вы погибнете.

— Благодарю вас за эти советы, которые продиктованы вашим добрым участием ко мне, однако я не могу им последовать. Но, кажется, становится поздно, позвольте мне откланяться. Я заметил на галерее лежанку, на которой с удовольствием скоротаю ночь.

— Я приказала постелить вам в комнате моего сына.

— Я не позволю, чтобы кто-нибудь испытывал неудобства из-за меня. Я привык к путешествиям. Впрочем, скоро уже утро. Клянусь вам, вы доставите мне огорчение, если станете настаивать, чтобы я занял комнату дон Эстевана.

— Поступайте, как знаете, кабальеро. Гость — посланник Божий. Он должен быть главным лицом в том доме, где находится на протяжении всего времени, пока украшает его своим присутствием. Да хранит Господь ваш покой и да пошлет вам приятный сон. Сын мой укажет вам конюшню, где стоит ваша лошадь, на тот случай, если вы пожелаете уехать раньше, чем проснутся в доме.

— Благодарю еще раз, сеньора. Я надеюсь засвидетельствовать вам почтение до моего отъезда.

Обменявшись еще несколькими любезными фразами с хозяйкой, дон Фернандо вышел из комнаты вслед за доном Эстеваном. Желание спать на галерее, высказанное им, было вполне естественным и согласовывалось с обычаями страны, где ночи вознаграждают жителей своей красотой и свежестью за изнурительный дневной зной.

Непременным атрибутом сельских домов или ранчо является галерея, поддерживаемая четырьмя или шестью колоннами. На этих просторных галереях, расположенных по обе стороны от входа в дом, стоят лежанки, где обычно снят хозяева, предпочитая прохладу нестерпимой духоте, царящей в доме.

Дон Эстеван привел своего гостя в конюшню, объяснил, как отпирается дверь, потом, спросив, не нуждается ли он в каких-нибудь услугах, пожелал ему спокойной ночи. А сам вернулся в дом, не заперев двери, чтобы дон Фернандо мог войти, если ему понадобится.

Донна Мануэла ждала возвращения сына в той комнате, где он ее оставил. Старушка была не на шутку встревожена.

— Ну, что ты думаешь об этом человеке, Эстеван? — спросила она, едва он ступил на порог.

— Я, матушка? — удивился он. — Как я могу что-нибудь о нем думать? Я его видел сегодня в первый раз.

Старушка нетерпеливо покачала головой:

— Ты несколько часов ехал с ним рядом. Этого времени было достаточно, чтобы составить мнение о нем.

— Этот человек, милая матушка, являлся мне в таких разных облициях, что я не только не мог составить о нем какое-то определенное мнение, я не мог даже отыскать хоть маленькую зацепку, чтобы попробовать хоть немного его понять. Несомненно одно: он способен и на добро, и на зло, в зависимости от того, что возьмет верх, — сердце или эгоистический расчет. В Сан-Лукаре, где он живет, все непроизвольно опасаются его, хотя в его поведении нет ничего такого, что действительно могло бы внушать страх. Никто ничего наверняка не знает, жизнь его окутана тайной.

— Эстеван, — продолжала донна Мануэла с серьезным видом, положив руку на руку сына, как бы стараясь придать большую значимость своим словам, — тайное присутствие этого человека в здешних местах предвещает большое несчастье. Почему? Не умею этого объяснить. Когда он вошел, черты его лица пробудили во мне смутные воспоминания о событиях, имевших место давным-давно. Я нашла в его чертах сходство с одной, ныне покойной особой, — она вздохнула. — Когда он заговорил, я содрогнулась, потому что этот голос довершил сходство, которое я уловила в его лице. Кто бы ни был этот человек, я убеждена, что нам грозит опасность, а может быть, и беда. Я прожила большую жизнь, сын мой, а ты знаешь, в мои годы ошибиться нельзя. Предчувствия посылает Господь, им надо верить. Следи внимательно за поведением этого человека, пока он здесь. Я сожалею, что ты привел его к нам в дом.

— Я не мог поступить иначе, матушка. Гостеприимство — долг, от которого уклоняться не должен никто.

— Я не упрекаю тебя, сын мой. Ты поступил подобающим образом.

— Дай Бог, чтобы вы обманулись в своих предчувствиях, матушка! Во всяком случае, если этот человек вознамерится причинить нам вред, как вы этого опасаетесь, мы ему помешаем.

— Нет, дитя мое, я боюсь не за нас.

— За кого же, матушка? — поспешно спросил дон Эстеван.

Донна Мануэла печально улыбнулась:

— Разве ты не понимаешь?

— Пусть же он поостережется. Но нет, это невозможно. Впрочем, завтра на рассвете я отправлюсь в ачиенду и предостерегу дона Педро и его дочь.

— Не говори им ничего, Эстеван, но оберегай их.

— Да, вы правы, матушка, — ответил молодой человек, вдруг задумавшись. — Я постараюсь незаметно, но надежно обезопасить Гермозу. Клянусь Богом! Я соглашусь умереть в самых страшных муках, лишь бы она никогда больше не подвергалась таким опасностям, как несколько дней тому назад. Теперь, матушка, благословите меня и позвольте уйти.

— Ступай, дитя мое, да хранит тебя Господь!

Дон Эстеван почтительно поклонился матери и ушел. Но прежде, чем лечь спать, он обошел дом и погасил свою лампу только после того, как убедился, что все в порядке.

Как только дон Эстеван оставил дона Фернандо, тот немедленно лег и закрыл глаза. Ночь была тихая и ясная, небо усыпано мириадами звезд, лишь время от времени лай сторожевых собак вторил залиvistому вою волков.

Ранчо спало мирным сном, или, по крайней мере, так казалось. Вдруг дон Фернандо осторожно приподнялся со своего топчана и внимательно осмотрелся по сторонам. Потом проворно соскользнул наземь и осторожно, прислушиваясь к тишине и озираясь по сторонам, взял лежавшую упряжь своей лошади и направился к конюшне. Отворив без шума дверь, он тихо свистнул. Лошадь сразу же подняла голову и подбежала к своему господину.

Дон Фернандо потрепал лошадь по гриве, погладил ее, тихо разговаривая с нею, потом надел на нее седло и узду с проворством и быстротою, свойственным людям, привыкшим к путешествиям.

После этого дон Фернандо тщательно обернул ее копыта бараньей шкурой, легко вскочил в седло и, пригнувшись к шее благородного животного, сказал:

— Сантьяго! Браво! Покажи-ка свою прыть!

Лошадь словно поняла хозяина и понеслась с головокружительной быстротой по направлению к реке.

Божественная тишина продолжала царствовать в ранчо, и никто не заметил поспешного бегства гостя.

Краснокожие

Вернемся теперь на Дальний Запад.

На берегу реки дель-Норте, в десяти милях от президио Сан-Лукар, как обычно на холме, находился атепелт, или поселение, племени венадос. Поселение это, как большинство индейских поселений, представляло собой временный лагерь, состоящий из сотни хижин, беспорядочно разбросанных небольшими группами.

Индейская хижина состоит на десяти врытых в землю кольев, относительно низких у основания и повышающихся к центру, с отверстием-дверью, выходящей на восток, чтобы ее хозяин мог утром бросить горсть воды солнцу — этим обрядом индейцы заклинаят Ваконду охранять его семью. Хижины сверху покрываются бизоновыми шкурами с отверстием посередине, чтобы дать выход дыму от огней, разводимых в доме, число которых определяется количеством жен хозяина: каждая жена должна иметь свой собственный огонь. Шкуры, покрывающие наружные стены, были выделаны старательно и расписаны яркими красками. Эти красочные росписи придавали поселению веселый вид. Перед входом в хижину были воткнуты в землю копья воинов. Эти легкие копья, сделанные из гибкого тростника, с длинным железным наконечником, составляют самое опасное оружие апачей.

В поселении всегда царило веселое оживление. В некоторых хижинах индианки пряли шерсть, в других ткали одеяла, отличающиеся тонкостью и совершенством мастерства. Молодые люди, собравшись в центре поселения на большой площади, играли в мильту*.

* Мильта (на языке апачей) — стрела.

Играющие рисуют на земле большой круг, входят в него и становятся в два ряда друг против друга. Противники держат в руках надутый воздухом мячик, одни в правой руке, другие в левой, и бросают в стоящего напротив противника, стараясь попасть в него. Чтобы избежать попадания, его визави приходится наклоняться, подниматься, бросаться то вперед, то назад, прыгать вверх или отскакивать в сторону. Если мяч не попадает в цель, то бросавший его игрок платит два поэна и бежит за мячом. Если, напротив, мяч попадает в игрока, тот должен схватить его и бросить в противника, а если не попадет в него, то проигрывает один поэн. Так продолжается до бесконечности. Понятно, каким веселым хохотом сопровождались смешные позы, которые принимают играющие. Другие индейцы, постарше, обычно играли в карты, сделанные из кусочков кожи, разрисованных грубыми фигурами животных.

В хижине, более просторной и лучше раскрашенной по сравнению с другими, в которой жил сачем, или главный начальник, отличительным признаком власти которого были копыя, украшенные на конце ярко разрисованной кожей, три человека сидели перед угасающим огнем и беседовали, не обращая внимания на шум, происходивший снаружи.

Это были Тигровая Кошка, Гриф и аманцин, или колдун племени. Гриф был метис, давно поселившийся среди апачей и усыновленный ими. Человек этот, которому как нельзя лучше подходило его прозвище, был негодяй, холодная и подлая жестокость которого возмущала даже самих индейцев, не очень щепетильных в подобных вещах. Тигровая Кошка превратил этого хищного зверя в свое послушное орудие.

Гриф был женат около года. Его последняя жена как раз в это утро родила мальчика, что послужило поводом для веселья индейцев. Он явился к Тигровой Кошке, великому начальнику племени, за указаниями относительно обрядов, совершаемых в подобных случаях.

Гриф вышел из хижины, куда вскоре вернулся в сопровождении своих жен и друзей, один из которых держал новорожденного на руках. Тигровая Кошка встал между Грифом и колдуном и в сопровождении всех остальных направился к реке дель-Норте. На берегу реки все остановились, колдун зачерпнул в руку воды и плеснул в воз-

дух, обратясь с молитвою к Властелину человеческой жизни. Потом закутанного в шерстяные пеленки новорожденного пять раз окунул в реку, громко провозглашая при этом:

— Властелин жизни, взгляни на этого молодого воина добрыми глазами. Отведи от него дурные силы, защити его, Ваконда!

Завершив эту часть обряда, все возвратились в деревню и стали в круг перед хижинкой Грифа, у входа в которую лежала откормленная кобыла со связанными ногами. На животе кобылы было расстелено новое одеяло, на которое родственники и друзья один за другим клали подарки новорожденному: шпоры, оружие и одежду.

Тигровая Кошка, из дружеских чувств к Грифу, согласился быть крестным отцом новорожденного. Он положил ребенка рядом с подарками на одеяло. Тогда Гриф схватил нож, ударом распорол бок кобылы, вырвал сердце и еще горячее передал Тигровой Кошке, который начертил кровью на лбу ребенка крест, говоря при этом:

— Молодой воин племени бизонов-апачей, будь храбр и хитер, твое имя Облачная Змея.

Отец взял своего новорожденного, а начальник, подняв окровавленное сердце над головой, громко возгласил три раза:

— Да будет он жив! Да будет он жив! Да будет он жив!

Присутствующие восторженно вторили ему. Потом колдун продолжил заклинания, чтобы будущий воин был храбрым, красноречивым, хитрым, закончив словами, которые нашли живейший отклик в сердцах этих свирепых людей:

— Главное, чтобы он никогда не был рабом!

На этом церемония закончилась. Все подобающие обряды были совершены. Бедная кобыла, невинная жертва суеверия, была разрезана на куски. Затем развели большой костер, и все родственники и друзья приняли участие в пиршестве, которое должно было длиться, пока не будет съедена забитая кобыла. Гриф тоже собирался принять участие в трапезе, но по знаку Тигровой Кошки пошел за ним в его хижину, где они опять заняли свои места у огня. С ними был и колдун. По знаку Тигровой Кошки женщины вышли. Он собрался с мыслями и заговорил:

— Братья, вы мои верные друзья, и перед вами сердце мое раскрывается, чтобы обнаружить самые сокровенные мои мысли. Я уже несколько дней пребываю в печали.

— Отец мой беспокоится о своем сыне, Каменном Сердце? — спросил колдун.

— Нет. Меня не волнует, что с ним происходит в эту минуту. Я должен дать тайное поручение надежному человеку. С самого утра я не решаюсь откровенно поговорить с вами.

— Пусть говорит мой отец, его сыновья слушают его, — ответил колдун.

— Колебаться долее значило бы подвергать опасности священные интересы. Поезжайте, Гриф, мне нечего вам объяснять, вы знаете, куда я вас посылаю.

Гриф согласно кивнул.

— Уговорите этих людей, — продолжал Тигровая Кошка, — помогать нам в нашем предприятии, и вы окажете мне неоценимую услугу.

— Я сделаю это. Должен ли ехать немедленно?

— Да, если это возможно.

— Хорошо, через десять минут я буду уже далеко отсюда.

Поклонившись обоим начальникам, Гриф удалился. Услышав удаляющийся топот копыт, Тигровая Кошка с облегчением вздохнул.

— Пусть брат мой аманцин раскроет уши, — сказал он, — я покидаю поселение и надеюсь воротиться нынешней же ночью, но, возможно, мое отсутствие продлится два или три солнца. Я оставляю моего брата аманцина вместо себя, он будет распоряжаться воинами и не допустит их удаления отсюда и приближения к границе бледнолицых. Важно, чтобы гачупины не подозревали нашего присутствия поблизости от них, иначе наша экспедиция окажется неудачной. Брат мой понял меня?

— Тигровая Кошка не двуязычен. Слова, выходящие из его груди, ясны. Сын его прекрасно понял.

— Стало быть, я могу удалиться спокойно. Брат мой будет надзирать за племенем.

— Приказания моего отца будут исполнены. Сколько бы ни длилось его отсутствие, у него не будет причин упрекнуть своего сына.

— О! Сын мой снял этими словами тяжесть, лежавшую у меня на сердце и наполнявшую его беспокойством. Благодарю. Да бодрствует над ним властелин жизни! Я ухожу.

— О! Отец мой, воин мудрый. Ваконда защитит его во

время предпринимаемой им экспедиции, он добьется успеха.

Оба в последний раз поклонились друг другу. Колдун снова занял место у огня, и Тигровая Кошка вышел из хижины.

Если бы старый начальник уловил ненависть, мелькнувшую при расставании на физиономии колдуна, вероятно, он не покинул бы селения. В ту минуту, когда Тигровая Кошка с легкостью, удивительной для его лет, садился на лошадь, солнце опускалось за высокие горы и ночь окутывала землю темным покрывалом. Старик, не обращая внимания на тьму, скакал во весь опор.

Колдун же настороженно и нетерпеливо вслушивался в постепенно затихавший топот лошади начальника. Когда топот окончательно стих, торжествующая улыбка заиграла на его бледных и тонких губах, и он радостно прошептал одно только слово: «Наконец», в котором, без сомнения, нашли выражение все мысли, чувства, бушевавшие его сердце. Потом он встал, вышел из хижины, сел в нескольких шагах от нее, скрестил руки на груди и запел тихим голосом печальную, монотонную апачскую песню. По мере того как колдун пел, голос его становился все громче и самоувереннее. Вскоре из многих хижин вышли воины, закутанные в бизоньи шкуры, и, осторожно ступая, направились к хижине начальника и вошли в нее.

Допев песню до конца, колдун встал и, убедившись, что все откликнувшиеся на его сигнал в сборе, тоже вошел в хижину.

Собравшиеся в хижине человек двадцать стояли молча и неподвижно у огня, пламя которого отбрасывало злое, блики на их мрачные и задумчивые лица. Колдун вышел на середину хижины и, возвысив голос, сказал:

— Пусть мои братья сядут у огня совета.

Воины молча уселись в кружок. Колдун взял тогда из рук глашатая длинную трубку из красной глины с чубуком из алоэ, украшенную перьями и погремушками, набил ее табаком особого сорта, который употребляется в важных случаях, раскурил ее и минуты через две, выпустив дым носом и ртом, подал ее своему соседу справа. Тот сделал так же, и трубка пошла по кругу. Когда, обойдя круг, трубка вернулась к колдуну, он высыпал оставшийся в ней пепел в огонь, пробормотав тихим голосом какие-то слова, которые никто расслышать не мог, и вер-

нул трубку глашатаю, тотчас покинувшему хижину, чтобы караулить снаружи и обеспечить, таким образом, тайну совета.

В поселении и далеко окрест царила первозданная тишина, можно было подумать, что находишься за сто миль от человеческого жилья.

Наконец колдун встал, скрестив руки на груди, и, обведя собравшихся ясным взором, заговорил твердым голосом:

— Пусть братья мои раскроют уши. Дух Властелина жизни вошел в мое тело. Это он внушает слова, выходящие из моей груди. Начальники бизонов-апачей, дух ваших предков перестал оживлять ваши души. Вы уже не те грозные воины, которые объявляли бледнолицым, этим низким и гнусным грабителям ваших земель, беспощадную войну. Вы — робкие антилопы, в страхе разбегающиеся в разные стороны, едва заслышав отдаленный выстрел. Вы — болтливые старые бабы, которым испанцы подарят юбки, нечистая кровь течет в ваших жилах, и ваше сердце наглухо окутано толстой шкурой. Вы, прежде такие мужественные и храбрые, сделались трусливыми рабами бледнолицей собаки, которая держит вас за трусливых кроликов и заставляет дрожать при одном ее взгляде. Так говорит Властелин жизни. Что вы ему ответите, воины апачских?

Колдун умолк, очевидно, ожидая, что заговорит один из начальников.

Во время этой оскорбительной речи индейцы с трудом сдерживали негодование. Но как только колдун умолк, поднялся один из начальников.

— Не сошел ли с ума аманцин бизонов-апачей? — спросил он громовым голосом. — Как он смеет так разговаривать с начальниками своего народа? Пусть он сосчитает хвосты волков, привязанных к нашим пяткам. Он увидит, болтливые ли мы старые бабы и угасло ли в нашем сердце мужество наших предков. Ну и что, если Тигровая Кошка бледнолицый, сердце-то у него апачское! Тигровая Кошка — мудрец. Он прожил много зим. Он всегда дает мудрые советы.

Колдун презрительно улыбнулся:

— Брат мой Белый Орел говорит хорошо. Не я буду ему отвечать.

Он три раза хлопнул в ладоши. Явился воин.

— Пусть брат мой скажет совету, какое поручение дал ему Тигровая Кошка.

Краснокожий сделал несколько шагов, чтобы приблизиться к кругу. Он почтительно поклонился начальникам, взоры которых были устремлены на него, и заговорил голосом тихим и печальным:

— Тигровая Кошка приказал Черному Соколу с двадцатью воинами устроить засаду на дороге, по которой Каменное Сердце провожал бледнолицых к их большим каменным хижинам. Черный Сокол долго следовал за бледнолицыми по пустыне. У них не было оружия, и казалось, что захватить их не составит труда. За час до условленного для нападения времени Каменное Сердце появился один в лагере апачских воинов. Черный Сокол принял его с изъявлениями дружбы и поздравил с тем, что он бросил бледнолицых. Но Каменное Сердце ответил, что Тигровая Кошка не хочет, чтобы мы напали на бледнолицых, бросился на Черного Сокола и вонзил ему в сердце нож, между тем как бледнолицые, украдкой приблизившиеся к лагерю, неожиданно напали на воинов и стали стрелять из оружия, которое дал им сам Тигровая Кошка. Тигровая Кошка пошел на предательство, чтобы избавиться от начальника, влияния которого он опасался. Из двадцати воинов, следовавших за ним, только шесть человек, считая меня, вернулись в селение. Остальные были безжалостно уничтожены Каменным Сердцем. Я сказал.

После этого страшного сообщения наступило мрачное молчание. Это было затишье, предшествовавшее буре. Начальники обменивались многочисленными яростными взорами.

Возможно, краснокожие быстрее всех изменяют свое мнение под воздействием гнева, их ничего не стоит увлечь. Колдун это знал и поэтому был уверен, что добьется своей цели после страшного впечатления, которое произвел на них рассказ индейского воина.

— Ну, что теперь думают мои братья о Тигровой Кошке? — спросил он. — Считает ли Белый Орел по-прежнему, что у Тигровой Кошки апачское сердце? Кто отомстит за смерть Черного Сокола?

Все начальники вскочили одновременно и замахали ножами.

— Тигровая Кошка — вор и трус! — закричали они. — Воины апачские привяжут его скальп к поводьям своих лошадей!

Только два или три начальника пытались возражать. Им была известна давняя ненависть, которую колдун питал к Тигровой Кошке. Они знали коварный нрав колдуна и подозревали, что в данном случае истина была искажена и должна была способствовать осуществлению давнишней мечты колдуна — погубить своего врага, на которого он не осмеливался напасть открыто.

Однако голос этих двоих или троих начальников был заглушен яростными криками остальных. Отказавшись от бесполезного спора, те вышли из круга и стали в отдаленном углу хижины, решив остаться беспристрастными, если не равнодушными свидетелями решений, которые примет совет.

Индейцы — взрослые дети, они возбуждаются от шума собственных голосов и, когда их обуревают страсти, теряют всякое благоразумие. Однако при всем неистовом своем желании отомстить Тигровой Кошке, которого они ненавидели сейчас тем сильнее, чем более его любили и уважали прежде, они не проявляли большой решимости выступить против своего бывшего начальника. Объяснялось это просто: эти первобытные существа признавали только одно — грубую силу. Тигровая Кошка олицетворял в их глазах силу и мужество, а потому они не могли не думать без ужаса о последствиях замышляемого ими поступка.

Колдун напрасно пытался всеми доступными ему способами убедить их в том, что им не составит труда захватить Тигровую Кошку по его возвращении в деревню. План колдуна был превосходен и, несомненно, имел бы успех, если бы начальники осмелились его принять. А план состоял в следующем. Апачи притворятся, будто не знают о смерти Черного Сокола. По возвращении Тигровой Кошки его примут с изъявлениями радости, чтобы развеять всякую подозрительность, которая может у него возникнуть. Потом, когда он будет спать, крепко скрутят его и привяжут к столбу пыток. Как видим, план был очень прост, но апачи не хотели о нем слышать — так велик был страх перед Тигровой Кошкой.

Наконец после долгого обсуждения, продолжавшегося далеко за полночь, апачи решили сняться с лагеря и уйти в пустыню, не заботясь более о своем бывшем начальнике. Но тогда начальники, стоявшие в стороне и не принимавшие участия в совете, вышли вперед, и один из них, по имени Огненный Глаз, заговорив от имени

своих единомышленников, заявил, что те начальники, которые решили покинуть лагерь, вольны это сделать и что они не намерены навязывать своей воли другим, что у племени не было главного начальника, избранного по закону индейцев, что каждый волен действовать по своему усмотрению и что они не желают платить черной неблагодарностью за огромные услуги, которые столько лет Тигровая Кошка оказывает их народу, и что они не покинут селение до его возвращения.

Это заявление существенно встревожило колдуна, которому так и не удалось склонить на свою сторону несогласных. Они ничего не желали слышать и держались твердо принятого ими решения.

На восходе солнца по приказанию колдуна, который уже действовал как полноправный начальник, глашатай созвал воинов на главную площадь, и женщинам было приказано собрать имущество, запрячь и навьючить собак, чтобы как можно скорее отправиться в путь.

Приказание это было немедленно исполнено, пикеты сняты, бизоньи шкуры сложены, домашняя утварь старательно уложена в повозки, которые должны были везти собаки.

Однако решившие остаться начальники тоже не сидели сложа руки. Они сумели склонить на свою сторону нескольких знаменитых воинов, так что добрая четверть племени осталась в лагере и сейчас равнодушно наблюдала за поспешными сборами.

Наконец глашатай по знаку колдуна отдал приказ к отъезду. Тогда длинная цепочка повозок, запряженных собаками, в сопровождении женщин с детьми тронулась в путь под охраной многочисленного отряда воинов.

Когда их соплеменники были уже далеко от лагеря, верные Тигровой Кошке начальники собрались на совет, чтобы обсудить меры, которые следовало принять в ожидании его возвращения.

Ночное свидание

Между тем дон Фернандо Карриль, пригнувшись к шее лошади, скользил в темноте словно призрак. Благодаря принятой им предосторожности лошадь ступала бесшумно, и он скакал быстро, как призрачный всадник в немецкой балладе, разгоняя вспугнутые его приближением стаи волков. Он неслышно приближался к берегу реки, беспрестанно понукая свою лошадь и озираясь по сторонам.

Эта скачка длилась три часа, и за все это время дон Фернандо не дал лошади ни секунды отдыха, чтобы перевести дух и вернуть твердость ногам.

Наконец, достигнув места, где река, довольно узкая, катила свои грязные воды между низкими берегами, окаймленными густым хлопчатником, он остановился, сошел с лошади и, удостоверившись, что он один, взял горсть травы и вытер лошадь с такой лаской и заботой, на какие способны только люди, жизнь которых порой зависит только от скорости бега этого верного и преданного спутника. Потом снял с нее узду, чтобы дать ей возможность щипать траву, и, расстелив одеяло на земле, лег и закрыл глаза.

Так провел он около двух часов в глубокой тиши. Дон Фернандо оставался неподвижен, лежа на спине, подперев голову левой рукою и закрыв глаза.

Спал он или бодрствовал? Трудно сказать. Внезапно крик совы нарушил ночную тишину. Дон Фернандо поднялся и стал слушать, устремив глаза к небу.

Ночь была темная, звезды посылали на землю свой слабый таинственный свет, до восхода солнца было еще

далеко. Сова первой возвещает наступление дня. Но сейчас только два часа, для совы слишком рано. Вскоре крик совы повторился, а за ним тотчас же последовал третий, окончательно рассеивший сомнения дон Фернандо. Он встал и, в свою очередь, три раза крикнул по-соколиному. Ему ответил такой же крик с противоположного берега реки. Дон Фернандо снова взнуздal лошадь, закутался в одеяло и, проверив оружие, вскочил в седло и вскоре въехал в реку. Перед ним недалеко от берега виднелся остров, поросший тополями и хлопчатником. К этому-то острову он и направился. Через несколько минут он был уже там. Его отдохнувшая за два часа лошадь плыла проворно и легко взошла на берег острова.

Едва дон Фернандо оказался на острове, из лесной чащи выехал всадник и, остановившись в двадцати шагах от него, закричал громко, с явным неудовольствием:

— Как долго ты не отвечал на мой сигнал! Я уже собирался уехать.

— Может быть, так было бы лучше, — холодно возразил дон Фернандо.

— А, — продолжал незнакомец с ехидной усмешкой, — так вот, оказывается, откуда ветер дует!

— Не имеет значения, откуда он дует, если я ему не подвластен. Что вам от меня нужно? Говорите скорее, я не могу долго оставаться с вами.

— Стало быть, тебя держат там, откуда ты приехал, какой-то важный интерес, если ты так торопишься.

— Послушайте, Тигровая Кошка, — резко и сухо оборвал его дон Фернандо, — если вы так настойчиво звали меня сюда, чтобы насмеяться надо мной, мне нечего здесь больше делать, прощайте.

Говоря это, дон Фернандо уже повернулся, чтобы уйти, когда Тигровая Кошка схватился за пистолет.

— Если ты тронешься с места, я прострелю тебе голову!

— Полноте! — возразил дон Фернандо с усмешкой. — А я-то что буду делать в это время? Пожалуйста, без угроз, или я убью вас как собаку.

Так же быстро, как Тигровая Кошка, он взвел курок пистолета и прицелился в своего противника. Тигровая Кошка, смеясь, заткнул пистолет за пояс.

— Неужели ты посмел бы это сделать? — спросил он.

— Разве вы не знаете, что я смею все что угодно? — ответил дон Фернандо.

— Ну, хватит терять попусту время. Давай говорить.

— Хорошо, будем говорить. Чего вы от меня хотите?

— Зачем ты меня обманул и пошел против моей воли, вместо того, чтобы служить мне, как ты был обязан?

— Я не давал вам никаких обязательств. Я отказался от поручения, которое вы непременно хотели мне навязать.

— Разве ты не мог остаться нейтральным и тем самым дать мне возможность захватить этих людей?

— Нет, моя честь требовала, чтобы я защищал их.

— Твоя честь! — сказал Тигровая Кошка, нарочито расхохотавшись.

Дон Фернандо вспыхнул, брови его нахмурились, но он сдержал себя и ответил холодно:

— Гостеприимство священо в пустыне, права его непреложны. Люди, которым я служил проводником, сами выбрали меня своим покровителем. Бросить их или не защитить значило бы предать их. Вы на моем месте поступили бы так же.

— Бесплезно возвращаться к этому. О том, что произошло, нет смысла рассуждать. А почему ты не вернулся ко мне?

— Потому, что предпочел остаться в Сан-Лукаре.

— Да, тебя влечет цивилизованная жизнь, несмотря ни на что. Двойная роль, которую ты играешь с опасностью для жизни, увлекает тебя. Я понимаю это. Дона Фернандо Карриля принимают с распростертыми объятиями в высшем мексиканском обществе. Но поверь мне, дитя, берегись, чтобы твой отважный дух не увлек тебя в какую-нибудь историю, из которой тебе не помогут выпутаться отвага и мужество Каменного Сердца.

— Я приехал не за советами.

— Конечно, но я обязан подать тебе их. Хотя я остаюсь в пустыне, я ни на минуту не теряю тебя из виду. Я знаю о тебе все, вплоть до мелочей.

— Зачем вы шпионите за мной?

— Мне необходимо знать, могу ли я питать к тебе прежнее доверие.

— Ну и что же вы узнали обо мне?

— Ничего плохого, только я хочу, чтобы ты мне сказал точно, в каком положении находятся наши дела теперь.

— Разве ваши шпионы вам не доносят о каждом моем шаге?

— Да, о тех шагах, которые касаются лично тебя. Таким образом я знаю, что ты пока еще не осмелился представиться дону Педро де Луна, — сказал Тигровая Кошка насмешливым тоном.

— Это правда, но я намерен увидеться с ним завтра. Тигровая Кошка презрительно пожал плечами.

— Поговорим о делах серьезных, — продолжал он. — Так в каком же они положении?

— Я в точности следовал вашим наставлениям. За те два года, которые прошли с тех пор, как я впервые появился в Сан-Лукаре, я не упустил ни одного случая, чтобы завязать отношения, которые впоследствии будут вам полезны. Хотя являюсь я туда редко и ненадолго, я, кажется, достиг цели, которую вы передо мной поставили. Таинственность, окутывающая меня, принесла мне более пользы, чем я смел надеяться. Мне подвластна большая часть вакеров и леперов в президио, настоящих разбойников, но я могу рассчитывать на всех них. Они искренне преданы мне. Все они знают меня только под именем дона Фернандо Карриля.

— Это мне известно.

— Вот как! — Каменное Сердце бросил гневный взгляд на старика.

— Разве я не говорил тебе, что не теряю тебя из виду?

— Да, что касается моих личных дел.

— Словом, настал час позать то, что мы посеяли, этим разбойникам. Они лучше краснокожих, на которых я не могу положиться полностью, будут нам служить в нашей борьбе с их соотечественниками знанием испанской тактики и искусством обращаться с огнестрельным оружием. На этом твоя миссия в отношении этих леперов почти кончена, начинается моя. Мне нужно напрямую связаться с ними.

— Как хотите. Спасибо, что вы снимаете с меня ответственность за дело, цель которого вы не потрудились мне объяснить. С величайшим удовольствием предоставляю вам право лично договариваться с негодяями, которых я завербовал к вам на службу.

— Я понимаю, какие причины побуждают тебя желать возвратить себе свободу. Я одобряю тебя, тем более что первый внушил тебе мысль о необходимости короче познакомиться с очаровательной дочерью дона Педро де Луна.

— Ни слова более об этом, — запальчиво сказал дон Фернандо. — Если до сих пор я соглашался, не рассуждая, повиноваться вашим приказаниям, то теперь настало время поставить вопрос ребром во избежание недоразумений в будущем. Уже только одного этого было достаточно, чтобы заставить меня явиться сегодня на ваш зов.

Тигровая Кошка окинул молодого человека пронизательным взглядом и сказал:

— Говори же, безумец, не замечающий бездны, разверзшейся у тебя под ногами. Говори, я слушаю.

Дон Фернандо молчал несколько минут, прислонившись к узловатому стволу тополя, не поднимая глаз от земли.

— Тигровая Кошка, — заговорил он, наконец, — я не знаю, кто вы и какая причина вынудила вас отказаться от цивилизованной жизни, удалиться в пустыню и принять индейские обычаи. И не хочу знать. Каждый должен отвечать за свои поступки и согласовывать их со своей совестью. Что касается меня лично, то вы никогда не говорили мне ни слова ни о том, где я родился, ни о семье, куда уходят мои корни, хотя воспитывали меня вы. Детская память сохранила еще одного человека помимо вас. Я сомневаюсь, что между нами существует родство. Будь я ваш сын или хотя бы только отдаленный родственник, я уверен, что получил бы совсем иное воспитание.

— Что ты хочешь этим сказать? Какие упрёки осмеливаешься ты делать мне? — гневно перебил его старик.

— Не прерывайте меня, Тигровая Кошка, позвольте мне высказать вам все до конца, — печально ответил дон Фернандо. — Я не упрёкаю вас, но с тех пор, как под именем дон Фернандо Карриля вы вынудили меня приобщиться к цивилизации, я вопреки моей воле и, без сомнения, вашей многое узнал. У меня раскрылись глаза. Я понял значение двух слов, которых до той поры не понимал. Эти два слова изменили не характер мой, но мой взгляд на вещи, потому что со времен моей юности, с какой целью я не могу и не хочу угадывать, вы старались культивировать во мне все дурные качества и всячески заглушать те немногие добрые, которыми я, вероятно, обладал бы теперь. Словом, теперь я четко различаю добро и зло. Я знаю, что все ваши усилия были направлены на

то, чтобы сделать из меня хищного зверя. Удалось ли вам это, ответит будущее. Судя по чувствам, которые кипят во мне, когда я говорю с вами, вам это, пожалуй, удалось. Короче говоря, я больше не желаю быть вашим рабом. Я слишком долго служил в ваших руках орудием для достижения целей, которых я не понимал. Вы сами столько раз повторяли мне, что семейные узы не существуют в природе, что это нелепый предрассудок, что сильный человек должен свободно идти по жизни, без друзей и без родных, и не признавать иного властелина, кроме собственной воли. Вот эти принципы, которые вы мне постоянно внушали, я нынче претворяю в жизнь. Мне все равно, кто я: дон Фернандо Карриль, мексиканский аристократ, или Каменное Сердце, охотник за пчелами. Обратив по вашим советам неблагодарность в добродетель, я возвращаю себе свободу и независимость. Отныне за вами нет права вмешиваться в мою жизнь ни с добрыми, ни с дурными намерениями. Отныне я буду руководствоваться собственным разумом, чем бы это ни обернулось для меня впоследствии.

— Хорошо, дитя, — ответил Тигровая Кошка с насмешливой улыбкой, — действуй как знаешь. А все-таки ты скоро вернешься ко мне, потому что помимо твоей воли ты принадлежишь мне. Ты сам в этом убедишься скоро. Но я не сержусь на тебя за то, что ты так говорил со мной. Это говорил не ты, а твоя страсть. Я очень стар, Фернандо, но не настолько стар, чтобы не помнить моей собственной молодости. Любовь овладела твоим сердцем. Когда она окончательно испепелит его, ты вернешься в пустыню, потому что к тому времени ты в полной мере изведешь ту жизнь, в которую сейчас стремишься, ничего о ней не разумея. Ты поймешь, что человек всего лишь перышко, несомое ветром страстей, и даже тот, кто считает себя сильнее всех на свете, под расслабляющим дыханием любви становится слабым и безвольным. Но хватит об этом. Хочешь быть свободным — будь. Но прежде ты должен дать мне подробный отчет о том поручении, которое я тебе дал.

— Я готов это сделать. Вы явитесь от моего имени к ваке-рам. Этот алмаз, — прибавил он, сняв перстень с пальца, — будет вашей визитной карточкой. Они предупреждены. Вы покажете им этот перстень, и они будут вам повиноваться, как мне.

— В каком месте собираются эти люди?

— Вы встретите их в таверне в новом поселении Сан-Лукар. Но неужели вы действительно отважитесь войти в президио?

— Конечно. И еще один вопрос. При том, что ты сейчас мне сказал, могу ли рассчитывать на тебя, когда настанет время действовать?

— Да, если то, что вы намерены сделать, согласуется с порядочностью и справедливостью.

— Ты что, начинаешь выставлять мне условия?

— Разве я не предупредил вас? Или вы предпочитаете, чтобы я остался нейтральным?

— Нет, ты мне нужен. Конечно, ты будешь жить в доме, который купил. Надежный человек будет держать тебя в курсе дел, а когда настанет решающий момент, я убежден, ты будешь рядом со мной.

— Может быть. Но на всякий случай не рассчитывайте на это.

— Напротив, я рассчитываю, и вот почему. Сейчас ты целиком во власти любовных страстей, и, естественно, это сказывается на всех твоих суждениях. Но через месяц неизбежно случится одно из двух: или ты добьешься успеха и успеешь пресытиться любовью, и тогда ты с радостью вернешься в пустыню, или ты не добьешься успеха, и ревность, оскорбленная гордость породят в тебе жажду мести, и ты с радостью воспользуешься случаем, который я тебе предоставлю для этого.

— К сожалению, я чувствую, что скоро мы вовсе не будем понимать друг друга, — ответил дон Фернандо с печальной улыбкой. — Вы по-прежнему во власти дурных страстей — столь велика ваша ненависть к людям и ко всему человеческому, между тем как я, напротив, руководствуюсь только добрыми чувствами.

— Хорошо, хорошо, дитя, я даю тебе месяц на твою интрижку. По прошествии этого времени мы продолжим разговор. Прощай!

— Прощайте! Вы теперь едете в президио?

— Нет, я возвращаюсь в свой лагерь. Там мне предстоит завершить одно дело, потому что, если не ошибаюсь, там произошло немало событий в мое отсутствие.

— Не опасаетесь ли вы возмущения против вашей власти?

— Я не опасюсь, а желаю этого, — ответил Тигровая Кошка с загадочной улыбкой.

Простившись еще раз с молодым человеком, старик сел на лошадь и исчез в лесу.

Дон Фернандо некоторое время предавался размышлениям, машинально прислушиваясь к удалявшемуся топоту лошади. Глядя в ту сторону, куда удалился Тигровая Кошка, молодой человек тихо шептал:

— Поезжай, поезжай, хищный зверь. Ты думаешь, я не разгадал твоих планов. Я вырою пропасть у тебя под ногами. Я сорву твои планы. Чтобы расстроить твои гнусные козни, я сделал невозможное.

Он медленно вернулся к своей лошади и сел в седло.

— Теперь только три часа, — сказал он, взглянув на небо, в глубине которого постепенно угасали звезды. — Еще можно успеть.

Переправившись через реку, он свернул на дорогу, ведущую к ранчо дон Эстевана, и опять начал головокружительную скачку по пустыне. Лошадь, достаточно отдохнув, летела стрелой.

Когда он подъехал к ранчо, уже чуть брезжил рассвет. В доме было по-прежнему тихо. Дон Фернандо вздохнул с облегчением, тайна его ночной поездки была обеспечена. Он расседлал лошадь, старательно вытер ее и отвел в конюшню, не забыв снять с ее ног обмотки, потом тихо запер дверь конюшни и вернулся на галерею.

В ту минуту, когда он собрался уже лечь, он заметил человека, стоявшего, прислонившись к двери, небрежно куря маисовую пахитоску. Дон Фернандо вздрогнул и отступил назад, узнав своего хозяина.

И в самом деле, это был дон Эстеван Диас, который, не выказывая удивления, вынул изо рта пахитоску, выпустил изо рта дым и, обратившись к охотнику, сказал самым непринужденным тоном:

— Вы, без сомнения, устали от продолжительной поездки, кабальеро. Не желаете ли закусить?

Дон Фернандо, оторопев от спокойного тона, каким были сказаны обращенные к нему слова, с минуту колебался.

— Я не понимаю, кабальеро, — только и прошептал он.

— Как! — воскликнул дон Эстеван. — К чему притворяться? Не старайтесь обманывать меня. Уверю вас, я знаю все.

— Вы знаете все? Что же именно? — дон Фернандо желал выяснить, как много знал о нем дон Эстеван.

— Я знаю, — продолжал мажордом, — что вы встали, оседлали вашу лошадь и отправились к одному из ваших друзей, поджидавшему вас на острове Павос.

— Вот как! Стало быть, вы следовали за мной по пятам?

— Еще бы! Нетрудно было предположить, что человек, который провел весь день в седле, не станет ночью совершать прогулки ради удовольствия, особенно в этих краях, и днем-то опасных, не говоря уже о ночном времени. А так как я очень любопытен по натуре...

— Вы сделались шпионом! — перебил его дон Фернандо.

— Фи! Кабальеро, какие пошлые выражения вы употребляете! Я шпион! О, я не шпион, только, коль скоро единственный способ узнать, что желаешь, это слушать, я слушаю как можно больше — вот и все.

— Итак, вы присутствовали при разговоре, который происходил на острове Павос?

— Не скрою, кабальеро, что был очень близко от вас.

— И без сомнения, слышали все, что мы говорили?

— Почти все.

Дон Фернандо попытался броситься на дону Эстевана, но тот остановил его с такой силой, которой он вовсе не предполагал в нем, и сказал тем же бесстрастным тоном, каким говорил до сих пор:

— О, вы теперь мой гость. Погодите, черт побери! Этим мы можем заняться потом, если в этом будет необходимость.

Дон Фернандо, укрощенный тоном, которым были произнесены эти слова, отступил назад, скрестил руки на груди и, взглянув прямо в лицо дону Эстевана, сказал:

— Я жду.

Дон Эстеван Диас

Несколько минут молодые люди стояли лицом к лицу, разглядывая друг друга с лукавым упорством двух дуэлянтов, улавливающих момент, когда лучше напасть на противника.

Хотя лицо дона Эстевана было непроницаемо, глаза его были полны печали, которую он не мог скрыть. Дон Фернандо, скрестив руки на груди и гордо вскинув голову, стиснув зубы от гнева, который он тщетно старался обуздать, ждал, что скажет дон Эстеван, чтобы в зависимости от этого решать, бросить ли ему немедленно вызов или великодушно принять извинения, которые тот, вероятно, готов ему принести.

Мало-помалу темнота рассеивалась, небо светлело, над горизонтом появилась алая полоса, и утренний ветерок, пробегавший по листве, прогонял туман, стелившийся над рекой.

Наконец дон Эстеван решился нарушить молчание, которое начинало становиться тягостным и для него, и для его собеседника.

— Я хочу быть откровенен с вами, кабальеро, — сказал он. — Я слышал весь ваш разговор с Тигровой Кошкой, ни одно слово не ускользнуло от моего слуха. Теперь я знаю, что дон Фернандо Карриль и Каменное Сердце, охотник за пчелами, — одно и то же лицо.

— Да, — с горечью признался дон Фернандо. — Я вижу, вы искусный шпион. Жалкое поприще избрали вы, кабальеро!

— Это еще не известно! Может быть, прежде чем кончится наш разговор, вы перемените ваше мнение.

— Сомневаюсь. Кстати, позвольте вам заметить, что у вас странный способ оказывать гостеприимство людям, которых вам посылает Господь.

— Позвольте мне объясниться, и после того, как вы выслушаете меня, я готов буду принять любой ваш вызов, если вы не измените своего мнения.

— Говорите же, и пора кончать с этим так или иначе, — нетерпеливо сказал дон Фернандо. — Уже взошло солнце, я слышу голоса пробуждающихся обитателей ранчо, которые вскоре здесь появятся. И наше объяснение здесь станет невозможным.

— Вы правы, пора кончать, но так как я не менее вас желаю, чтобы нас не прервали, пойдемте. То, что я хочу вам сказать, потребует времени.

Дон Фернандо покорно пошел за доном Эстеваном в конюшню, где они оседлали своих лошадей.

— Теперь поедем, в степи разговаривать лучше, — сказал дон Эстеван, сядя на лошадь.

Это предложение тем более понравилось дону Фернандо, что оно возвращало ему свободу действий и давало возможность блистательно отомстить мажордому, если тот, как подозревал дон Фернандо, желал его провести. Поэтому, ничего не говоря, он тоже сел на лошадь, и они вместе покинули ранчо.

Утро было великолепное, солнце щедро дарило свое тепло земле, камешки на дороге сверкали подобно бриллиантам, птицы весело распевали среди листвы, вакры и пеоны выгоняли на пастбище лошадей и коров. Окружающий пейзаж на глазах оживал.

Примерно через час дон Эстеван и дон Фернандо достигли заброшенного и наполовину разрушенного ранчо, заросшего ползучими растениями. Это ранчо представляло собой прекрасное убежище от жары, которая уже с раннего утра давала себя чувствовать.

— Остановимся здесь, — сказал дон Эстеван, впервые прервав молчание за все время пути. — Вряд ли мы найдем более приятное место для отдохновения и беседы.

— Мне все равно, где вы дадите мне, наконец, объяснение, которого я требую от вас, главное — чтобы оно было кратким и откровенным.

— Откровенным оно будет, клянусь честью, за краткость же поручиться не могу, потому что я должен рассказать вам длинную и печальную историю.

— Мне? С какой стати, позвольте спросить? Зачем мне ее знать? Скажите только...

— Позвольте, — перебил его дон Эстеван, сходя с лошади. — То, что я вам расскажу, касается вас более, чем вы думаете, и скоро вы убедитесь в этом.

Дон Фернандо пожал плечами и тоже сошел с лошади.

— Вы с ума сошли. Если вы подслушали мой разговор нынешней ночью, то должны хорошо знать, что я не здешний житель и что все происходящее здесь вовсе меня не касается.

— Как знать! — назидательно ответил дон Эстеван, опускаясь на землю со вздохом облегчения.

Дон Фернандо, явно заинтригованный, тотчас последовал его примеру. Когда оба удобно расположились друг против друга, дон Эстеван устремил проницательный взгляд на своего собеседника и сказал:

— Я буду говорить вам о донне Гермозе.

Застигнутый врасплох этими словами, дон Фернандо невольно покраснел, хотя и всячески скрывал свое волнение.

— О донне Гермозе, дочери Педро де Луна, не так ли?

— Именно. Словом, о девушке, которую вы спасли несколько дней тому назад.

— Незачем вспоминать об этом. Всякий другой на моем месте поступил бы точно так же.

— Очень может быть, но, я думаю, вы ошибаетесь. Однако не в этом суть дела. Вы спасли донну Гермозу от верной смерти. В первую минуту, повинаясь гордости, вы поспешили расстаться с ними, решив никогда не встречаться с той, которая обязана вам жизнью.

Удивляясь и сердясь на то, что его поведение было так точно истолковано, дон Фернандо вдруг перебил своего собеседника:

— Сделайте одолжение, перейдите к делу, кабальеро. Лучше сразу перейти к объяснению, которого я у вас прошу, нежели излагать свои замысловатые умозаключения, к тому же совершенно ложные.

Дон Эстеван добродушно улыбнулся и, окончательно решившись, сказал:

— Послушайте, дон Фернандо, вы напрасно стараетесь ввести меня в заблуждение. Вы молоды и хороши собой. Живя в пустыне, вы, может быть, с трудом разбираетесь в своих чувствах. Вы не могли остаться равнодушным к

донне Гермозе. Встреча с ней пробудила в вас неведомые доселе чувства, и, забыв обо всем на свете, вы стали думать об одном — как снова увидеть эту девушку, которая явилась вам столь неожиданно и перевернула всю вашу жизнь.

— Да, все именно так, — прошептал дон Фернандо. — Да, и ради того, чтобы увидеть хотя бы кончик ее покрывала, я с радостью отдал бы свою жизнь. Но чем объяснить это? Вот этой загадки разрешить не могу.

— И, очевидно, не сможете никогда, если я вам не помогу. Вы воспитывались в необычных условиях. Вся ваша предшествующая жизнь зависела от ежедневных обстоятельств, которые требовали исключительно физических усилий, не оставляющих ни сил, ни времени ни на что другое. Вы даже не подозревали о дремавших в вас душевных потребностях и возможностях. Любовь взбудоражила их и привела в движение. Словом, вы любите или, по крайней мере, готовы полюбить донну Гермозу.

— Вы думаете? — доверчиво спросил дон Фернандо. — Так вот это и есть любовь? О, если так, — добавил он, обращаясь скорее к самому себе, — так это сопряжено с ужасными страданиями.

Дон Эстебан смотрел на него с минуту со смешанным чувством сострадания и печали, потом продолжал:

— Я последовал за вами нынешней ночью, потому что ваше поведение показалось мне подозрительным и вызвало смутное недоверие. Спрятавшись в кустах, совсем рядом, я слышал весь ваш разговор с Тигровой Кошкой, и мое мнение о вас решительно переменилось. Я узнал, — позвольте мне быть до конца откровенным, — что вы несравненно лучше устоявшейся за вами репутации, что вас напрасно принимают за разбойника. Решительность, с какой вы отвергли его вкрадчивое предложение, доказало мне, что вы человек порядочный и честный. И я твердо решил стать вашим надежным союзником в борьбе против этого человека, который до сих пор был вашим злым гением и зловредное влияние которого отягощало ваши юность и молодые годы. Вот почему я счел своим долгом поговорить с вами совершенно откровенно. Вот вам моя рука, — добавил он, протягивая руку дону Фернандо. — Это рука друга и брата.

Дон Фернандо порывисто схватил руку, так великодушно и искренне протянутую ему, и крепко пожал ее.

— Благодарю! Благодарю! И простите! Но вы сказали правду: я — дикарь. Я рассердился на вас, не предполагая вашего благородства.

— Не будем никогда возвращаться к этой теме. Выслушайте меня. Не знаю, почему мне пришла в голову эта мысль, но мне кажется, что Тигровая Кошка — неумолимый враг дона Педро де Луна. Я убежден, что он хотел сделать вас орудием каких-нибудь отвратительных козней против семейства дона Педро.

— Мне тоже приходила эта мысль. Странное поведение Тигровой Кошки во время пребывания у него дона Педро и его дочери, устроенная им ловушка, в которую они несомненно угодили бы без меня, возбудили и мои подозрения. Вы слышали, что я говорил ему по этому поводу. О, пусть он остерегается!

— Не будем спешить! Напротив, надо проявить осторожность. Надо узнать сначала планы Тигровой Кошки.

— Да, вы правы, так будет лучше. Скоро он появится в Сан-Лукаре. Мне не составит труда наблюдать за его действиями и помешать осуществлению его замысла. Он необычайно хитер и коварен, но, клянусь Богом, я докажу ему, что хитрее его.

— Тем более что я буду рядом и смогу во всем помогать вам.

— Главное, надо тщательно охранять донну Гермозу. Вы счастливее меня, дон Эстебан, вы можете оберегать ее постоянно.

— Вы ошибаетесь, друг мой, я намерен через несколько часов представить ей вас.

— В самом деле?!

— Конечно, тем более что вам надо стать своим человеком в ачиенде, чтобы ввести в заблуждение Тигровую Кошку. Разве вы не помните, с каким сарказмом он намекал на любовь, которую он в вас подозревает к очаровательной дочери дона Педро? Он хвастался, будто он внушил вам эту любовь без вашего ведома, сведя вас с нею.

— О, не иначе, как этот человек вынашивает какой-нибудь гнусный план!

— В этом не может быть сомнения, но с Божьей помощью мы расстроим этот план. И вот еще что...

— Говорите, друг мой, говорите.

— Вы думаете, что этот разбойник — ваш отец? Про-

стите, что я задаю этот вопрос. Вы должны понимать его важность.

Дон Фернандо глубоко задумался. Наступило молчание, длившееся несколько минут. Наконец он поднял голову и заговорил:

— Вопрос этот я нередко задавал сам себе, но так и не удосужился выяснить его до конца. Однако я почти уверен, что Тигровая Кошка не отец мне. Его отношение ко мне, настойчивое стремление внушить мне злые мысли и развить во мне дурные инстинкты, которые заложены во мне от рождения, свидетельствуют о том, что если существует между нами родство, то очень дальнее. Невозможно предположить, чтобы отец, каким бы жестоким он ни был, находил удовольствие в развращении своего сына. Это было бы настолько противоестественно, что разум решительно отвергает саму мысль об этом. Я, в свою очередь, испытывал к этому человеку непреодолимое отвращение, близкое к ненависти. С годами это чувство не только не изглаживалось, напротив, оно становилось все более сильным и делало неизбежным наше отчуждение и разрыв. Нужен был только предлог. И Тигровая Кошка, сам того не ведая, этот предлог мне предоставил. Нужно ли говорить, как я бесконечно счастлив, что, наконец, обрел свободу и могу располагать собою. Я освободился от тягостной зависимости, так долго тяготевшей надо мной.

— Я абсолютно с вами согласен. Этот человек не может быть вашим отцом. Я не сомневаюсь, будущее докажет, что мы правы. Эта убежденность дает нам нравственное право действовать по нашему усмотрению и разрушить его планы.

— Каким образом представите вы меня донне Гермозе, друг мой?

— Я скажу вам об этом позже, а сейчас мне необходимо рассказать вам историю, которую вам необходимо знать во всех подробностях, чтобы вы, общаясь с доном Педро, не разбредили незаживающую рану в его сердце. Эта страшная и таинственная история приключилась очень давно, я тогда только что родился, но моя бедная матушка так часто рассказывала мне о ней, что все перипетии ее навсегда сохраняются в моей памяти, как будто я присутствовал при этом. Выслушайте же меня внимательно, друг мой. Как знать, может быть, Господь, внушивший мне мысль рассказать вам об этом, позволит вам выяснить тайну.

— Это касается донны Гермозы?

— Косвенно. Донна Гермоза еще не родилась в то время, и отец ее не был хозяином этой ачиенды, он купил ее уже потом. А в те времена семейство его жило на востоке. Я должен сообщить вам прежде всего, что дон Педро де Луна не мексиканец и имя, которое он носит, не принадлежит ему, или точнее сказать, он его унаследовал от той ветви его семьи, которая обосновалась в Мексике. Он принял это имя только после тех событий, о которых я собираюсь вам рассказать, когда он поселился здесь, купив Лас-Нориас де Сан-Антонио у своих родственников, постоянно живших в Мехико и лишь изредка наезжавших сюда на несколько дней. Жители Сан-Лукара и других окрестностей, знавшие Педро де Луна только по имени, не сомневались, что это он переселился в свое поместье, и господин мой не спешил разуверять их в обратном, тем более что по причинам, о которых вы вскоре узнаете, он, покупая ачиенду у своих родственников, выговорил себе право и носить их имя. Те, естественно, не нашли в этом ничего предосудительного, и теперь, по прошествии более двадцати лет, когда дон Педро, после смерти всех своих родных, сделался главою фамилии, это имя, сначала заимствованное, принадлежит ему по праву, и никто не думал оспаривать у него это право.

— Вы невероятно разожгли мое любопытство. Я с нетерпением жду продолжения вашего рассказа.

Молодые люди уселись поудобнее, и дон Эстеван приступил к рассказу, который длился целый день и к закату солнца все еще не был окончен.

Дон Фернандо буквально впился глазами в лицо Эстевана и затаив дыхание слушал его рассказ. И по мере того как перед его мысленным взором разворачивалась картина трагических событий прошлого, душа его наполнялась все более острым чувством гнева.

Теперь мы вместо дона Эстевана поведаем читателю эту печальную и горестную историю.

Дон Гусман де Рибейра

В 1515 году Хуан Диас де Солис открыл реку де-ла-Плата. Это открытие стоило ему жизни.

По словам Герреры, река эта, которой Солис дал свое имя, впоследствии стала называться де-ла-Плата, потому что первое серебро, вывезенное из Америки в Испанию, было найдено на этой реке.

В 1535 году дон Педро де Мендоса, назначенный императором Карлом V генерал-губернатором всех земель, находящихся между рекою де-ла-Плата и Магеллановым проливом, основал на правом берегу реки, напротив устья Уругвая, город, названный сначала Нуэстра-Сеньора-де-Буэнос-Айрес, потом Тринидад-де-Буэнос-Айрес, потом просто Буэнос-Айрес. Это имя окончательно закрепилось за ним.

Любопытна и поучительна история этого города, который с первых дней своего существования как будто был отмечен печатью рока.

Из наивного рассказа немецкого авантюриста Ульриха Шмиделя, явившегося одним из основателей Буэнос-Айреса, мы узнаем, до какого отчаянного положения были доведены несчастные завоеватели, вынужденные питаться трупами своих соотечественников, убитых индейцами, пребывающими в убеждении, что эти белые люди, явившиеся в их страну, были не кто иные, как духи, и потому подлежали истреблению.

Странная участь постигла этот город, обреченный на непрерывную борьбу или с внешними врагами, или с внутренними, которые гораздо опаснее, а между тем город этот, несмотря на непрерывные войны, ныне один из

самых богатых и процветающих городов испанской Америки.

Как все города, основанные кастильскими авантюристами в Новом Свете, Буэнос-Айрес имеет весьма живописный вид. Улицы его прямые и широкие, застроены добротными домами, расположенными в глубине обширного сада. В Буэнос-Айресе имеется много всевозможных монументов. Широкие площади с множеством лавок и потоком праздных людей создают ощущение всеобщего благоденствия, отнюдь не характерного для этой несчастной страны, опустошаемой междоусобной войной.

Начав с отдаленного прошлого, мы перенесемся в Буэнос-Айрес на двадцать лет назад от того времени, с которого начинается наше повествование, а именно к вечеру в конце сентября 1839 года, то есть к тому моменту, когда тиранство странного человека, в течение двадцати лет тяготевшее над Аргентинской Республикой, достигло своего предела.

Сегодня трудно себе представить гнусную тиранию правительства Розаса в этой прекрасной стране.

Хотя было только десять часов вечера, мертвая тишина господствовала в городе. Лавки были заперты, все улицы — мрачны и пусты, и лишь изредка появлялся патруль, тяжелые шаги которого глухо стучали по камням мостовой, или одинокий сторож, совершавший ночной обход, дрожа от страха.

Жители, затаившиеся в своих жилищах, рано гасили огни, дабы не возбуждать подозрений полиции, и только во сне находили забвение от страха и всяких напастей.

В эту ночь Буэнос-Айрес выглядел мрачнее обыкновенного. Дувший весь день ледяной ветер принес похолодание. По небу мчались тяжелые черные тучи, время от времени рассекаемые молнией, слышались глухие раскаты грома. Все предвещало страшную грозу.

В одном из окон богатого особняка, расположенного в середине главной и самой красивой улицы Санта-Тринидад, за плотными белыми занавесями сквозь густую листву сада светился слабый огонек. Окно это отчетливо выделялось на общем беспросветно темном фоне, привлекало внимание и патруля, и ночного сторожа. Патрули непременно останавливались и взирали на светящееся окно с гневом либо с затаенным страхом и тоном, не предвещавшим ничего хорошего, бормотали:

— Опять этот изменник дон Гусман де Рибейра затевает какой-нибудь заговор против диктатора.

Сторожа же с состраданием сетовали:

— Дон Гусман когда-нибудь доиграется, что его арестуют.

В этот-то дом и в эту самую комнату, где горел свет, рождавший такие предположения, мы и войдем вместе с читателем.

Пройдя сад, галерею, мы увидим справа массивную дверь из кедра, запирающуюся только задвижкой, приподняв которую можно войти в просторную залу, хорошо освещенную. Меблировка гостиной была чрезвычайно проста. На выбеленных стенах — аляповатые картины, которыми Париж наводняет все пять частей света, непременное фортепиано, которое во всех американских домах красуется на самом видном месте, дюжина стульев, круглый стол, покрытый зеленым сукном, два кресла. Алебастровые часы на специальном столике дополняли скупую меблировку.

В этой зале человек лет сорока, в дорожном костюме, расхаживал взад и вперед, бросая, каждый раз как приближался к столику, нетерпеливый и тревожный взгляд на часы.

Иногда он подходил к окну, приподнимал занавес и вглядывался в ночную темноту, однако не мог ничего разглядеть, или жадно прислушивался, словно уловив в порывах ветра какой-то исполненный значения звук, но тотчас же убеждался в своем заблуждении. И он снова принимался шагать по зале.

Человека этого звали дон Гусман де Рибейра. Он принадлежал к одной из знатных семей этой страны, происходя по прямой линии от первых завоевателей. Еще в молодости дон Гусман под началом отца постиг суровое ремесло солдата. Во время войны за независимость служил адъютантом у Сан-Мартена, армия которого совершила знаменитый поход через Кордильеры. С тех пор он постоянно служил то у одного начальника, то у другого, стараясь, насколько это было возможно, не становиться под знамя, враждебное подлинным интересам страны.

Это было весьма трудно в условиях постоянных переворотов, затеваемых честолюбивыми людьми, лишенными каких-либо достоинств. Однако благодаря ловкости, а главное — прямоте характера дон Гусман сумел сохра-

нить порядочность, когда же дон Гусман почувствовал подозрительность со стороны Розаса, он подал в отставку и поселился в своем особняке.

Дон Гусман — истинный солдат в самом благородном значении этого слова, никогда не занимавшийся политикой, внушал чрезвычайное подозрение диктатору главным образом потому, что его благородный, решительный характер привлекал к нему соотечественников, питавших к нему такую глубокую симпатию и преданность, что генерал Розас не решался изгнать или каким-то другим способом избавиться от человека, всеобщее поклонение и благородная гордость которого казались ему публичным осуждением его поступков.

Как мы уже сказали сейчас, дону Гусману было сорок лет, но, несмотря на бесчисленные жизненные испытания, годы не сказались на его внешности. Он был высок и статен, лицо — живое и выразительное, глаза — блестящие, и только несколько серебристых нитей, проглядывающих в густой черной шевелюре, да две-три глубокие морщины, запечатлевшие скорее мысль, чем годы, указывали на то, что он достиг середины жизни.

Часы недавно пробили половину одиннадцатого, когда несколько громких ударов в дверь заставили вздрогнуть дона Гусмана. Он остановился и прислушался.

С галереи доносились какие-то голоса, но, о чем говорили и кто, он различить не мог.

Через некоторое время голоса смолкли, дверь отворилась, и вошел слуга. Судя по всему, доверенное лицо дона Гусмана.

— Что там происходит, Дизго? — спросил дон Гусман. — Что значит этот шум в такое позднее время?

Слуга подошел к своему господину вплотную и шепнул ему на ухо:

— Дон Бернардо Педроза!

— О! — воскликнул дон Гусман, хмуря брови. — Он один?

— С ним четверо солдат.

— Что же это значит? — продолжал дон Гусман, все больше мрачняя.

— Что поблизости, должно быть, у него спрятано еще человек двадцать.

— Чего от меня хочет этот человек? Для визита час весьма неподходящий. Дон Бернардо не состоит в числе

моих друзей, — прибавил дон Гусман с горькой усмешкой, — чтобы позволить себе без всякой на то серьезной причины поступать столь бесцеремонно.

— Это я имел честь заметить ему.

— И тем не менее он настаивает?

— Да. Он сказал, что должен сообщить вам что-то чрезвычайно важное.

Дон Гусман сделал несколько шагов, потом, вернувшись к своему слуге, продолжал:

— Послушай, Диэго, позаботься, чтобы все слуги вооружились без шума и ждали моего сигнала. Только действуй осторожно, чтобы не возбудить подозрения.

— Положитесь на меня, сеньор, — ответил старый слуга с преданной улыбкой.

Уже тридцать лет Диэго находился в услужении у семейства Рибейра, постоянно доказывая своему господину безграничную преданность.

— Хорошо, хорошо, — ответил дон Гусман веселым тоном. — Я знаю, на что ты способен.

— А лошади? — продолжал слуга.

— Пусть остаются на месте.

— Итак, мы едем, несмотря ни на что? — удивился Диэго.

— Мы едем тем более скоро, — ответил дон Гусман, наклоняясь к слуге, — что есть опасение, не обнаружилось ли кое-что. Надо ввести их в заблуждение.

Диэго кивком головы выразил согласие.

— А как же быть с доном Бернардо? — спросил он.

— Проси его войти. Я предпочитаю сразу узнать, в чем дело.

— Благоразумно ли вам оставаться наедине с этим человеком?

— Не беспокойся за меня, Диэго, он не так страшен, как ты думаешь. Разве у меня нет пистолета?

Старый слуга, вероятно успокоенный этими словами, вышел, не говоря ни слова, и через минуту ввел человека лет тридцати в полковничьем мундире аргентинской армии. При виде этого человека дон Гусман широко улыбнулся и, сделав несколько шагов навстречу, сказал:

— Добро пожаловать, полковник Педроза, хотя время немножко позднее для визита, я тем не менее рад вас видеть, сделайте одолжение, садитесь. — Он придвинул полковнику кресло.

— Вы меня извините, когда узнаете причину, которая привела меня к вам, — ответил полковник изысканно вежливо.

Дизго, повинувшись, хотя и неохотно, повторенному господином знаку, скромно удалился. Сидя напротив, гость и хозяин с нарочитым вниманием несколько минут рассматривали друг друга, как два дуэлянта, готовых к сражению.

Дону Бернардо Педроза было лет двадцать восемь. Красивый и стройный молодой человек с благородными изящными манерами. Овальное лицо, большие черные глаза как магнитом притягивали собеседника, прямой нос красивого абриса, рот с затаившейся в уголках его усмешкой, черные усы, широкий лоб, лицо, слегка тронутое загаром, все это придавало его лицу, обрамленному шелковистыми кудрями великолепных черных волос, несмотря на несомненную красоту черт, надменное, властное выражение, внушавшее инстинктивное отвращение. Изящные руки в лайковых перчатках и ноги в лакированных сапогах также свидетельствовали о его знатном происхождении.

Вот как выглядел человек, который почти в одиннадцать часов вечера явился к дону Гусману де Рибейра и настоял, чтобы его приняли под предлогом, что он желает сообщить нечто важное. Что же касается нравственности этого человека, то это в полной мере обнаружится по ходу повествования. Поэтому сейчас не станем на этом задерживаться.

Между тем молчание грозило продолжаться бесконечно.

— Я жду, кабальеро, — сказал дон Гусман, вежливо поклонившись, — чтобы вы соблаговолили объяснить. Уже поздно.

— А вам хотелось бы поскорее избавиться от меня, — перебил его полковник с сардонической улыбкой. — Вы это хотите дать мне понять, кабальеро?

— Я стараюсь всегда говорить внятно и откровенно, сеньор полковник. Нет никакой надобности истолковывать их иначе.

Сумрачные черты дона Бернардо прояснились, и он сказал добродушным тоном:

— Послушайте, дон Гусман, отложим в сторону всякое препирательство. Я желаю быть вам полезным.

— Мне? — воскликнул дон Гусман с иронической улыбкой. — Вы уверены в этом, дон Бернардо?

— Если мы будем продолжать в этом же духе, кабальеро, мы ничего не достигнем, кроме взаимного раздражения, и не сможем понять друг друга.

— Ах, полковник, мы живем в странное время, вы это знаете лучше меня, когда самые невинные поступки считаются преступлением, когда нельзя сделать шага или произнести слова, не опасаясь возбудить подозрения недоверчивого правительства. Как же я могу верить тому, что вы мне сейчас говорите, когда ваше прежнее ко мне отношение было сугубо враждебным!

— Позвольте мне не входить в подробности относительно моих прежних действий, кабальеро. Надеюсь, настанет день, когда вы сможете судить обо мне по справедливости. Сейчас же я желаю только одного — чтобы вы правильно расценили мой поступок.

— Если так, сообразовалите объясниться яснее, чтобы я правильно истолковал ваше намерение.

— Хорошо, кабальеро, я только что из Палермо.

— Из Палермо! А! — сказал дон Гусман, содрогнувшись.

— Да. А знаете ли, чем занимались сегодня в Палермо?

— Нет. Признаюсь, я мало интересуюсь, чем занимается диктатор. Танцевали и смеялись, я полагаю.

— Да, действительно, танцевали и смеялись, дон Гусман.

— Я не думаю, что я такой искусный провидец, — отвечал дон Гусман с притворным простодушием.

— Вы угадали лишь отчасти, что там происходило.

— Черт побери! Вы разжигаете мое любопытство. Я не представляю себе, чем может заниматься превосходнейший генерал, когда он не танцует. Разве что подписывает приказы арестовать подозрительных людей? Превосходнейший генерал отличается таким горячим усердием!

— На сей раз вы угадали, — ответил вполне серьезно полковник, по-видимому не уловив ироничной нотки в словах собеседника.

— А среди этих приказов, вероятно, находился один, касающийся меня?..

— Именно, — ответил дон Бернардо с очаровательной улыбкой.

— Все ясно, — продолжал дон Гусман, — значит, вам поручили исполнить этот приказ.

— Да, кабальеро, — холодно ответил полковник.

— Я готов биться об заклад, этот приказ предписывает вам...

— Арестовать вас.

Едва полковник произнес эти слова все с той же очаровательной небрежностью, как дон Гусман бросился на него с пистолетами в обеих руках.

— О! — воскликнул он. — Подобный приказ легче дать, чем исполнить, когда тот, кого надо арестовать, зовется дон Гусман де Рибейра.

Полковник не сделал ни малейшего движения, чтобы защититься, он продолжал сидеть, раскинувшись в кресле в позе друга, приехавшего с визитом, и движением руки пригласил дону Гусмана сесть на свое место.

— Вы меня не поняли, — сказал он невозмутимым тоном. — Если бы я действительно имел намерение исполнить отданный мне приказ, для меня это было бы проще простого, тем более что вы сами и помогли бы мне в этом.

— Я? — вскричал дон Гусман, иронически захохотав.

— Вот именно. Вы, конечно, сопротивлялись бы, как только что это мне доказали. Ну а я бы убил вас. Вот и все. Генерал Розас, несмотря на то, что проявляет к вам большой интерес, не настаивает, чтобы вы попали к нему непременно живым.

Это рассуждение было циничным, но неопровержимо логично. Дон Гусман опустил голову с чувством безысходности, он понял, что находится в руках этого человека.

— Однако вы — мой враг, — сказал он.

— Как знать, кабальеро. В наше время никто не может поручиться ни за своих друзей, ни за своих врагов.

— Но чего же вы от меня хотите? — вскричал дон Гусман в нервном волнении, усиливавшемся тем, что он был вынужден скрывать гнев, кипевший у него в груди.

— Я пришел вам сказать, но ради Бога не прерывайте меня, потому что мы уже и так потеряли слишком много времени, цену которого вы должны знать лучше меня.

Дон Гусман бросил на него вопросительный взгляд. Полковник продолжал, делая вид, будто не заметил этого взгляда:

— В ту минуту, когда, по вашему мнению, я явился так некстати, вы отдавали распоряжения Диэго, вашему доверенному слуге, приготовить лошадей.

— А! — только и сказал дон Гусман.

— Да, это совершенно неопровержимо, вы ждали лишь прибытия проводника.

— Вы и это тоже знали?

— Я знаю все. Впрочем, судите сами. Ваш брат дон Леонсио де Рибейра, несколько лет живший в Чили со своим семейством, должен прибыть сюда нынешней ночью и остановиться в нескольких милях от Буэнос-Айреса. Неделю назад вы получили известие об этом. Вы намерены отправиться в ачиенду дель-Пико, где он должен вас ждать, чтобы ввести его инкогнито в город. В городе вы приготовили ему надежное убежище, как вы, по крайней мере, считаете. Так, не забыл ли я какие-нибудь подробности?

Дон Гусман, пораженный услышанным, сник. Страшная пропасть вдруг разверзлась перед ним. Если Розас знал его тайну, а после пространного рассказа полковника не могло быть никаких сомнений в том, то жестокий диктатор, безусловно, намерен лишить жизни его и его брата. Надеяться на чудо не приходилось.

— Боже мой! — вскричал он с тоской. — Мой брат, мой бедный брат!

Полковник, по-видимому, наслаждался действием, произведенным его словами, и продолжал кротким и вкрадчивым голосом:

— Успокойтесь, дон Гусман, не все еще потеряно. Подробности, которые я вам сообщил относительно вашей тайны, которую вы считали так надежно скрытой, знаю я один. Арестовать вас приказано завтра на восходе солнца. То, что я посетил вас сегодня, доказывает, что я не намерен употребить вам во зло преимущества, которые дает мне случай.

— Но чего же вы от меня хотите? Ради Бога, кто вы?

— Кто я? Вы сами это сказали: ваш враг. Что я хочу? Спасти вас.

Дон Гусман не отвечал. Он пребывал в таком невероятном смятении, что просто не находил себе места.

Полковник нетерпеливо передернул плечами.

— Поймите меня, наконец, — сказал он. — Проводника, на которого вы рассчитывали, не будет, потому что он мертв...

— Мертв? — удивился дон Гусман.

— Этот человек, — продолжал дон Бернардо, — вас предал. Явившись в Буэнос-Айрес, он стал искать, кому бы выгоднее продать тайну, доверенную ему вашим

братом. Случайно обратился он ко мне, зная, какую ненависть я выражаю к вашей фамилии.

— Выказываете! — с горечью повторил дон Рибейра.

— Да, выражаю, — повторил полковник, делая ударение на этих словах. — Короче, когда этот человек все рассказал мне, я щедро заплатил ему и отпустил.

— О, какое неблагоразумие! — не мог удержаться, чтобы не воскликнуть, дон Гусман, чрезвычайно заинтересованный в этом рассказе.

— Не правда ли? — небрежно заметил полковник. — Но что же мне было делать? В первую минуту я был так поражен услышанным, что не подумал даже о том, чтобы задержать этого человека, потом решил его отыскать, но в это время на улице возник ужасный переполох. Когда я узнал, в чем дело, признаюсь, обрадовался, оказывается, этот негодяй, едва очутившись на улице, поссорился с подобным себе пикаро, и тот ударил его ножом и, к нашему удовлетворению, убил его наповал. Это просто чудо, не правда ли?

Полковник рассказал эту историю с присущей ему изящной непринужденностью. Дон Гусман не отводил от него пронизательного взгляда, который он выдержал, нисколько не смущаясь. Наконец дон Гусман откинул нерешительность, он вскинул голову и, вежливо поклонившись, с волнением заговорил:

— Извините, полковник, извините, если я вас не так понимал, но до сих пор все, по-видимому, оправдывало мое поведение. Ради Бога, если вы действительно мой враг, если вы хотите утолить свою ненависть, отомстите мне, мне одному, и пощадите моего брата, к которому у вас нет оснований питать вражду.

Дон Бернардо задумался, потом, приняв, видимо, какое-то решение, сказал:

— Кабальеро, прикажите вашему слуге готовить лошадей, и я провожу вас, потому что без меня вы не сможете выехать из города, за вами установлена слежка. Вам нечего опасаться людей, сопровождающих меня, они надежны, я выбрал их специально. Впрочем, мы оставим их неподалеку отсюда.

Дон Гусман с минуту колебался. Полковник внимательно следил за ним. Потом, как будто вдруг решившись, дон Гусман выпрямился и, взглянув прямо в лицо полковника, решительно заявил:

— Нет, что бы ни случилось, я не последую вашему совету, полковник.

Тот, скрывая неудовольствие, воскликнул:

— Вы с ума сошли! Подумайте...

— Мое решение твердо. Я не сделаю шага из этой залы вместе с вами, пока не узнаю причины вашего странного поведения. Тайное предчувствие, при всем желании преодолеть его, говорит мне, что вы по-прежнему мой враг, и если сейчас делаете вид, будто желаете оказать мне услугу, полковник, то исключительно ради того, чтобы осуществить какие-то свои планы, но отнюдь не из желания сделать добро мне или моим родным.

— Берегитесь, кабальеро! Я шел сюда с добрыми намерениями, так не вынуждайте меня своим упрямством положить конец нашему разговору. Мне хочется лишь подтвердить еще раз: какими бы соображениями я не руководствовался сейчас, я преследую единственную цель — спасти вас и ваших родных. Вот единственное объяснение, которое я считаю своим долгом дать вам.

— Однако этого объяснения мне недостаточно, кабальерс.

— Почему же, позвольте спросить? — надменно проговорил полковник.

— Потому что между вами и некоторыми членами моего семейства имели место коллизии, которые дают мне основания сомневаться в искренности ваших намерений.

Полковник вздрогнул, смертельная бледность разлилась по его лицу.

— Вот как! — глухим голосом сказал он. — Значит, вам это известно, сеньор Гусман?

— Я вам отвечу вашими же словами: я знаю все.

Дон Бернардо потупился и в гневе сжал кулаки. Наступило минутное молчание. В это время проходивший по улице сторож остановился возле дома и пьяным голосом возвестил который час. Потом его тяжелые шаги удалились, а вскоре и вовсе заглохли. Собеседники вздрогнули, словно бы очнувшись от тревоживших их мыслей.

— Уже полночь, — прошептал Рибейра не то с сожалением, не то с беспокойством.

— Хватит! — решительно изрек дон Бернардо. — Поскольку ничто не может вас убедить в искренности моих намерений, поскольку вы требуете, чтобы я раскрыл перед вами горестные тайны, касающиеся только меня...

— И другой особы! — многозначительно заметил дон Гусман.

— Пусть так, — с раздражением сказал полковник, — и другой особы! Ну, так и быть, признаюсь: именно потому, что я надеюсь встретить эту особу в ачиенде дель-Пико, я хочу проводить вас туда. Я непременно должен иметь серьезный разговор с этой особой. Понимаете ли вы меня теперь?

— Да, я вполне вас понимаю.

— Следовательно, теперь я могу быть уверен, что у вас более нет оснований возражать мне?

— Вы ошибаетесь, кабальеро.

— О! Клянусь, я сказал вам все.

— Если так, я поеду один, вот и все.

— Берегитесь! — вскричал полковник, вскакивая с места. — Мое терпение иссякло!

— И мое тоже, сеньор полковник. Впрочем, повторяю, меня мало тревожат ваши угрозы. Поступайте как знаете, кабальеро. Я уверен, что Господь мне поможет.

При этих словах презрительная улыбка появилась на губах молодого человека. Он приблизился к дону Гусману, неподвижно стоявшему среди комнаты, и спросил:

— Это ваше последнее слово, сеньор?

— Последнее.

— Да падет ваша кровь на вашу собственную голову! Вы сами этого хотели! — злобно вскричал полковник.

Не попрощавшись, вне себя от гнева, полковник повернулся, чтобы уйти. И в этот момент дон Гусман мгновенно сорвал с себя плащ, накинул его на голову полковника и так закутал его, что тот не мог ни пошевелиться, ни крикнуть.

— Нашла коса на камень, дон Бернардо, — сказал Рибейра не без сарказма. — Если вам так хочется проводить меня, вы поедете со мной, но не так, как вы, вероятно, предполагали.

Полковник всячески пытался высвободиться, но тщетно.

— Теперь дело за другими! — торжественно вскричал дон Гусман, глядя на барахтавшегося на полу в бессильной ярости полковника.

Минут пять спустя солдаты, остававшиеся на галерее, были обезоружены слугами, связаны веревками, принесенными самими же солдатами, конечно, для другой цели, и отнесены на ступени собора, находившегося неподалеку от дома, и оставлены на произвол судьбы.

Что касается полковника, то у старого воина, проявившего такое присутствие духа, были веские причины держать его при себе во время предстоящей экспедиции.

Поэтому дон Гусман бросил своего пленника поперек седла и в сопровождении верных ему слуг, вооруженных с ног до головы и на хороших лошадях, тронулся в путь.

— В галоп! — скомандовал он, как только затворились ворота. — Как знать, не продал ли нас заранее этот изменник?

Маленький отряд промчался по городу, пустынному в этот час, с быстротою вихря. Но когда они достигли окраины города, им пришлось постепенно замедлить ход, а потом по знаку дона Гусмана и вовсе остановиться.

Дон Гусман, однако, упустил из вида одно очень важное обстоятельство. Буэнос-Айрес в те времена, когда там распоряжалось правительство Розаса, находился на особом положении, следовательно, в определенные часы из него невозможно было выехать, не зная пароля, который ежевечерне устанавливал сам диктатор. Дон Гусман в раздумье взглянул на пленника, и ему пришла было мысль узнать у него пароль, который тот, несомненно, знал. Но после минутного размышления дон Гусман отказался от мысли довериться человеку, которого он смертельно оскорбил и который при первой же возможности захочет ему отомстить. И он решил действовать решительно, сообразно обстоятельствам. Предупредив своих спутников, чтобы они держали оружие наготове, он приказал стремительно двигаться вперед.

Однако, не проехав и шестисот шагов, они услышали звук взводимого курка и окрик: «Кто идет?»

К счастью, было так темно, что на расстоянии десяти шагов невозможно было ничего различить. Настала решающая минута. Дон Гусман возвысил голос и твердым тоном произнес:

— Полковник Педроза!..

— Куда вы направляетесь? — спросил часовой.

— В Палермо. По приказанию генерала Розаса.

— Проезжайте!

Маленький отряд, как лавина, пронесся в городские ворота и вскоре исчез в темноте. Благодаря редкостной отваге дон Гусман избежал страшной опасности. Сторожа объявляли половину первого часа пополуночи в ту минуту, когда всадники миновали окраинные дома Буэнос-Айреса.

Почтовая станция в пампасах

Пампасы, то есть степи Южной Америки, — эти огромные равнины, простирающиеся от Буэнос-Айреса до подножия Кордильеров, покрыты высокой густой травой, колышущейся при малейшем дуновении ветра. Степи изрезаны вдоль и поперек многочисленными и бурными потоками рек.

Ландшафт пампасов однообразен и скучен, нет ни лесов, ни гор, ни даже небольших возвышенностей, которые бы нарушали скучное однообразие пейзажа.

Только две дороги пролегают через пампасы, связывая Атлантический океан с Тихим. Первая ведет в Чили через Мендозу, вторая — в Перу через Тукуман и Сальту. Эти обширные степи населяют два народа, постоянно воюющие между собой индейцы браво и гаучосы.

Гаучосы составляют особую касту, обретающуюся только в аргентинских провинциях, нигде больше их не встретить.

Обладая стадами быков и диких лошадей, пасущихся на приволье в степях, люди эти по преимуществу принадлежат к белой расе, но, издавна живя среди туземцев, сами сделались такими же варварами, позаимствовав от индейцев хитрость и жестокость. Они проводят жизнь в седле, спят на голой земле, питаются мясом своего скота, если не удастся ничего добыть на охоте, редко появляются вблизи ачиснд или городов, разве что только для того, чтобы выменять перья и меха на водку, серебряные шпоры, порох, ножи и материю ярких расцветок.

Настоящие кентавры Нового Света, такие же лихие наездники, как атары в сибирских степях, они переносятся с

изумительной быстротой с запада на восток, не подвластные иным законам, кроме собственных прихотей, никакому иному повелителю, кроме собственной воли, потому что, как правило, они не знают никого, за исключением фермеров, которые нанимают их на временные работы.

Путешественники опасаются гаучосов так же, как индейцев, и отваживаются отправиться в путь в пампасы лишь большой группой, дабы совместно защищаться от нападения индейцев, гаучосов и хищных зверей.

Такие караваны обычно состоят из пятнадцати и даже двадцати повозок, запряженных шестью или восемью быками, которых погонщики, лежащие на кожаном фартуке повозки, погоняют длинными острыми рогатками, висящими над их головами.

Управитель, или мажордом, человек смелый и хорошо знающий пампасы, ведет караван и имеет в своем распоряжении человек тридцать хорошо вооруженных псонов, которые охраняют караван с флангов, следят за сменой быков, осматривают дорогу и в случае нападения защищают путешественников.

Невозможно себе представить более живописное и печальное зрелище, которое являют собой караваны, растянувшиеся по извилистым тропинкам степи, напоминая змею. Караван движется медленно, размеренным шагом, повозки застревают в многочисленных рытвинах, колеса пронзительно скрипят, неохотно поддаваясь усилиям быков.

Нередко громоздкие караваны обгоняют погонщики мулов. Главный погонщик, рекуа, бодро скачет впереди, позванивая серебряным колокольчиком: «Пропустите мулов!», непрерывно повторяя на все лады, при этом ему вторят другие погонщики и пеоны, скачущие по обе стороны мулов, чтобы те не разбежались.

С наступлением вечера погонщики мулов и быков находят пристанище на почтовых станциях, представляющих собой некое подобие тамбосов или караван-сараев. Повозки распрягают, ставят в один ряд, тюки с мулов сваливают в кучу. Если на почтовой станции оказывается много путешественников, животные и люди проводят ночь вместе под открытым небом, что в здешних краях, где холода не бывает, это даже вполне приятно.

Тогда начинаются при таинственном свете бивуачных огней длинные степные рассказы, то и дело прерываемые

веселым смехом, песнями и плясками и нежными словами, которые произносятся тихими голосами.

Однако редко обходится дело без ссоры погонщиков мулов с погонщиками быков, неприязненно расположенных друг к другу, и без поножовщины, поскольку нож всегда участвует в распрях этих людей, пылкая страсть которых не подвластна никакой узде.

Вечером в тот день, когда начинается наш рассказ, последняя станция в пампасах на дороге дель-Портиль была полна путешественников.

Два крупных каравана мулов развели костер перед станцией рядом с тремя-четырьмя караванами, поместившими быков в ограде, составленной из повозок.

Станционное здание было довольно просторным, четыре пышных дерева укрывали от солнца галерею, достаточно большую, чтобы предоставить убежище многочисленным постояльцам.

В разбросанных повсюду толдо — так называются эти жалкие лачуги — слышалось пение и смех погонщиков быков и мулов, сливавшиеся со звуками гитары и с визгливым голосом хозяина станции, тщетно старавшегося перекрыть шум.

Вдруг послышался быстрый топот нескольких лошадей, и два отряда всадников, появившихся с двух противоположных сторон, остановились перед галереей почтовой станции.

Один из этих караванов, состоявший всего из шести всадников, ехал из Мендозы, второй — напротив, из степи и насчитывал, по меньшей мере, человек тридцать.

Внезапное появление этих двух отрядов произвело необычайное действие: шум, который всего лишь минуту назад столь тщетно пытался остановить хозяин, стих словно по волшебству, и воцарилась мертвая тишина.

Погонщики быков и мулов словно тени проворно вернулись к своим бивуакам, обмениваясь тревожными взглядами, так что огромная зала почтовой станции опустела в один миг и хозяин мог беспрепятственно выйти к своим неожиданным посетителям.

При виде отряда всадников смертельная бледность разлилась по лицу хозяина, судорожный трепет пробежал по телу, и все, на что он был способен, это невнятным голосом пролепетать:

— Пресвятая дева Мария!

— Заткнись сию же минуту, — услышал он в ответ от высокого всадника, судя по суровому и властному виду, являвшегося начальником второго многочисленного отряда.

Тот же, другой, маленький отряд, по-видимому, был напуган не меньше хозяина станции, заметив этот многочисленный отряд, шестеро всадников замедлили шаг своих лошадей и укрылись в тени, дабы избежать встречи с этим грозным отрядом, которого случай или злой рок так некстати навязал им.

Однако кто были эти люди, один вид которых повергал в ужас не только детей и женщин, но даже этих смелых следопытов пустыни, жизнь которых проходила в постоянной борьбе с индейцами и хищными зверями и которые бесстрашно смотрели в лицо смерти?

Мы это расскажем в двух словах. В то время, когда происходят описываемые нами события, гнусная и жестокая тирания выроodka в человеческом обличье, невежды и негодяя по имени дон Хуан де Розас, так долго тяготевшая над аргентинскими провинциями, была еще в полной силе. А люди эти были федералисты, наемные убийцы, состоявшие на службе хладнокровного палача, имя которого ныне предано проклятию, словом, это были члены презренного общества, известного под именем «мас-горка», которое на протяжении нескольких лет держало Буэнос-Айрес в страхе.

Всеобщее негодование заставило диктатора впоследствии сделать вид, будто он распустил это общество, однако вплоть до падения этого ненавистного тирана общество это продолжало существовать и чинить бесчинство, грабеж и убийства.

Теперь читателю ясно, какой ужас должны были испытать беззаботные мирные путешественники при виде пресловутых зловещих мундиров этих наемных палачей, не ведавших жалости и сострадания.

Побуждаемые инстинктивным страхом, обитатели постоянного двора поспешили спрятаться за своими повозками и тюками, даже и не помышляя ни минуты о бесполезном сопротивлении. Между тем колорадосы, или федералисты, спешили и вошли в дом, ступая на цыпочках, потому что колесцы на их шпорах были огромны, и волоча за собой сабли, железные ножи которых, ударяясь о плиты, издавали зловещий звон.

— Эй! — спросил начальник хриплым голосом. — Что

это значит, кабальеро? Неужели наш приезд прогнал веселье из этого дома?

Станционный смотритель отвешивал поклоны и вертел в руках свою поношенную шляпу, не произнося ни слова — язык его словно прилип к небу от страха. Этот достойный человек, знавший бесцеремонность этих незваных гостей, боялся быть повешенным.

Большая зала была освещена закоптелой лампой, излучавшей тусклый свет. Начальник федералистов, глаза которого не успели привыкнуть к свету, поначалу не заметил, что зала совершенно пуста, а когда наконец обнаружил, что вокруг нет ни души, взъярился, гневно топнув ногой на беднягу, дрожавшего от страха:

— Неужели я, сам того не подозревая, попал в змеиное гнездо? Или эта скверная лачуга служила вертепом для сальвахесов-унитариев? Отвечай, негодяй, если не хочешь, чтобы твой лживый язык был вырван и брошен собакам.

Станционный смотритель совсем растерялся, услышав эту угрозу. Он знал, что этим людям ничего не стоит ее осуществить, тем более когда он услышал о сальвахесах-унитариях. Так называли врагов Розаса, упоминание о них было равносильно провозглашению приговора.

— Сеньор генерал! — вскричал он, с огромным трудом преодолев владевшее им оцепенение.

— Я не генерал, дурак, — перебил его тот смягчившимся тоном, польщенный этим громким титулом, столь щедро дарованным ему станционным смотрителем. — Я не генерал, хотя я надеюсь сделаться им когда-нибудь. Пока я всего лишь поручик, и это вполне достойный чин, так что пока не называй меня иначе. Ну, продолжай.

— Сеньор поручик, здесь только добрые сторонники генерала Розаса, мы все федералисты.

— Гм! — недоверчиво хмыкнул поручик. — Я сомневаюсь в этом. Вы находитесь совсем близко от Монтевидео и не можете быть приверженцами Розаса.

Заметим, что среди всех аргентинских провинций только один город имел мужество протестовать против тирании жестокого диктатора. Этим городом, прославившимся своим свободолюбием и в Новом и в Старом Свете, был Монтевидео. Решившись, если потребуется, погибнуть во имя защиты святого дела, он геройски выдержал

девятилетнюю осаду отрядов Розаса, все усилия которого постоянно разбивались о неприступные стены города.

— Сеньор поручик, — раболепно продолжал станционный смотритель, — здесь останавливаются погонщики мулов или быков, они вовсе не занимаются политикой.

Эти слова, казавшиеся станционному смотрителю такими убедительными, не возымели никакого успеха в глазах поручика.

— Посмотрим, — сказал он заносчиво, — и горе изменнику, если я его обнаружу! Луко, — продолжал он, обращаясь к капралу, — возьмите несколько человек, разбудите этих скотов и приведите их сюда тотчас. Если кто-то спит крепко, не бойтесь разбудить их острием ваших сабель. Это заставит их повиноваться живее.

Капрал лукаво улыбнулся и тотчас отправился исполнять приказание. Поручик же, задав станционному смотрителю еще несколько менее важных вопросов, решился наконец занять место у стойки и в ожидании возвращения капрала принялся угощаться напитками, которые хозяин спешил ему подавать, мысленно проклиная дармового гостя и в то же время надеясь таким образом избежать большей беды.

Солдаты, кроме тех, кто остался караулить лошадей, уселись рядом с начальником и последовали его примеру.

Задача, возложенная на капрала, оказалась легче, чем он предполагал, потому что несчастные погонщики мулов и быков слышали приказание начальника и, понимая, что всякое сопротивление не только бесполезно, но и может еще и ухудшить их положение, решились безоговорочно повиноваться и поспешили в залу.

— О! — воскликнул поручик с лукавой усмешкой. — Я уверен, что имеет место какое-то недоразумение, а, добрые люди?

Погонщики рассыпались в извинениях и заверениях, которые офицер выслушал с самым равнодушным видом, опоражнивая огромный стакан, наполненный до краев каталонской водкой, самой крепкой на свете.

— Ну, друзья-товарищи! — вдруг перебил он их, ударив саблей по стойке. — Познакомимся, но прежде скажите мне, поклявшись именем дьявола, вы за кого?

Путешественники, напуганные этой грозной демонстрацией силы, дружно закричали с восторгом тем более уверенно, что он был фальшивым:

— Да здравствует генерал Розас! Да здравствует освободитель! Да здравствуют федералисты! Смерть свирепым унитариям! Резать их, резать!

Эти лозунги, столь любезные душе федералистов, с которыми они отправлялись в карательные походы, рассеяли сомнения офицера. Он улыбнулся, показав при этом зубы крепкие и острые, готовые укусить.

— Браво, браво! — вскричал он. — Вот, по крайней мере, настоящие приверженцы Розаса. Ну, хозяин, друг мой, подай-ка водки этим достойным людям, я хочу их угостить!

Хозяин мог вполне обойтись без этой щедрости офицера, зная, сколь пагубно это отразится на его кармане, однако безропотно исполнил приказание, скрывая свою досаду под любезной улыбкой.

Уверения в приверженности федерализму зазвучали с новой силой, и вскоре веселье дошло до крайней степени. Поручик схватил оказавшуюся под рукой гитару.

— Ну, — сказал он, — становитесь в круг и танцуйте!

Колебание было рискованным. При всем том страхе, который владел большей частью присутствующих, любезное приглашение поручика прозвучало так властно, что приходилось скрепя сердце повиноваться. Они находились во власти лютого зверя, который в любую минуту мог разорвать их на части.

Освободили середину залы, мужчины и женщины встали в круг, не спуская глаз с офицера, чтобы пуститься в пляс по его сигналу. Сигнал не заставил себя ждать. Отпив из стакана огромный глоток водки, поручик схватил гитару, заиграл и запел зычным голосом веселую цамбакуэку, хорошо известную в аргентинских провинциях, слова которой почти непереводимы, но смысл их таков: для чего ты без конца ходишь взад и вперед, в то время как другие ходят меньше, а толку от них больше.

Справедливо говорят, что испанцы — непревзойденные танцоры, однако американцы превзошли их в танцах, как и во многом другом, они в танцах буквально доходят до безумия. Об этом красноречиво свидетельствует описываемая нами сцена.

Люди эти, вынужденные начать танцевать по принуждению, при первых зазывных звуках гитары, позабыв о страхе, с неистовством отдались своему любимому занятию. Те, кто поначалу скромно держался в стороне по

причине терзавшего их беспокойства, вскоре поддались азарту танцующих и самозабвенно отдались танцу.

Через несколько минут от принужденности не осталось и следа, постоянный двор сотрясаясь от веселого пения и громкого топота веселящейся публики.

Капрал добросовестно исполнил приказание начальника. Но, как мы заметили выше, погонщики быков и мулов значительно помогли ему, охотно войдя в залу. Однако достойный капрал, вероятно из ревностного отношения к своим обязанностям, в сопровождении нескольких солдат самолично обошел разные таботы. Они тыкали саблями тюки, заглядывали в повозки и под них, не гнушаясь перетряхивать даже маленькие узелки. Убедившись после самых тщательных поисков, что все до единого человека находятся в зале, он и сам собрался было туда вернуться, но, так как там по-прежнему царило бурное веселье, передумал. Он разрешил сопровождающим его солдатам вернуться в залу, о чем те только и мечтали.

Оставшись один, капрал прежде всего удостоверился, что за ним никто не следит, затем закурил пахитоску и стал прохаживаться взад и вперед с беспечным видом человека, вышедшего подышать свежим воздухом. Через некоторое время он незаметно удалился от галереи и затерялся в темноте, где его невозможно было увидеть.

Он внимательно огляделся по сторонам и подбросил вверх зажженную пахитоску. Пахитоска прочертила в воздухе светящуюся параболу и упала на землю, где капрал погасил ее ногой. В ту же самую минуту огненная стрела рассекла темноту.

— Так, — пробормотал капрал, — надо быть осторожным.

Он еще раз внимательно огляделся по сторонам, запел вполголоса первый куплет песни, хорошо известной в пампасах:

«О драгоценная свобода! Тебя нельзя сравнить ни с золотом, ни с самыми великими сокровищами обширной земли».

И сразу же чуть слышный голос подхватил песню, запев второй куплет:

«Богаче и дороже самого драгоценного сокровища...»

Узнав пароль, капрал остановился. Он воткнул свою саблю в землю, оперся о рукоятку и сказал довольно громко, делая вид, что говорит сам с собой:

— Хотелось бы мне знать, почему страусы так внезапно удалились глубоко в степи?

— Потому, — ответил только что певший голос, — что они почувствовали запах мертвечины.

— Похоже на правду, — сказал капрал. — Если так, то кондоры должны бы спуститься в Кордильеры.

— Прошел уже двадцать один день, как они перелетели через Кумбре.

— Солнце было красно вчера на закате.

— Его лучи, без сомнений, отражали отблеск пожара, зажженного мас-горка.

Капрал более не колебался.

— Приблизьтесь, дон Леонсио, — прошептал он. — Вы и ваши спутники.

— Мы здесь, Луко.

Капрал немедленно был окружен шестью всадниками, вооруженными с ног до головы. Читатель, конечно, понял, что это были те самые всадники, которые час назад встретились на почтовой станции с федералистами и которых благоразумие заставляло до сей поры укрываться в темноте.

В доме веселье все продолжалось, постепенно приняв размеры гигантской оргии. Наши всадники были уверены, что им никто не помешает. Хотя взошла луна и заливала землю довольно ярким светом, люди эти, укрывшись за повозками, не опасались быть увиденными, между тем как все выходящие из дома будут им видны как на ладони.

Мы воспользуемся серебристым светом луны, чтобы разглядеть внешность действующих лиц, с которыми предстоит познакомиться, тем более что для большей предосторожности они сошли на землю и вели лошадей за узду.

Мы сказали, что их было шестеро. Трое первых, очевидно, были пеоны, но их тяжелые серебряные шпоры, их тирадоры, или пояса, из вышитого бархата, оружие изящной чеканки, видневшееся из-под добротных шерстяных плащей, а главное — почтительная фамильярность, с какою они обращались к своим господам, свидетельствовали о доверии и уважении к ним со стороны господ.

Пеоны эти действительно были не только слугами, но и друзьями, смиренными, это верно, но преданными и многократно испытанными в сложных ситуациях.

Из господ двое были люди лет тридцати пяти или трид-

цати восьми, в полном расцвете сил. Костюм их мало отличался фасоном от описанных выше, хотя превосходил по качеству.

Первый был высок ростом и строен, изящен в обращении, с изысканными манерами. Гордое и мужественное лицо носило печать чистосердечия и доброты, внушавшее уважение и симпатию. Это был дон Леонсио де Рибейра.

Спутник его, почти такого же роста и с такими же изящными манерами, являл собою полную противоположность Леонсио. Его голубые, кроткие как у женщины глаза, густые светло-русые локоны, выбившиеся из-под широких полей шляпы и в беспорядке падавшие на плечи, матовая белизна кожи, контрастировавшая со смуглой кожей дона Леонсио, заставляли предполагать, что он родился не в жарком климате Латинской Америки. Однако этот человек еще более, чем его товарищ, мог с полным основанием считать себя сыном этой страны, потому что вел род от храброго и несчастного Тупак-Амару, последнего инка, подло убитого испанцами. Его звали Манко-Амару Диэго де Солис и Виллас-Реалес. Мы просим извинения читателя за эти громкие имена.

За слегка женственной внешностью дона Диэго де Солиса скрывалось львиное мужество, а изящные руки с тонкой, почти прозрачной кожей и розовыми ногтями таили в себе невероятную силу.

Третий человек, стоявший позади других, так старательно кутался в плащ, а шляпа была так низко надвинута на лицо, что можно было увидеть только большие черные глаза, время от времени метавшие пламя. Тонкий стан, хрупкая фигура, непринужденность движений невольно заставляли думать, что это ребенок, если только мужской костюм не скрывал женщину, что было гораздо вероятнее.

Как только капрал увидел только что описанных нами людей, он мгновенно преобразился. Его бесцеремонная грубость сменилась той вкрадчивой вежливостью, которая свидетельствует об истинной преданности. Лицо его утратило насмешливое и лукавое выражение.

Дону Леонсио с трудом удалось умерить безумную радость, которую солдат демонстрировал с наивным чистосердечием человека, который обрел наконец долгожданное счастье.

— Полно, Луко, — повторил он. — Успокойся, друг

мой. Это я, я. Будь благоразумен, сейчас неподходящее время для излишних чувств.

— Это правда! Правда! Но я так счастлив увидеть вас после столь длительного перерыва.

Он отер жгучие слезы, катившиеся по его загорелым щекам.

Дон Леонсио был взволнован преданностью этого старого слуги.

— Благодарю, Луко, — сказал он, протягивая ему руку. — Ты доброе и преданное существо.

— Однако при том, что я счастлив видеть вас, я предпочел бы, чтоб вы приехали не так неожиданно. Времена плохие, нынешний тиран в Буэнос-Айресе могущественнее прежнего.

— Знаю. К несчастью, я не могу отложить мой приезд, несмотря на опасности, которым буду подвергаться.

— У нас ужасная жизнь.

— Ничего не поделаешь. Мы должны покориться тому, чего не можем изменить. Ты исполнил мои приказания?

— Все. Ваш брат предупрежден. К сожалению, я не мог сделать этого лично. Я был вынужден отправить к нему гаучо, которого знаю очень мало. Но, будьте спокойны, ваш брат непременно здесь будет через несколько часов.

— Хорошо. Но мне кажется, ты явился сюда с большой компанией.

— Не мог иначе. За мною следят, вы это знаете. Мне пришлось пуститься на хитрость, чтобы уговорить поручика приехать сюда.

— Мы чуть было не наткнулись на него.

— Да, и я страшно испугался, потому что уже узнал вас. Одному Богу известно, чем могла бы кончиться эта встреча.

— Этот поручик хороший человек?

Луко печально покачал головой:

— Берегитесь, это самый жестокий мас-горка пса Розаса.

— Черт побери! — проговорил Леонсио с озабоченным видом. — Я боюсь, мой бедный Луко, как бы не попасть нам в ловушку, из которой будет трудно выбраться живыми и невредимыми.

— Положение трудное, не скрою, надо действовать чрезвычайно осторожно, чтобы они не напали на ваш след. Самое главное — выиграть время.

— Да, — сказал дон Леонсио задумчиво.

— Сколько вас? — вступил в разговор дон Диэго.

— Тридцать пять человек вместе с поручиком. Но я вам уже сказал, что это настоящий демон. Он один стоит четверых.

— Ну и что же! — продолжал небрежно дон Диэго, поглаживая свои белокурые усы. — Нас семеро, вместе с тобой, нашим храбрецом.

— Кто этот поручик?

— Дон Торрибио, бывший гаучо.

— О! — воскликнул дон Леонсио с отвращением. — Торрибио Дегвелло!

— Я с удовольствием прижал бы коленом грудь этого злодея. Ну, что же будем мы делать?

— Вы забываете, кто с нами, дон Диэго, — сказал дон Леонсио, указав глазами на их спутника, неподвижно стоявшего рядом.

— В самом деле. Я сошел с ума. Простите меня, милый, мы должны действовать очень осмотрительно.

— Какое счастье, — заметил Луко, — что вы не привезли с собой донну Антонию. Бедная милая нинна, она умерла бы от страха среди этих демонов.

Внезапно, прежде чем дон Леонсио успел ответить, на постоялом дворе возник ужасный переполох, прозвучало несколько выстрелов. Обезумевшие от страха мужчины и женщины выскочили из дома и с отчаянными криками разбежались в разные стороны.

— Спрячьтесь! Боже мой! Что это значит? Я сейчас вернусь, только постарайтесь, чтобы вас не узнали, спрячьтесь ради Бога! До свидания! Я должен посмотреть, что там происходит.

Оставив дону Леонсио и его спутников в сильном беспокойстве, капрал поспешил к дому.

Федеральная любезность

Мы опередим на несколько минут капрала Луко, чтобы объяснить читателю, что происходило в зале постоянного двора.

Сначала все шло хорошо. По прошествии замешательства и страха погонщики мулов и быков, окунувшись в стихию своего любимого времяпрепровождения, забыли о своих опасениях и вскоре уже общались с солдатами на равных.

Водка и вино лились рекой, радость возрастала соразмерно с возлияниями, горяча кровь и кружа головы.

Между тем поручик дон Тиррибио с блестящими глазами и воодушевлением на лице продолжал петь, бренчать на гитаре, а главное — пить. Так, может быть, и продолжалось бы дальше, если бы не одно обстоятельство, которое вдруг все круто изменило и превратило сцену веселья в сцену ужаса.

Среди веселящейся публики находился молодой погонщик мулов лет двадцати пяти с тонкими и умными чертами лица, но с развязными манерами, привлекавший всеобщее внимание неподражаемой грациозностью в танцах. Вокруг него сосредоточились женщины, одаривавшие его обворожительными взглядами и бурно аплодировавшие его эксцентричным па.

В числе этих женщин были две шестнадцатилетние девушки, отличавшиеся красотой, присущей американкам. Жгучие черные глаза, золотистый загар на румяных щеках, иссиня-черные тугие косы, стройный стан, гибкий и чувственный, — все это вместе придавало им упоительную и сладострастную прелесть, которая не поддастся

анализу, но магическому действию которой невольно подчиняется даже самый колодный человек.

Эти две женщины превосходили всех остальных в выражении восторга по поводу искусства танцора. Следует отдать должное танцору. Он, не-видимому, не придавал особого значения производимому им эффекту. Это был добродушный парень, просто любивший танцевать, а при его образе жизни ему редко представлялась возможность предаться любимому занятию. Поэтому он был далек от того, чтобы пытаться внушить любовную страсть какой-нибудь из своих поклонниц.

Девушки эти инстинктивно почувствовали равнодушие погонщика и оскорбились, но не подали виду, продолжали расточать ему страстные признания и восторженные похвалы, которые становились уж слишком нарочитыми, чтобы оставить равнодушными многочисленных свидетелей этого. К тому же среди присутствующих было немало таких, которые много бы дали, чтобы заслужить расположение прелестного создания, и, как это случается в подобных ситуациях, стали сердиться на погонщика за проявляемое им равнодушие, упрекать его в недопустимой невежливости, неумении себя вести и в пренебрежении признательностью со стороны прелестных девушек.

Молодой человек, оказавшийся в затруднительном положении по одной простой причине — он самозабвенно отдался танцам и побуждаемый присутствующими проявить вежливость, решил выйти с честью из неприятного положения и пригласил сначала одну девушку, а потом другую потанцевать с ним.

Поэтому, как только поручик после очередного возлияния снова забренчал на гитаре, танцор направился с любезной улыбкой к стоявшим рядом девушкам, поклонившись, сказал той, которая оказалась ближе к нему:

— Сеньорита, не осчастливите ли вы меня согласием протанцевать со мною этот танец?

Девушка, зардевшись от удовольствия, уже протянула ему руку, когда ее подруга внезапно взвилась на месте и в мгновение ока очутилась между танцором и подругой.

— Вы не будете танцевать! — вскричала она гневно.

Свидетели этой странной и неожиданной сцены с удивлением воззрились на них, ничего не понимая. Танцор с приглашенной им девушкой с изумлением переглянулись.

Между тем танцор решил положить конец этой нелепой ситуации, поскольку девушка продолжала стоять прямо перед ним, гордо закинув голову, с пылающим лицом, всем своим видом выражая угрозу. Танцор, почтительно поклонившись девушке, сказал:

— Сеньорита, позвольте заметить вам...

— Молчите, дон Пабло! — резко прервав его, сказала девушка. — Я не на вас сержусь, а на эту бесстыжую шлюху, которая решила завладеть самым красивым танцором.

При этих словах оскорбленная ею подруга оттолкнула дону Пабло и, приблизившись к своей сопернице, крикнула:

— Ты лжешь, Манонга, ты говоришь это из ревности, ты не можешь пережить того, что этот кабальеро оказал мне предпочтение.

— Я? — ответила та презрительным тоном. — Ты с ума сошла, Кларита. Меня интересует этот кабальеро не более, чем кислый апельсин.

— Да? — иронично возразила Кларита. — Почему же ты вдруг так рассердилась без всякой видимой причины?

— Потому что, — запальчиво отвечала Манонга, — я знаю тебя давно и хочу преподать тебе урок.

— Ты? Полно! Берегись, как бы тебе самой не пришлось получить урок!

— Вот как! Но ты даже не умеешь держать ножа.

— Посмотрим! — вскричала Манонга, опьянев от гнева и выхватив нож из-за пазухи, обернула левую руку шарфом и стала в позицию.

— Посмотрим! — ответила Кларита и тоже, проворно выхватив нож, приготовилась к бою.

Дуэль между двумя девушками сделалась неизбежной.

Дон Пабло, невольно явившийся причиной такой необычной дуэли, всячески старался урезонить девушек, но ни та, ни другая не обращали внимания на его слова. В полном отчаянии он продолжал взывать к разуму девушек, но тут опять вмешалась публика, которую на сей раз интересовала не только перебранка девушек, но и увлекательное зрелище — женская дуэль на ножах, поэтому они стали требовать, чтобы он успокоился и предоставил девушкам объясниться как им желательно.

Танцор, внутренне убежденный, что он невиновен в случившемся и что только его доброе сердце побудило его стараться уладить скандал, уступил требованию публики

и, скрестив руки на груди, решил оставаться зрителем, если не равнодушным, то, по крайней мере, бескорыстным, предстоящей дуэли.

Странное и величественное зрелище являли собой эти девушки в странной одежде, гордо стоявшие друг против друга в полутемной зале, готовые к схватке, между тем музыка и танцы продолжались как ни в чем ни бывало, водка по-прежнему лилась рекой и по-прежнему звучал нестройный хор голосов, распевавших веселые песни.

— На сколько дюймов деремся, милая? — воскликнула Кларита.

— На все лезвие, душа моя, — насмешливо ответила Манонга. — Я хочу оставить автограф на твоей физиономии.

— Я намерена сделать то же.

— Посмотрим. Ты готова, милая моя?

— Готова, душа моей жизни!

Вокруг девушек собралось много зевак, в то время как те, выставив вперед словно щит левую руку, напряженно ждали мгновения, когда они бросятся друг на друга. Обе были одинаково молоды и проворны, обе обладали одинаковыми шансами. Привычные к подобным схваткам люди, а здесь их было вполне достаточно, не брались предугадывать исход этой дуэли, которая, впрочем, по мнению всех, обещала быть ожесточенной, судя по гневному блеску глаз соперниц.

После минутной нерешительности, или, лучше сказать, сосредоточенности, Кларита и Манонга щелкнули языком с пронзительным подсвистом, зловеще сверкнули синеватые лезвия ножей, и они устремились друг к другу.

Первый раунд был стремителен и закончился ничем.

Соперницы заняли снова исходное положение.

Последовала новая схватка, и почти мгновенно лицо каждой из них оказалось рассеченным крест-накрест. Они исполнили клятву — каждая оставила свой автограф на лице противницы. Присутствующие восторженно и громко рукоплескали. Никогда в жизни им не случалось видеть такого мастерства.

После очередной передышки соперницы собирались продолжить борьбу и довести ее до решительного конца, но вдруг плотный круг любопытных разомкнулся, и некий мужчина, став между соперницами и поочередно поглядывая на них, заговорил насмешливым тоном:

— Послушайте, чертовки!

Девушки опустили ножи, но продолжали стоять с гордо поднятой головой, всем своим видом выражая надменное презрение друг к другу и неумную жажду мщения. Они с трудом повиновались воле появившегося так некстати человека.

Увлеченный музицированием и водкой поручик, наконец, тоже заметил что-то необычное, происходящее в зале. Его первым побуждением было схватиться за пистолеты, висевшие у него на поясе, но он вовремя спохватился. Дон Торрибио поднялся и, не спуская глаз с соперниц, внимательно следил за перипетиями сражения. Когда же он счел нужным вмешаться, вдруг встал между противницами.

За поручиком последовали и солдаты. Теперь они стояли в двух шагах от него, держа оружие наготове, потому что предвидели, что вмешательство дона Торрибио в эту ссору неизбежно и рано или поздно он подаст им сигнал к действию.

Теперь круг, состоявший из зевак, раздался и занял почти всю залу. В середине его стояли две девицы с ножами в руках и поручик со скрещенными на груди руками, цинично и снисходительно оглядывавший их.

— Ну, курочки, — сказал он, — что это вы так взъежились из-за петуха? Неужели только он один и сидит у вас на насесте? Какой великолепный крест начертали вы себе на лице, черт побери! Вы, верно, любите этого негодяя?

Девицы молчали. Поручик между тем продолжал таким же небрежным, снисходительным тоном:

— Но где же этот храбрый рыцарь, позволяющий женщинам драться из-за него? Неужели он из скромности прячется?

Дон Пабло сделал шаг вперед и, посмотрев прямо в лицо поручику, сказал тихо, но твердо:

— Я здесь!

— А! — воскликнул дон Торрибио, окидывая его пытливым взглядом. — Действительно вы красавец, и неудивительно, что внушаете девицам сильные страсти.

Молодой человек остался безразличен к комплименту, ирония которого была очевидна.

— Которую из вас предпочел этот сердцеед? — продолжал поручик, обращаясь к девицам. — Не бойтесь, говорите.

Наступило минутное молчание.

— Вы, может быть, боитесь ошибиться, — продолжал дон Торрибио. — Ну, тогда вы, молодой человек, скажите, которую из этих двоих вы предпочитаете?

— У меня нет предпочтения ни к той, ни к другой, — холодно ответил погонщик.

— Карамба! — вскричал поручик с притворным восторгом. — Если я понял вас, вы любите обеих одинаково?

— Нет, вы ошибаетесь, сеньор, я не люблю ни той, ни другой.

— Вот это-то я и не могу взять в толк. Как же вы можете допустить, чтобы они дрались? О! Это не должно остаться безнаказанным! Если так, сеньориты, я вас помирю и преподам урок этому невежливому кабальеро, который презирает могущество ваших черных глаз. Такое оскорбление вопиет о мщении, клянусь моею душой!

Свидетели этой сцены внутренне содрогнулись, между тем как солдаты посмеивались между собой.

С этими словами поручик вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок и приставил его к груди погонщика, который, по-прежнему бесстрастный, не сделал ни малейшего движения, чтобы избежать грозившей ему опасности.

Однако внимательно следившие за происходящим девицы, словно вдруг примирившись, бросились перед ним на колени. В следующую минуту Манонга упала с пронзенной грудью.

— Ах! — вскричала она. — Ты презираешь меня. Ну, я умираю за тебя. Кларита, я тебя прощаю.

Дон Пабло перескочил через тело несчастной и кинулся с ножом на поручика. Тот бросил ему в голову свой тяжелый пистолет, но молодой человек уклонился от удара и схватил офицера за грудки. Между ними завязалась борьба.

Кларита с неотступным вниманием следила за этим неожиданным поединком, готовая при первой же возможности прийти на помощь очаровавшему ее танцору.

Присутствующих при этой сцене любителей острых ощущений охватил страх. И хотя их было гораздо больше, чем солдат, и все имели оружие, никто не осмеливался прийти на помощь злополучному танцору.

Между тем солдаты, основательно пьяные, видя, что их офицер дерется с одним из погонщиков, обнажили сабли и бросились в толпу, рубя направо и налево:

— Режьте! Режьте унитариев!

Тогда в этой зале, до отказа набитой людьми, разыгралась жуткая трагедия. Погонщики, преследуемые солдатами, безжалостно рубившими их саблями, устремились к выходу, ища спасения в бегстве. Поднялась невероятная паника. Гонимые страхом и ослепленные инстинктом самосохранения, люди пытались пробиться в дверь, тесня друг друга, топча ногами. А кое-кто прокладывал себе путь ножами.

Страх делает человека более жестоким и опасным, чем хищные звери. Когда ему грозит смерть, всесокрушающий эгоизм, составляющий сущность человеческой натуры, порой берет верх над всеми прочими качествами, и тогда связи разрываются, для него не существует более ни родных, ни друзей, он глух к зову другого человека и только с единственной мыслью — спастись самому во что бы то ни стало — идет напролом, сокрушая все и вся на своем пути.

Вскоре кровь потекла рекою, все помещение оказалось заваленным трупами, солдаты все убивали и убивали, а их жертвы уже утратили волю к сопротивлению.

Наконец дверь рухнула, те, кто остался в живых, разбегались в разные стороны с одной только мыслью — спастись от резни.

Вот в эту-то минуту капрал и вошел в залу. Страшное зрелище предстало его глазам: груды трупов и истекавших кровью раненых. Однако он не мог удержаться от крика ужаса, когда увидел дону Торрибио, привязывавшего к длинным косам бесчувственной донны Клари-ты самолично отрубленную голову дона Пабло. Поручик был слегка ранен девушкой в руку и в бедро, одежда его была в крови.

— Вот! — самодовольно воскликнул он. — Раз она так любит его, то сможет полюбоваться им вдоволь, когда опомнится. Теперь он принадлежит ей, теперь никто не похитит его у нее.

Потом он стал рассматривать девушку с таким же жестоким сладострастием, которое невозможно передать словами.

— Хотя, — сказал он, пожимая плечами, — подождем, пока она очухается. То-то она будет удивлена. Интересно бы посмотреть на нее при этом.

И, покинув свои жертвы, он стал помогать солдатам довершать резню.

И тут он столкнулся лицом к лицу с Луко.

— Э! — воскликнул он. — Что ты тут делаешь, пока мы режем злостных унитариев? Сабля твоя в ножнах, а на твоём платье нет ни капли крови. Как расценить такое поведение, товарищ? Уж не изменник ли ты, чего доброго?

Услышав подобное обвинение, капрал изобразил обиду и гнев, обнажил саблю и принялся ею грозно размахивать.

— Это что значит, поручик? — вскричал он. — Почему вы оскорбляете меня? Меня, самого преданного партизана нашего генерала, называете злостным унитарием?

— Успокойся, — поспешил успокоить его поручик, который, как все люди такого типа, был столь же труслив, сколь и жесток, и которого напугал показной гнев капрала. — Я не хотел оскорбить тебя. Я знаю, что ты надежный партизан.

— То-то же! Я не расположен выслушивать оскорбления.

— Не будем терять времени даром, — вмешался один солдат. — Мне пришла в голову одна мысль.

— Какая? — спросил дон Торрибио. — Говори, Эзебио. Негодяй самодовольно улыбнулся.

— Эта старая лачуга набита фуражом, — сказал он. — Почему бы нам не зажечь ее и не изжарить всех проклятых унитариев, находящихся там?

— В самом деле? — радостно воскликнул дон Торрибио. — Прекрасная мысль. Именно так мы и поступим. Генерал будет доволен, когда узнает, что мы так ловко избавили его от сорока врагов. Пусть двое из вас разложат солому, а мы сядем на лошадей и загоним сюда остальных мерзавцев. Ни один из них не должен избежать заслуженного ими наказания.

Поручик сделал солдатам знак следовать за ним.

— Я буду стеречь дверь, чтобы никто отсюда не вышел, — сказал Луко.

— Хорошо, — согласился дон Торрибио. — Да! — обратился он к солдату, указав на девушку с привязанной к ее косе головой возлюбленного. — Не забудь, Эзебио, подложить две охапки соломы под этого злостного ребенка. Ей очень жестко лежать на голом полу, я хочу, чтобы ей было удобно.

Он улыбнулся дьявольской улыбкой. Как только он вышел из залы, капрал, не говоря ни слова, поднял саблю и

рассек череп Эзебио. Негодяй упал, не охнув. При этом присутствовал второй солдат, не обнаружив ни малейшего удивления.

— Гм! Какой славный удар, Луко, — сказал он, крутя свои длинные седые усы. — Только я боюсь, не поспешил ли ты?

Капрал жестом руки велел ему молчать и, наклонившись, стал внимательно прислушиваться.

Он уловил слабый, едва различимый звук.

— Нет, Муньос, — сказал он. — Этот удар был как раз вовремя. Вот сигнал.

Тогда, вложив в рот указательные пальцы обеих рук, он свистнул так пронзительно, что бледные и дрожащие от страха погонщики, жавшиеся к стене, вздрогнули от ужаса, не зная, какое новое испытание ждет их.

— Неужели вы, как глупые страусы, будете покорно ждать смерти? — закричал Луко, обращаясь к испуганным погонщикам. — Будьте мужественны! Берите оружие и становитесь рядом с теми, кто старается вас спасти!

Бедняги лишь безвольно покачали головой, страх лишил их мужества, они были неспособны к сопротивлению.

На дворе слышались громкие крики солдат, понуждавшие друг друга к погоне за людьми, и несчастные, загнанные снова в залу, пытались найти здесь какое-нибудь укромное местечко.

Дон Торрибио, удостоверившись, что никому не удалось укрыться за пределами злополучной залы, подал знак солдатам остановиться и собрался уже войти туда.

Вдруг послышался топот лошадей, и шестеро всадников на полном скаку остановились перед входом в постоянный двор.

Поручик был весьма удивлен и отступил на тот случай, если придется спасаться бегством. Тем не менее он с грозным видом спросил:

— Кто вы такие и почему осмелились загородить мне дорогу?

— Вы узнаете, дон Торрибио-Убийца, — услышал он в ответ суровый и в то же время насмешливый голос, заставивший его вздрогнуть от страха.

Измена

Кто-то давно сделал такое наблюдение. Смысл его в том, что люди, испытывающие удовольствие при виде крови и легко идущие на самые тяжкие преступления и, более того, упивающиеся сознанием собственной силы, как результат внушаемого ими страха, как правило, по натуре трусливы и, столкнувшись с реальной силой, испытывают страх, который многократно превосходит страх, внушаемый ими своим жертвам.

Как жестоки и трусливы шакалы и гиены, так трусливы и жестоки эти шакалы и гиены с человеческим лицом.

Ответ незнакомца поверг мас-горкеров в неопиcуемый ужас. Они поняли, что имеют дело с серьезным и смелым противником.

Наступило тягостное молчание. Солдаты жались друг к другу, опасливо поглядывая на шестерых всадников, которые, спокойно и бесстрастно взирая на них, явно бросали им вызов.

Только один дон Торрибио не испытывал страха. Это был тот самый хищный зверь, который пьянел от запаха крови и черпал удовольствие в убийствах. Скрестив руки на груди и гордо вскинув голову, он ответил на слова незнакомца смехом, а затем, обернувшись к испуганным солдатам, сказал насмешливым тоном:

— Неужели вы испугались этой шестерки? Полноте, ребята, вперед! Эти негодяи не устоят против нас!

Солдаты, возбужденные словами начальника, которому они издавна привыкли безоговорочно повиноваться, и устыдившись своей нерешительности, быстро построились.

лись. Поручик, вонзив шпоры в бока лошади, заставил ее подняться на дыбы и занял место во главе отряда.

Несмотря на значительное численное превосходство, незнакомцы не колеблясь напали на федералистов с саблями наголо и с пистолетами в руках. Дон Торрибио храбро повел свой отряд на противника. Постреляв из пистолетов, противники перешли к рукопашной схватке, обе стороны проявляли чудеса храбрости и волю к победе, однако незнакомцы, по всей вероятности, в конце концов были бы побеждены. И тут Луко, до той поры стоявший поодаль с пятью товарищами, так же наблюдавшими за битвой, как и он, пустил свою лошадь вперед и, вместо того, чтобы присоединиться к федералистам, стал на сторону дона Леонсио. Это окончательно взбесило поручика, тем более что мас-горкеры, не зная, чему приписать странное поведение капрала, и почуяв измену, начали терять мужество и ослабили сопротивление нападающим, которые, в свою очередь, удвоили на них свой нажим.

Погонщики мулов и быков, несколько оправившиеся от оцепенения и страха, поняли, что им представляется случай отомстить за издевательства, учиненные солдатами Розаса, вооружившись чем попало, очертя голову бросились на своих мучителей.

Дон Торрибио, при всей своей жестокости, был слишком опытный солдат, чтобы заблуждаться на счет реального положения вещей. Он понимал, что победы ему не одержать.

Ему оставалось только одно — попытаться во что бы то ни стало пробиться. Он собрал вокруг надежных солдат, на которых мог положиться, всего-навсего человек пятнадцать, и приготовился идти напролом.

Но в эту минуту раздался боевой клич, и человек сорок всадников на отличных лошадях, хорошо вооруженные, мелькнули в полосе света, исходящего от постоянного двора, и мгновенно взяли в кольцо поле брани.

Всадники, подоспевшие так кстати для шестерки и так некстати для федералистов, были дон Гусман Рибейра и его пеоны.

Выехав уже несколько часов назад из Буэнос-Айреса, они уже давно прибыли бы сюда по пути в ту ачигу, где дон Гусман рассчитывал найти своего брата, но дон Бернардо Педроза сумел неизвестно каким образом разорвать

связывающие его узы, соскользнул с лошади, к которой был привязан, бросился в высокую траву и затерялся в ней, прежде чем было обнаружено его исчезновение.

Дон Гусман потерял много времени на поиски беглеца, но не нашел его следов и отказался от преследования, когда окончательно убедился в его бесполезности. Созвав пеонов, которые были посланы в разные стороны, он продолжил свой путь в ачиенду, крайне обеспокоенный своей оплошностью, потому что он слишком хорошо знал дона Бернардо, чтобы не сомневаться, что тот постарается отомстить за нанесенное ему оскорбление.

Когда до постоянного двора оставалось полмили, на встречу дону Гусману попались люди, которым удалось бежать от жестокой расправы поручика и его солдат, от них он узнал, что там происходит, не подозревая еще, какую важную роль будет суждено сыграть в его жизни это известие, побуждаемый исключительно природным великодушием и желанием насколько возможно помочь людям, подвергавшимся опасности в этой схватке, дон Гусман прищипорил лошадь и поспешил на помощь к несчастным, сражавшимся с жестокими мас-горкерами. Его неожиданное появление решило исход битвы.

Осознав, что побег невозможен, поручик отступал шаг за шагом, сражаясь как лев, пока все его солдаты не оказались на территории постоянного двора.

Дон Торрибио-Убийца не собирался просить пощады, он сам не щадил никого. Оказавшись в критической ситуации, он не пал духом, наоборот, его мужество удесятирилось. Понимая, что настал его смертный час и ничто уже не может его спасти, он решил бороться до последнего вздоха и отдать свою жизнь как можно дороже.

Мас-горкеры по примеру своего начальника черпали мужество в самой безысходности своего положения; оказавшись на постоялом дворе, сразу стали укрепляться там, чтобы как можно дольше вести борьбу и пасть не иначе, как смертью храбрых.

Окна и двери были тщательно забаррикадированы, и разбойники, все еще не протрезвевшие после ночной попойки, стали ждать нападения противника.

Однако вопреки их ожиданию прошло довольно много времени, а противник словно забыл о них. Не находя этому никакого разумного объяснения и не зная, что происходило на улице, они не на шутку встревожились, и даже

самые храбрые не находили себе места от разных предположений.

Человек так устроен, что, находясь в безвыходном положении и будучи обречен на гибель, даже если он ввязывается в жестокую борьбу за жизнь, а борьба эта почему-то откладывается, воля его начинает слабеть, его охватывает страх перед лицом смерти, а главное, перед муками, которые ей могут предшествовать, и в конце концов мужество покидает его окончательно.

Мас-горкеры напрасно пытались утопить свой страх и отчаяние в водке. Зловещая тишина вокруг, непроглядная темень ночи и невольное бездействие — все способствовало нарастающему в них страху. И один только поручик сохранял самообладание и терпеливо ждал последнего боя.

Что же произошло? Дон Гусман де Рибейра, прежде чем покончить с солдатами, попытался выяснить, кому он оказал столь важную услугу своим неожиданным появлением. Его любопытство вскоре было удовлетворено — брат его дон Леонсио бросился обнимать его.

Разлученные давно, братья были необычайно рады встрече и конечно же забыли обо всем остальном на свете.

После изъявления восторгов дон Гусман взял брата под руку и отвел в сторону.

— Ну что? — спросил он с напускной веселостью.

— Она здесь, — ответил дон Леонсио, подавив вздох.

— Она согласилась приехать?

— Она сама этого захотела.

— Странно...

— Почему же? Донна Антония — одна из тех редких натур, которые не отступают ни перед какими трудностями, когда на карты поставлена честь.

— Это верно. Ну что ж, лучше пусть так.

— Разве вы забыли, брат, что произошло ровно год тому назад между вами и мной, когда в минуту безумия я признался вам в моей сумасбродной любви к донне Антонии де Солис?

— Не стану возвращаться к этому, брат. Теперь мы вместе, слава Богу, и, надеюсь, ничто не разлучит нас более.

— Не надейтесь, брат, — грустно ответил дон Леонсио.

— Что вы этим хотите сказать, брат? Моя жена...

— Ваша жена не переставала оставаться достойной вас. Сейчас вы увидите ее.

Дон Гусман колебался.

— Нет, — ответил он наконец, — не сейчас. Покончим сначала с этими негодяями, потом я буду думать только о моем счастье.

— Хорошо! — охотно согласился дон Леонсио.

В эту минуту появились две особы: дон Диэго де Солис и донна Антония, его сестра и супруга дона Гусмана.

При виде жены, которую он был вынужден удалить из Буэнос-Айреса, чтобы избавить от преследований донна Бернардо Педрозы, дон Гусман не мог удержаться от счастья прижать ее к своему сердцу. Молодая женщина вскрикнула от радости.

Дон Леонсио через несколько минут после признания, сделанного тогда на рассвете брату, как будто постепенно избавился от любовных чар и за четыре месяца до того дня, когда происходят описываемые нами события, женился на второй сестре дона Диэго де Солиса. Когда дону Гусману пришлось на время расстаться со своей женой, он не колеблясь поручил ее брату, будучи уверенным, что его любовь к донне Антонии сменилась сердечной и преданной дружбой.

— Почему ты вернулась? — спросил дон Гусман, осыпая жену поцелуями.

— Надо было, — ответила она тихо, боязливо косясь в сторону Леонсио, — так мне советовала сестра.

— Ты поступила весьма неблагоразумно, милый ангел.

— О! С тобою я не боюсь ничего. Не хочешь ли поцеловать твоего сына?

— Ты и его тоже привезла?

— Я не хочу более расставаться с тобой, что бы ни случилось. Твой брат любит меня больше прежнего, — добавила она, наклонившись к уху мужа. — Его жена заметила это и вместе с доном Диэго посоветовала мне вернуться.

В глазах дона Гусмана засверкали молнии.

— Они правильно поступили, — сказал он. — Только тихо. Брат наблюдает за нами.

Действительно, дон Леонсио догадался, что речь идет о нем, и выказывал явные признаки беспокойства. Наконец, не выдержав, он подошел к брату и резко спросил:

— Что будем делать?

— Что вам угодно? — дону Гусману был неприятен даже голос Леонсио после того, что только что сказала ему жена.

От дон Леонсио не укрылась неприязненная нотка в ответе брата, но он не показал виду.

— Это вы должны решить, ведь вы нас спасли.

— Я к вашим услугам, брат. Дон Диэго, — обратился дон Гусман к молодому человеку, — поручаю вам вашу сестру. Ни она, ни ее ребенок не должны подвергаться ни малейшей опасности.

— Будьте спокойны, я отвечаю за нее головой.

Донна Антония, прежде чем удалиться, опять обняла мужа.

— Будь осторожен, — шепнула она ему на ухо. — Дон Леонсио замыслил какое-то коварство против нас.

— Он не посмеет, — заверил ее дон Гусман. — Ступай и ни о чем не беспокойся.

Донна Антония, немного успокоившись, последовала за своим братом.

Братья остались одни. Воцарилось тягостное молчание. Дон Гусман, скрестив руки на груди и уставившись в землю, погрузился в глубокое раздумье. Дон Леонсио не сводил глаз с брата, пытаясь скрыть сардоническую улыбку. Наконец дон Гусман поднял голову.

— Пора кончать, — сказал он. — И так уже эта история слишком затянулась.

Дон Леонсио вздрогнул, полагая, что эти слова относятся к нему, но дон Гусман продолжал:

— Прежде чем идти приступом на этих негодяев, надо предложить им сдаться.

— Что вы, брат! — воскликнул дон Леонсио. — Это же мас-горкеры.

— Тем более. Мы должны им доказать, что мы не разбойники и в отличие от них следуем воинской чести, которую они презирают и еще гордятся этим.

— Повинуюсь вам, брат, хотя убежден, что мы зря теем драгоценное время.

Дон Леонсио велел зажечь факелы, чтобы засевшие в осаде мас-горкеры могли увидеть его, и, привязав носовой платок к своей сабле, двинулся к постоялому двору.

Увидев свет факелов, дон Торрибио понял, что противники хотят что-то ему сообщить, открыл окно и приготовился слушать. Остановившись в нескольких шагах от окна, дон Леонсио крикнул:

— Парламентер!

— Что вам нужно? — спросил поручик, небрежно облокотившись о подоконник.

— Предложить вам сдаться, — ответил дон Леонсио.

— Вот оно что! — усмехнулся поручик. — Почему это вы предлагаете нам сдаться?

— Потому что всякое сопротивление бесполезно.

— Это вы так думаете! Попробуйте-ка выдворить нас отсюда, и посмотрим, во что это вам обойдется, — все так же с усмешкой продолжал поручик.

— Гораздо менее, чем вы предполагаете.

— Да ну! Мне было бы любопытно удостовериться в этом.

— Словом, намерены вы сдаться? Да или нет?

— Полноте! Подумаешь, черт меня дери, будто вы не знаете, с кем имеете дело. Разве мы просим когда-нибудь пощады? В крайнем случае, вы нас убьете, вот и все. Еще что?

— Итак, вы отвергаете все предложения?

— Да! Это слишком скучно, честное слово!

— И вы решились защищаться, несмотря ни на что?

— Еще бы! И руками и ногами! Пока мы еще не в ваших руках!

— Все так, но скоро это произойдет.

— Попробуйте, попробуйте! А пока, поскольку мне разговаривать с вами неинтересно, я осмелюсь прервать разговор. Желаю успеха! — и захлопнул окно.

Дон Леонсио обернулся к брату.

— Все, как я и предсказывал, — сказал он, пожимая плечами. — Разве я был не прав?

— По крайней мере, теперь наша совесть чиста и мы можем действовать.

Дон Гусман наклонился к брату и что-то шепнул ему на ухо, тот улыбнулся и удалился.

Пеоны, погонщики быков и мулов спрятались от пуль мас-горкеров за повозками и ждали сигнала к атаке. Дон Леонсио приказал обложить постоянный двор сухими ветвями и травой и поджечь, между тем как сопровождавшие его люди бросали зажженные факелы на крышу. Огонь, раздуваемый ветром, вскоре охватил все строение. Находившиеся в нем мас-горкеры пришли в отчаяние, однако сетовать им было не на кого. Ведь с ними поступили так, как намеревались поступить они с несчастными погонщиками. Их настигло возмездие!

Положение осажденных становилось нестерпимым. Они оказались перед выбором: либо сдаться на милость победи-

теля, либо заживо сгореть. В конце концов поручик велел отворить дверь и выскочил на улицу в сопровождении своих солдат. Люди дон Гусмана быстро окружили их и зажали как бы в железных тисках. Завязалась жестокая схватка.

В эту минуту, когда подкошенная пламенем рухнула последняя стена постоянного двора, упал последний масгоркер, рассеченный саблей до плеч. Надо отдать должное дону Торрибио, который с неистовым отчаянием сражался до последней минуты.

Из-за горизонта выплывало величественное солнце. Погонщики быков и мулов, натерпевшиеся страху, спешили поскорее запрячь тяжелые повозки и навьючить мулов да бежать как можно скорее из этого проклятого места. Дон Гусман и его пеоны остались одни. Когда завершился бой, дон Гусман обеспокоился, не найдя брата, но, занятый более важной мыслью, он не придавал этому особого значения. Теперь все мысли дон Гусмана были только о жене, и он недоумевал, почему дон Диэго не ведет ее к нему. Ведь сейчас здесь совершенно спокойно.

Однако он не тревожился, решив, что дон Диэго не хочет, чтобы молодая женщина увидела множество трупов и кровь. Дон Гусман даже мысленно похвалил дон Диэго за проявленную деликатность и поспешил привести в порядок свое платье.

Однако длительное отсутствие жены начинало все больше и больше его тревожить, и в конце концов он решил отправиться на ее поиски.

Капрал Луко вызвался проводить его. Он смутно вспоминал, что видел, как дон Диэго вел донну Антонию, кормилицу и еще двоих-троих лиц к пригорку, находившемуся неподалеку.

Вдруг они оба вскрикнули и в ужасе отпрянули назад. Их взору предстало страшное зрелище. Дон Диэго лежал на земле с пронзенной насквозь грудью. Он был мертв. Тут же были донна Антония и кормилица, обе лежали без чувств. Кстати, кормилица приходилась женой капралу Луко.

Дон Гусман упал на колени возле жены и заметил бумагу, зажатую в ее правой руке. Несчастному удалось с величайшим трудом высвободить эту бумагу, на которой было написано всего лишь несколько слов. Дон Гусман пробежал их глазами и с отчаянным воплем рухнул на землю.

Вот что говорилось в записке:

«Брат, ты отнял у меня женщину, которую я люблю, а я отнимаю у тебя твоего сына: мы квиты. Дон Леонсио де Рибейра».

По прочтении записки не оставалось сомнений, что виновником этого гнусного поступка был дон Леонсио, между тем как его брат доверчиво спешил к нему навстречу. С садистской утонченностью, чтобы в полной мере насладиться местью, дон Леонсио долго вынашивал свой замысел и, наконец, его осуществил.

Дон Гусман долго оставался в степи. Держа в объятиях бесчувственное тело жены, он тщетно старался привести ее в чувство. Потеряв ребенка, он с содроганием сердца думал о жене, изобретая способы спасти ее во что бы то ни стало и не замечая ничего вокруг.

К действительности его вернул сильный удар в плечо. Он обернулся и увидел ехидно улыбающегося человека.

— Дон Гусман де Рибейра, — сказал тот. — Вы мой пленник.

Человек этот был дон Бернардо Педроза. Его сопровождал многочисленный отряд солдат.

Конец рассказа

На этом месте дон Эстебан прервал свой рассказ.

— О, как это ужасно! — воскликнул дон Фернандо, полный сострадания.

— Это еще не все, — продолжал молодой человек.

— Но какое отношение имеет эта ужасная история к дону Педро де Луна?

— Ведь я сказал вам с самого начала, что речь пойдет о нем.

— Да, да, простите меня, но, увлеченный перепитиями этого печального рассказа, я перестал следить за отдельными действующими лицами. События так стремительно развивались, что мне казалось, будто я сам их непосредственный участник. Но откуда вам так хорошо известны все подробности этих событий?

Печальная улыбка мелькнула на губах молодого человека.

— Очень часто, начиная с самого раннего детства, мне приходилось слышать эту историю от своего отца, которым был не кто другой, как капрал Луко, преданность которого фамилии Рибейра вы видели.

Моя бедная мать была кормилицей сына дона Гусмана, моего молочного брата, потому что мы родились в одно время и мать моя, выросшая в этой семье, захотела кормить нас обоих, уверяя, что, питаясь одним молоком с моим господином, я буду еще более предан ему. Увы! Господь рассудил иначе: теперь уже его нет в живых.

— Как знать, — печально заметил дон Фернандо. — Может быть, он когда-нибудь неожиданно явится?

— Увы! На это не приходится надеяться. Более двадца-

ти лет прошло со времени той ужасной трагедии, и все самые тщательные поиски не позволили пролить хоть каплю слабого света на судьбу несчастного ребенка.

— Его бедная мать, должно быть, страшно страдала.

— Она сошла с ума. Однако солнце быстро клонится к горизонту. Через два часа оно исчезнет и уступит место темноте. Позвольте мне завершить рассказ, и вы узнаете о том, что произошло после ареста дон Гусмана.

— Говорите, мне хочется поскорее узнать конец этой печальной истории.

Дон Эстебан Диас минуту молчал, собираясь с мыслями, потом продолжал:

— Дон Гусман де Рибейра ответил презрительной улыбкой на слова полковника Педрозы. Он взял жену на руки и приготовился следовать за своим врагом. Несмотря на ненависть к дону Гусману, дон Бернардо был светский человек. Горе, постигшее человека, которого он так давно преследовал, тронуло его, сердце его исполнилось сострадания, и по пути в Буэнос-Айрес он старался относиться к дону Гусману с должной деликатностью.

Диктатор пришел в бешенство, узнав о гибели своих солдат. Обрадовавшись случаю избавиться от человека, которого он побаивался по причине его высокой репутации и влияния в высшем обществе, Розас решил на его примере преподать устрашающий урок всем остальным.

Разлученный с женой, пленник был посажен в одну из тех ужасных темниц, в которых томились жертвы тирана. Его подвергли пыткам, в сравнении с которыми смерть должна была казаться благом.

Однако диктатор не мог в полной мере насладиться местью. Консулы французский и английский из чувства сострадания к печальной судьбе донны Антонии заявили тирану решительный протест и даже несколько раз съездили к нему в Палермо. Словом, посредством просьб и угроз они добились, чтобы бедную женщину освободили и возвратили родным, на что Розас скрепя сердце вынужден был согласиться. Только благодаря настойчивым требованиям консулов донна Антония, по крайней мере, избежала пыток, которым тиран намеревался подвергнуть ее.

Что касается дон Гусмана, то все попытки вызволить его из узилища или хотя бы облегчить его положение оказались безуспешны. Розас решительно отказался пойти хотя бы на малейшие уступки ходатаям.

К несчастью, в глазах правосудия дон Гусман де Рибейра был виновен. Консулы не могли настаивать, боясь вызвать раздражение тирана и еще более усугубить положение дона Гусмана.

Прошло полгода после его ареста. Постепенно рассудок вернулся к донне Антонии, но это для нее не было счастьем, а напротив, потому что ужасная действительность предстала перед ней в своем обнаженном виде, она осознала весь трагизм общего положения и погрузилась в такую бездну отчаяния, что близкие стали опасаться за ее жизнь.

Между тем разнесся слух, что дон Гусман де Рибейра, который казался забытым в тюрьме, скоро предстанет перед судом военного трибунала. Розас выдвинул против него обвинение в государственной измене, чтобы заодно еще и оправдать убийства, совершающиеся ежедневно от его имени. А вскоре был назначен и день, когда дон Гусман должен был предстать перед судом. Здесь уместно вернуться к рассказу о человеке, которого мы почти потеряли из виду. Человек этот не кто иной, как Луко.

Когда достойный капрал увидел, что погонщики быков и мулов бежали, что дон Леонсио бросил брата и увел с собою большую часть пеонов, он тотчас понял, в каком положении он очутился. Изменник и дезертир, он непременно должен быть расстрелян. Поэтому, когда в лучах восходящего солнца он заметил вдали надвигавшееся на станцию облако пыли, он понял, что это солдаты скачут отомстить за своих товарищей, которых он, Луко, так охотно разил саблей. Через несколько минут солдаты будут здесь и, если обнаружат его, не раздумывая расстреляют на месте.

Эта перспектива не представлялась капралу приятной. Но, с другой стороны, он любил своего начальника и не мог его бросить. Таким образом он находился в большом смятении, не зная, на что ему решиться, хотя время поджимало. К счастью, на помощь пришла жена, убедившая его в том, что освободить дона Гусмана при нынешнем его положении невозможно и что, находясь на свободе, он сможет принести ему гораздо больше пользы, и что, наконец, он, Луко, тоже отец и должен беречь себя ради сына. Все эти доводы показались капралу столь убедительными, что он, не колеблясь более, сел на одну лошадь, жена его — на другую, и они поехали в

одну сторону, между тем как полковник со своим отрядом отправлялся в другую.

По прибытии в Буэнос-Айрес благая мысль осенила капрала. Кроме Муньоса и трех других солдат, которые сражались с ним вместе против своих бывших товарищей, все мас-горкеры погибли, следовательно, никто не мог знать тайных действий капрала. Муньос, который поджидал его у ворот Буэнос-Айреса, рассеял его беспокойство.

Достойный капрал в сопровождении своих сообщников немедленно отправился к полковнику и подробно живописал ему то, что случилось на постоялом дворе, на чем свет стоит понося дон Гусмана.

Он так ловко обхитрил полковника, что тот, восхищенный его смекалкой и смелостью и вынужденный всему сказанному верить на слово, немедленно произвел его в сержанты, а бригадиру Муньосу пожаловал галуны. Храбрецы рассыпались в изъявлениях признательности и преданности Розасу, а уходя, смеялись в душе.

В течение шести месяцев, предшествовавших суду над доном Гусманом, Луко проявил чудеса изворотливости, чтобы доказать преданность диктатору, и, надо сказать, что это ему прекрасно удалось. Он завоевал полное доверие диктатора и, когда попросил доверить ему охрану подсудимого во время процесса, немедленно получил высочайшее согласие.

А Луко только того и нужно было. Он поклялся во что бы то ни стало спасти своего господина, а если он принимал какое-то решение, то непременно выполнял.

К сожалению, в данном случае, как ни странно, самые большие сложности создавал сам дон Гусман. Он желал умереть. Луко без конца ломал себе голову, не зная, как преодолеть это препятствие. На все его резоны дон Гусман отвечал, что чаша терпения переполнилась, что жизнь ему в тягость и что единственное благо, на которое он уповал, была смерть.

Луко не мог найти доводы убедительными и горестно качал головой. Однажды Луко пришел навестить дон Гусмана с такой сияющей физиономией, что тот не мог этого не заметить и заинтересовался, что это значит.

— Наконец, я придумал, как вас убедить.

— А, ты опять за свое, — сказал дон Гусман с печальной улыбкой.

— На этот раз колебаться нельзя. Через два дня состоится суд.

— Чем скорее, тем лучше. Скорее бы наступил конец, — прошептал дон Гусман со вздохом облегчения.

— Так вот, у нас есть надежные друзья, сеньор, в том числе консулы французский и английский. На рейде стоит прекрасная французская шхуна, которая ждет только вас, чтобы выйти в море.

— Если так, то она рискует никогда не покинуть Буэнос-Айрес.

— А я так не думаю. Я уже договорился с французским консулом. Послезавтра шхуна снимется с якоря и пошлет за вами лодку. На шхуне вы оказываетесь под защитой французского флага, и никто не посмеет вам ничего сделать.

— В последний раз послушай меня хорошенько, Луко, — сказал дон Гусман твердым голосом. — Я не хочу — слышишь! — я не хочу спасения. Я хочу, чтобы моя смерть послужила проклятием тирану. Благодарю тебя за преданность, мой добрый слуга, но требую, чтобы ты не подвергал более себя опасности из-за меня. Обними меня, и не будем больше говорить об этом.

— Итак, ваше решение твердо и ничто не может заставить вас изменить его?

— О! Может быть, единственный человек был бы способен повлиять на меня, но этот человек не знает о том, что происходит. К счастью для нее, она лишилась рассудка, а с рассудком и терзающих сердце воспоминаний.

Луко улыбнулся и, расстегнув мундир, вынул из нагрудного кармана письмо, которое молча подал дону Гусману.

— Что это, Луко? — воскликнул дон Гусман, не решаясь взять это письмо.

— Читайте, читайте, — ответил старый слуга. — Я хотел сделать вам сюрприз, как только вы окажетесь на свободе, но вы так упрямы, что вынудили меня сделать это теперь.

Дон Гусман распечатал письмо дрожащей рукой и быстро пробежал его глазами.

— Боже всемогущий! — вскричал он в волнении. — Возможно ли? К Антонии возвратился рассудок, она приказывает мне жить!

— Будете вы повиноваться мне на этот раз?

— Делай, что хочешь, Луко, я буду повиноваться тебе во всем. О, теперь я хочу жить!

— Вы будете жить, клянусь вам, — и Луко попрощался с доном Гусманом.

Наконец настал день суда. Диктатор, зная настроение горожан в связи с предстоящим судом, позаботился о том, чтобы укрепить гарнизон Буэнос-Айреса частями из других городов, скорее для острастки друзей дона Гусмана, нежели для охраны его.

Французская шхуна, как сказал Луко, направила на берег лодку под предлогом рассчитаться с поставщиками, потом снялась с якоря и медленно раскачивалась на волнах на небольшом удалении от берега.

Улицы, по которым должны были везти дона Гусмана из тюрьмы в суд, были полны любопытных, которых стоящие по обе стороны солдаты сдерживали с трудом.

Отряд, сопровождающий арестанта, был многочислен и состоял из самых преданных Розасу солдат. Отрядом командовал полковник Бернардо Педроза, а взвод, непосредственно отвечавший за охрану арестанта, возглавляли сержант Луко и капрал Муньос.

За двадцать минут до того, когда дон Гусман должны были везти в суд, Луко вошел в его камеру и вручил ему две пары пистолетов и кинжал.

— Помните, что действовать надо, только когда громко скажу: «Черт побери, это солнце! Оно слепит глаза!» Эта фраза послужит вам сигналом.

— Будь спокоен, я не забуду. Ты же, в свою очередь, помни данное мне обещание: скорее убить меня, чем позволить снова попасть в руки тирана.

— Договорились. Помолитесь Богу, чтобы Он нам помог. Нам очень нужна Его помощь.

— До свидания, Луко! Ты прав, я помолюсь.

Между тем, чем ближе была эта минута, тем озабоченнее становился Луко, хотя он всячески скрывал это, дабы не поколебать в своих сообщниках веру в успех.

Наконец тюремные часы пробили десять. Барабанный бой возвестил начало этой печальной процедуры. Заполнившие площадь зеваки воззрились на ворота тюрьмы, откуда должен был появиться дон Гусман.

Ждать пришлось недолго. Ворота открылись, и вышел дон Гусман. Лицо его было спокойно, однако с печатью неукротимой решимости. Он шел размеренным шагом в

окружении кавалеристов под командой сержанта Луко. Рядом с ним справа ехал Луко, а слева — Муньос.

Впереди этого взвода ехал усиленный отряд солдат во главе с полковником доном Бернардо Педрозой на великолепном черном жеребце, замыкал шествие второй отряд, такой же многочисленный, как и первый.

Вся эта огромная кавалькада медленно шествовала сквозь волны печального, угрюмого и безмолвного народа, с трудом сдерживаемого двумя цепочками часовых.

Стояло великолепное весеннее утро, одно из тех, какие бывают только в Южной Америке, степной ветер, напоенный душистыми травами, шелестел в листве деревьев, навевая прохладу.

Сознавая опасность изъясления сочувствия к арестанту, безмолвная толпа тем не менее почтительно снимала шляпы, дождавшись, когда с ними поравняется дон Гусман, по-прежнему исполненный достоинства. Он шел со шляпой в руке, кланяясь с печальной и доброй улыбкой тем, кто не побоялся выказать ему свое участие.

Уже две трети пути остались позади, еще несколько минут, и дон Гусман ступит на порог трибунала. И вдруг несколько человек из толпы, видимо слишком стесненные солдатами, рванулись вперед, оттеснив часовых. Возникла перебранка, послышались стенания, угрозы, толпа пришла в движение, подогреваемая южным темпераментом, и вскоре пустяковый инцидент принял характер массового бунта.

Дон Бернардо, встревоженный возникшим переполохом, быстро вернулся назад посмотреть, что случилось, и прекратить беспорядок.

Однако толпы народа, прорвав цепочку солдат, устремились на проезжую часть улицы, солдаты и не заметили, как оказались обезоруженными. Короче, колонна была перерезана надвое.

Дон Бернардо мгновенно оценил опасность положения; с трудом протиснувшийся сквозь толпу, он добрался до Луко, все так же державшегося справа от дона Гусмана.

— Уф! — вздохнул полковник с облегчением, увидев его. — Сомкнитесь теснее. Боюсь, что нам придется силой прокладывать путь.

— Мы проложим его, не сомневайтесь, полковник, — ответил Луко с лукавой улыбкой. — Но, черт побери, это солнце! Оно слепит глаза!

И едва Луко произнес эти слова, как стоявший в двух шагах, опираясь на ружье, солдат схватил полковника за ногу, стащил с лошади и швырнул наземь. В ту же минуту Луко схватил лошадь под узду, между тем как дон Гусман проворно вскочил в седло полковника.

Все это произошло столь стремительно, что дон Бернардо, не успев опомниться, был штыком пригвожден к земле.

Между тем десять всадников взвода, сопровождавшего дона Гусмана, окружили его со всех сторон и поскакали во весь опор в самую гущу толпы.

Тогда случилось невероятное. Плотная толпа с радостными возгласами расступилась, пропуская беглецов, а потом тотчас же снова сомкнулась, образовав прочную преграду на пути арьергардного отряда, тщетно пытавшегося ее прорвать.

Словно из-под земли появились какие-то люди, достаточно вооруженные для того, чтобы вступить в схватку с солдатами и тем самым дать беглецам надежно укрыться.

Через некоторое время словно по волшебству эти плотные людские заслоны мгновенно исчезли, так что опамятавшимся, наконец, солдатам не с кем было бороться.

Этот эпизод мог бы показаться неправдоподобным, если бы не два неоспоримых свидетельства, а именно: дон Гусман был действительно весьма ловко похищен, а полковник Педроза и шестеро его верных солдат остались лежать на улице в крови.

Тем временем дон Гусман и его товарищи сели в ожидавшую их лодку и вскоре оказались на французском судне. Когда же погоня достигла берега, шхуна была уже далеко.

На шхуне дона Гусмана ждала жена. Они направлялись в Веракрус.

Выше мы уже рассказали о решении, принятом доном Гусманом, и о том, как он его исполнил.

Чтобы обеспечить себе успех в поисках сына и беспрепятственно вернуться в Мексику, дон Гусман принял имя дон Педро де Луна, на которое, впрочем, он имел право и которым мы будем продолжать его называть. Он надеялся таким образом избежать преследований со стороны дона Леонсио, который, судя по всему, не ограничится похищением племянника. Расчеты дона Гусмана были справедливы или, по крайней мере, казались таковыми.

Никогда после отъезда из Буэнос-Айреса он не слышал ничего о доне Леонсио и даже не знал, жив ли он еще.

Через пять лет после переезда в ачиенду Лас-Нориас новое несчастье свалилось на голову бедного изгнанника. Донна Антония, так и не оправившаяся от потрясения, скончалась у него на руках, разрешившись дочерью.

Дочь эта была та самая очаровательная девушка по имени Гермоза.

Убитый горем, дон Педро всю свою любовь сосредоточил на этом восхитительном создании, единственном существе, ради которого он жил. Казалось бы, все предвещало ей безмятежное счастье, однако смерть матери круто изменила ее судьбу.

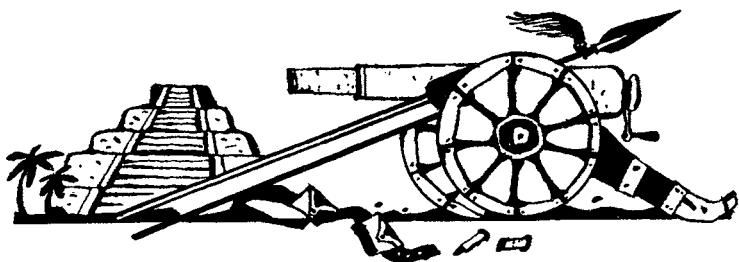
Из всех следовавших за доном Гусманом в изгнание здравствует единственный человек, все остальные один за другим сошли в могилу.

Мануэле, жене Луко, посвященной во все перипетии горестной судьбы ее господина, было поручено воспитание девушки.

В то время, когда начинается наш рассказ, которому все, о чем было поведано раньше, является как бы прологом, Гермозе исполнилось шестнадцать лет. Следовательно, после событий, описанных в этой книге, минуло целых двадцать лет.

Те из наших читателей, которых заинтересовал этот рассказ, узнают его развязку в «Каменном Сердце».

Каменное сердце

ГЛАВА I

Симпатия

Симпатия — чувство, не поддающееся объяснению, оно возникает произвольно. Независимо от вашей воли один человек вам нравится, другой вызывает неприязнь. Почему? — спросите вы. Сказать трудно. Какое-то неподвластное вам чувство порой внушает симпатию к человеку, которого вам лучше бы сторониться, и наоборот — что-то отталкивает вас от того, дружбы с которым вам следовало бы искать, исходя из ваших интересов.

И что самое любопытное: ваша симпатия, вопреки доводам разума подсказанная исключительно инстинктивным чувством, как правило, чаще всего вполне оправдана. И то, что в предубежденных глазах общества кажется заблуждением, оказывается истиной. Сердце вас не обмануло.

Последствия симпатии и антипатии известны всем, каждому довелось испытать их на собственном опыте, поэтому нет надобности далее распространяться на эту тему.

Дон Эстеван и Каменное Сердце познакомились при таких обстоятельствах, что должны были если не стать врагами, то, по крайней мере, остаться равнодушными друг к другу. Репутация охотника за пчелами, странная жизнь, которую он вел, должны были бы претить благородному мажордому дона Педро де Луна. Однако же между ними сразу же установились дружеские отношения, не в том банальном и пошлом смысле, в котором слово «друг» имеет хождение в старой Европе, где оно даже не фиксирует обычного знакомства, употребляется без разбора, а в том истинном смысле, когда однажды возникающие дружеские чувства крепнут день ото дня и

становятся не только частью души, но и жизни человека, ему подвластного.

Молодые люди не знали друг друга до встречи на Сан-Лукарской дороге, однако у них было такое чувство, словно они знакомы много лет и встретились после долгой разлуки.

И как ни странно, такое чувство независимо друг от друга испытывал каждый из них.

Именно потому дон Эстебан при всей своей осторожности и осмотрительности, не колеблясь, поведал Каменному Сердцу историю своего господина, или, лучше сказать, своего благодетеля. Он рассказал ему все без утайки, вплоть до мельчайших подробностей, привлекаемый инстинктивным чувством, которое говорило ему, что он встретил человека, достойного разделить с ним тяжесть этой тайны.

Впоследствии он не раз будет иметь возможность убедиться в том глубоком доверии, которое оба эти человека испытывали друг к другу.

Солнце играло в пурпурно-золотистых волнах облаков над снежными вершинами высоких и зубчатых гор Мадре, когда дон Эстебан завершил свой рассказ.

Окружающий пейзаж приобрел слегка меланхолический вид, как всегда бывает с наступлением сумерек. Птицы допевали свои последние песни, устраиваясь на покой среди густых ветвей деревьев. Гнали скот с пастбищ домой. Вдали виднелись костры погонщиков мулов, остановившихся на ночлег.

— Теперь, когда вам известна во всех подробностях тайна семейства, с которым вас свел случай, что вы намереваетесь делать?

— Позвольте прежде спросить вас кое о чем, — ответил Каменное Сердце.

— Конечно. Да и вы, в свою очередь, тоже должны многое мне сообщить.

— Не так много, как вы предполагаете. Вы знаете о моей жизни все, что знаю я сам, то есть почти ничего, но не об этом сейчас речь.

— А о чем же? — спросил дон Эстебан с любопытством.

— Сейчас скажу. Конечно, вы подробно рассказали мне обо всем этом не для того, чтобы удовлетворить мое любопытство, которого я и не выказывал. Вы преследовали какую-то цель и, мне кажется, я ее угадал. Дон Эсте-

ван Диас, два благородных человека, связанные друг с другом, как лиана с дубом, одинаково мыслящие, с единой волей, представляют собой определенную силу. Они дополняют друг друга и то, что не под силу одному, они легко преодолеют вдвоем. И какими бы несбыточными ни казались их планы, они их непременно осуществят. Согласны вы со мной?

— Конечно, дон Фернандо, я целиком разделяю ваше мнение.

Лицо дона Фернандо засветилось радостью.

— Вот вам моя рука, дон Эстеван. Это рука человека, который вместе с рукой предлагает вам и преданное сердце. Вы принимаете?

— С радостью! — воскликнул мажордом, крепко пожимая благородно протянутую ему руку. — Я принимаю и то и другое, брат! Я сам собирался предложить вам то же. Теперь мы связаны друг с другом навсегда. Я принадлежу вам, как лезвие кинжалу!

— Какое счастье! Наконец у меня есть друг! Отныне я не буду одинок, отныне мне будет с кем делить и радость, и печаль, и горе, и счастье!

— Более того, брат, у вас будет семья. Моя мать станет вашей матерью! Пойдемте, уже становится темно, а нам еще о стольком надо поговорить.

— Пойдем, — просто ответил дон Фернандо.

Лошади щипали рядом сочную траву, молодые люди взнуздали их и через несколько минут поскакали к жилищу дона Эстевана.

Донна Мануэла встретила их, улыбаясь, у входа.

— Скорее! — крикнула она им издали. — Ужин готов.

— Мы буквально умираем от голода, матушка, — весело отвечал дон Эстеван, сходя с лошади. — Если вы не приготовили нам сытного ужина, мы останемся голодными.

— Не беспокойся.

— Простите, что я злоупотребляю вашим гостепреимством, — сказал дон Фернандо.

Хозяйка кротко улыбнулась.

— Я не больно охотно прощаю, но надеюсь, что вы будете долго гостить у нас, а потому приготовила для вас комнату.

Дон Фернандо ответил не сразу. Яркая краска залила его лицо. Он спрыгнул с лошади и подошел к старушке.

— Сеньора, — сказал он с волнением. — Я не знаю,

как вас благодарить. Вы угадали самое мое сокровенное желание. Ваш сын называет меня братом, позвольте ли вы называть вас матерью? Вы сделаете меня безмерно счастливым.

Донна Мануэла окинула его продолжительным и светлым взглядом. На ее лице отразилось глубокое душевное волнение, две слезы медленно скатились по щекам и, протянув молодому человеку руку, она сказала:

— Хорошо. Вместо одного у меня будет два сына. Пойдемте, ужин вас ждет.

— Меня зовут Фернандо, матушка.

— Запомню, — ответила она с кроткой улыбкой.

Они вошли в дом, между тем пеоны повели лошадей в конюшню.

Дон Эстебан не обманул своего друга. У него действительно появилась семья.

За ужином царило радостное оживление. Совершенно чужие всего лишь два дня тому назад, все трое скоро поняли и оценили друг друга, и между ними установились дружелюбие и взаимная симпатия.

Когда пеоны ушли и хозяева остались одни, они, как и накануне, перешли в дальнюю комнату, где можно было беседовать без опасения быть подслушанными.

— Заприте дверь, — сказал дон Эстебан дону Фернандо, который вошел последним.

— Напротив, — ответил тот, — оставим ее открытой, чтобы увидеть, если кто-нибудь придет. Общеизвестно: если хотите вести тайный разговор, никогда не запирайте дверей.

Дон Эстебан подвинул поближе кресло, сел, закурил сигару и, обернувшись к дону Фернандо, сказал:

— Продолжим разговор!

В некоторых обстоятельствах каждое, даже незначительное слово обретает огромный смысл. И сейчас все трое понимали, что речь пойдет не о простой беседе, а о чем-то очень важном и непредназначенном для посторонних ушей.

Дон Фернандо заговорил первым, как всегда точно и ясно выражая свою мысль.

— Я много размышлял о том, что вы мне сказали, друг мой, — начал он. — Вы не доверили бы мне такой важной тайны, если бы серьезные причины не побудили вас к этому. Мне кажется, я понял эти причины. Вот они: спокойствию, которым наслаждался дон Педро, поселившись

здесь, грозит опасность. Вы опасаетесь за судьбу донны Гермозы.

— Конечно, друг мой. В самом деле, с некоторых пор я пребываю в тревоге, меня преследует страх, которого я не могу преодолеть. Я чувствую надвигающуюся беду. В чем она выражается и откуда нагрянет — я не знаю. Но вам тоже хорошо известно, что в жизни бывают такие моменты, когда даже самый храбрый человек без всякой видимой причины содрогается от страха, пугаясь своей тени. Он постоянно пребывает в страхе. Вот уже два месяца я живу в таком состоянии. Мною временами овладевает печаль. Казалось бы, все вокруг идет как обычно: дон Педро, как всегда, спокоен, Гермоза — весела, шаловлива и беззаботна. Мы живем в глуши, никому не ведомой, куда не доносятся даже отголоски светской жизни. Казалось бы — чего же нам опасаться? Какой враг подстерегает нас, чьи злые глаза следят за нами днем и ночью? Я не знаю, но каким-то необъяснимым образом чувствую незримое присутствие врага, злобного врага.

— Кто этот враг, вы теперь знаете так же хорошо, как и я. Это — Тигровая Кошка. Мой разговор с ним, который вы слышали прошлой ночью, должен объяснить вам если не его планы, то, по крайней мере, его намерения.

— Все так, но я не могу поверить, душа моя невольно отказывается допустить, что этот человек — наш враг. Для этого просто нет никаких причин. Поселившись здесь, дон Педро никогда не вступал ни в какие отношения с этим человеком, с какой же стати тот должен питать злобу к моему господину?

— С какой стати, с какой стати, — дон Фернандо повторил с лихорадочным волнением. — Почему день сменяется ночью, почему есть люди добрые и злые, честные и негодяи? Какая логика завела бы нас слишком далеко, друг мой! Я знаю так же хорошо, как и вы, что вы никогда не имели дела с Тигровой Кошкой. Но разве это имеет значение для злодея, смысл жизни которого состоит в том, чтобы творить зло. Дон Педро де Луна пользуется всеобщим уважением и любовью, даже апачи, самые жестокие среди краснокожих, уважают донну Гермозу. Уже одно это способно возбудить ненависть к семейству ачигендера. Все благородные и порядочные люди, естественно, должны быть врагами Тигровой Кошки. Как бы низко ни пал человек, он никогда не забывает о превратностях

своей судьбы и о том положении, которого он в результате лишился. Он никогда не прощает обществу своего унижения, но так как отомстить ему, как таковому, он не в силах, он мстит за свои же собственные преступления отдельным его представителям, и в первую очередь, наиболее достойным. Вот в чем причина, друг мой, ненависти Тигровой Кошки к дону Педро, и не ищите другой.

— Да, вы правы, — ответил дон Эстебан озабоченным тоном.

— Видимо, так.

— Поверьте мне, я знаю это чудовище давно: ведь он меня воспитал. Но оставим это! Теперь, когда ясно определилось положение, что намерены вы делать?

— Признаюсь вам, я нахожусь в большом затруднении и не знаю, как поступить. Как можно расстроить планы, если их не знаешь? В этом самая большая загвоздка.

— Я думаю, что лучше всего оставить дона Педро в неведении по поводу наших подозрений, — заметила донна Мануэла.

— Я совершенно согласен с вашим мнением, — сказал дон Фернандо. — Нам необходимо обеспечить его и донну Гермозу надежной защитой так, чтобы они не подозревали о грозящей им опасности. Но если положение примет угрожающий характер, принять меры к их безопасности.

— О да! — живо отозвался дон Эстебан. — Они должны оставаться в неведении, особенно донна Гермоза, она так впечатлительна! Бедное дитя! Если наши опасения оправдаются, ей вскоре придется изведать несчастье. Но, Фернандо, друг мой, посоветуйте нам, как быть, только вы один способны помочь нам в этих затрудненных обстоятельствах.

— Все, что будет в моих силах сделать для спасения тех, кого вы любите, я сделаю.

— Благодарю, но почему вы не скажете: тех, кого вы любите сами, потому что вы уже оказали им огромную услугу.

— Увы, друг мой. Кто я такой? Презренный авантюрист, разве осмелюсь я поднимать глаза так высоко! Я должен исполнять обязанности сторожевой собаки донны Гермозы, которая спасает свою госпожу и умирает у ее ног!

Эти слова были произнесены с чувством такой печали и самоотречения, что дон Эстебан и мать его, тронутые до слез, взяли руки молодого человека и нежно пожали их.

— Не говорите так, брат! — воскликнул дон Эстебан. — Мы лучше знаем донну Гермозу! Это чистейшая и благороднейшая душа на свете. И она любит вас.

— О! — взволнованно проговорил дон Фернандо. — Не произносите этого слова, друг. Донна Гермоза меня любит? Это невозможно.

— Донна Гермоза женщина, друг мой. Вы спасли ей жизнь, я не знаю наверняка, какого рода чувство она испытывает к вам. Наверное, она сама этого не знает, но я убежден, что она вам глубоко признательна, а у девушки признательность обычно переходит в любовь.

— Молчи, сын мой, — вмешалась донна Мануэла. — Ты не должен так говорить о дочери своего господина.

— Да, да, конечно, простите меня, матушка, я виноват. Если бы вы слышали, как донна Гермоза говорила о нашем друге и как потребовала от меня обещания отыскать его и привести к ней — что я сделаю, клянусь Богом, — вы не знали бы, что и подумать.

— Может быть, но я по крайней мере не стала бы подливать масла в огонь, и ради нашего друга, и ради себя я сохранила бы свое мнение в глубине моего сердца.

— Не считайте меня глупцом, сеньора, способным безоговорочно принять на веру слова вашего сына. Я слишком хорошо отдаю себе отчет в том, кто я; я слишком хорошо осознаю свое положение, чтобы осмелиться поднять дерзкий взгляд на ту, которую честь предписывает мне почитать за ангела.

— Вы, дон Фернандо, говорите так, как и подобает мужчине, — горячо воскликнула донна Мануэла. — Оставим теперь этот разговор и давайте лучше поищем выход из затруднительного положения, в котором мы оказались.

— Этот выход, — нерешительно сказал дон Фернандо, — кажется, я могу предложить.

Мать и сын быстро придвинули к нему свои кресла, приготовившись слушать.

— Говорите, брат, говорите немедленно! Какой вы видите выход?

— Вы извините, если в плане, который я вам изложу, вы усмотрите что-нибудь несовместимое со строгими законами чести, как ее понимают люди цивилизованные, — сказал дон Фернандо, — но прошу вас не забывать, что я был воспитан краснокожим, что человек, в смертельную схватку с которым нам придется вступить, почти индеец, что

война, которую он намерен вести с вами, будет сопровождаться предательством и ловушками, что для достижения успеха мы должны будем прибегать к тем же самым способам, сколь отвратительны они ни были бы для нас. Словом, отвечать на измену — изменой, на лукавство — лукавством, потому что если из ложного представления о чести мы будем поступать иначе, то окажемся в глупейшем положении, и он только посмеется над нами.

— К сожалению, Фернандо, вы абсолютно правы, — ответил дон Эстебан. — Правильно гласит пословица: с хитрецами будь сам хитер. Я вполне разделяю справедливость ваших суждений, однако, согласитесь, человеку порядочному, привыкшему прямо глядеть в лицо противника, отвратительно рядиться в лисью шкуру и пускаться на хитрость.

— Что же прикажете делать? Это диктуется нашим положением. В противном случае останется только действовать нашему врагу и не пытаться сорвать его планы, потому что мы все равно не будем иметь успех.

— Пусть будет по-вашему, друг мой, если у нас нет иного выхода. Посмотрим, каков же ваш план.

— Вот он. Несмотря на мою размолвку с Тигровой Кошкой, он в последнее время был со мной довольно откровенен. Я знаю столько его тайн, что, как бы он ни сердился на меня, открытой вражды ко мне проявлять не станет. Привыкнув за долгие годы навязывать мне свою волю и распоряжаться мною, как ему заблагорассудится, он пребывает в убеждении, что мои угрозы — всего лишь мимолетная вспышка и что в действительности я не желаю вырваться из тисков его власти. Впрочем, как и все люди, склонные к химерам, Тигровая Кошка, я в этом убежден, рассчитывает, когда это ему потребуется, использовать меня для осуществления своих тайных замыслов, однако при всем его хитроумии, я сумею его перехитрить.

— Да, — заметил дон Эстебан, — вполне резонно.

— Не правда ли? Итак, вот что я думаю. Завтра, на восходе солнца, мы отправимся в президио, и я сведу вас с одним негодяем, который мне предан, насколько могут быть преданы люди подобного сорта. Он будет служить нам посредником. Через него мы будем знать о всех действиях Тигровой Кошки в Сан-Лукаре, и для какой цели вербует он леперов. После этого вы вернетесь сюда, а я

отправляюсь в степь, к Тигровой Кошке. Таким образом нам удастся выяснить, что замышляет Тигровая Кошка. Вот в чем состоит мой план. Как вы его находите?

— Превосходно, друг мой, вы предусмотрели все.

— Только прошу вас об одном: что бы я ни делал, что бы ни говорил, вы не должны меня подозревать ни в чем плохом и тем более в намерении вас обмануть.

— Не беспокойтесь об этом, друг мой. Мое доверие к вам неизменно. Ну а что вы еще хотели сказать?

— Вот что, и это чрезвычайно важно. Как только мы расстанемся в президио, мы должны вести себя, как совершенно чужие, вовсе не знакомые между собой люди.

— Это действительно важно. Нарушение этого условия чревато бедой.

— Теперь мы должны быть готовы к действию. По первому сигналу, ночью и днем, чем бы вы ни были заняты, бросайте все и принимайте защитные меры.

— Хорошо, завтра под предлогом каких-нибудь работ я наберу человек пятнадцать леперов, которые ради денег будут слепо повиноваться мне и не отступят ни перед кем.

— К тому же будет легко найти им занятие до той поры, когда потребуются пустить в ход нож или винтовку.

— Ручаюсь, что их присутствие ни у кого не вызовет подозрения. Ну, а в чем будет заключаться ваш сигнал?

— Сигналом будет служить перо белого орла, разломанное на три части, с концом, выкрашенным в красный цвет. Тот, кто вручит это перо, скажет «мои два пиастра». Вы отдадите их без всяких замечаний, возьмете перо и отпустите этого человека.

— Но кто будет этот человек, друг мой?

— Незнакомец, первый, кто попадется мне под руку. Посланец не должен догадываться о важности данного ему поручения, на случай, если попадется в руки врага.

— Похвальная предусмотрительность! Ну-ну! Я думаю, что мы выполним свой долг.

— Я в этом уверен, — сказал дон Фернандо. — Если вы будете точно выполнять мои указания.

— Об этом не беспокойся, брат. Я ручаюсь за мою исполнительность.

Условившись обо всем, все трое отправились спать, тем более что было уже поздно, а молодые люди на восходе солнца должны были отправиться в президио Сан-Лукар.

Девственный лес

Дон Торрибио Квируга, о котором пойдет наш рассказ, был стройным молодым человеком лет двадцати восьми, с тонким и умным лицом и с изящными манерами.

Он принадлежал к одной из самых богатых и влиятельных семей штата Чигуагуа. После смерти родителей в стране, где золото не способно никого повергнуть в особый восторг, он стал обладателем годового дохода более пятисот тысяч пиастров, то есть двух с половиной миллионов франков.

Человеку с таким состоянием и одаренному к тому же физическими и духовными достоинствами, какими обладал дон Торрибио, практически доступно все, потому что обладание определенным состоянием не только устраняет все препятствия на пути к цели, но и помогает ее достижению.

Дону Торрибио удавалось все, что он задумывал, кроме одного. В его борьбе с доном Фернандо он всегда терпел поражение.

Поэтому ненависть к охотнику за пчелами, причины которой были изначально ничтожны, но множились в результате неудач, которые неизменно терпел дон Торрибио при очередных стычках, достигла наконец своего апогея, и удовлетворить ее теперь могла только смерть дона Фернандо.

После последней встречи с доном Фернандо Каррилем, закончившейся столь оскорбительно для дона Торрибио Квируги, в душе последнего копился гнев, не дававший ему покоя и требовавший выхода.

Как только он потерял из виду своего счастливого противника, он пустился во всю прыть. Его шпоры безжало-

стно впивались в бока лошади, которая с бешеным ржанием удваивала свой и без того скорый бег.

Куда скакал дон Торрибио Квируга? Он и сам этого не знал и вообще ему было все равно.

Он ничего не видел перед собой и ничего не слышал, отдавшись целиком на волю лошади. В голове у него роились планы, один зловещее другого.

Ненависть вытеснила из его души все остальные чувства. Он не мог унять бешеный стук в висках и нервную дрожь, сотрясавшую тело.

Так он ехал уже несколько часов, пока изнемогшее от усталости благородное животное не упало на землю вместе с седоком.

Дон Торрибио приподнялся, окидывая затуманенным взором окрестности. Падение с лошади вернуло его к действительности и направило мысли в другое русло, а главное — побудило его к действию. Еще час пребывания в подобном состоянии, и он сошел бы с ума или умер бы от апоплексического удара.

Настала ночь. Густой мрак окутывал землю, печальная тишина нависла над пустыней.

— Где я? — вопрошал он.

Но луна, скрытая облаками, не давала ответа, ветер бушевал в листве деревьев и откуда-то издали доносился рев хищных зверей.

Глаза дон Торрибио напрасно старались проникнуть сквозь темноту. Он приблизился к лошади, беспомощно простершейся на земле. Побуждаемый состраданием к верному спутнику своих отважных странствий, он наклонился к лошади, достал пистолеты из луки седла, заткнул их за пояс и, отцепив от седла фляжку с ромом, стал промывать глаза, уши, ноздри и рот бедного животного, к которому сразу же вернулось дыхание, а значит, и жизнь. Так продолжалось примерно полчаса. Воспрянув духом, лошадь приподнялась и с присущим этой породе свойством нашла ближайший источник, утолив наконец терзавшую ее жажду.

— Не все еще погибло, — пробормотал дон Торрибио. — Может, мне посчастливится.

Но внезапно грозное рычание послышалось совсем близко. Ему ответило еще более громкое и грозное рычание с разных сторон. Шерсть у лошади стала дыбом, и у дон Торрибио сердце замерло от страха.

— Проклятие! — вскричал он. — Здесь водопой ягуаров. Что мне делать?

На берегу реки были отчетливо видны следы ягуаров. Он поднял голову и к своему ужасу заметил не далее как в десяти шагах от себя два глаза, сверкавшие подобно раскаленным угольям и неподвижно взиравшие на него. Дон Торрибио был человек отменного мужества. Товарищи были не раз свидетелями его отваги и смелости, но здесь, в темноте, в полном одиночестве, оказавшись в кольце хищных зверей, он невольно поддался животному страху. Он с трудом переводил дыхание, тело покрылось холодной испариной, ноги сделались ватными.

Однако отчаяние завладело им лишь на одну секунду. Колоссальным усилием воли он заставил себя собраться и приготовился к отчаянной схватке, в которой, он знал на-верное, должен был погибнуть, но от которой он не мог отказаться ни в силу присущего ему инстинкта самосохранения, ни в силу надежды, которая никогда не угасает в человеке до последнего вздоха.

В эту минуту лошадь заржала от страха и, совершив гигантский прыжок, умчалась в степь.

— Тем лучше, — пробормотал дон Торрибио, — быть может, благодаря невероятной скорости своего бега, животному удастся спастись.

Отчаянный прыжок лошади сопровождался леденящим душу рыком ягуаров, и огромные тени замелькали перед глазами дона Торрибио. Он горько усмехнулся:

— Неужели я дам разорвать себя, не попытавшись спастись? Ей-богу, это было бы слишком глупо. Ну-ну! Я пока еще жив! Вперед!

Сильный порыв ветра разогнал тучи на небе, и луна на короткое время осветила своими бледными печальными лучами место, где находился дон Торрибио.

В нескольких шагах река дель-Норте протекала между скалистых крутых берегов. Вдали простирались сплошные массивы девственного леса, нагромождение скал, из расщелин которых росли деревья, опутанные лианами. Эти деревья, стоявшие в весьма причудливом, чуть ли не горизонтальном положении, протянулись вплоть до реки. Нога тонула в зыбучем песке, покрытом толстым слоем листвы.

Дон Торрибио сообразил, что находится примерно в пятнадцати милях от ближайшего жилья, на опушке ог-

ромного леса, в который не осмеливались ступить самые отважные следопыты, настолько он выглядел неприступным и страшным.

Дон Торрибио в ту минуту не задавался вопросом, каким образом он очутился в этом лесу. Все его мысли были сосредоточены на одном — как избежать нависшей над ним смертельной опасности.

Как мы уже говорили, совсем рядом, судя по следам, облюбовали место для водопоя хищные звери. После захода солнца они покидали свои логовища и отправлялись сюда.

И, более того, дон Торрибио видел, как два великолепных ягуара, самец и самка, стоя на берегу, ревностно оберегали игры своих детенышей.

— Бр-р! Какие неприятные соседи! — пробормотал дон Торрибио. Машинально взглянул он в другую сторону и увидел огромную пантеру, настороженно следящую за ним и готовую броситься на него в ту же минуту.

Дон Торрибио, по установившемуся здесь обычаю, никогда не отправлялся в путь, не будучи хорошо вооружен. Вот и сейчас при нем был отличный карабин, не поврежденный при падении лошади.

— Ну что ж! — сказал он с улыбкой. — По крайней мере, сражение будет серьезным.

Он уже вскинул ружье, собираясь выстрелить, когда с ближайшего дерева послышалось жалобное мяуканье. С десяток огромных тигровых кошек плотоядно взирали на него, между тем как стая волков, выбежав из леса, остановилась в нескольких шагах от него. А на вершинах скал уже гнездились грифы и уруби, предвкушавшие скорое пиршество.

Дон Торрибио стремительно бросился к ближайшей скале и, карабкаясь по ее уступам, вскоре добрался до террасы на высоте метров шести от земли, где он мог по крайней мере некоторое время считать себя в относительной безопасности.

Устрашающие голоса обитателей леса все нарастали, заглушая даже завывание ветра, отдававшееся неистовым гулом в скалах.

Луна исчезла за тучами, и дон Торрибио был снова объят темнотой. Но если он и не видел хищных зверей, то безошибочно угадывал их присутствие. К тому же то здесь, то там сквозь темноту проглядывали ярко горящие

глаза. Все свидетельствовало о наступлении скорой развязки.

Дон Торрибио достал из-за пояса пистолет, прицелился и выпустил шесть пуль. Каждый выстрел сопровождался жалобным криком и грузным падением наземь убитых или раненых зверей.

Невозможно передать словами возникший переполох. Волки с неистовым воем кинулись на тигровых кошек и стали рвать зубами добычу.

В ветвях дерева, нависшего над уступом в скале, где находился дон Торрибио, послышался какой-то странный шум, и нечто громоздкое и тяжелое, чего он не смог различить, плюхнулось к его ногам.

Дон Торрибио, используя ружье как палицу, нанес ею страшный удар по черепу этого нечто, и оно с ревом покатилося вниз. Оказалось, это была та самая огромная пантера, о чем он догадался по разыгравшемуся сражению в нескольких футах ниже между ягуарами, тигровыми кошками и пантерой. Повинуясь страху, дон Торрибио, не задумываясь о возможных последствиях, выстрелил еще два раза. И тут произошло невероятное. Все эти животные, яростно сражавшиеся между собой, словно вдруг поняли, что им следует объединиться против человека, их общего врага, и, оставив на поле брани своих поверженных собратьев, они устремились к скале, на вершине которой дон Торрибио находился, и стали обступать ее со всех сторон.

Положение дона Торрибио становилось все более и более критическим. Вот уже на уступ к нему прыгнули несколько тигровых кошек. Не успел дон Торрибио их сбросить, как появились новые. Их становилось все больше и больше, и уже не было сил справиться с ними.

Дон Торрибио пребывал словно в кошмаре. Он уже ощущал на себе горячее зловонное дыхание тигровых кошек и волков. Рык ягуара и насмешливое мяуканье пантер сливались воедино, оглушая его. От мелькания в темноте тысячи глаз хищников кружилась голова, а крылья коршунов и грифов хлопали его по лицу, залитому холодным потом.

Он уже ничего не чувствовал и ни о чем не думал. Только рука с пистолетом машинально поднималась, чтобы выпустить очередную пулю наугад.

Тело ныло от вонзившихся глубоко в него когтей. Вол-

ки норовили вцепиться ему в горло. Он был весь в крови. И хотя ни одна из многочисленных ран не была смертельной, тем не менее он чувствовал, что и силы его, и воля к жизни иссякают, что рано или поздно он будет разорван в клочки хищниками, разгоряченными запахом крови и азартом борьбы.

В ту роковую минуту, когда силы окончательно оставили его, из груди вырвался громкий вопль, отозвавшийся многократным эхом в скалах. Это был протест сильного человека, вынужденного признать себя побежденным и инстинктивно вызывающего о помощи ближнего.

Странное дело, его зов оказался услышанным.

Дон Торрибио, убежденный, что в этом далеком краю никто не мог оказаться, решил, что это ему показалось. Однако вдруг возродившаяся надежда побудила его крикнуть еще раз, и более громко.

И он услышал в ответ только одно, принесенное на крыльях ветра слово:

— Надейтесь!

Дон Торрибио воспрянул духом и, вдохновленный близким присутствием человека, собрался с силами и снова стал разить осаждавших его врагов.

Наконец, из леса выскочили несколько всадников, точнее сказать, демонов, на бешеном скаку приблизились они к скале и принялись истреблять хищников.

Дон Торрибио продолжал отбиваться от двух тигровых кошек.

В мгновение ока хищники были убиты или обращены в бегство. После этого всадники быстро развели костер, обезопасив себя от нового нападения на остаток ночи. Двое из них с факелами принялись искать человека, вызвавшего о помощи.

И вскоре нашли его лежавшим без чувств на уступе скалы, окруженным двенадцатью трупами тигровых кошек и крепко сжимавшим шею уже мертвого волка.

— Ну, Карлочо, — послышался голос. — Нашли вы его?

— Да, — ответил тот, — но он, кажется, мертв.

— Жаль, — сказал Паблито, — человек был славный.

Где же он?

— Там, на скале, напротив вас.

— Можете вы спустить его с помощью Верадо?

— Ничего не может быть проще. Он не шевелится.

— Поторопитесь же, ради Бога, — сказал Паблито. —

Каждая минута промедления может обернуться для него целым годом жизни.

Карлочо и Верадо приподняли дону Торрибио за ноги и за плечи и с чрезвычайной осторожностью перенесли его из импровизированной крепости, где он так упорно сражался, к костру, на ложе из листьев, приготовленное Сапоте, потому что квадрилья вакеров по странной случайности оказалась на этом месте.

— Черт побери! — вскричал Паблито при виде несчастного молодого человека. — Как они его отделали! Надо было раньше прийти ему на помощь.

— Вы думаете, что он оправится? — участливо спросил Карлочо.

— Надежда всегда есть, — назидательно сказал Паблито, — если внутренности не повреждены. Посмотрим.

Он обнажил кинжал, наклонился к дону Торрибио и втиснул лезвие между его зубами.

— Ни малейшего дыхания, — сказал Паблито, покачив головой.

— А раны его опасны? — спросил Верадо.

— Не думаю: он изнемог от усталости и нервного напряжения.

— Стало быть, он придет в себя? — спросил Карлочо.

— Может быть, да, а может быть, и нет. Все зависит от того, насколько сильно пострадала его нервная система.

— Э! — радостно воскликнул Верадо. — Посмотрите, он дышит! Ей-богу! Он даже пытается открыть глаза!

— Если так, он спасен, — продолжал Паблито. — Он скоро придет в себя. У этого человека железный организм. Через четверть часа он будет способен сесть в седло. Надо, однако, перевязать его раны.

Вакеры, так же как и лесные наездники, живя вдали от поселений, привыкли лечить себя сами. Они постигают медицину на практике и используют лечебные травы, употребляемые индейцами.

Паблито с помощью Карлочо и Верадо омыл раны дону Торрибио водою с ромом, положил примочки на виски и пустил в ноздри табачный дым.

Через несколько минут после этого странного лечения дон Торрибио чуть заметно вздохнул, слегка пошевелил губами и наконец раскрыл глаза.

— Он спасен, — сказал Паблито, — предоставим теперь действовать природе, это самый лучший целитель.

Дон Торрибио приподнялся на локте, провел рукою по лбу, как бы стараясь воскресить воспоминания.

— Кто вы? — спросил он слабым голосом.

— Друзья, сеньор, не беспокойтесь.

— Я не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

— Это пройдет, сеньор, вы просто очень устали, но здоровы, как и мы...

Дон Торрибио снова приподнялся и внимательно посмотрел на окружающих его людей.

— Я никак не ожидал встретить вас здесь. Каким чудом вас занесло сюда, чтобы спасти меня от верной смерти? Ведь мы условились о встрече довольно далеко отсюда.

— Благодаря вашей лошади, сеньор, — отвечал Паблито.

— Это как? — спросил дон Торрибио, голос которого становился все тверже и который был уже в состоянии сидеть.

— Ничего не может быть проще. Мы ехали по лесу к назначенному вами месту, как вдруг мимо нас проскакала с головокружительной быстротой лошадь, преследуемая стайей волков. Мы избавили ее от погони и, подумав, что оседланная лошадь не может одна очутиться в таком лесу, стали отыскивать вас и тут же услышали ваш крик.

— Благодарю, — ответил дон Торрибио. — Я найду способ отплатить вам за доброту.

— Не беспокойтесь об этом. Вот ваша лошадь. Теперь мы можем трогаться в путь, как только вы придете в себя.

Дон Торрибио поднял руку:

— Останемся здесь. Вряд ли мы найдем более подходящее место для нашей беседы.

Дон Торрибио Квируга

После этих двух слов дона Торрибио наступило довольно продолжительное молчание.

Вакеры, устремив глаза на молодого человека, старались по выражению лица угадать его тайные мысли. Но холодное и словно каменное лицо дона Торрибио не выражало никаких чувств.

Наконец, бросив вокруг себя настороженный взгляд, скорее по привычке, нежели из опасения быть услышанным, дон Торрибио раскурил сигару и заговорил нарочито небрежным тоном:

— Любезный Верадо, мне очень жаль, что вы оторвали этих благородных кабальеро от их дел и сами поторопились отправиться в то место, которое я вам назначил.

— Почему же? — спросил Верадо, крайне удивленный таким вступлением.

— По самой простой причине, сеньор. Повод, который побуждал меня к встрече с вами, больше не существует.

— Да ну! — вытаращили глаза разбойники. — Возможно ли это?

— Да! — ответил он небрежно. — Я пришел к выводу, что дон Фернандо Карриль очаровательный кабальеро, которому мне не хотелось бы доставлять ни малейшего неудовольствия.

— Черт побери! Вовсе не такой уж очаровательный, — заметил Верадо. — Он велел Карлочо убить меня.

— Не мне, милый друг, — любезно сказал Карлочо, — а дону Пабло, который здесь присутствует, сеньор Фернандо отдал это приказание.

— Да-да, я ошибся, извините, сеньор.

После этого обмена любезностями оба разбойника замолчали.

— Честный человек должен дорожить своим словом, — заметил Тонильо, — и если дон Торрибио передумал, мы не можем иметь ничего против, — добавил он, тяжело вздохнув. — Это заставило меня вспомнить, что я должен возратить вам двести пиастров, которые вы мне дали за...

— Оставьте у себя эту безделицу, любезный сеньор, прошу вас, — перебил его дон Торрибио. — Этой ничтожной сумме нет лучшего места, чем ваш карман.

Вакеро, вынуженный было деньги с явным сожалением, с радостью снова спрятал их в карман.

— Все равно я все еще ваш должник, сеньоры, — сказал он. — Я человек честный, и вы можете положиться на меня.

— И вы на нас! — с горячностью подтвердили другие.

— Благодарю вас за преданность, которую я очень ценю, сеньоры, — ответил дон Торрибио. — К сожалению, повторяю, теперь мне она без надобности.

— Жаль! — сказал Верадо. — Не всякий день находится такой хозяин, как вы, сеньор.

— Ну-ну! — рассмеялся дон Торрибио. — Теперь вы свободны, кто же вам мешает поступить под начало дона Фернандо? Он очень щедр, я уверен. вы не останетесь внакладе.

— Надо будет попробовать, — сказал Паблито. — К тому же теперь уже можно вам признаться. Мы сами подумывали об этом и...

— Поступили к нему на службу, я это знал, — небрежно заметил дон Торрибио.

— Вот как! — вскричали разбойники в один голос.

— И это вам неприятно, сеньор? — поинтересовался Паблито.

— Почему же? Напротив, я очень рад! Все, что ни делается, к лучшему. Может быть, в своем новом качестве вы еще будете мне полезны.

Разбойники наострили уши.

— Да! Итак, вы мне по-прежнему верны?

— До последней капли крови! — ответили вакеры с трогательным единодушием.

— И вы не презираете деньги?

— Деньги вредят только тому, у кого их нет, — назидательно изрек Паблито.

— Когда честно заработаны, — добавил Тонильо, гримасничая, как обезьяна.

— Ну что ж, тогда решено, — сказал дон Торрибио. — Речь идет о сотне унций.

Разбойники пришли в неописуемый восторг, они стали переглядываться.

— Итак, вы согласны?

— Господи! Сто унций! Еще бы! — захлебываясь от восторга, сказал Паблито.

— А может быть, и больше, — заметил дон Торрибио.

— Стало быть, дело трудное? — осмелился спросить Верадо.

— Вы понимаете, дела сейчас обстоят из рук вон плохо.

— Кому вы говорите это, сеньор? Нищета страшная!

— Может быть, придется убить человека? — высказал догадку Карлочо.

— Может быть, — подтвердил Торрибио.

— Тем хуже для него! — пробормотал Паблито.

— Итак, вы согласны даже в этом случае?

— Пуще прежнего! — поспешил заверить Тонильо.

Разбойники произвольно вплотную приблизились к дону Торрибио.

— Я поклялся честью не предпринимать никаких действий во вред дону Фернандо Каррилю, — продолжал он, — ни прямо, ни косвенно.

— Честный человек обязан держать слово, — заметил Тонильо.

— И я намерен добросовестно сдержать свое.

Вакеры согласно закивали головами.

— Но, — продолжал дон Торрибио, — вы, сеньоры, знаете не хуже меня, что дон Фернандо окутал себя таинственностью.

— Увы! — жалобно вздохнул Тонильо.

— Никому не известно, чем он занимается. Где-то пропадает месяцами, потом вдруг совершенно неожиданно является.

— Это действительно так, — поспешил заметить Паблито. — жизнь этого кабальеро престранная.

— Каким опасностям должен он подвергаться во время этих продолжительных странствований, ни цели, ни места которых никто не знает! — продолжал дон Торрибио.

— Страшно подумать! — воскликнул Карлочо.

— В пустыне сплошь и рядом случаются несчастья! — подтвердил Верадо.

— Не надо далеко ходить. Посмотрите, что с вами случилось этой ночью! — участливо проговорил Тонильо.

— Вы понимаете, сеньоры, — продолжал дон Торрибио, — что я никак не могу нести ответственность за бесчисленные опасности, подстерегающие дона Фернандо на каждом шагу.

— Это уж точно! — дружно согласились разбойники.

— Случай способен опрокинуть самые, казалось бы, надежные планы, и я при всем моем уважении к дону Фернандо не могу застраховать его от случайности.

— В этом нет никакого сомнения, сеньор, и, конечно, никто не сможет вас ни в чем заподозрить, если по какой-нибудь роковой случайности этот дон Фернандо погибнет во время своих отважных странствий, — убежденно резюмировал Паблито.

— Я тоже так думаю. Но поскольку я теперь не враг, а друг дона Фернандо, я должен быть готов всегда прийти ему на помощь, если в этом возникнет необходимость.

— Или отомстить за него, если случайно он будет убит! — поспешил добавить Карлочо.

— Да, — продолжал дон Торрибио. — Поэтому я должен знать все, что касается дона Фернандо.

— О! Дружба — это не пустое слово! — вскричал Тонильо, набожно поднимая глаза к небу.

— Вы, кабальеро, лучше всех способны предоставить мне эти сведения. И поскольку всякий труд заслуживает вознаграждения, вы получите на всех сто или двести унций, в зависимости от характера известий, которые вы будете мне поставлять. Вы поняли меня, не так ли?

— Поняли очень хорошо, сеньор, — с невозмутимым хладнокровием отвечал Карлочо за всех. — Поручение, которым вы нас удостоили, мы считаем почетным. Не сомневайтесь, мы его выполним к вашему полному удовольствию.

— Итак, решено, сеньоры. Я надеюсь на достоверность сведений, которые вы будете мне сообщать. Вы понимаете, в какое смешное положение вы поставите меня, если ваше известие окажется ложным, и я понапрасну взбудоражу многочисленных друзей дона Фернандо.

— Положитесь на нас, сеньор, мы будем подкреплять наши сведения неопровержимыми доказательствами.

— Хорошо. Я вижу, мы понимаем друг друга. Не стоит далее распространяться об этом.

— О! Конечно, сеньор, мы же не какие-нибудь тупицы.

— Но так как память у вас может оказаться короткой, — улынулся дон Торрибио, — доставьте мне удовольствие и разделите между собой эти десять унций, не как задаток нашего договора, потому что договора никакого не существует, но как благодарность за услугу, которую вы мне оказали час тому назад, и чтобы наш разговор покрепче врезался в вашу память.

Вакеры не заставили просить себя дважды, а с удовлетворением спрятали в карманы так щедро подаренные им унции.

— Теперь, кабальеро, где мы находимся?

— В Сельва-Негра, сеньор, — ответил Паблито, — в четырех милях от ачиенды дель-Кормильо, где находится в данный момент дон Педро и его семейство.

Дон Торрибио изобразил удивление.

— Как! Дон Педро оставил Лас-Норриас?

— Оставил, сеньор, вчера, — ответил Паблито.

— Как странно! Кормильо, на самой границе пустыни? Это совершенно непонятно.

— Говорят, что так пожелала донна Гермоза и что пока никто не знает об этом.

— Какая странная прихоть! После опасности, которой она подвергалась несколько дней тому назад, переселяться на землю краснокожих!

— Ачиенда хорошо укреплена и может обеспечить защиту от нападения индейцев.

— Это правда, однако внезапная перемена местопребывания кажется мне непонятной. Я буду рад, если на восходе солнца вы проводите меня в Кормильо. Я должен немедленно видеть дона Педро.

— Мы к вашим услугам, сеньор, в любое время, когда вам будет угодно, — ответил Карлочо.

Дон Торрибио чувствовал потребность в отдыхе. Он вернулся в плащ и, несмотря на терзавшее его беспокойство, вскоре заснул.

Вакеры последовали его примеру, предварительно бросив жребий, чтобы определить, кто будет охранять их сон. Жребий выпал Карлочо.

Ночь прошла спокойно, ничто не потревожило сон дона Торрибио и его сообщников.

На восходе солнца вакры встали, накормили своих лошадей и лошадь донна Торрибио, потом оседлали их и только тогда разбудили молодого человека, сообщив ему, что настало время отправляться в путь.

Дон Торрибио тотчас встал, и после краткой молитвы все пятеро сели на лошадей и покинули прогалину, которая чуть было не стала местом гибели одного из них.

Ачиенду дель-Кормильо можно считать аванпостом президио Сан-Лукар. Это несомненно самый богатый и самый надежный опорный пункт на всей индейской границе.

Ачиенда размещалась на возвышенности, имевшей в округности три мили, на обильных пастбищах паслись на свободе стада. Мы не станем подробно описывать сам дом, скажем лишь, что за толстыми крепостными стенами стоял маленький белый домик, крыша которого была скрыта густой листвой окружавших его деревьев. Из окон открывался прекрасный вид с одной стороны на степь, с другой — на реку дель-Норте.

Вакры в сопровождении донна Торрибио въехали в лес.

Путь продолжался три часа и привел их к берегу дель-Норте, откуда была хорошо видна ачиенда дель-Кормильо, являвшая собой очаровательный оазис с ивами, смоковницами, лимонными и померанцевыми деревьями, цветущим жасмином.

Здесь дон Торрибио остановился и, обратившись к своим проводникам, сказал:

— Здесь мы должны расстаться. Благодарю вас, больше ваша помощь не потребуется. Отправляйтесь по своим делам, сеньоры, и помните, о чем мы договорились. Надеюсь на вашу исполнительность. Прощайте!

— Прощайте, кабальеро, — ответили они, церемонно кланяясь. — Не беспокойтесь за нас.

Они повернули лошадей, въехали в реку, словно бы желая переправиться на другой берег, и вскоре исчезли за возвышенностью.

Дон Торрибио остался один.

Семьи его и донна Педро де Луна, обе по происхождению испанские, и бывшие, как считалось, в дальнем родстве, всегда поддерживали самые дружеские отношения. Дон Торрибио и донна Гермоза почти воспитывались вместе. Поэтому когда красавец родственник приехал проститься перед отъездом в Европу, где ему предстояло

продолжить образование, донна Гермоза, которой тогда было двенадцать лет, ужасно опечалилась.

С детства они любили друг друга с той юной непосредственностью, которой будущее представляется сплошным безмятежным счастьем.

Дон Торрибио увез с собой свою любовь, не сомневаясь, что донна Гермоза тоже будет бережно хранить ее в сердце.

Вернувшись в Веракрус, молодой человек быстро привел в порядок свои дела и поспешил в Сан-Лукар, горя желанием поскорее увидеться с той, которую он любил и которую не видел целых три года. Несомненно, прелестный ребенок Гермозита стала еще более прелестной девушкой.

Удивление и радость дона Педро и его дочери не знали границ. Особенно была рада Гермоза. Надо сказать, что все три года она изо дня в день думала о доне Торрибио и постепенно к ее детским воспоминаниям стало примешиваться чувство, исполненное тоски и сладострастия.

Дон Торрибио каким-то образом почувствовал это при встрече. Он догадывался, что любим, и счастье его было безмерно.

— Ну, дети, — сказал дон Педро, улыбаясь, — поцелуйтесь, я разрешаю.

Донна Гермоза, краснея, подставила дону Торрибио лоб, которого он почтительно коснулся губами.

— Что это за поцелуй! — воскликнул дон Педро. — Полноте лицемерить, поцелуйтесь как следует, черт побери! Ты, Гермоза, не притворяйся, пожалуйста, а вы, Торрибио, свалились словно снег наголову и думаете, что я не догадался, что заставило вас проскакать несколько сот миль во весь опор? Разве вы для меня примчались из Веракруса в Сан-Лукар? Вы любите друг друга, поцелуйтесь же как помолвленные и, если будете благоразумными, вас скоро обвенчают.

Молодые люди, тронутые этими добрыми словами и веселым тоном дона Педро, бросились ему на шею, чтобы тем самым скрыть охватившее их волнение.

Вскоре после этого дон Торрибио был официально объявлен женихом донны Гермозы и в этом качестве стал часто навещать ее.

Справедливости ради скажем, что донна Гермоза искренне думала, что любит дона Торрибио. Их детская

дружба, окрепшая за время долгой разлуки, говорила в пользу этого брака. Тому же в немалой степени способствовал и отец донны Гермозы.

Она терпеливо ждала своей свадьбы и лелеяла мечты о прочных семейных узах.

Хотя подобное утверждение способно вызвать протест у большинства наших читателей, мы просим учесть, что первое любовное чувство девушки редко бывает истинным, оно диктуется скорее рассудком, а не сердцем. И объясняется это легко: ощутив первые порывы своего сердца, девушка естественно начинает испытывать влечение прежде всего к тому, кто уже успел приобрести ее доверие и симпатию, следовательно, эта любовь не что иное, как дружба, которая дополняется романтическими мечтами, пока еще смутными и неопределенными, и определяется в значительной мере отсутствием опыта и способности сравнивать, а потому и отношением к браку, как к чему-то заранее предопределенному и не подлежащему переменам.

Таковы были мысли донны Гермозы по поводу дона Торрибио. Разные причины, и прежде всего возраст донны Гермозы, вынуждали откладывать брак, который дон Педро считал весьма желательным и по причине огромного состояния его будущего зятя, и потому что верил — он окажется счастливым для дочери.

Таковы были отношения молодых людей, и ничто не нарушало их благоприятного развития до того происшествия в пустыне, о котором мы рассказывали прежде. В первое же свое посещение после этого молодой человек заметил, что донна Гермоза приняла его не столь восторженно, как прежде.

Молодая девушка казалась печальной, задумчивой, она вяло поддерживала беседу и, по-видимому, совсем не радовалась скорой свадьбе.

Поначалу дон Торрибио приписывал эту перемену нервному напряжению, пережитому донной Гермозой, и не подозревал, что ее сердцем, которое он считал целиком принадлежавшим ему, завладел другой.

Притом ему даже в голову не могло прийти подобной мысли. Дон Педро вел уединенный образ жизни, лишь изредка принимая только старых друзей, женатых по большей части или давно прошедших возраст, когда можно жениться.

Предположение же, что в течение двух дней, прове-

денных донной Гермозой в степи среди краснокожих, она могла встретиться с человеком, способным поразить ее сердце, казалось нелепым. Но так или иначе вопреки своей воле дон Торрибио должен был признать, что холодность, поначалу казавшаяся ему капризом, представляла собой иное. Словом, если донна Гермоза еще питала к нему дружеские чувства, то о любви не могло быть и речи. Она исчезла безвозвратно.

Это открытие не могло серьезно не беспокоить донна Торрибио. Его любовь к кузине была глубока и искренна. Он слишком долго был ей привержен, чтобы вот так вдруг отказаться от нее. Он с ужасом понимал, что рушатся все его надежды, и, совершенно отчаявшись, решил объясниться с донной Гермозой, чтобы стало ясно, что его ждет.

Вот почему, вместо того, чтобы вернуться домой в Сан-Лукар, он отправился в дель-Кормильо. Однако, подъехав к ачиенде, он почувствовал, как мужество покинуло его. Предвидя результат предстоящего объяснения, он колебался, ибо, как все влюбленные, дон Торрибио, несмотря на очевидную холодность донны Гермозы, предпочитал тешить себя сумасбродными химерами, нежели услышать правду, способную разбить ему сердце и навсегда лишить надежды.

Терзаемый противоречивыми мыслями, он попытался повернуть лошадь, однако в конце концов рассудок одержал верх над страстью. Дон Торрибио понял, что не в силах пребывать долее в подвешенном состоянии и решился на трудное, но совершенно необходимое объяснение с донной Гермозой. И, вонзая шпоры в бока своей лошади, которая жалобно заржала от боли, поскакал к ачиенде. Он знал, что если не осуществит своего намерения немедленно, потом у него уже не хватит на это силы воли.

Приехав в Кормильо, он узнал, что дон Педро с дочерью отправились на охоту на восходе солнца и вернуться только к вечеру.

— Тем лучше, — пробормотал сквозь зубы дон Торрибио и облегченно вздохнул при мысли об отсрочке, которую великодушно даровала ему судьба, и, не остановившись передохнуть, поскакал в Сан-Лукар.

Вечеринка

Теперь приглашаем читателя в ачиснду дель-Кормильо через два дня после несостоявшегося объяснения дона Торрибио с донной Гермозой.

В восемь часов вечера в гостиной возле жаровни сидели дон Педро и его дочь.

В этой изящно меблированной на французский манер гостиной иностранец неизменно ощутил бы себя оказавшимся где-нибудь в Сан-Жерменском предместье: те же великолепные обои, тот же изысканный вкус во всем, вплоть до рояля Эрара с партитурами опер, исполняемых в Париже, и творений новомодных романистов и поэтов, как бы служили доказательством того, что здесь не чужды интереса к последним достижениям европейской культуры.

Тут все дышало Францией и Парижем. Только серебряная жаровня, заправленная оливковым маслом, была истинно мексиканской. Люстры с розовыми восковыми свечами дополняли изящество этого великолепного приюта.

Донна Гермоза была в обычном платье, придававшем ей особое очарование. Она курила маисовую пахитоску, беседуя с отцом.

— Да, — заметила она между прочим, — в президио поступили прелестные птички.

— Ну и что же, малышка?

— Мне кажется, милый папочка сегодня не особенно любезен, — сказала она тоном избалованного ребенка.

— Из чего это вы сделали такое заключение, сеньорита? — улыбнулся дон Педро.

— Неужели вы решили... — воскликнула она, подпрыгнув от радости в кресле и хлопая в ладоши. — Вы решили...

— Купить тебе птиц. Завтра у тебя появятся попугаи, кардиналы, колибри и другие: более четырехсот птиц, неблагодарная негодница!

— О, как вы добры, папа, и как я вас люблю, — она бросилась на шею дону Педро и принялась осыпать его поцелуями.

— Ну, хватит, хватит, глупышка! Этак ты задушишь меня в своих объятиях!

— Как отблагодарить вас за такую предупредительность?

— Бедная малютка! — печально сказал он. — Мне некого любить кроме тебя.

— Скажите: обожать, добрейший папа! Вы ведь меня обожаете, а я вас люблю всеми силами души.

— Однако, — продолжал дон Педро тоном легкого упрека, — ты не боишься меня тревожить.

— Я? — взволнованно воскликнула Гермоза.

— Да, ты, — сказал дон Педро, с улыбкой грозя пальцем. — Ты от меня скрываешь что-то.

— Папа, — прошептала она прерывающимся от волнения голосом.

— Дочь моя, глаза отца способны читать в сердце шестнадцатилетней девушки. Вот уже несколько дней с тобой происходит что-то необычное. Ты постоянно чем-то озабочена.

— Это правда, папа.

— О ком же ты думаешь, девочка?

— О доне Торрибио Квируге, папа.

— А-а! Верно, потому, что ты его любишь?

Донна Гермоза приняла серьезный вид и, приложив руку к сердцу, сказала:

— Нет! Я ошиблась, папа, я не люблю дона Торрибио Квируга. Однако он постоянно занимает мои мысли. Почему? Не умею сказать. После его возвращения из Европы в нем произошла какая-то перемена, какая именно, я не могу понять. Мне кажется, что это уже не тот человек, с которым я вместе росла. Его взгляд настораживает меня, голос вызывает какое-то болезненное ощущение. Конечно, он красив, манеры его изысканны и благородны, все в нем свидетельствует о

знатном происхождении, но вместе с тем в нем есть нечто леденящее душу и внушающее мне непреодолимое отвращение.

— Романтическая фантазия! — улыбнулся дон Педро.

— Смейтесь, смейтесь надо мною. Но хотите, чтобы я была откровенна с вами до конца? — спросила она дрожащим голосом.

— Конечно, дитя мое.

— У меня такое предчувствие, что этот человек принесет мне несчастье.

— Дитя мое, — возразил дон Педро, целуя ее в лоб. — Ну какое несчастье он может тебе принести?

— Не знаю, папа, но я боюсь.

— Хочешь, я откажу ему от дома?

— Это может только приблизить несчастье, угрожающее мне.

— Полно! Ты изнеженный ребенок, поэтому придумываешь себе всякие страхи, которые проистекают исключительно от твоей любви к кузену. Единственное средство возратить тебе спокойствие состоит в том, чтобы ты как можно скорее обвенчалась с ним, и я намерен устроить это в самое ближайшее время!

Донна Гермоза печально покачала головой, потупила глаза, но промолчала. Отец совершенно не понял смысла сказанных ею слов, а значит, и убедить его в ее правоте будет невозможно.

В эту минуту пеон доложил о доне Торрибио Квируге.

Молодой человек был одет по последней парижской моде. Когда он вошел в гостиную, отец и дочь невольно вздрогнули: первый, несомненно, от радости, вторая — от страха.

Дон Торрибио приблизился к донне Гермозе и, изящно поклонившись, вручил ей изысканный букет. Она поблагодарила его с небрежной улыбкой, взяла букет и равнодушно положила на столик.

Вскоре доложили о прибытии коменданта дона Хозе Калабриса со всей его группой, еще о нескольких семействах. Всего гостей было человек двадцать и среди них дон Эстеван Диас и дон Фернандо Карриль.

В изящном кабальеро, появившемся в сопровождении мажордома, было совершенно невозможно узнать смелого лесного наездника, страшного охотника за пчелами, который несколько дней назад оказал неоценимую услугу до-

ну Педро и его дочери. Его безукоризненные манеры, изысканное платье, словом, ничто не вызывало подозрений, или, лучше сказать, не допускало их.

Мы говорили выше, что дон Фернандо Карриль при всей окружавшей его таинственности был хорошо известен в высших кругах местного общества и с присущим мексиканцам гостеприимством был принят в самых почтенных домах. Поэтому в том, что он появился в ачиенде дель-Кормильо, не было ничего удивительного.

Однако, поскольку дон Фернандо долго не показывался на людях, его появление в доме дона Педро невольно привлекло внимание гостей.

Войдя в гостиную, дон Фернандо подошел к донне Гермозе, низко поклонился и почтительно подал ей цветок, который держал в руке.

— Сеньорита, — сказал он, стараясь подавить охватившее его волнение, — соблаговолите принять этот скромный цветок, который растет только в пустыне.

Девушка невольно вздрогнула при звуке его голоса, показавшегося ей знакомым. Густой румянец залил ее лицо и, не смея встретиться с ним глазами, она бережно взяла цветок дрожащей рукой и приколола его к груди, чуть слышно прошептав при этом:

— Все, что из пустыни, мне чрезвычайно дорого.

Мало-помалу гости оживились, завязалась беседа. Эта мимолетная сцена осталась незамеченной никем, кроме дона Торрибио, который безошибочно угадал в донсе Фернандо своего соперника.

Обратившись к случайно оказавшемуся рядом дону Эстевану, он тихо, но достаточно внятно для того, чтобы слышали все присутствующие, сказал:

— Интересно, какой волшебный ключ открывает этому человеку двери благородных домов, куда его никто не приглашал?

— Спросите у него, — сухо ответил дон Эстеван. — Вероятно, он сможет удовлетворить ваше любопытство.

— Я не премину воспользоваться вашим советом, сеньор, — сказал надменным тоном дон Торрибио.

— Это совершенно бесполезно, кабальеро. Я слышал, что вы сказали, — почтительным тоном, но с ироничной улыбкой проговорил дон Фернандо, вежливо поклонившись.

Все голоса разом смолкли, воцарилась мертвая тишина.

Взоры всех присутствующих были прикованы к молодым людям.

Донна Гермоза побледнела и с мольбой взглянула на отца. Дон Педро решительно поднялся и, став между молодыми людьми, сказал:

— Это что значит, кабальеро? Дон Торрибио, разве таким манерам вы обучались в Европе? Или вы сочли мой дом подходящим местом для демонстрации вашей ненависти? По какому праву вы считаете для себя возможным выражать неудовольствие по поводу присутствия здесь моего гостя? Пока еще, если я не ошибаюсь, вы не стали моим зятем. Я вправе принимать в моем доме, кого захочу.

— Даже разбойника, если вам заблагорассудится, — злобно сказал дон Торрибио с нарочитым церемонным поклоном.

Дон Фернандо готов был броситься на наглеца, но удержался.

— Пусть дон Торрибио объяснится яснее, — сказал он спокойным голосом.

— А кто виноват, кабальеро, что я вынужден говорить загадками? Вы сами создаете вокруг себя таинственность.

— Довольно, кабальеро! — вскричал дон Педро. — Дальнейшее продолжение разговора об этом будет для меня смертельным оскорблением.

Молодые люди почтительно поклонились и отошли друг от друга, обменявшись, однако, зловещими взглядами.

— Ну, полковник, — продолжал дон Педро, обратившись к коменданту, чтобы загладить впечатление, произведенное этой неприятной ссорой, — какие известия из Киюда? По-прежнему ли спокойна Мексика?

— Наш великий Санта-Анна, — ответил полковник, с трудом переводя дух в своем тесном мундире, — опять разбил дерзкого генерала, осмелившегося взбунтоваться против него.

— Слава Богу! Может быть, это приведет к установлению спокойствия, в котором так нуждается торговля.

— Да, — заметил один богатый ачисндор, сосед дона Педро, — сообщение стало столь затруднительным с некоторых пор, что невозможно переправить никакой груз.

— Что, опять краснокожие зашевелились? — встревоженно спросил находившийся среди гостей торговец.

— Да нет, — перебил его комендант. — Никакой опас-

ности не существует. Они получили такой жестокий урок, что теперь долго еще будут помнить.

Едва заметная улыбка тронула губы дона Фернандо.

— Вы забываете Тигровую Кошку и его сообщников, — сказал он.

— О! Тигровая Кошка — разбойник, — с живостью отозвался полковник.

— Сейчас правительство готовится к грандиозной операции против него, чтобы раз и навсегда покончить с этой шайкой разбойников.

— Прекрасно придумано, — заметил дон Торрибио с многозначительной усмешкой, — давно пора очистить границу от населяющих ее негодяев.

— Я совершенно с этим согласен, — спокойно сказал дон Фернандо, улыбнувшись с тем же многозначительным видом.

— Неужели вы думаете, что найдены способы серьезно опустошить провинцию? — спросил торговец.

— Гм-м! О краснокожих существует явно ошибочное мнение. По-моему, это довольно жалкие существа, — с важным видом изрек дон Антонио.

Дон Фернандо опять улыбнулся одновременно горькой и зловещей улыбкой.

— Сеньоркомендант, — сказал он, — вы совершенно правы. Я думаю, индейцы поступят благоразумно, если будут обретаться в своих селениях, иначе им не миновать беды.

— Вот именно! — воскликнул комедант.

— Сеньорита! — сказал дон Торрибио, обратившись к донне Гермозе. — Можно ли вас попросить спеть нам эту восхитительную арию из «Черного Домино», которую вы исполнили с таким совершенством несколько дней назад?

Девушка из-под своих бархатных ресниц бросила быстрый взгляд на дона Фернандо и прочитала в устремленных на нее глазах безмолвную, но страстную просьбу. Тогда, не колеблясь, она села за фортепиано и чистым, сочным голосом пропела арию из третьего акта.

— В Париже я слышал эту арию в исполнении госпожи Даморо. И мне трудно сказать, чье исполнение лучше, ее или ваше, — сказал дон Торрибио, любезно кланяясь донне Гермозе.

— Кузен, — ответила она, — сразу видно, что вы слишком долго жили во Франции.

— Почему это, сеньорита?

— Потому что, — язвительно ответила она с улыбкой, — вы вернулись оттуда льстецом!

— Bravo! — воскликнул тучный комендант, рассмеявшись. — Видите, дон Торрибио, наши креолки не уступят парижанкам в находчивости.

— Безусловно, полковник, — ответил тот. — Но я возьму реванш, будьте покойны, — добавил он загадочным тоном.

Он бросил на донну Гермозу и дону Фернандо, сидевших рядом, взгляд, от которого девушка невольно задрожала.

— Дон Фернандо и вы, господа, — обратился комендант к присутствующим, — я надеюсь, что завтра вы будете присутствовать на благодарственном молебне в честь нашего Санта-Анны.

— Я непременно воспользуюсь такой возможностью, — ответил дон Фернандо, вежливо поклонившись.

Другие ответили так же.

— А меня вы извините, полковник, — сказал дон Торрибио. — Я сегодня вечером уезжаю.

— Как! — удивился дон Педро. — Вы уезжаете?

— Да, сеньор дон Педро! Я вынужден ехать почти тотчас, как откланяюсь вам.

— Какое странное и неожиданное решение! Куда же вы едете?

— Извините, но я сохраню в тайне цель путешествия. Я также, как и другие, желаю окружить таинственностью все свои поездки.

— Вот как! — дон Педро был явно раздосадован. — Долго ли вы намерены отсутствовать?

— Надеюсь, что нет. Однако с уверенностью утверждать не смею.

— Тем лучше. Возвращайтесь как можно скорее. Вы знаете, что ваше возвращение всех здесь обрадует, — многозначительно закончил дон Педро.

— Как знать! — прошептал дон Торрибио сквозь зубы. Донну Гермозу зловещий тон донна Торрибио поверг в ужас.

Пока дон Педро и его родственник обменивались этими фразами, девушка шепнула на ухо дону Эстевану:

— Завтра после молебна, брат, я хочу говорить с вами у моей кормилицы.

— Со мною или с моим другом? — поинтересовался дон Эстеван.

— С обоими.

Молодые люди возвращались домой радостными. Дон Фернандо теперь был уверен, что донна Гермоза узнала его.

Гости один за другим попрощались с хозяевами, а дон Торрибио Квируга задержался.

— Кузина, — сказал он тихим и взволнованным голосом, обратившись к донне Гермозе, перед тем, как проститься с нею, — я иду туда, где буду подвергаться большим опасностям. Могу ли я надеяться, что вы в ваших молитвах удостоите меня упоминанием?

Гермоза посмотрела на него и с резкостью, вовсе ей несвойственной, ответила:

— Кузен, я не могу молиться за успех предприятия, цель которого мне неизвестна.

— Благодарю за откровенность, сеньорита, — холодно отозвался он. — Я не забуду ваших слов.

— Итак, вы действительно едете, дон Торрибио? — заговорил вернувшийся к молодым людям дон Педро.

— Сию же минуту, все готово у меня к отъезду.

— Ну, счастливого пути! Надеюсь, выдадите знать о себе.

— Да-да, — каким-то странным тоном сказал он. — Вы скоро обо мне услышите. Прощайте!

— Что происходит с твоим кузеном, дочь моя? — спросил дон Педро, как только они остались одни. — Как странно он держался.

Донна Гермоза не успела ответить, так как отворилась дверь и вошедший слуга доложил:

— Управляющий ачиенды Лас-Нориас желает говорить по важному делу с сеньором доном Педро де Луна.

— Вели войти, — приказал дон Педро.

Дон Торрибио покинул дом донна Педро в чрезвычайном волнении. Выйдя из дома, он остановился и бросил злобный взгляд на окно гостиной, в которой мелькал силуэт донны Гермозы.

— Гордячка! — злобно прошипел он. — Я ненавижу тебя так же сильно, как прежде любил! Я не замедлю строго наказать тебя за твое пренебрежение ко мне!

Закутавшись в плащ, он быстрыми шагами направился во двор за своей лошастью. Там слуга уже держал ее наготове. Молодой человек взял у него поводья, бросил ему пиастр, вскочил в седло и поскакал.

— Что это сделалось с молодым барином? — удивился пеон. — Как будто сошел с ума! Вон как улепetyвает!

Дон Торрибио из ачиенды поскакал прямо в президио Сан-Лукар.

Он ехал приблизительно четверть часа, как вдруг на повороте дороги лошадь его испуганно встала на дыбы и прижала уши.

В пяти шагах он увидел высокого всадника на вороном коне, преградившего ему путь. Дон Торрибио взвел курок пистолета и крикнул:

— Эй! Давай направо или налево.

— Ни туда, ни сюда, дон Торрибио Квируга, — холодно ответил незнакомец. — Я должен с вами говорить.

— В такой поздний час и в таком месте? Весьма странное желание, — с усмешкой возразил дон Торрибио.

— Я не могу выбирать ни времени, ни места. Вы получили сегодня записку без подписи?

— Получил? — дон Торрибио ударил себя по лбу. — В этой записке мне предлагали...

— Сообщить вам, — с живостью подхватил незнакомец, — то, что в эту минуту вам очень важно знать.

— Именно это и говорилось в записке.

— Это я прислал ее вам.

— Вот как!

— Да. Я готов удовлетворить ваше любопытство, но для этого вы должны следовать за мною.

— А зачем мне узнавать? Может быть, лучше мне этого не знать.

— Как вам угодно, я не принуждаю вас, каждый волен поступить, как ему заблагорассудится. Если вы предпочитаете проглотить нанесенное вам оскорбление, мне нечего возразить вам на это!

Слова эти были сказаны с таким сарказмом, что дон Торрибио невольно вздрогнул.

— Вы действительно предлагаете мне прибегнуть к месту? — спросил он голосом, прерывающимся от ярости, которая кипела у него в сердце.

— Вы сами это решите, если пойдете со мной.

— Демон ты или кто другой, черт побери! Поезжай, я последую за тобой даже в ад.

— Хорошо! — сказал незнакомец со зловещим хохотом.

Засада

Как мы уже сказали, дон Фернандо и его друг покинули ачиенду несколько раньше дона Торрибио и поспешили домой. Дорога заняла добрых два часа, так что к одиннадцати они уже были дома.

Донна Мануэла ждала их возвращения, и они в нескольких словах рассказали ей все, что было в этот вечер, после чего отправились спать, потому что на восходе солнца им предстояло отправиться в Сан-Лукар.

Не было еще и четырех часов утра, когда они сели на лошадей. В Мексике, где днем стоит изнурительная жара, обычно путешествуют только ночью, то есть от четырех часов утра до одиннадцати и от шести вечера до полуночи.

Ровно в девять часов утра дон Фернандо и дон Эстеван въезжали в президио.

Дон Фернандо отправил своего друга в свой дом в Сан-Лукаре, а сам поспешил к коменданту, где у него были важные дела.

Достопочтенный комендант как нельзя лучше принял молодого человека, который неоднократно оказывал ему довольно важные услуги.

Однако при всей любезности полковника Хозе Калбриса дон Фернандо заметил, что тот не в духе или чем-то серьезно обеспокоен, хотя из вежливости старался не показать виду.

Дон Хозе Калбрис был храбрый и достойный солдат, и не случайно мексиканское правительство удостоило его должности коменданта в награду за доблестные заслуги во время войны за независимость.

Уже пятнадцать лет полковник жил в президио, успешно выполняя свои обязанности благодаря присущей ему справедливости, дополняемой мужеством при внешнем спокойствии и невозмутимости, несмотря на козни негодяев разного рода. Каждый год он вешал троих или четверых таких негодяев для острастки всех остальных, в том числе индейцев, которые умудрялись угонять скот и захватывать пленных, а особенно пленниц перед носом у часовых.

Дон Хозе Калбрис, не блиставший умом, но обладавший большим опытом и пользовавшийся поддержкой всех честных граждан, успешно поддерживал спокойствие в своих владениях, несмотря на более чем скромные средства, которыми он располагал. Все сложные вопросы, связанные с отправлением служебных обязанностей, он вынужден был решать самостоятельно, принимая на себя всю полноту ответственности, что свидетельствовало о сильном характере этого старого малограмотного солдата, который всеми своими успехами был обязан только себе самому.

Комендант был высокий и тучный мужчина с красным, угреватым лицом, весьма самодовольный, говоривший размеренным тоном, как бы подчеркивая тем самым весомость каждого своего слова.

Дон Фернандо, прекрасно изучивший характер полковника и относившийся к нему с большим уважением, был удивлен его сегодняшней озабоченностью и решил, что это объясняется денежными затруднениями, а потому попробовал выяснить, в чем дело, и, если возникнет необходимость, помочь.

— О! — воскликнул полковник. — Какой попутный ветер принес вас так рано в президио, дон Фернандо?

— Исключительно лишь одно желание видеть вас, любезный полковник, — ответил дон Фернандо, пожимая руку, протянутую ему комендантом.

— Вы очень любезны. Стало быть, вы без церемоний позавтракаете со мной?

— Я сам хотел напроситься!

— Прекрасно! — сказал полковник и позвонил. Тотчас появился вестовой.

— Этот господин будет завтракать со мной.

Вестовой, как и подобает великолепному солдату, поклонился и вышел.

— Кстати, дон Фернандо, я должен вручить вам толстый пакет.

— Слава Богу! А я уже начал беспокоиться. Эти бумаги я ждал с нетерпением. Они мне очень нужны.

— Стало быть, все к лучшему, — сказал дон Хозе, отдавая молодому человеку пакет, который тот сразу же положил себе в карман.

— Кушать подано, — доложил, отворяя дверь, вестовой.

Хозяин и гость перешли в столовую, где их ждал майор Барнум, старый англичанин, долговязый, тощий, двадцать лет служивший в Мексиканской республике. Этот храбрый солдат был искренне предан своей новой родине. Сейчас он служил помощником коменданта президио Сан-Лукар. Прослужив вместе так долго, они полюбили друг друга, как братья, словом, их вполне можно было уподобить Кастору и Поллуксу, Дамону и Фидию, -- словом, героям, воспетым буколической поэзией.

Дон Фернандо Карриль и майор Барнум немного были знакомы и обрадовались встрече, потому что англичанин был предобрейший человек и под холодной наружностью у него скрывалось горячее и преданное сердце.

Обменявшись приветствиями, все трое сели к столу, уставленному обильными и вкусными кушаньями.

После того как голод был утолен, завязалась беседа, поначалу вялая, но весьма оживившаяся за десертом.

— Отчего у вас сегодня, дон Хозе, такой странный вид, не свойственный вам прежде? — спросил дон Фернандо.

— Вы правы, — ответил губернатор, выпивая рюмку хереса, — я действительно опечален.

— Опечалены, вы? Черт побери! Вы внушаете мне тревогу, если бы я не видел, с каким аппетитом вы завтракаете, я подумал бы, что вы больны.

— Да, — со вздохом сказал старый солдат, — с аппетитом все в порядке.

— Что же вас печалит?

— Предчувствие, — сказал комендант с серьезным видом.

— Предчувствие? — удивился дон Фернандо.

— Да, предчувствие, — вступил в разговор майор. — Я знаю, что на первый взгляд может показаться смешным, что такие старые солдаты, как мы, могут придавать значение таким предчувствиям, которые принято считать

признаком больного воображения. Я тоже, как и полковник, встревожен, сам не знаю почему, и каждую минуту жду неприятного известия. Я абсолютно убежден, что над нами нависла страшная угроза, я это ощущаю чисто физически, так сказать; однако, в чем она заключается и откуда грядет — не знаю.

— Да, — подтвердил комендант, — майор говорит истинную правду. Никогда за все время моей военной карьеры я не был так встревожен, как сейчас. Вот уже целую неделю пребываю я в таком состоянии и удивляюсь, как до сих пор еще ничего не случилось. Поверьте, дон Фернандо, Господь подает знак людям, находящимся в опасности.

— Я полностью доверяю сказанному вами — слишком хорошо я вас знаю, чтобы усомниться в правдивости ваших слов, но, с другой стороны, вы и майор Барнум не из тех, кто пугается своей тени. Вы столько раз всем доказывали свою храбрость. Так неужели же нет никаких реальных фактов, подтверждающих ваши предчувствия?

— Пока нет, — сказал комендант, — но я каждую минуту жду каких-нибудь трагических известий.

— Полно, полно, дон Хозе, — серьезно сказал дон Фернандо, чокаясь с комендантом. — У вас приключилась болезнь, хорошо известная на родине майора и называющаяся, кажется, сплином. Велите доктору пустить вам кровь, пейте холодную воду и через два дня вы будете со смехом вспоминать об этой шутке вашего воображения. Не так ли, майор?

— Я этого очень желал бы, — сказал тот с сомнением в голосе.

— Жизнь и без того коротка, — продолжал дон Фернандо, — зачем же позволять химерам делать ее к тому же печальной? Ну, что может вас тревожить?

— Почему я знаю, друг мой? На границе разве можно быть в чем-нибудь уверенным?

— Полноте! Индейцы сделались кроткими, как ягнята. В эту минуту появился вестовой.

— Что тебе нужно? — спросил комендант.

— Какой-то вакер прискакал во весь опор и требует, чтобы вы приняли его. Говорит, что привез важные известия.

— Пусть войдет, — сказал полковник и бросил на дону Фернандо невыразимо печальный взгляд.

— Судьба отвечает вместо меня.

— Сейчас увидим, — ответил дон Фернандо с деланной улыбкой.

Послышались шаги в смежной комнате, и явился ва-кер.

Это был Паблито. Он и в самом деле казался вестником несчастья. Он словно только что с поля сражения. Одежда порвана в клочья и испачкана кровью и грязью, мертвенно бледное лицо выражало глубокую печаль, столь не свойственную такому человеку, он с трудом держался на ногах — как видно, ему пришлось преодолеть немалый путь до президио. Об этом свидетельствовал и кровавый след, оставленный на полу его шпорами.

Все трое смотрели на него со смешанным чувством ужаса.

— Выпейте, — дон Фернандо подал ему стакан вина, — это подкрепит ваши силы.

— Нет, — сказал Паблито, оттолкнув протянутый ему стакан. — Я жажду крови, а не вина.

Слова эти были произнесены с такой ненавистью и отчаянием, что присутствующие при этом невольно вздрогнули.

— Что случилось? — с беспокойством спросил полковник.

Вакер отер рукою пот со лба и прерывающимся голосом сказал:

— Индейцы поднялись.

— Вы их видели? — спросил майор.

— Да, я их видел.

— Когда? Сегодня?

— Сегодня утром, сеньор полковник.

— Далеко отсюда?

— Миль за двадцать. Они перешли дель-Норте.

— Уже? Сколько их? Вы знаете?

— Сосчитайте песчинки в степи и вы узнаете их число.

— О, — простонал полковник, — это невозможно! Индейцы не могут за короткое время собраться вместе в большом количестве. Это вам так показалось от страха.

— От страха! — воскликнул Паблито с презрительной усмешкой. — О страхе можете рассуждать вы, городские жители, а в пустыне у нас не бывает на это времени.

— Ну и как же они движутся?

— Как ураган, жгут и сокрушают все на своем пути.

— Они намерены напасть на президио?

— Они движутся обычным своим строем, два конца большого полукружия нацелены на президио.

— Далеко они отсюда?

— Да, потому что по ходу продвижения они создают надежные укрепления в подходящей для этого местности. По-видимому, на сей раз ими руководит не только жажда грабежа, а какой-то опытный начальник. Это доказывает то, как они действуют.

— Ваше известие очень важно, — сказал комендант.

Майор укоризненно покачал головой:

— Почему же вы так долго держали нас в неведении?

— Сегодня утром на восходе солнца я и мои товарищи были окружены двумястами этих демонов, выскочивших будто из-под земли. Один убит и двое ранены, но мы успели спастись, и вот я здесь. Жду ваших приказаний.

— Возвращайтесь на свой пост как можно скорее, вам дадут свежую лошадь.

— Слушаюсь, полковник.

Вакер поклонился и ушел. Пять минут спустя он уже скакал галопом по каменистой дороге.

— Ну! — комендант оглядел своих собеседников. — Что я вам говорил? Обманули меня предчувствия?

Дон Фернандо поднялся.

— Куда вы идете? — спросил полковник.

— Я возвращаюсь в ачиенду дель-Кормильо.

— Сейчас? Не кончив завтракать?

— Сию же минуту. Меня раздражает смертельное беспокойство. Индейцы могут напасть на ачиенду, и Бог знает, какие это повлечет за собой последствия.

— Кормильо хорошо укреплена и может не опасаться нападения. Однако, я думаю, донна Гермоза была бы в большей безопасности, находясь она здесь. Постарайтесь, если не поздно, уговорить дона Педро вернуться. Никто не может предвидеть исхода набега, и следует принимать все возможные меры предосторожности. Я был бы рад, если бы дон Педро и его дочь находились рядом с нами.

— Благодарю вас, полковник, я употреблю все усилия, чтобы уговорить дона Педро последовать вашему совету. Лышу себя надеждой, что ваши энергичные действия обезопасят нас от нашествия свирепых врагов. Нападают они всегда смело и неожиданно, но как только поймут, что их

замыслы разгаданы, исчезают также быстро, как и появляются.

— Да услышит вас Бог, я не смею надеяться на это.

— До свидания, господа, желаю успеха! — дон Фернандо дружески пожал руки двух старых солдат и вышел.

На дворе его ожидал дон Эстеван Диас и тотчас устремился к нему.

— Ну! Знаете вы уже новость, дон Фернандо? Индейцы движутся, словно огромная туча.

— Да, я только что узнал об этом.

— Ну, что вы намерены делать?

— Вернуться немедленно на ачиенду.

— Гм! Вряд ли это разумно. Вы не знаете, с какой быстротой эти демоны рассыпаются по округе. Наверное, мы их встретим на дороге.

— Ну, мы пробьемся сквозь них.

— Я это знаю, но если вас убьют?

— Донна Гермоза ждет меня, и поэтому, может быть, меня не убьют.

— Все может быть.

— Ну, посмотрим.

— Впрочем, я предвидел ваш ответ и все приготовил к отъезду. Лошади оседланы, пеоны ждут вас. Мы можем отправиться в любую минуту.

— Благодарю, Эстеван, — сказал дон Фернандо, пожимая ему руку, — вы истинный друг.

— Знаю, — улыбаясь, ответил тот.

Эстеван Диас свистнул, и пеоны тотчас вывели во двор лошадей.

— Поехали, — сказал дон Фернандо, садясь на лошадь.

— Поехали, — отозвался дон Эстеван.

Они пришпорили лошадей и начали с трудом пробираться сквозь толпу зевак, спешащих узнать новости.

Маленькая кавалькада спускалась крупной рысью по довольно крутому склону от крепости к старому президио, то и дело кратко отвечая на вопросы, которыми их осыпали встречные. Выехав, наконец, на ровную дорогу, они пустились вволю к ачиенде дель-Кормилью, не обращая внимания на знаки, подаваемые несколькими всадниками подозрительной наружности, плотно закутавшимися в плащи, которые следовали за ними от самой крепости.

Хмурое небо предвещало грозу, птицы беспокойно сно-

вали низко над землей, время от времени налетавшие порывы ветра вздымали тучи пыли.

Два пеона, узнавшие в президио о приближении индейцев, ехали впереди шагов на двадцать и пугливо озирались по сторонам, каждую минуту ожидая появления краснокожих.

Дон Фернандо с доном Эстеваном скакали по степи не произнося не единого слова. Каждый думал о главном.

Однако чем ближе они подъезжали к берегу реки, тем сильнее ощущалось приближение грозы. И вот уже полил как из ведра дождь, непрерывно сверкала молния и гремел гром, отзываясь громким эхом в горах. Огромные глыбы, сорвавшись с гор, с шумом падали в реку.

Ветер стал такой сильный, что всадникам приходилось плотно прижиматься к шее лошади, чтобы удержаться в седле, и, кроме того они каждую секунду могли быть сброшены лошадьми, которые пугались грозы и вели себя абсолютно непредсказуемо. Мокрая земля затрудняла движения бедных животных. Они без конца спотыкались, скользили и увязали по щиколотку в грязи.

— Невозможно ехать дальше, — сказал дон Эстебан, придерживая свою лошадь, которая чуть было не выбросила его из седла.

— Что же делать? — спросил дон Фернандо, с беспокойством оглядываясь по сторонам.

— Я думаю, лучше переждать несколько минут под деревьями. Гроза никак не унимается. Ехать дальше было бы безрассудством.

Они свернули к небольшому лесу справа от дороги, где можно было переждать грозу.

Они уже собирались вступить в лес, когда оттуда выскочили четыре всадника в масках и молча бросились на наших путешественников. Незнакомцы открыли огонь по пеонам, и те свалились с лошадей и корчились в предсмертных муках на земле.

Дон Фернандо и дон Эстебан, удивленные этим внезапным нападением незнакомцев, явно не индейцев, поскольку носили костюмы вакеров и были светлокожими, если судить по их рукам, тотчас спрыгнули с лошадей и, укрывшись за ними, приготовились к нападению противника.

Те, удостоверившись, что оба пеона были мертвы, повернули лошадей и поскакали к дону Фернандо и дону Эстевану.

Завязалась неслыханная по ожесточенности схватка двух человек против четырех, которая, судя по всему, должна была закончиться смертью дона Фернандо и дона Эстевана. Однако двое последних сражались отчаянно, так, что нападавшие приуныли. У одного из них череп был рассечен надвое до основания, а другой упал, пронзенный тонкой шпагой дона Фернандо.

— Ну как, — крикнул им дон Фернандо, — довольно с вас или еще кто-нибудь желает отведать моей шпаги? Глупцы! Вам надо было вдсятером сюда явиться.

— Как! — вторил ему дон Эстеван. — Вы уже на попятную?

Полно! Полно! Слабаки! Тот, кто вас нанял, явно прочитался.

Двое из четверки, способные продолжать борьбу, отступили на несколько шагов и приняли оборонительную позицию.

Вдруг появились еще четыре вакера в масках и с ходу набросились на дона Фернандо и дона Эстевана, которые, однако, не растерялись.

— Черт побери! Я вас обидел, голубчики, — сказал дон Эстеван и выстрелил из пистолета в их сторону.

Те, по-прежнему молча, ответили тем же. Снова началась отчаянная битва.

Однако силы наших двух храбрецов были на исходе. И вскоре, уложив еще двоих противников, они сами повалились на их трупы. Увидев, что дон Фернандо и дон Эстеван застыли в неподвижности, вакеры возликовали. Схватив тело дона Фернандо, они бросили его на лошадь и вскоре затерялись в бесконечных извилинах дороги. Между тем, буря бушевала по-прежнему. Могильная тишина воцарилась на том месте, где только что происходила эта безумная схватка. Семь трупов остались лежать на земле, и грифы уже кружились над ними.

Сан-Лукар

Дон Фернандо покинул коменданта и майора, обескураженных тревожным известием.

Однако растерянность, совершенно не свойственная этим старым солдатам, жизнь которых была сплошной непрерывной борьбой, продолжалась недолго. Вскоре они вскинули головы, как два благородных коня, услышавшие сигнал к бою. Они молча пожали друг другу руки, и лица их обрели присущую им твердость. Они поспешно покинули столовую.

— Удар был силен, я этого никак не ожидал, — сказал полковник. — Но, ей-Богу, язычники найдут, с кем говорить. Майор, соберите офицеров на военный совет.

— Прекрасно, — ответил майор. — Я доволен вами, ибо предпочитаю видеть вас гордым, решительным и твердым, нежели слабым и боязливым, каким вы казались мне несколько дней. Наконец я обрел моего прежнего друга!

— А! — сказал комендант, улыбаясь. — Нет оснований удивляться этой персмене, любезный Барнум. Напротив, она как нельзя более естественна. Уже несколько дней меня терзало смутное предчувствие надвигающегося несчастья, тем более мучительное, что оно было мне неизвестно, теперь же я знаю, в чем дело, и, болес того, при том что грозящая нам опасность безусловно велика, у меня нет ни малейшего сомнения, что мы ее одолеем.

— Конечно, — подтвердил майор и пошел выполнять поручение начальника.

Офицеры гарнизона вскоре все были в сборе — шесть

человек, не считая майора и полковника. Пригласив их садиться, дон Хозе сказал:

— Господа, вы, конечно, знаете, зачем я вас созвал. Индейцы угрожают президио. Я получил достоверное известие от одного из наших лазутчиков, самого надежного и самого смышленного из них. Дело серьезное, сеньоры, потому что, кажется, краснокожие составили могущественный союз и идут на нас огромными полчищами. Я собрал вас для того, чтобы организовать надежную оборону и постараться найти способ, чтобы преподать дикарям такой урок, после которого у них надолго отпала бы охота нападать на наши земли. Но прежде, давайте посмотрим, какими средствами мы располагаем.

— В оружии и снарядах у нас недостатка нет, — сказал майор. — У нас здесь достаточно и пороха, и ружей, и сабель, и копий, и пистолетов. Пушки тоже в хорошем состоянии и достаточно оснащены пулями и картечью.

— Вот и прекрасно, — сказал полковник, потирая руки.

— К сожалению, — продолжал майор, — у нас слишком мало людей, способных пользоваться этим оружием.

— Сколько у нас солдат?

— По списку должно быть двести семьдесят, но вследствие болезней, смерти, побега осталось не более ста двадцати.

— Мне кажется, — сказал полковник, — что можно увеличить это число. Мы находимся в том критическом положении, когда цель оправдывает средства. К тому же речь идет о нашей общей защите. Надеюсь, я не встречу возражений по поводу плана, который может спасти нас всех.

— Каков бы он ни был, мы заранее соглашаемся.

— Знаю, потому я говорю сейчас не о вас, сеньоры, а только о жителях горета, которые могут отказать и которых мы вынуждены будем принудить. Нам непременно нужны силы для защиты наших стен. Вот что я вам предлагаю: завербовать всех пеонов из ачиенд и составить из них роты, негоданты составят свой корпус, вакеры, на добротных лошадях и хорошо вооруженные, будут защищать наши апроши и патрулировать подступы к равнине. Таким образом, мы соберем около тысячи двухсот человек, вполне достаточное количество для того, чтобы оказать сопротивление дикарям и принудить их поспешно вернуться в свои поселения.

— Вы знаете, полковник, что здешние вакеры по большей части преступники, для которых всякая заварушка служит поводом для грабежа.

— Вот почему на них и будет возложена внешняя оборона. Они расположатся за пределами президио и проникнуть внутрь не смогут ни под каким предлогом. Чтобы исключить возможность каких-либо трений между ними, их надлежит разделить на два отряда, один из которых будет патрулировать окрестности, а другой — отдыхать. Таким образом они будут постоянно заняты, и нам не нужно будет их опасаться.

— Креолам же и иностранцам, проживающим в президио, — сказал майор, — хорошо бы приказать ночевать в крепости, дабы прийти нам на помощь в случае надобности.

— Прекрасно, мы удвоим число лазутчиков, чтобы избежать неожиданного нападения. У всех входов в город будут немедленно возведены укрепления, чтобы защитить от возможного прорыва индейцев в крепость.

— Если вы позволите, полковник, — сказал майор, — мы пошлем надежного человека к ачиендерам, чтобы предупредить их об опасности и необходимости явиться в президио, как только услышат из крепости пушечный выстрел.

— Конечно, майор, потому что эти несчастные будут безжалостно убиты язычниками. Надо будет также предупредить городских жителей, что при появлении индейцев все женщины и дети должны немедленно удалиться в крепость, дабы их не похитили. Дикари обожают белых женщин. Во время последнего набега они увезли с собой более трехсот. Ни в коем случае нельзя допустить повторения этого несчастья. Я думаю, сеньоры, мы предусмотрели все необходимые меры защиты, теперь нам остается только исполнить наш долг, как подобает благородным людям. Наша судьба в руках Господа, который, конечно, не оставит нас в беде.

Офицеры поднялись и хотели было уже откланяться, когда вошел вестовой и доложил, что явился еще один вакер и просит коменданта принять его. Дон Хозе подал офицерам знак сесть и приказал ввести лазутчика.

Это был Тонильо эль-Сапоте, приятель Паблито, уехавший вслед за ним из того места, где они затаились, наблюдая за индейцами. Он привез очень важное известие.

Вид у него был по обыкновению насмешливый и лукавый. Его бледное, выпачканное кровью и порохом лицо, изорванная в нескольких местах одежда, повязка на голове, рука на перевязи, а главное — четыре скальпа с окровавленными волосами, болтавшиеся у него за поясом, показывали, что ему пришлось схватиться с индейцами и что он был, так сказать, вынужден прорваться сквозь них, чтобы оказаться здесь, в президио.

— Сапоте, — сказал ему комендант, — ваш товарищ Паблито только что был здесь.

— Знаю, полковник, — ответил вакер.

— Вы привезли нам известия еще более неблагоприятные?

— Все зависит от того, как вы их воспримите.

— Что вы имеете в виду?

— Если вы особенно цените собственное спокойствие, — ответил Сапоте, переминаясь с ноги на ногу, — то, вероятно, оно скоро будет окончательно нарушено, и тогда известия, которые я привез, будут для вас не весьма приятны, а если, напротив, вы чувствуете потребность сесть на лошадей и встретиться лицом к лицу с краснокожими, вы можете легко удовлетворить ваше желание, и все, что я сейчас сообщу, доставит вам большое удовольствие.

Несмотря на серьезность положения и на терзавшее его беспокойство, комендант, а вместе с ним офицеры не могли не улыбнуться по поводу странных доводов вакера.

— Объяснитесь, Сапоте, — сказал дон Хозе, — тогда станет ясно, что нам следует думать о привезенных вами известиях.

— Через десять минут после отъезда моего товарища, — сказал он, — осмотрев кусты, в которых я заметил некоторое движение, я увидел пеона, такого перепуганного, что он не мог вымолвить ни слова, и только полчаса спустя, придя в себя, он смог рассказать мне о том, что ему довелось пережить. Пеон этот принадлежал старику Игнасио Рэйялю, одному из тех двоих, кому посчастливилось уцелеть от поголовной резни на Сан-Хосе, которую учинили апачи двадцать лет тому назад. Пеон и хозяин отправились за дровами, когда вдруг нагрянули индейцы. Пеон успел спрятаться в логовище какого-то зверя, но старику не удалось убежать и он попал в руки дикарей, которые убили его с неслыханной жестокостью. Тело его, истерзанное копьями, было превращено в сплошное месиво, а голова иссечена

томогавками. Успокоив, насколько это было возможно, педона, я оставил его в засаде. Я поехал в указанную им сторону и вскоре заметил полчища индейцев, тащивших за собой скот и пленных. Индейцы, как известно, все сметают на своем пути. Они быстро двигаются к президио, причем по мере продвижения от них время от времени отделяются отряды для нападения на ачиенды. Ачиенды Пьедро-Роза и Сан-Бласк больше не существуют. От них осталась куча пепла, под которым погребены их несчастные владельцы. Вот что я имею вам сообщить. Действуйте, как сочтете нужным.

— А это? — спросил майор, указывая на кровавые трофеи, висевшие на поясе вакера.

— О! Пустяки, — сказал он с той же гордой улыбкой. — Когда я оказался слишком близко, индейцы заметили меня и, естественно, постарались схватить, ну вот и пришлось с ними немного посчитаться.

— Эти индейцы, судя по всему, только часть степных грабителей, которые вернутся восвояси, как только утолят жажду грабежа.

Тонилю покачал головой:

— Не думаю! Их слишком много, они слишком хорошо вооружены и действуют слаженно. Полковник, у этих людей иная цель. Если я не ошибаюсь, они намерены вести с нами ожесточенную войну.

Комендант переглянулся со своими офицерами.

— Благодарю, — сказал он Сапоте. — Вы поступаете, как честный мексиканец. Возвращайтесь на свой пост и удвойте бдительность.

— Вы можете положиться на моих товарищей и на меня, полковник. Вы знаете, как мы ненавидим индейцев. — И, поклонившись присутствующим, Тонилю удалился.

— Видите, сеньоры, — сказал комендант, — положение с каждой минутой становится все более опасным. Не будем терять времени на пустые рассуждения. Ступайте.

— Позвольте, — сказал майор, — мне высказать свое мнение, прежде чем разойдемся.

— Говорите, друг мой, мы вас слушаем.

— В нашем нынешнем положении мы обязаны быть предусмотрительными. Президио находится в дальнем уголке страны и прибытие помощи сюда крайне затруднено. Возможно, президио окажется в длительной осаде и тогда мы рискуем быть побежденными голодом. Поэтому

я предлагаю немедленно отправить посланца к генерал-губернатору, чтобы обрисовать наше критическое положение и просить подкрепление, ибо с теми скудными средствами, коими мы располагаем, мы не сможем эффективно сопротивляться нападающим.

Последовало глубокое молчание.

— Что вы думаете о сказанном майором Барнумом, господа? — спросил, наконец, полковник офицеров, обводя каждого испытывающим взглядом.

— Мы находим, что предложение майора правильно, полковник, — ответил один из офицеров за всех. — Мы думаем, что надо немедленно привести его в исполнение.

— Я сам так думаю, — ответил полковник. — Будет исполнено. Теперь, господа, вы можете быть свободны.

После этого с непостижимой для характера испанцев скоростью были приняты меры для организации обороны. Страшная опасность, нависшая над президио, принудила всех его жителей действовать слаженно, вселяя мужество в одних и удваивая в других.

Два часа спустя скот был пригнан с пастбищ, на улицах воздвигнуты баррикады, пушки приведены в боевую готовность, а женщины и дети заперты в крепости.

К генерал-губернатору был направлен посланец, и полтора ста смельчаков, укрепившись в старом президио, были готовы отразить атаки индейцев. Полковник и майор Барнум появлялись то здесь, то там, подбадривая новобранцев, помогая работающим и вселяя в каждого мужество.

К трем часам пополудни внезапно поднявшийся сильный ветер принес с юга непроницаемые для глаз тучи густого дыма. Обитатели президио понимали, что это дым пожаров, учиненных индейцами, и дрожали от страха.

Индейцы всегда сопровождают пожарами свои набеги на земли, занятые белыми. Густые дымовые облака заволакивают окрестности и позволяют индейцам успешно маневрировать, не говоря уж о преимуществе внезапного нападения.

Тот день, к несчастью для мексиканцев, оказался весьма благоприятным для индейцев: ветер дул в сторону равнины и находящиеся в президио не могли видеть наступающие полчища индейцев.

В условиях пустынной равнины, лишенной каких-либо укрытий, где все, что там происходит, видно как на ладо-

ни, придуманная индейцами тактика, безусловно, заслуживает высокой похвалы — так как она элементарно проста и удивительно эффективна. Время тоже было выбрано для набега как нельзя удачно: светлые ночи в период полнолуния.

Дозорные один за другим докладывали коменданту о приближении неприятеля, который, по их расчетам, должен был достичь Сан-Лукара ночью.

Численность индейцев росла с каждой минутой, заполнив все окрестности. Они с невероятной быстротой приближались к президио.

Комендант приказал выпустить три залпа из пушки, тем самым возвещая тревогу. Тотчас же все богатые землевладельцы явились в президио, захватив с собой ценные вещи и скот, обливаясь слезами при виде в мгновение ока истребленных пожаром посевов.

Эти несчастные люди устроились, как могли, в городе и, поместив жен и детей в крепости, все, кому возраст позволил носить оружие, поспешили на укрепления и баррикады, полные решимости защищаться до последней капли крови.

Ужас и смятение охватили город, женщины и дети плакали, С наступлением ночи страх сковал президио.

Многочисленные отряды солдат патрулировали улицы, а время от времени вакры, скользя, как змеи в темноте, удалялись шагов за двести за пределы города, дабы выяснить, как обстоят дела.

Однако до двух часов ночи положение оставалось относительно спокойным. Потом зловещую тишину, нависшую над городом, нарушил едва заметный шум, который становился все более сильным. И вдруг, словно по волшебству, на баррикадах появились индейцы, с пронзительными криками грозно размахивая факелами. Кое-кто из гражданского населения президио решил, что город чуть ли уже не во власти индейцев. Однако майор Барнум, командовавший этим участком, был опытный солдат. Индейцам провести его не удалось. В ту минуту, когда апачи достигли вершины баррикады, зазвучали грозные выстрелы, и индейцев как ветром сдуло.

Мексиканцы бросились их преследовать, завязалась ожесточенная схватка, в ночной тишине были слышны только крики, проклятия, глухой звук скреещающихся штыков. Индейцы ретировались, а город, на несколько

мгновений озаренный ярким светом факелов, погрузился в темноту, и снова воцарилась в нем тишина.

После первой неудачной попытки в эту ночь индейцы больше не появлялись, и все, находившиеся в президио, думали, что, по-видимому, индейцы решили изменить тактику и прибегнуть к осаде, либо неудача подорвала их надежды на успех, и они сочли за лучшее вообще удалиться.

Однако на рассвете предположения были опровергнуты. Индейцы вовсе не собирались уходить.

Зрелище, открывшееся из президио, было удручающим. Вся равнина вокруг находилась в движении. Вдали виднелся отряд апачинских всадников, который угонял украденных лошадей и рогатый скот, а совсем близко от президио огромный отряд индейцев с поднятыми копьями стоял наготове, чтобы в любую минуту отразить вылазку противника. Тут и там отряды индейцев уводили пленников — мужчин, женщин детей, с мольбой простирающих руки, моля о пощаде, а вдалеке, насколько хватало глаз, появлялись все новые и новые полчища индейцев, в обычном строевом порядке направляющихся к президио. Словом, город оказался обложенным со всех сторон.

Старые солдаты, искушенные в борьбе с индейцами, никогда прежде не отмечали такого отменного порядка в их рядах, такого могучего боевого духа, такой слаженности действий. Но больше всего полковника и майора обескуражило то, как в мгновение ока апачи вырыли окопы, устроили земляную насыпь, защищавшую их от пушечных снарядов.

— Среди этих негодяев есть наш перебежчик, — закричал полковник, гневно топнув ногой. — Они никогда прежде не рыли окопов.

— Гм! — пробормотал майор, кусая усы. — Нам, кажется, предстоит иметь дело с сильным противником.

— Да, — ответил полковник, — если не подоспеет подкрепление, я не знаю, как все это кончится.

— Плохи дела, полковник! Я боюсь, что все мы здесь поляжем. Посмотрите, их больше трех тысяч.

— Не считая тех, кто спешит им на помощь со всех сторон, — печально добавил полковник. — Но что означает этот шум? — спросил он, указывая в ту сторону, откуда доносились звуки трубы.

Четыре сахема, впереди которых шел индеец с белым

знаменем, остановились на расстоянии половины пушечного выстрела.

— По-видимому, — продолжал полковник, — они намерены вступить в переговоры. Неужели они рассчитывают заманить меня в ловушку? Майор, распорядитесь выстрелить картечью по этой толпе язычников, чтобы не считали нас дураками.

— Может быть, не стоит, полковник, не лучше ли нам с ними переговорить, по крайней мере, таким образом мы сможем узнать их намерения.

— Вы, может быть, правы, друг мой, но разумно ли рисковать своей шкурой, когда имеешь дело с этими разбойниками, не имеющими ни веры, ни закона?

— Я пойду, если вы позволите, полковник.

— Вы? — удивился полковник.

— Да, долг предписывает нам всеми способами оберегать несчастных, доверившихся нашей защите и нашей чести. Я — всего лишь один из воинов, и для успеха дела присутствие или отсутствие одного человека не имеет значения, шаг же, на который я решаюсь, способен спасти наше положение.

Полковник подавил вздох, с чувством пожал руку старого друга и прерывающимся от волнения голосом сказал:

— Ступайте, если вы считаете это необходимым.

— Благодарю! — ответил майор и решительно зашагал навстречу индейцам.

Атака президио

Майор Барнум был безоружен. Он сознательно пожертвовал своей жизнью и не хотел взять шпагу, чтобы не оставлять лазейки для рукопашной схватки в случае несогласия.

В многочисленных стычках с апачами ему часто случалось беседовать с ними и он так хорошо усвоил их язык, что не нуждался в переводчике.

— Чего вы хотите, начальники? Зачем вы перешли дель-Норте и напали на наши границы, когда между нами существует мир? — спросил он громким и твердым голосом, церемонно сняв шляпу и тут же надвинув ее опять.

— Вы тот человек, которого бледнолицые называют дон Хозе Калбрис, — спросил один из начальников, — и которого они величают комендантом?

— Нет. По нашим законам комендант не может покинуть свой пост, но я майор Барнум, его помощник. Я имею право заменить его. Вы можете мне все изложить.

Индейцы, посоветовавшись между собой, воткнули в землю свои длинные копья и поскакали к майору. Тот угадал их намерение, но не подал виду и не высказал ни малейшего удивления, увидев их возле себя.

Индейцы, рассчитывающие на внезапность своих действий, чтобы удивить, а может быть и испугать парламентаря, были внутренне оскорблены подобным бесстрашием, но в то же время и восхищены.

— Отец мой храбрый, — сказал начальник, говоривший от имени всех.

— В мои лета не боятся смерти, — меланхолично ответил майор, — часто даже ее считают благодатью.

— Отец мой носит на челе снег многих зим. Он должен быть мудрецом у своего народа, молодые люди с уважением слушают его у огня советов.

Майор скромно поклонился.

— Не будем говорить обо мне, — сказал он. — Нас должен занимать более серьезный вопрос. О чем вы желаете говорить?

— Разве отец мой не пригласит нас к огню совета своего народа? — спросил начальник вкрадчивым голосом. — Прилично ли великим начальникам говорить о важных делах, сидя на лошадях между двумя армиями, готовыми сразиться?

— Я понимаю, чего вы хотите, начальник, но я не могу исполнить вашего желания. Когда город в осаде, ни один неприятельский начальник не может войти в него.

— Неужели отец мой боится, что мы четверо способны взять город? — сказал индеец, смеясь, но внутренне раздосадованный.

Видимо, в крепости у них были свои люди, с которыми они желали согласовать свои действия.

— Я имею привычку ничего не бояться, — возразил майор, — просто я сообщаю вам то, чего вы не знаете, вот и все. Теперь, если вы хотите воспользоваться этим предложением, чтобы прекратить разговор, вы можете это сделать, и мне остается только откланяться.

— О-о! Какой отец мой живой для своих лет. Зачем же прерывать разговор, когда мы его еще и не начинали.

— Говорите же.

Начальники переглянулись и шепотом быстро посоветовались, после чего тот же начальник заговорил:

— Отец мой видел великую армию апачей и всех союзных племен?

— Видел, — равнодушно ответил майор.

— Отец мой бледнолицый и очень учен. Сосчитал ли он воинов, составляющих эту армию?

— Да, насколько это было возможно.

— И сколько их по расчету моего отца?

— Боже мой! Начальник, — воскликнул майор с небрежностью, — признаюсь вам, что для нас численность не имеет значения.

— И все-таки, сколько насчитал мой отец? — не унимался индеец.

— Откуда мне знать? Тысяч восемь — девять, не больше.

Начальник был поражен равнодушием, с каким майор утроил численность их армии. Начальник апачей продолжал:

— Отец мой не пугается числа этих воинов, собравшихся под одним начальником?

Удивление сахемов не укрылось от майора.

— Зачем мне пугаться? Разве мой народ не побеждал более многочисленную армию?

— Может быть, — ответил индеец, закусив губу, — но эта не будет побеждена.

— Как знать! Поэтому вы и хотели вступить со мной в переговоры, начальник? Если так, вы могли бы не утруждать себя.

— Нет, не поэтому. Пусть отец мой имеет терпение.

— Говорите же. Со всеми вашими индейскими обиняками никогда не знаешь, когда доберешься до сути.

— Армия великих племен подошла к президию, чтобы получить удовлетворение за все зло, которое бледнолицые причинили индейцам с тех пор, как ступили на землю краснокожих.

— К чему вы клоните? Объясните яснее, на каком основании вы переходите наши границы, не объявив войны? Разве мы нарушали свои обязательства перед вами? Разве мы не проявляли дружелюбия к индейцам, когда они просили нашей помощи или покровительства? Отвечайте.

— Зачем отец мой притворяется, будто не знает истинных причин войны и наших претензий к бледнолицым, — ответил апачский начальник, сделав вид, будто недоволен словами майора. — Отец мой знает, что мы несколько веков постоянно ведем войну с длинными ножами*, которые живут по другую сторону гор. Для чего народ моего отца, который, как он говорит, питает к нам дружбу, вступил с ними в союз?

— Начальник, вы выдвигаете для ссоры с нами совершенно ничтожный довод. Я предпочел бы, чтобы вы откровенно признались, что желаете увести наш скот и наших лошадей, вместо того, чтобы ссылаться на такой ничтожный предлог. Итак, начальник, доставьте мне удовольствие, перестаньте насмехаться надо мною и приступите к делу: чего вы хотите?

* Имеются в виду жители Соединенных Штатов.

Начальник разразился громким смехом:

— Отец мой лукав, — сказал он. — Слушайте, вот что говорят начальники. Земля эта наша, и мы хотим ее вернуть себе. Белые предки моего отца не имели права на ней селиться.

— Это тоже всего лишь предлог, потому что мои предки купили эту землю у начальника вашего народа, — сказал майор.

— Начальники, собравшиеся вокруг дерева Властелина жизни, решили возвратить великому начальнику бледнолицых все до единой вещи, отданные этому начальнику взамен земли, и взять назад принадлежащую им страну, в которой они не хотят больше видеть бледнолицых.

— Это все, что вам поручено мне сказать?

— Все, — сказал индеец, поклонившись.

— А сколько времени начальники дают коменданту обдумать эти предложения?

— Двадцать четыре часа.

— Очень хорошо. А если комендант откажется принять это условие, что сделают мои братья?

— Индейские начальники решили взять назад свою землю. Если бледнолицые откажутся ее возвратить, их деревня будет сожжена, воины преданы смерти, жены и дети уведены в рабство.

— Белые из президио скорее погибнут, чем согласятся на ваши условия, но я не должен рассуждать здесь с вами, я передам ваши требования коменданту, и завтра на восходе солнца вы получите наш ответ. Только прекратите враждебные действия до той поры.

— Мы не можем оставаться в бездействии.

— Благодарю за откровенность, начальник. Я рад, что встретил индейца из числа отпетых мошенников. До завтра.

— До завтра! — вежливо ответили начальники, пораженные благородством старого офицера.

Майор медленно удалился, не обнаруживая ни малейшего страха перед коварством индейцев.

Полковник ждал возвращения майора с величайшим беспокойством: затянувшаяся беседа майора с индейскими парламентариями чрезвычайно беспокоила его. Он был готов принять ответные меры за оскорбления, которым мог подвергнуться его посланник.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил он, как только появился майор.

— Они стараются выиграть время, чтобы сыграть с нами какую-нибудь чертовскую шутку.

— Чего же требуют, однако?

— Притязания их нелепы, и они это знают. Выдвигая их, они словно насмехались надо мною. Они утверждают, будто сахемы, двести лет тому назад уступившие эти земли испанцам, не имели на это права. Они требуют, чтобы мы эти земли возвратили через двадцать четыре часа. В противном случае... их обычные угрозы... Ах, да — прибавил майор, — я забыл вам сказать, полковник. Они готовы возвратить все, что сахемы получили за продажу этой земли. Вот и все, что мне поручено вам передать.

— Это безумные демоны, или они стараются усыпить нашу бдительность.

— Что вы намерены делать? — спросил майор.

— Усилить бдительность, друг мой, потому что, кажется, совсем скоро нам предстоит сразиться с ними. Особенно беспокоит меня старый президио.

— Вернитесь в крепость, а я останусь здесь на передовых рубежах. Особенно важно, чтобы ни в коем случае не прерывалась наша связь с крепостью и чтобы в крайнем случае мы могли отступить без больших потерь.

— Предоставлю вам свободу действий, любезный майор. Я уверен, что вы справитесь со своими обязанностями наилучшим образом.

Старые солдаты расстались, горячо пожав друг другу руки. Полковник вернулся в крепость, а майор деятельно занялся приведением вверенного ему участка в боевую готовность.

Гарнизон старого президио состоял по большей части из вакеров и леперов, на верность которых, надо сказать, рассчитывать не приходилось. Но старый офицер держал терзавшие его опасения при себе и делал вид, что питает к этой публике полнейшее доверие.

День прошел довольно спокойно. Зарывшиеся словно кроты в окопы, индейцы как будто бы и не собирались выходить оттуда. Часовые в президио бдительно несли службу у оборонительных сооружений на подступах к нему. Майор надеялся, что индейцы не предпримут вылазки до срока, назначенного ими для ответа коменданта, и,

утомленный, удалился немного отдохнуть в ближайшее помещение.

Среди защитников передовых позиций находились наши старые знакомые: Паблито, Тонилю и Карлочо. Достойные вакры засвидетельствовали в связи с появлением индейцев такие неопровержимые доказательства своей верности, что, по их просьбе и в знак полного доверия к ним, майор возложил на них охрану передовой позиции, которая, так сказать, служила воротами в президио.

Через несколько минут после заката солнца четверо вакров собрались на тайный совет. Человек двенадцать их сообщников стояли чуть поодаль от них, очевидно, ожидая результатов тайного совета.

— Итак, — сказал Карлочо, заключая разговор, — это решено, в десять часов.

— В десять часов, — решительно подтвердил Сапоте. — Человек должен держать слово. Нам щедро заплатили, мы должны исполнить взятые на себя обязательства, тем более что получили только половину.

— Да, да, — дружно подхватили остальные, — потратить такие деньги было бы безумием.

— Еще бы! — воскликнул Сапоте. — Подумать только — двадцать пять унций каждому!

Глаза разбойников засверкали алчностью.

Между тем майор, растянувшись на диване, едва забылся тревожным сном, как вдруг был разбужен чьим-то прерывающимся от волнения голосом, прошептавшим ему на ухо:

— Вставайте, майор, вставайте! Вакры предали нас, вакры сдали оборонительный рубеж индейцам. Они уже в президио.

Майор вскочил, схватил шпагу и выбежал в сопровождении человека, так внезапно его разбудившего. Это был не кто иной, как мексиканский солдат.

Майор с первого взгляда оценил обстановку. Сапоте и его сообщники не только сдали рубеж индейцам, но даже присоединились к ним вместе с теми негодяями, о которых мы упоминали выше.

Положение становилось критическим. Мексиканцы, обескураженные постыдной изменой вакров, сражались вяло и беспорядочно, не будучи уверенными, что не последуют новые измены и потому не зная, как лучше себя повести.

Апачи и вакеры с воинственными кличами бросались на растерявшихся защитников президио, безжалостно их истребляя.

Страшное зрелище являла собой битва при свете пламени пожара, зажженного индейцами. Вопли апачей сливались со стонами и криками отчаяния мексиканцев.

Майор решительно бросился в гущу битвы, подавая воинам и жителям президио пример отчаянного сопротивления.

Появление майора произвело магическое действие на мексиканцев. Воодушевленные его примером, они сплотились вокруг него и отвечали меткими ружейными выстрелами на атаку индейцев.

Вакеры под натиском штыков постыдно обратились в бегство, преследуемые градом пуль.

Благодаря энергичным действиям майора Барнума битва возобновилась, но майор был слишком опытный солдат, чтобы обманываться ложным успехом. Он понял, что защищать далее подступы к старому президио было бы безрассудством, поэтому он счел более благоразумным организовать отступление, чтобы уберечь женщин и детей.

Собрав самых отважных и надежных солдат, он составил из них отряд, которому поручил сдерживать наступление индейцев, пока все остальные переправятся через реку, отделявшую старый президио от нового.

Апачи разгадали его замысел и удвоили атаки, схватка приняла жестокий характер. Белые с краснокожими сражались грудь с грудью, одни во имя спасения своих семей, другие в надежде на богатую добычу.

Но мексиканцы, вдохновленные мужеством своего командира, отступая, продолжали сражаться с такой отчаянной храбростью, которая рождает чудеса и в чрезвычайных обстоятельствах способна удесятерять силы человека. Эта горстка храбрецов, насчитывающая полторы сотни человек, в течение трех часов сдерживала натиск двух тысяч индейцев, жертвуя жизнью ради спасения жен и детей.

Наконец последние лодки с ранеными покинули старый президио. Мексиканцы под командованием майора начали постепенно отходить к реке, мужественно отражая атаки индейцев.

Вскоре мексиканцы добрались до берега реки и поспешно сели в ожидавшие их там лодки, кстати, захватив

с собой несколько пленных. И тотчас же с другого берега на индейцев обрушилась картечь из нескольких пушек, что помогла оставшимся в живых мужественным мексиканцам во главе с майором благополучно достигнуть нового президио.

Продолжавшаяся пять часов битва завершилась. Индейцы одержали победу исключительно благодаря измене вакеров.

Полковник встретил своего друга на берегу. Он поздравил его с храброй обороной и утешал, что в конечном итоге может и поражение считаться победой, учитывая громадные потери, нанесенные неприятелю.

Потом, не теряя времени, полковник и майор занялись укреплением президио, приказав оборудовать надежные окопы вдоль берега на подступах к новому президио и установить две батареи по шесть пушек каждая для ведения перекрестного огня.

Взятие старого президио индейцами, случившееся вследствие измены вакеров, было огромным уроном для мексиканцев, поскольку прерывалось всякое сообщение с многочисленными ачиендами, находившимися на захваченном индейцами берегу. К счастью, предвидя подобный исход, почти неизбежный при подобной малочисленности сил, которыми располагал полковник, он приказал собраться в верхнем Сан-Лукаре вместе с пожитками, скотом и лошадьми всему населению старого президио. Лодки все были причалены под батареями крепости, где они находились в безопасности, по крайней мере, на время.

Индейцы овладели старым президио, но этот успех стоил им громадных потерь, невозполняемых выгодами. Мексиканцы, в сущности, лишились только небольшой территории, занятой старым президио, который трудно было защищать, поскольку, отдаленный рекой, он был почти абсолютно не связан с крепостью. Поэтому результат сражения для обеих сторон был далек от предполагаемого.

Мексиканцы были счастливы, что им не придется более защищать старый президио, не представляющий для них ценности и стоивший столько крови, между тем апачи считали бессмысленным это приобретение ценою жизни пятисот самых храбрых воинов.

Мексиканцы взяли в плен двоих вакеров.

Полковник собрал военный совет, на котором было ре-

шено поставить две высокие виселицы в тыльной стороне окопов и повесить этих предателей на виду у их сообщников на противоположной стороне реки, в бессильной ярости наблюдавших эту казнь.

Дон Хозе Калбрис отнюдь не был жестоким, но в тех обстоятельствах счел необходимым сурово наказать изменников, дабы другим было неповадно поступать столь неподобающим образом. К каждой виселице была прибита табличка, гласившая, что подобная участь ждет каждого из предателей, которые попадутся в руки мексиканских воинов.

Между тем, наступила ночь, и индейцы, видимо, для устрашения белых, подожгли старый президио. Отсветы яркого пламени придавали лагерю индейцев фантастический вид, повергая жителей Сан-Лукара в печаль и оцепенение, они с ужасом думали о вторжении индейцев.

Полковник казался несгибаемым, он не отдыхал ни минуты, постоянно появлялся то тут, то там, изыскивая новые и новые способы усилить защиту города.

Оба офицера вернулись наконец в крепость после последнего обхода. Близился рассвет, и индейцы после двух-трех неудачных попыток внезапно напасть на президио, наконец удалились в свой лагерь.

— Как вы видите, майор, — сказал полковник, — нам нечего обманывать друг друга. Сейчас это только вопрос времени. Произойдет это завтра или через неделю, этого никто сказать не может, хотя результат ясен.

— Гм, когда наступит эта минута, — сказал майор, — у нас всегда останется возможность запереться в крепости и послать ее ко всем чертям вместе с нами.

— К сожалению, друг мой, мы лишены такой возможности.

— Как это?

— Мы, старые солдаты, можем взлететь на воздух и даже должны, но не имеем права обрекать на такую жестокую смерть женщин и детей.

— Да, вы правы, — задумчиво проговорил майор, — не можем. Но у меня всегда останется возможность всадить себе пулю в лоб.

— Даже и этого последнего утешения вам не дано, друг мой. Мы должны подавать пример находящимся здесь людям, которых мы обязаны защищать до конца. Мы обязаны оставаться на посту до последнего вздоха.

Майор не ответил, но нашел довод своего друга и начальника вполне убедительным.

— Но почему же до сих пор мы не получили ответа из столицы? — продолжал он после короткого раздумья.

— Э, друг мой, у них, верно, есть много своих дел, некогда думать о нас.

— О, я не могу в это поверить.

В эту минуту вестовой появился и доложил:

— Дон Торрибио Квируга.

Оба непроизвольно вздрогнули, хотя не смогли бы объяснить причины их внезапного беспокойства.

Дон Торрибио Квируга был в великолепном мундире полковника мексиканской армии, на левом рукаве у него была адъютантская лента. Он почтительно поклонился обоим офицерам.

— Вы ли это, дон Торрибио? — прошептал полковник.

— Полагаю, что так, — ответил дон Торрибио, улыбаясь.

— Последний раз, когда я вас видел, вы отправлялись в продолжительное путешествие.

— Я вернулся сию минуту.

— Но этот мундир?

— Боже мой! Господа, мне надоело слыть в провинции ничтожным существом, чем-то вроде бездарного дурака, поэтому я решил больше ничем не привлекать внимания и стать таким, как все.

— Итак, кем же вы стали? — спросил дон Хозе.

— Я такой же офицер, как и вы, так же, как и вы — полковник и, сверх того, — адъютант генерал-губернатора.

— Чудеса! — воскликнул полковник.

— Почему же? Напротив, ничего не может быть проще.

Майор не вмешивался в разговор. При неожиданном появлении дон Торрибио странное предчувствие сковало его сердце.

— Признаюсь вам, — продолжал полковник, — я вовсе не предполагал...

— Чего? Что я офицер? Как видите, вы были не правы, и тем более не правы, что генерал-губернатор дал мне к вам поручение, которое, я уверен, в эту минуту окажется весьма кстати.

Он вынул из кармана мундира большой пакет, запечатанный гербовой печатью, и подал его полковнику.

Дон Хозе поспешно взял конверт.

— Вы позволите?

— Сделайте одолжение.

Комендант распечатал конверт и жадно впился глазами в бумагу.

— О-о! — воскликнул он с радостью. — Четыреста пятьдесят человек! Я не рассчитывал на такое значительное подкрепление.

— Генерал очень дорожит этим президио, — сказал дон Торрибио. — Он пойдет на любые жертвы, чтобы сохранить его.

— Ей-Богу, дон Торрибио, при такой поддержке я в пух и прах разобью индейцев.

— Кажется, я вовремя поспел. — сказал дон Торрибио с лукавой улыбкой.

— Действительно вовремя, вот теперь мы позабавимся.

— Я думаю! — сказал молодой человек, на губах которого мелькнула какая-то странная улыбка.

— А где же солдаты? — спросил полковник.

— Прибудут через час.

— К какому корпусу они приписаны?

— Ни к какому конкретно, это гвердльасы.

— Гм! Я предпочел бы других солдат, — сказал полковник. — Ну да ладно, если вы хотите, мы пойдем их встретить.

— Я к вашим услугам, полковник.

— Ехать мне с вами? — спросил майор.

— Весьма желательно, — отозвался дон Торрибио.

Полковник секунду колебался.

— Нет, — сказал он наконец, — оставайтесь здесь. Неизвестно, что может произойти в мое отсутствие, кто-нибудь должен меня заменить. Пойдемте, дон Торрибио.

Майор опять с удовольствием опустился на диван. Полковник и дон Торрибио вышли.

В ту минуту, когда они садились на лошадей, прискакал на взмыленной лошади всадник.

— Эстебан Диас, — прошептал дон Торрибио. — Только бы он меня не узнал.

Гнусность

Как мы рассказывали ранее, дон Торрибио поспешно покинул ачиенду дель-Кормильо вместе с таинственным незнакомцем, с которым он встретился позже при таких странных обстоятельствах.

Ехали они недолго, и вскоре незнакомец остановил лошадь и резким тоном сказал:

— Нечего везти вас далеко, прежде чем узнаю, чего от вас можно ожидать.

Дон Торрибио тоже остановился.

— Кажется, вы что-то путаете, кабальеро, — ответил он сухо.

— Каким это образом, позвольте спросить, сеньор? — сказал тот насмешливым тоном.

— Я сейчас расставлю все по своим местам.

— Посмотрим, я вас слушаю.

— Во-первых, — продолжал дон Торрибио твердым тоном, — позвольте мне дать вам совет.

— Совет всегда полезно послушать. Если ваш совет хорош, будьте уверены, я им воспользуюсь.

— И правильно сделаете. Знаете вы меня или нет, но запомните как следует, что меня напугать нелегко, и так как очень может быть, что с целью, мне неизвестной, вы заманили меня в западню, я предупреждаю вас, что при малейшем подозрительном движении, не вникая в то, кто вы и какие у вас намерения, я, не колеблясь, прострелю вам голову!

— Хорошо, вы именно такой человек, какие мне нравятся, мы пойдем друг друга.

— Возможно. Но так как не я вас отыскал и несколько

не нуждаюсь в вашей помощи, то требую прежде всего, чтобы вы объяснились ясно, без околичностей и обиняков.

Незнакомец пожал плечами.

— Недостаточно ли вам будет знать, что я могу помочь осуществлению замышляемой вами мести?

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — надменно улыбнулся дон Торрибио.

— А! Так-то вы отвечаете на мое предложение! — зловеще усмехнулся незнакомец.

— Иначе какой же смысл мне отвечать? Какое право вы имеете на мое доверие? По какому праву пытаетесь выводить у меня тайну, существование которой вам неизвестно?

— Потому что ваш враг и мой враг. Мстя за вас, я мщу за себя. Теперь понимаете?

— Не более чем прежде. Если вам больше нечего мне сказать, давайте прекратим этот бесполезный разговор и расстанемся.

Незнакомец жестом выразил нетерпение, он не ожидал такого оборота.

— Минуточку, дон Торрибио Квируга, — сказал он, — человек, которого вы ненавидите и хотите лишить жизни, зовется дон Фернандо Карриль. Человек, который с некоторых пор постоянно заступает вам путь, расстраивает все ваши планы и надежды, во всем одерживает над вами верх и даже жизнь ваша принадлежит ему, он похитил у вас сердце вашей возлюбленной. Ну как, достаточно мне известно о вас? Вы по-прежнему не питаете доверия ко мне?

Дон Торрибио слушал незнакомца со смешанным чувством тоски и гнева.

— Да, — сказал он, злобно сжимая кулаки, — да, вы хорошо знаете все. Мне все равно, где вы добыли эти сведения, они правдивы. Этот человек — мой злой гений, он постоянно встает на моем пути и как бы ненароком расстраивает самые сокровенные надежды. О! Ради того, чтобы отомстить ему, чтобы повергнуть его в отчаяние и подчинить моей власти, я готов пожертвовать моим состоянием.

— Я знал, что мы пойдем друг друга.

— Не насмехайтесь, сеньор, горе мое безмерно. Я все простил бы этому человеку — его дерзкое везение, его успехи в свете, богатство, к которому он совершенно равно-

душен, я все простил бы ему, говорю вам, если бы он не разрушил самой драгоценной моей надежды, похитив у меня сердце той, которую я люблю. И хотя никакие конкретные факты не подтверждают моих подозрений, сегодня вечером я окончательно убедился, что прав в своих предчувствиях, сердце влюбленного не обманывает, ревность делает проницательным. Едва дон Фернандо появился в гостиной дона Педро де Луна, я точас же угадал в нем соперника, и соперника удачливого.

— Если вы захотите, я отомщу за вас дону Фернандо, и донна Гермоза будет вашей.

— Вы это сделаете? — радостно воскликнул молодой человек.

— Сделаю, — твердо заявил незнакомец. — Через два дня вы отомстите им обоим. Это целиком зависит от вашей воли.

— О! Если так, я сделаю для вас все, что будет в моих силах.

— В таком случае, дон Торрибио, мы заключаем договор, условия которого вы должны соблюсти во что бы то ни стало.

— Я исполню любые условия, обещаю, если вы обещаете отомстить им обоим.

— Договорились, поклянитесь мне всеми святыми, что вы ни при каких обстоятельствах никому не расскажете о нашем договоре.

— Клянусь честью дворянина, сеньор. Можете на меня положиться.

— Вы спрашивали, кто я? Я Тигровая Кошка.

Дон Торрибио невольно вздрогнул, услышав это страшное имя, но тотчас взял себя в руки.

— Я рад. Это имя служит надежной гарантией нашему договору.

— Не правда ли? Моя репутация сложилась давно. Теперь я требую от вас, чтобы вы тщательно взвесили, что я вам скажу, прежде чем дать окончательный ответ, потому что, повторяю, вам придется выполнить все обязательства, которые вы на себя примите.

— Говорите! Разве я не сказал вам, что жажду мщения?

— Слушайте же и помните вашу клятву. Я замышляю грандиозный поход на Сан-Лукар, которым я хочу овладеть во что бы то ни стало. Для этой цели я вступил в со-

юз с несколькими племенами апачей и множеством ваке-
ров, которые приведены в боевую готовность и ждут толь-
ко моего сигнала, чтобы ринуться подобно тиграм на этот
президио, ломящийся от сокровищ. Деятельный и умный
союзник, на которого я рассчитывал в осуществлении это-
го смелого замысла, в последнюю минуту покинул меня.
Этого союзника можете заменить только вы. Согласны?

— Вы предлагаете мне совершить предательство?! —
воскликнул дон Торрибио, внутренне содрогнувшись.

— Нет, — ответил Тигровая Кошка выразительно. —
Мсть! Мсть, которая сокрушит всех наших врагов и тех,
которые рукоплескали их успехам и предавали осмеянию
каждое наше поражение.

— Как! Я, дон Торрибио Квируга, принадлежащий к
одной из самых старинных фамилий в этом краю, вступа-
ю в сговор с...

Он вдруг умолк в нерешительности. Тигровая Кошка
презрительно ухмылялся.

— С разбойниками и с краснокожими, чтобы вести
войну с вашими соотечественниками, — сказал он. — По-
чему вы не решаетесь произнести эти слова? Я берусь
отомстить вашим соотечественникам, ставшим вашими
врагами, потому что они вступили в союз с вашим про-
тивником. Вы вступаете в поединок, чтобы поразить про-
тивника, и для этого годятся любые цели. Впрочем, я
изложил свои условия, и ничего в них не изменю. Даю
вам сутки на размышление.

Наступило продолжительное молчание. Стояла непрог-
лядная ночь. Ветер печально завывал в гуще деревьев,
будоража слух какими-то неведомыми звуками.

Наконец дон Торрибио заговорил глухим голосом:

— Вы даете мне сутки, а я у вас прошу вдвое больше,
чтобы обдумать свое решение. Я хочу предпринять еще
одну попытку объяснить с той, на которой я хочу же-
ниться. Вы видите, я совершенно откровенен с вами.

— Хорошо, — согласился Тигровая Кошка. — Ваше
участие будет более деятельным, а воля тверже, когда
рухнет ваша последняя надежда. Я, со своей стороны, то-
же приму кое-какие меры.

— Благодарю. Где я смогу вас найти, чтобы сообщить
о своем решении?

— Я буду вас ждать у дель-Фрейле.

— Хорошо. Дай Бог, — прибавил дон Торрибио со

вздохом, — чтобы роковая судьба оказалась ко мне милосердной.

Тигровая Кошка усмехнулся, пожав плечами, и, не говоря ни слова, умчался прочь.

Мы рассказали выше об инциденте в лагере Тигровой Кошки во время его отсутствия.

Действия колдуна в ту ночь, когда Тигровая Кошка покинул лагерь и отправился с Каменным Сердцем, не имели успеха, на который он рассчитывал. Неожиданного возвращения Тигровой Кошки было достаточно, чтобы восстановился порядок среди апачей, беспрекословно ему повиновавшихся на протяжении долгих лет.

Тигровой Кошке не нужно было самолично учинять расправу над колдуном, эту заботу взял на себя Гриф, и казнь отступника возымела прекрасное действие на диких и суровых индейцев, признававших только грубую силу.

Однако Тигровая Кошка хотел оправдать преданность краснокожих, и хотя еще не были закончены все приготовления и дело осложнялось отказом Каменного Сердца действовать с ним заодно, он решил немедленно предпринять задуманную им акцию, даже рискуя неудачей. Вот почему он задумал для этой цели использовать доня Торрибио, высокое положение которого было для него чрезвычайно выгодно. Он собрал всех индейцев, которые только были способны носить оружие, перешел реку дель-Норте и повел свои хищные полчища на Сан-Лукар, считая, подобно урагану, все на своем пути. После них оставалась выжженная пустыня.

Дон Торрибио Квируга первым узнал о вторжении индейцев в старый президио. Известие это вызвало в нем двойственное чувство печали и радости. Он понимал, что своими стремительными действиями Тигровая Кошка хотел доказать ему приверженность их договоренности.

Дон Торрибио, пребывавший во власти противоречивых чувств, решил, наконец, положить конец сомнениям и со всей определенностью выяснить отношение к нему со стороны донны Гермозы. В девять часов утра он сел на лошадь и, невзирая на опасность, незаметно покинул Сан-Лукар и во весь опор помчался в ачиенду дель-Кормильо.

Вскоре ему все чаще и чаще стали преграждать путь горы трупов. Но дон Торрибио был слишком одержим желанием как можно скорее попасть в Кормильо, чтобы придавать значение этому зловещему зрелищу.

Он равнодушно взирал на трупы и ускорял бег лошади. Как ни странно, ачиенда была цела и невредима, индейцы почему-то не тронули ее. Однако дон Торрибио заметил, что ворота и окна были наглухо закрыты, вход в ачиенду забаррикодирован, а над стенами, поблескивая на солнце, торчали многочисленные штыки винтовок.

Часовые, поставленные у главного входа, пропустили дона Торрибио, предварительно осведомившись, кто он и с какой целью пожаловал.

Доложив хозяину о визитере, пеон проводил его в гостиную. Там находились трое: дон Педро де Луна, донна Мануэла и дон Эстебан, бледный, со следами ранений, лежавший на кушетке. Мать его сидела рядом, оберегая его покой с той нежной заботливостью, которая присуща только матерям.

Дон Торрибио сделал несколько шагов, обескураженный тем, что его появление словно осталось незамеченным.

Наконец дон Педро поднял глаза и, устремив на него холодный взгляд, сказал:

— А! Это вы? По какому это случаю явились вы сюда сегодня?

— Если бы не было других причин, — ответил молодой человек, смущенный столь нелюбезным приемом, — в любом случае добрые чувства к вашему семейству заставили бы меня прискакать сюда в нынешней ситуации.

— Благодарю вас за проявление сочувствия, — продолжал дон Педро так же холодно, — но вы должны были догадаться, что мы надежно защищены стенами Кормильо и не подвергаемся риску быть убитыми на дороге, как это чуть было не случилось с бедным Эстебаном.

— На него напали? — живо поинтересовался дон Торрибио.

— Да, — сухо ответил дон Педро, — на него и на другого человека, которому не посчастливилось, и, вероятно, теперь он уже мертв. Разве вы этого не знали?

— Я! — искренне удивился дон Торрибио. — Откуда же мне было это знать?

— Извините, я так взволнован случившимся, что сам не знаю, что говорю.

Молодой человек поклонился и продолжал:

— Разве я не буду иметь счастья засвидетельствовать уважение моей очаровательной кухне?

— Вы ее извините, она ушла в свою комнату. Бедняжка так расстроена ужасными событиями, обрушившимися на нас, что не может видеть никого, даже вас.

— Мне тем более это неприятно, что я желал бы иметь с нею разговор об одном очень важном предмете.

— Тем хуже, тем хуже! Согласитесь, что вы неудачно выбрали время для разговора о делах, когда индейцы опустошают поля и сжигают жилища.

— Да, ваше замечание справедливо. К сожалению, я поставлен в такие странные обстоятельства, что если вы позволите мне настаивать...

— Это бесполезно, дон Торрибио, — прервал его дон Педро еще более холодным тоном. — Я имел честь вам сказать, что дочь моя не может иметь удовольствия видаться с вами.

— Извините, в таком случае, за мой несвоевременный визит. Может быть, в другой раз я окажусь более удачливым.

— Хорошо, в другой раз, когда мы избавимся от этих проклятых язычников и нам не будет грозить смерть.

— А теперь, — продолжал молодой человек с плохо скрываемой досадой, — поскольку, вероятно, по рассеянности, вы не предложили мне сесть, мне остается только пожелать вам благополучия и откланяться.

Дон Педро сделал вид, что не заметил неудовольствия и раздражения молодого человека.

— Прощайте, дон Торрибио, благополучного пути. Будьте особенно осторожны, дороги кишат разбойниками. Я был бы в отчаянии, если бы с вами, не дай Бог, случилось несчастье.

— Я последую вашему совету, за который весьма вам признателен, — ответил молодой человек и повернулся, чтобы уйти.

В эту минуту дон Эстебан, который, как могло показаться со стороны, спал, открыл глаза и заметил дону Торрибио.

Огонь мелькнул в его глазах.

— Матушка, — сказал он слабым голосом, — и вы, дон Педро, оставьте меня на минуту с этим господином, которому я должен кое-что сказать наедине.

— Мне, сеньор? — спросил дон Торрибио полунадменным, полупрезрительным тоном.

— Вам, сеньор дон Торрибио Квируга, — ответил раненый, голос которого от охватившего его возбуждения звучал твердо.

— Ты слаб, сын мой, — сказала донна Мануэла, — чтобы разговаривать с кем бы то ни было.

— Может быть, благоразумнее подождать несколько дней, друг мой? — поддержал ее дон Педро.

— Нет, — возразил дон Эстеван, — я должен говорить сегодня, сию минуту.

— Поступай, как хочешь, упрямец, — примирительно сказала донна Мануэла, — мы будем в соседней комнате, чтобы быть здесь по первому твоему зову.

Они вышли.

Дон Эстеван подождал, пока закрылась дверь в соседнюю комнату, и потом, обернувшись к дону Торрибио, все так же неподвижно стоявшему посреди комнаты, сказал:

— Подойдите, сеньор, поближе, чтобы вы могли хорошенько расслышать то, что я вам скажу.

— Я слушаю вас, сеньор.

— Предупреждаю вас, что я сорвал маску с одного разбойника, которые на нас напали, и узнал его.

— Я вас не понимаю, сеньор, — ответил дон Торрибио.

— Ах, вот оно что, вы меня не понимаете, сеньор! Я знал, что вы ответите именно так. Конечно, вы не знаете даже имени человека, который ехал со мною и на которого вакеры обрушились с жестокой яростью.

— Я и в самом деле не знаю, — ответил дон Торрибио бесстрастным тоном.

— Тогда знайте же, что это был дон Фернандо Кариль, — сказал дон Эстеван, пронзая дону Торрибио ироничным взглядом.

— Дон Фернандо убит? — дон Торрибио не мог скрыть своего удивления.

Дон Эстеван презрительно улыбнулся и угрожающим тоном добавил:

— Послушайте, если дон Фернандо не будет доставлен в эту ачиенду через двадцать четыре часа, я открыто скажу дону Педро и его дочери имя его убийцы. На этот раз вы меня поняли, не так ли?

Физическое усилие вызвало слабость, и дон Эстеван почти без чувств опустился на кушетку. Дон Торрибио пребывал в растерянности от услышанного, но почти тотчас же взял себя в руки и поспешил прочь.

— Тигровая Кошка прав, — бормотал он, — мне не остается ничего иного, как отправиться к дель-Фрэйле.

Пленник

Теперь нам предстоит рассказать читателю, что произошло с доном Фернандо после того, как он оказался в ловушке и был тяжело ранен.

Как только шпага выпала из его ослабевшей руки и он беспомощно повалился на землю, разбойники в масках, прежде взиравшие на него с опаской — его тонкая шпага, пронзившая насмерть их четверых сообщников, внушала им неопиcуемый страх,— теперь дружно кинулись к нему.

Дон Фернандо Карриль лежал на спине, не подавая признаков жизни. Смертельная бледность разлилась по его благородному лицу, обильная кровь текла из ран, покрывавших его тело.

— Здорово мы его отделади, — заметил один из разбойников, внимательно оглядев дона Фернандо. — Как к этому отнесется хозяин?

— А что может сказать хозяин? — отозвался другой разбойник. — Он же сам виноват. Надо было сдаться добровольно и был бы целехонек. Да и мы потеряли четырех человек.

— Я предпочел бы, чтобы он убил шестерых, только не находился бы в таком плачевном состоянии.

— Черт побери! Что вы такое говорите?

— Ладно, ладно. Помогите мне перевязать ему раны и прочь отсюда. Здесь нам не годится оставаться. К тому же нас ждут. Быстрее!

Не рассуждая больше, разбойники повиновались приказаниям Карлочо. Раны пленника были перевязаны, после чего он был брошен на лошадь предводителя отряда,

и уцелевшие в схватке разбойники пустились в галоп, покинув тела погибших товарищей на растерзание хищникам.

После бешеной скачки, продолжавшейся около двух часов, они достигли заброшенного ранчо.

Там их ждали с нетерпением два человека: дон Торрибио и Тигровая Кошка.

— Ну? — крикнул последний.

— Все в порядке! — кратко отвечал Карлочо, слезая с лошади. Он поднял на руки Фернандо и отнес на ложе из листьев.

Дон Фернандо не обнаруживал признаков жизни.

— Он мертв? — спросил Тигровая Кошка.

Карлочо покачал головой.

— Чуть жив.

— Негодяй! — гневно вскричал Тигровая Кошка. — Так-то вы исполняете мои приказания? Разве я не приказывал вам взять его живым?

Карлочо пожал плечами:

— Гм! Хотелось бы мне посмотреть, как бы сделали это вы. Он же настоящий демон с тонкой парадной шпагой, более двадцати минут отражал наши атаки, уложив четверых наших храбрых товарищей.

Тигровая Кошка презрительно усмехнулся.

— Вы трусы!

Он подошел к дону Фернандо. Дон Торрибио тотчас же оказался рядом.

— Он мертв? — спросил Тигровая Кошка.

— Нет, — ответил дон Торрибио, — но жизнь едва теплится в нем.

— Тем хуже, — пробормотал Тигровая Кошка. — Я отдал бы многое, чтобы он остался жив.

Дон Торрибио с удивлением взглянул на него.

— Какое нам дело до жизни этого человека, он же ваш враг?

— Вот потому я и не хотел, чтобы он умер.

— Я вас не понимаю.

— Я посвятил свою жизнь осуществлению одной идеи, стало быть, не принадлежу себе. Во имя идеи я обязан жертвовать моей ненавистью и моей дружбой.

— В какой-то степени я вас понимаю. Зачем же тогда вы устроили ловушку этому человеку? Вы же сами говорили, что он изменник?

Тигровая Кошка горько усмехнулся.

— Как странно, что часто о людях дурно судят даже те, кто их хорошо знает. Ну и что, если этот человек изменник? Держа его в плену, но отнюдь не угрожая его жизни, я добивался бы поставленной цели. Когда же я вступил в союз с вами, я счел полезным поддержать его в плену несколько дней, чтобы не позволить ему действовать против вас и помешать вашему браку с донной Гермозой. А потом я возвратил бы ему свободу.

— К сожалению, теперь уже поздно, сделанного не веротишь. Смерть этого человека, убитого так вероломно, более пагубно, чем вы предполагаете, скажется на ваших планах.

— Пусть же кровь его падет на вашу голову, потому что вы велели совершить это убийство!

— Я! Полноте, вы с ума сошли! — воскликнул дон Торрибио.

Тигровая Кошка вытаращил глаза на своего союзника и принялся насвистывать мексиканскую сегидилью.

Очевидно, этот человек, который находил удовольствие только в убийстве, не понял ни слова из того, что сказал ему дон Торрибио.

— Подумаешь! — сказал он. — Что за беда! Одним больше или одним меньше!

Он наклонился над доном Фернандо, тщательно вглядываясь в его черты. Тот пребывал в неподвижной позе с печатью смерти на лице. Три вакера беспрестанно массируют ему виски и грудь.

Тигровая Кошка вытащил из-за пояса нож и поднес его лезвие ко рту дона Фернандо, поддержал его минуты две. Лезвие слегка потускнело. Тогда он схватил его левую руку, закатал рукав и, нащупав вену, проткнул ее тонким лезвием ножа.

Все присутствующие замерли в ожидании. Это был последний способ, с помощью которого можно было попытаться вернуть дона Фернандо к жизни.

Вакеры по-прежнему терли виски.

Из вены в том месте, где ее проткнул Тигровая Кошка, выступил темный сгусток крови и медленно покатился по руке. Капля за каплей выступали наружу, с каждым разом все более яркие, и наконец кровь брызнула ключом.

Тигровая Кошка не мог удержаться от торжественного возгласа. Дон Фернандо был спасен.

Через некоторое время дон Фернандо сделал едва приметное движение и глубоко вздохнул. Тигровая Кошка перевязал руку дону Фернандо, знаком приказал Паблито следовать за ним, а дон Торрибио попросил подождать его здесь.

Не дожидаясь, когда вакер задаст ему вопрос, висевший у него на кончике языка, Тигровая Кошка, с трудом сдерживая волнение, спросил:

— Вы видите, что случилось?

— Э! Конечно, вы, кажется, хотели этого сами? — удивился Паблито.

— Да, я сам этого хотел и благодарю Бога, услышавшего мою молитву и избавившего меня от гнусного преступления.

— Если вы довольны, тогда все в порядке.

— Но теперь речь пойдет о другом. Только помните, дон Торрибио не должен ничего знать. Для всех, особенно для этого человека, дон Фернандо должен умереть.

— Я, кажется, понимаю вас.

— Раны дона Фернандо, хотя их много, не опасны. Потеря крови и быстрота, с которой его везли сюда, вызвали летаргию, из которой он скоро выйдет.

— Так-так, что же я должен тогда делать?

— Прежде всего, он не должен меня видеть.

— Ну, это не составит труда.

— Он и вас не должен узнать.

— Гм! Это трудно, он же меня знает.

— Тем не менее это необходимо!

— Постараемся!

— Вот что вы должны сделать...

— Слушаю.

— Я сейчас вас покину. Мое присутствие требуется в другом месте, а вы велите отвезти дону Фернандо в президио так, чтобы он не знал, кто его везет.

— В президио? — удивился Паблито.

— Да, это самое надежное место, — сказал Тигровая Кошка, вынимая бумагу, сложенную особым образом. — Вы отвезете его ко мне. Он ни под каким видом не должен выходить. Главное, он не должен знать, что находится в президио.

— Это все?

— Да, только помните, что вы отвечаете мне за него головой.

— Слушаюсь. По вашему требованию я доставлю его к вам мертвого или живого.

— Живого. Жизнь его мне очень дорога.

— Постараюсь.

— Паблито, будьте откровенны со мной. Могу я положить на вас или нет?

— Если вы уж так дорожите такой ерундой, будьте спокойны, я ручаюсь вам за вашего пленника.

— Прощайте и благодарю, — сказал Тигровая Кошка, — главное, помните, что сегодня вечером вы должны доложить мне в присутствии дона Торрибио о смерти его врага.

— Положитесь в этом на меня.

— Нет-нет, — пробормотал Тигровая Кошка. — Я не хочу, чтобы он умер. Он необходим мне для осуществления мести.

И он поспешил к дону Торрибио, с нетерпением поджидавшего его возвращения.

Оба не говорили ни слова. Они сели на великолепных мустангов и вскоре исчезли из виду.

Паблито неохотно вернулся к своему подопечному, ему явно не нравилось его поручение, однако, поскольку ва-кер был по-своему честен и среди многочисленных достоинств, которыми он гордился превыше всего, было умение держать слово, ему даже на минуту не могла прийти в голову мысль о том, чтобы нарушить данное обещание.

— Как он? — тихо спросил он у Карлочо.

— Ему гораздо лучше, — ответил тот. — Удивительно, как на него подействовало кровопускание. Он уже два раза открывал глаза и даже пытался заговорить.

— Гм! Стало быть, нам нечего терять времени. Завяжите ему глаза и свяжите руки, потому что он наверняка будет пытаться сорвать повязку. Сделайте это как можно более деликатно, поскольку это нужно всего лишь для подстраховки. Вы меня поняли?

— Да!

— Поторопитесь! Вы должны управиться за десять минут, а через пятнадцать мы выезжаем.

К дону Фернандо действительно вернулись силы, потому что его раны, как сказал Тигровая Кошка, были неопасны. Причиной обморока была большая потеря крови.

Мало-помалу он окончательно пришел в себя и сразу же понял, в чьих руках оказался. И хотя был еще слишком слаб, к нему вернулось присутствие духа. По зрелому

размышлению он пришел к выводу, что должен действовать осторожно, а главное — не возбуждать подозрений на счет своего самочувствия, так как эти люди, недолго думая, прикончат его ради собственной безопасности.

Когда Карлочо, по приказанию Паблито, завязал ему глаза и руки, он притворился, будто снова потерял сознание и не оказывал ни малейшего сопротивления. По тому, как с ним осторожно обращались, он понял, что жизнь его пока в безопасности.

— Теперь что делать? — спросил Карлочо.

— Возьмите его втроем и осторожно перенесите в лодку, которая стоит в нескольких шагах отсюда. Особенно осторожно укладывайте его в лодку, — говорил Паблито. — При малейшей неловкости я прострелю вам голову.

— Карай! — невольно воскликнул вакер, с удивлением глядя на Паблито.

— Если вы такие глупцы и не прикончили его в свое время, тем хуже для вас, вот теперь и няньчитесь с ним. Это научит вас впредь не проявлять излишней вежливости, а точнее сказать, неловкости в засаде.

Карлочо был удивлен этой внезапной вспышкой гнева и почел за лучшее послушно повиноваться.

Дон Фернандо и трое вакеров, в том числе и Паблито, поплыли на лодке, в то время как другие зашагали вдоль берега, ведя лошадей своих товарищей.

Три часа спустя пленник был доставлен в президио и водворен в дом, издавна нанимаемый Тигровой Кошкой под чужим именем, но всего этого дон Фернандо, естественно, не знал.

Здесь ему сняли повязку с глаз, освободили руки. Однако при нем неотступно находился человек в маске, бдительно его охранявший.

Дон Фернандо, утомленный тревожениями этого дня, доверился судьбе. Он окинул помещение, где находился, рассеянным, но при этом пронизательным взглядом и, успокоившись, заснул глубоким сном, длившимся несколько часов и возвратившим его сознанию прежнюю ясность.

Молчаливые люди в масках, состоявшие при нем, были предупредительны и выполняли все его желания, вплоть до прихотей. Положение дона Фернандо было вполне сносным и даже не лишено приятности. Через два дня ему стало совершенно ясно, что лишать его жизни в их планы не входило, более того, они старательно врачевали

его раны, так что в конце концов он покорился своей участи в ожидании лучших времен.

На третий день своего плена дон Фернандо чувствовал себя уже вполне сносно, поэтому попробовал встать с постели, дабы испытать свои физические возможности на случай побега, а заодно и попытаться выяснить, где он находится.

Было утро. Яркие лучи солнца исчертили затейливым узором пол спальни, служившей ему тюрьмою.

Он почувствовал прилив бодрости и попробовал сделать несколько шагов под неусыпным оком его сторожа.

Вдруг послышался грохот пушек, от которого задребезжали стекла в окнах.

— Это что такое? — спросил дон Фернандо.

Его надзиратель молча пожал плечами. Пушечной пальбе вторил сухой звук ружейных выстрелов. Не оставалось сомнений, что где-то совсем рядом идет ожесточенное сражение.

Надзиратель бесстрастно затворил окна. Дон Фернандо подошел к нему. С минуту они смотрели друг на друга. Дон Фернандо уже не раз пытался заговаривать с этим телохранителем, твердокаменным молчуном, но не мог добиться от него ни слова. Сейчас он секунду колебался, а потом предпринял новую попытку.

— Друг, — сказал он кротким голосом, — что там происходит?

Тот, как всегда, молчал.

— Ответьте же, ради Бога, — взмолился дон Фернандо. — Я спрашиваю вас о сущей безделице, вы не нарушите отданных вам приказаний, если ответите на этот вопрос.

В эту минуту послышались приближающиеся к дому торопливые шаги и какие-то непонятные крики.

Караульный, или надзиратель, выхватил из ножен кинжал, пистолет из-за пояса и направился к двери, но она вдруг отворилась, и на пороге появился человек с лицом, перекошенным от страха.

— Торопитесь, торопитесь! — вскричал он. — Мы погибли!

Караульный подал знак дону Фернандо, чтобы тот отошел и решительно преградил вход в комнату. И в ту же минуту, словно из-под земли выросли четыре человека в масках, вооруженные с ног до головы.

— Назад! — крикнул караульный. — Сюда никто не имеет права входить, если не знает пароля.

— Вот он! — сказал один из незнакомцев и выстрелом из пистолета прострелил ему череп.

Караульный дико взревел и упал замертво.

Четыре незнакомца крепко связали незадолго до этого пришедшего человека, который, забившись за угол, дрожал от страха, и устремились к ничего не понимавшему дону Фернандо.

— Вы свободны, кабальеро, — сказал ему один из них, — пойдемте. Вам необходимо как можно скорее покинуть этот дом.

— Прежде скажите, кто вы, выдающие себя за моих избавителей?

— Мы не можем объяснить этого здесь. Пойдемте, нам надо спешить, — ответил все тот же незнакомец.

— Я не пойду, прежде чем не узнаю, кто вы.

Незнакомец сделал нетерпеливый жест и, наклонившись к его уху, сказал:

— Безумец! Разве вы не хотите видеть донну Гермозу?

— Я следую за вами, — сказал дон Фернандо.

— Послушайте, — продолжал незнакомец, — возьмите эти пистолеты и шпагу. Не исключено, что нам придется драться.

— О! — радостно воскликнул дон Фернандо. — Теперь я верю, что вы действительно явились меня спасти. Я готов последовать за вами, — и он схватил оружие.

Выйдя из дома, дон Фернандо не мог скрыть удивления.

— Как? Неужели я в президио Сан-Лукар?

— А вы не знали? — спросил незнакомец.

— Как же я мог это узнать? Меня везли сюда с завязанными глазами.

Несколько оседланных лошадей стояли наготове.

— Вы можете держаться в седле? — спросил незнакомец.

— Надеюсь, что могу.

— Надо во что бы то не стало. Иного выхода нет.

— Тогда поехали.

Когда они выезжали на улицу, им навстречу мчалась кавалькада из двенадцати всадников.

— Вот и неприятель, — шепнул незнакомец. — Будем драться! Либо мы победим, либо умрем.

Все пятеро выстроились плотно в ряд и помчались за незнакомцем, стреляя из пистолетов в упор и рубя саблями направо и налево.

— Мой пленник убежал! — бешено вопил Паблито. Это он возглавлял кавалькаду.

Рванув лошадь в сторону, он устремился на дону Фернандо. Тот, не замедляя скачки, выстрелил из пистолета, и лошадь вакера, пораженная пулей в голову, рухнула наземь, увлекая за собой своего всадника. Паблито с трудом приподнялся, но пятеро храбрецов уже исчезли из виду.

— О, я их отыщу! — в отчаянии повторил он.

Между тем пятеро смельчаков уже достигли реки, где их ждала лодка.

— Здесь мы расстанемся, — сказал незнакомец дону Фернандо, срывая с себя маску.

— Эстеван! — радостно вскричал дон Фернандо.

— Я собственной персоной, друг мой. Эта лодка доставит вас на ачиенду де-ль-Кормио. Отправляйтесь немедленно, — добавил он, подавая ему бумажку, сложенную вчетверо. — Прочтите это внимательно, может быть, вы тоже можете нам помочь.

— О! Будьте спокойны, я должен отомстить.

— Прощайте, или лучше сказать, до свидания, друг.

— Благодарю! Увижу ли я донну Гермозу?

— Мне запрещено говорить вам об этом!

— Еще один вопрос. Вы знаете, кто взял меня в плен?

— Да, Тигровая Кошка и дон Торрибио Квируга.

— Вот как! Я этого не забуду! Еще раз благодарю, Эстеван!

Он сел в лодку, и они быстро заскользили по воде, канув в непроницаемую темень ночи.

Три человека, оставшиеся на берегу, тревожно следили за удаляющейся лодкой. Эти три человека были: дон Эстеван Диас, донна Гермоза и донна Мануэла.

Лагерь краснокожих

Благодаря трогательной заботе матери, дона Педро и его дочери здоровье скоро вернулось к дону Эстевану.

Он сразу же рассказал ачиендеру, какой у него состоялся разговор с доном Торрибио, в руки которого попал дон Фернандо.

Дон Торрибио так низко пал в глазах дона Педро и его дочери, что они о нем даже слышать не желали.

Едва оправившись от ран, дон Эстеван принялся разузнавать о своем друге. Счастливый случай свел его с Сапоте. Вакер находился в благоприятном для беседы расположении духа и готов был сообщить все сведения, которые от него только потребуют, потому что в это самое утро он в пух и прах проигрался. С помощью нескольких унций, весьма кстати предложенных, дон Эстеван сумел заполучить подробные сведения о том, что происходит с доном Фернандо, а главное — куда его упрятали.

Как только дон Эстеван получил интересующие его сведения, он поспешил в ачиенду.

Донна Гермоза была существом необыкновенным: решительным и энергичным. Она решила во что бы то ни стало освободить дона Фернандо, которого горячо любила. Скрывая свое нетерпение, дабы не тревожить отца, она выразила желание провести два дня в ачиенде Лас-Нориас. Дон Педро охотно согласился, при условии, что она возьмет с собой многочисленную свиту пеонов, надежных и хорошо вооруженных.

Вместо ачиенды молодая девушка отправилась в президио и сумела пробраться туда, не будучи замеченной индейцами. В президио она отыскала дона Эстевана и сообщила

ему о своем намерении. Дон Эстеван немало удивился, выслушав план задуманной ею операции, в которой должна была участвовать не только она, но и мать дона Эстевана. Все его попытки отговорить ее были тщетны, и волей-неволей ему пришлось согласиться.

Когда лодка с доном Фернандо исчезла из вида, дон Эстеван обратился к донне Гермозе.

— Теперь, сеньорита, что вы собираетесь делать?

— Теперь, — решительно заявила она, — я хочу проникнуть в лагерь апачей и увидаться с доном Торрибио.

Дон Эстеван содрогнулся от ужаса.

— Вас ждут там бесчестье и смерть!

— Нет, — возразила она все так же решительно, — меня ждет там возможность отмщения.

— Вы этого хотите?

— Требую.

— Ну что ж, — сказал он, — я буду вам повиноваться. Ступайте оденьтесь, и я сам провожу вас в лагерь индейцев.

Она молча направилась в дом дона Педро по пустынным улицам. Леденящая душу тишина нависла над городом в отсветах все еще продолжавшихся пожаров в старом президио, где среди пепелищ кое-где виднелись силуэты индейцев.

Подъехав к дому, дон Эстеван придержал лошадь и заговорил, обращаясь к донне Гермозе.

— Подумайте о том, что вы собираетесь предпринять, сеньорита. Какой смысл в мести, когда тот, за которого вы намерены мстить, теперь в безопасности?

— Да, но его собирались убить. То, что не удалось в первый раз, может удасться во второй. Дон Торрибио пытался нанести мне жестокий удар. Мое решение непоколебимо. Он изведает месть женщины.

— Ничто не способно поколебать вашу решимость?

— Ничто, — сказала она твердым голосом.

— Ступайте же, готовьтесь, сеньорита! Я жду вас здесь.

Обе женщины вошли в дом, между тем как дон Эстеван задумчиво опустил ся на ступени крыльца.

Он ждал не долго. Вскоре появились женщины. Обе в апачских костюмах. Разрисовав лицо, они сделались совершенно неузнаваемыми. Эстеван не мог удержаться от восторженного возгласа.

— О! Вы истинные индианки!

— А вы думали, что только дон Торрибио способен перевоплощаться?

— Женщин в этом смысле никто превзойти не способен, — сказал дон Эстебан, качая головой. — Что далее от меня требуется?

— Немногое, — ответила донна Гермоза, — чтобы вы проводили нас до первой индейской линии.

— А потом?

— Потом мы будем действовать по нашему усмотрению.

— Неужели вы намерены остаться одни среди индейцев?

— Конечно!

— Матушка! — печально проговорил дон Эстебан. — Неужели вы хотите попасть в руки варваров?

— Успокойся, сын мой, — сказала донна Мануэла, улыбаясь, — мне не грозит никакая опасность.

— Однако...

— Эстебан! — резко перебила донна Гермоза. — Я отвечаю за вашу мать.

Дон Эстебан уныло потупил голову.

— Ну да хранит вас Бог!

— Пойдемте, — сказала донна Гермоза, старательно закутываясь в плащ.

Дон Эстебан шел впереди. И тут и там виднелись затухающие костры, вокруг которых спали защитники президио.

Какая-то зловещая печаль тяготела над городом, погруженным в тишину, лишь изредка нарушаемую криками коршунов, уруби и соколов, оспаривающих друг у друга добычу — трупы павших в последней битве.

Все трое уверенно шагали среди развалин, то и дело натываясь на усыпавшие землю трупы, нарушая кровавые пиршества хищных птиц.

Они прошли практически из конца в конец весь город и достигли земляной насыпи на подступах к лагерю индейцев, который нетрудно было опознать по многочисленным кострам, а также громкой речи и пению. Часовые, обменявшись несколькими словами с доном Эстебаном, пропустили всех троих в лагерь. Сделав несколько шагов, дон Эстебан остановился. Его спутники последовали его примеру.

— Донна Гермоза, — сказал дон Эстебан прерывающимся от волнения голосом. — Вот перед вами лагерь ин-

дейцев. Мое дальнейшее присутствие может повредить вам. Лучше мне сейчас удалиться.

— Благодарю и до свидания, Эстеван, — сказала молодая девушка, протягивая ему руку.

Дон Эстеван, удерживая ее в своих, проникновенным голосом сказал:

— Сеньорита, позвольте еще сказать вам.

— Говорите, друг мой.

— Заклинаю вас всем, что вам дорого в этой жизни, — откажитесь от вашего опасного намерения, пока еще не поздно. Вернитесь в ачиенду дель-Кормильо. Вы не можете себе представить, какая вам грозит опасность.

— Эстеван, — решительно отвечала донна Гермоза, — какая бы не грозила мне опасность, я иду ей навстречу, ничто не способно заставить меня переменить мое решение. Итак, до свидания.

— До свидания, — печально прошептал дон Эстеван.

Донна Гермоза улыбнулась и уверенно шагнула навстречу неизвестности. Донна Мануэла колебалась секунду и вдруг бросилась на шею сыну.

— Ах! — вскричал взволнованно дон Эстеван, что было совсем необычно для него в нынешней ситуации. — Останься со мною, матушка, умоляю тебя!

— О! — мужественно отвечала благородная женщина, указывая на донну Гермозу. — Неужели я позволю ей принести себя в жертву?

Эстеван молчал. Мануэла поцеловала его и с усилием последовала за Гермозой.

Дон Эстеван с тревогой следил за ними глазами до тех пор, пока они не исчезли в темноте.

Тогда со вздохом, скорее похожим на отчаянный вопль, он быстро зашагал прочь, бормоча тихим голосом:

— Только бы мне успеть вовремя, только бы он не опередил меня.

В ту минуту, когда дон Эстеван подошел к крепости, дон Хозе выезжал оттуда с доном Торрибио Квиругой, однако погруженный в тревожные мысли, он не заметил всадников, проехавших мимо.

Эта пагубная случайность явилась причиной непоправимой беды.

Расставшись с доном Эстебаном, Гермоза и Мануэла шли несколько минут наудачу, желая выйти к одному из ближайших костров.

Подойдя на близкое расстояние к костру, они остановились перевести дыхание и умирить волнение сердца.

Теперь, когда их отделяло от индейцев всего несколько шагов, при всей их твердой решимости осуществить свой дерзкий план бедные женщины почувствовали, что мужество покидает их и сердце леденеет от ужаса при одной мысли об ужасной драме, в которой им предстояло играть главную роль.

И как ни странно, Мануэла смогла возратить своей спутнице твердость, готовую было покинуть ее.

— Сеньорита, — сказала она, — теперь моя очередь руководить вами. Если вы согласитесь следовать моим советам, я надеюсь отвести многочисленные опасности, грозящие нам.

— Говори, я слушаю тебя, кормилица.

— Во-первых, нам надо оставить здесь плащи, скрывающие нашу одежду. По ним сразу узнают, что мы — белые.

Она проворно сняла с себя плащ и бросила подальше в сторону. Донна Гермоза, не колеблясь, последовала ее примеру.

— Теперь, — продолжала она, — идите рядом со мной и ни при каких обстоятельствах не высказывайте страха, а главное — не произносите ни единого слова, иначе мы неминуемо погибнем. Мы две индианки, давшие обет молчания Ваконде ради исцеления раненого отца, вы меня поняли? Запомните — не произносить ни слова!

— Пойдем, и да хранит нас Господь!

— Да будет так! — ответила Мануэла, истово крестясь.

Они продолжали путь и вскоре вступили в лагерь.

Индейцы, опьяненные победой, так легко одержанной над мексиканцами, пребывали в радужном настроении, находящем выход только в пении и танцах.

Несколько бочонков водки, похищенных в старом президио и в ачиендах, были выпиты, и теперь в лагере царил неслыханный беспорядок, ибо спиртное оказывает на индейцев совершенно непредсказуемое воздействие, толкая их порой на безрассудные действия.

Власть сахемов теряла силу, и сами начальники пребывали в таком же, как их воины, состоянии. И если бы защитники Сан-Лукара совершили на них внезапное нападение, они наверняка без труда истребили бы большую часть отупевших от водки и неспособных сопротивляться индейцев.

Пользуясь царившим вокруг пьяным весельем, наши отважные женщины, с замиранием сердца и дрожа от страха, однако внешне совершенно спокойные, легко, как змеи, проскальзывали между пирующими группами пьяных индейцев в надежде на провидение или на свою счастливую звезду отыскать среди многочисленных палаток ту единственную, которая принадлежала высокому бледнолицему начальнику.

Долго блуждали они таким образом, не вызывая подозрений у индейцев, и страх постепенно проходил. Но вдруг какой-то индеец огромного роста схватил донну Гермозу за талию и, подняв в воздух, крепко поцеловал в шею.

Донна Гермоза вскрикнула от испуга, вырвалась из рук индейца, с силой оттолкнула его от себя.

Дикарь был настолько пьян, что не удержался на ногах и повалился со злобными криками наземь. Однако, тотчас же вскочив на ноги, подобно ягуару, ринулся к донне Гермозе.

И Мануэла мгновенно заслонила ее собой.

— Прочь! — сказала она, решительно уперев руку ему в грудь. — Эта женщина — моя сестра.

— Гриф — воин, не терпящий оскорблений, — ответил дикарь, злобно выхватив нож.

— Ты хочешь ее убить? — испуганно вскричала Мануэла.

— Да, если она не согласится идти в мою палатку и стать женой начальника.

— Ты с ума сошел, — продолжала Мануэла. — В твоей палатке нет места для новой жены, она и так битком набита.

— Там могут поместиться еще двое, — насмешливо сказал индеец. — А потом, если эта женщина твоя сестра, и ты ступай с нею.

На шум стекались другие индейцы, и вскоре женщины оказались в центре плотного круга, из которого невозможно было выбраться.

Мануэла быстро оценила положение, в котором они оказались, и поняла, что их ждет неминуемая гибель.

— Ну! — продолжал Гриф, схватив волосы донны Гермозы и намотав их на руку, одновременно размахивая ножом: — Пойдешь ты с сестрой в мою палатку?

Донна Гермоза отпрянула назад, зажмурившись, ждала удара занесенным над нею ножом. Мануэла, собрав

свое мужество, решительно остановила руку Грифа, сказав громким голосом:

— Если ты хочешь, негодяй, пусть совершится твоя судьба! Ваконда не позволяет безнаказанно оскорблять своих рабов!

До той минуты Мануэла старалась держаться так, чтобы никто не мог рассмотреть ее лица. Теперь она вдруг встала к свету.

Увидев, как странно разрисовано ее лицо, индейцы вскрикнули от испуга и отступили в сторону. Мануэла, вдохновленная произведенным ею впечатлением, продолжала:

— Власть Ваконды безмерна! Горе тому, кто посмеет противиться ей! Это он послал меня. Прочь все! — Схватив за руку донну Гермозу, едва оправившуюся от пережитого страха, она вознамеривалась выйти из круга. Индейцы не спешили разомкнуть круг. Мануэла сделала повелительный жест рукой, и дикари мгновенно расступились, освобождая им проход.

— Я умираю! — прошептала донна Гермоза.

— Соберитесь с мужеством, — сказала тихо ей донна Мануэла, — мы спасены!

— О! — слышался насмешливый голос. — Что здесь происходит?

Перед женщинами возник человек, с любопытством разглядывавший их.

— Аманцин! — забормотали индейцы и, успокоенные присутствием своего колдуна, снова столпились около пленниц.

Мануэла внутренне содрогнулась, поняв, что ее хитроумная уловка не удалась.

Однако мужественная женщина не сдавалась.

— Ваконда любит индейцев, — сказала она. — Это он послал меня к аманцину апачских воинов.

— Вот как! — ответил колдун насмешливым тоном. — Чего же он желает?

— Никто, кроме тебя, не имеет права это слышать.

Колдун приблизился к Мануэле, положил руку на плечо и, пристально на нее глядя, спросил:

— Чем ты можешь доказать, что всемогущий дух наставлял тебя с поручением ко мне?

— Хочешь меня спасти? — быстро прошептала Мануэла.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил колдун,

стрельнув глазами в сторону донны Гермозы. — Это зависит от нее.

Мануэла, преодолев чувство отвращения, сняла свои золотые браслеты с жемчугом и, протягивая их колдуну, сказала: — Вот возьми.

— О! — воскликнул колдун, пряча браслеты за пазуху. — Чего желает моя мать?

— Освободиться от этих людей.

— А потом?

— Сначала освободи нас.

— Будет сделано, как ты желаешь.

Индейцы оставались неподвижны, ожидая возвращения колдуна. Тот вернулся с озабоченным видом и даже испуганный.

— Бегите! — провозгласил он взволнованным голосом. — Эта женщина принесла несчастье. Ваконда возмущен, бегите, бегите отсюда!

Индейцы, послушные своему колдуну, видя, как он непривычно взволнован, бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног.

Оставшись наедине с женщинами, колдун продолжал:

— Ну как, я защитил вас?

— Да, — поспешно ответила Мануэла. — Благодарю моего отца. Он столь же всемогущ, сколь и мудр.

Самодовольная улыбка появилась на губах хитрого индейца.

— Я могу сурово покарать обманщиков, — сказал он.

— Поэтому я и не буду пытаться обмануть моего отца.

— Откуда эта белая девушка?

— Из ковчега первого человека, — ответила Мануэла, не моргнув глазом.

— У моей дочери раздвоенный язык кугуара, — сказал колдун, — видно, она принимает меня за игуану, которая легко поддается обману.

— Вот ожерелье, — сказала Мануэла, подавая индейцу богатое жемчужное ожерелье, — которое Ваконда поручил мне вручить вдохновенному человеку апачей.

— Ох! — вздохнул колдун. — Моя мать не способна лгать, она мудра. Какую услугу могу я ей оказать? — спросил он, поспешно пряча ожерелье.

— Я хочу, чтобы мой отец проводил меня в палатку великого белого начальника, которому подчиняются все воины.

— Моя дочь желает говорить с бледнолицым?

— Да.

— Этот начальник мудрый, примет ли он женщин?

— Это не должно смущать моего отца. Я нынешнюю ночь должна говорить с великим начальником.

— Хорошо, моя мать будет с ним говорить, а эта женщина? — прибавил он, указывая на донну Гермозу.

— Эта женщина, — ответила донна Мануэла, — приятельница бледнолицего начальника. У нее также поручение к сахему.

Колдун покачал головой.

— Воинам придется прясть вигоневую шерсть, — сказал он, — если женщины станут воевать и сидеть у огня совета.

— Отец мой ошибается, — возразила Мануэла, — сахем любит мою сестру.

— Нет, — решительно ответил индеец.

— Посмотрим, — сказала Мануэла, теряя терпение и опасаясь непредвиденных осложнений. — Итак, отец мой не желает проводить нас в палатку великого начальника? Пусть же он знает, что начальник ждет нас.

Колдун вперил в нее испытывающий взгляд, но Мануэла выдержала его, не моргнув.

— Хорошо, — сказал колдун, — мать моя не солгала, пусть она следует за мной.

Взяв женщин за руки, колдун повел их по запутанному лабиринту лагеря.

Встречавшиеся им по пути индейцы испуганно шарахались в сторону. Колдуна это нисколько не смущало, напротив, доставляло ему удовольствие, поскольку подтверждало его могущество в глазах суеверных индейцев, искренне считавших, что он послан к ним Вакондой.

Спустя некоторое время они достигли палатки, у входа которой красовалось знамя объединенных племен в окружении копий, украшенных бахромой.

— Здесь, — сказал колдун.

— Хорошо, — ответила Мануэла, — мы войдем одни.

— Я должен вас оставить?

— Да, но мой отец может подождать нас здесь.

— Я подожду, — коротко ответил колдун, окинув женщин подозрительным взглядом.

По знаку колдуна охранявшие палатку часовые разрешили женщинам войти.

С замиранием сердца они переступили порог палатки. Она была пуста. И бедняжки вздохнули с облегчением. У них была возможность собраться с мыслями и подготовиться к разговору, которого ждала донна Гермоза.

Колдун остановился у входа в палатку. Занявший столь важное положение при содействии Тигровой Кошки, он был предан ему всей душой, совмещая колдовские обязанности со шпионскими.

Оступник

Дон Торрибио Квируга и дон Хозе Калбрис погоняли лошадей, чтобы как можно скорее выехать из президио.

Комендант был безмерно счастлив подкреплению, направленному губернатором провинции. Он не сомневался, что теперь сможет принудить индейцев снять осаду президио. А кроме того, ему хотелось воспользоваться этими услугами и преподать суровый урок, отбив навсегда охоту к опустошительным набегам на мексиканские земли.

Когда они достигли рубежа, охраняемого многочисленным отрядом, состоящим и из гражданского населения, дон Торрибио сказал:

— Поедьте дальше.

— К вашим услугам, — ответил дон Хозе.

— Темно, вокруг бродят шайки индейцев. Вероятно, нам надо проскакать мили две навстречу войску. Наверное, ехать одним было бы неблагоприятно.

— Да, вы, безусловно, правы, — отвечал дон Хозе.

— Ведь вы — комендант президио, — продолжал дон Торрибио с загадочной улыбкой. — Если краснокожие нападут на нас и возьмут вас в плен, это может иметь для города чрезвычайно серьезные последствия. Я говорю не о себе. Я для индейцев не представляю никакого интереса. Вы же — совсем другое дело. Советую вам серьезно подумать, прежде чем мы продолжим путь. Что вы скажете на это?

— Я скажу, что вы правы, полковник, и это было бы непростительным легкомыслием.

— Итак...

— Итак, кажется, лучше всего взять нам конвой.

— Да, — подтвердил дон Торрибио, — тогда мы можем быть спокойны, не правда ли? Сколько человек мы возьмем?

— Человек десять, не более.

— Давайте возьмем двадцать. Неизвестно, с кем можно повстречаться на дороге ночью. Как знать, а вдруг на нас нападет сотня индейцев.

— Хорошо, двадцать, если вы так считаете, — согласился дон Хозе. — И будьте любезны, выберите их сами.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — ответил дон Торрибио с сардонической улыбкой и направился к выстроившемуся для приветствия коменданта отряду обороны передовой позиции и отобрал двадцать кавалеристов.

— Теперь, комендант, мы можем ехать.

— Тогда поехали, — сказал дон Хозе, пришпорив свою лошадь.

Дон Хозе Калбрис и дон Торрибио Квируга ехали рядом, а в нескольких шагах за ними следовал конвой.

Так они ехали примерно три четверти часа. Постепенно, несмотря на увлекательную беседу с доном Торрибио, который без конца сорил остротами, полковник стал испытывать какое-то необъяснимое беспокойство.

— Извините, полковник, — сказал он своему спутнику, внезапно останавливая его, — не кажется ли вам странным, что подкрепления, которое мы выехали встречать, нет как нет?

— В этом нет ничего странного, сеньор. Возможно, капитан, командующий ими, не рискнул без меня пускаться в путь по незнакомой дороге.

— Такое может быть, — раздумчиво проговорил дон Хозе.

— Я считаю это вполне вероятным, — продолжал дон Торрибио. — И в таком случае, нам придется проехать еще одну милю.

— Коли так, поехали.

Они продолжали путь. Теперь уже молча. Казалось, каждый был занят своими мыслями. Время от времени дон Торрибио поднимал голову и сосредоточенно оглядывался по сторонам.

Вдруг откуда-то издалека донеслось ржание лошади.

— Что это значит? — спросил дон Торрибио.

— Вероятно, те, кого мы ждем, — ответил комендант.

— Как знать. На всякий случай будем соблюдать осторожность.

Сделав знак коменданту подождать его, он пришпорил лошадь и вскоре исчез в темноте.

Отъехав подальше, дон Торрибио сошел с лошади, припал ухом к земле и стал слушать.

— Проклятье, — пробормотал он, быстро садясь на лошадь, — нас преследуют. Нельзя терять ни минуты. Неужели этот разбойник дон Эстеван узнал меня?

— Ну что? — спросил комендант, когда дон Торрибио вернулся.

— Ничего, — ответил дон Торрибио коротко, — ничего интересного для нас.

— А именно?

— Вот что, — перебил дон Торрибио, положив левую руку на руку коменданта, — сдавайтесь, Хозе Калбрис, вы мой пленник!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил старый солдат, вздрогнув. — Вы с ума сошли, дон Торрибио!

— Не называйте меня доном Торрибио, сеньор, — мрачно проговорил молодой человек. — Я теперь негодяй без имени. Жажда мести привела меня в стан апачей.

— Измена! — закричал полковник. — Ко мне, солдаты! Защищайте вашего коменданта!

— Эти люди не станут вас защищать, дон Хозе, они служат мне. Говорю вам, сдавайтесь!

— Нет, не сдамся! — решительно возразил комендант. — Дон Торрибио или кто бы вы ни были, вы подлец!

Повернув свою лошадь, он отбросил руку дон Торрибио и выхватил саблю. Вдали послышася топот нескольких лошадей.

— Кажется, мне идет подмога, — сказал комендант, взводя курок пистолета.

— Да, — холодно ответил дон Торрибио, — но она опоздает.

По его приказанию ваке-ры бросились к коменданту, который успел выстрелить из пистолета и уложить двоих из них.

В темноте завязалась жестокая схватка. Сознывая, что у него нет шансов на спасение, дон Хозе проявлял чудеса храбрости. Отчаянно бросая лошадь то вправо, то влево, он ловко отражал нацеленные на него удары, рубил ваке-ров, обступивших его плотным кольцом.

Между тем топот приближавшейся конницы был теперь подобен грому. Дон Торрибио опасался, что его жертва может ускользнуть из рук, и выстрелил в голову лошади коменданта. Дон Хозе упал на землю, но быстро вскочил на ноги и бросился на предателя с саблей, но тот отразил удар, тогда полковник, отпрянув назад, приставил к своему виску пистолет.

— Такие, как я, не сдаются, — сказал он и выстрелил.

В ту же минуту зазвучали выстрелы, и отряд во главе с майором Барнумом и Жетеваном, словно вихрь, обрушился на вакеров.

Борьба продолжалась недолго. По знаку Торрибио вакеры повернули лошадей и кинулись врассыпную, оставив семь или восемь трупов товарищей.

— Какая жалость... — прошептал майор Барнум.

— Мы опоздали, — печально отозвался дон Эстеван. — Дон Хозе предпочел умереть, нежели сдаться в плен.

— Да, это был храбрый солдат. Но как догнать теперь этих демонов?

— Не стоит их догонять, они уже в лагере. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что скоро мы разгадаем эту загадку. Предоставьте действовать мне.

Дон Эстеван сошел с лошади, срезал ветвь смолистой сосны, которая в изобилии произрастала в этом краю, высек огонь и через несколько минут в его руках запылал факел.

При свете слабого красноватого пламени он стал вместе с майором осматривать простершиеся на земле трупы. Вскоре они нашли коменданта с раздробленным черепом, в руке был зажат пистолет. На лице — печать презрения и неукротимого мужества.

— Вот он, — сказал дон Эстеван.

Майор не мог сдержать слез.

— Да, — прошептал он, — умер как солдат в бою, но, увы! Всего лишь с предателем, изменившим своему народу. Неужели моему старому другу была суждена именно такая смерть!

— Так было угодно Богу!

— Да, — сказал майор, — мы должны исполнить свой долг, как он.

Они подняли труп, бережно положили его на лошадь, и скорбная процессия направилась в президию.

Между тем дон Торрибио не находил себе места от зло-

сти. Он не желал смерти коменданта, которая могла разрушить его планы, побудив мексиканцев опять стоять на смерть и скорее похоронить себя под стенами президио, нежели сдаться на милость победителей. Он замышлял взять дона Хозе в плен и, держа его в качестве заложника, диктовать условия президио.

Итак, план дона Торрибио потерпел фиаско. Он отлично сознавал степень своей неудачи, вопреки его сообщникам, считавшим операцию успешной, а потому возвращался восвояси мрачный и недовольный.

Тем временем Гермоза и Мануэла, воспользовавшись его отсутствием, сняли с себя индейское платье и остались в своей обычной одежде.

Когда дон Торрибио приблизился к своей палатке, колдун, не отходивший от нее ни на шаг, поспешно подошел к нему.

— Чего тебе? — спросил его дон Торрибио.

— Пусть простит меня мой отец, — почтительно ответил колдун. — Нынешней ночью две женщины пробрались в лагерь.

— А мне какое дело? — нетерпеливо перебил его дон Торрибио.

— Эти женщины, хотя на них индейский костюм, белые.

— Мне-то что до этого? Это, вероятно, жены вакеров.

— Нет, — ответил колдун, качая головой. — Руки их слишком белы, а ноги слишком малы для этого.

Дон Торрибио заинтересовался:

— Кто же взял их в плен?

— Никто, они пришли сами.

— Сами?

— Да, они сказали, что хотят сообщить вам что-то важное.

— Вот как! — воскликнул дон Торрибио, бросив взгляд на колдуна. — Откуда же отцу моему известно это?

— Я взял их под защиту и привел в палатку моего отца.

— Стало быть, они тут?

— Да, уже около часа.

Дон Торрибио дал колдуну несколько унций.

— Я благодарю моего брата за то, что он сделал. Он поступил хорошо.

Колдун изобразил на лице подобие улыбки. Дон Торрибио поспешил в палатку, приподнял занавес и не мог

удержаться от восторженного изъяснения радости при виде донны Гермозы. Она улыбнулась.

«Что это значит?» — подумал он и любезно поклонился госте. Донна Гермоза невольно залюбовалась видом дона Торрибио. Великолепный военный костюм сидел на нем отменно, подчеркивая изящество манер и придавая величие всему его облику.

— Как мне полагается обращаться к вам? — спросила донна Гермоза, приглашая сесть возле себя.

— Как вам будет угодно, сеньорита, — почтительно ответил он. — Если вы видите во мне испанца, называйте доном Торрибио. Среди апачей же я известен под именем Проклятый, — прибавил он печально.

— Почему индейцы нарекли вас таким страшным именем? — спросила она.

Наступило минутное молчание. Они пытливо вглядывались друг в друга. Донна Гермоза не знала, как ей начать разговор, ради которого она искала встречи с доном Торрибио, в то время, как он терялся в догадках, что привело сюда донну Гермозу.

Дон Торрибио первым нарушил молчание.

— Вы пришли сюда, чтобы увидеть меня, сеньорита?

— Кого же еще?

— Извините мою настойчивость, но это настолько неправдоподобно, что я никак не могу поверить в реальность происходящего. Все это кажется мне сказочным сном.

Эта возвышенная тирада была из числа тех, которые дон Торрибио Квируга мог бы произносить, явившись с визитом в дом дона Педро де Луна. Сейчас, в столь необычной обстановке, в лагере индейцев она казалась неуместной и противоестественной.

— Боже мой! — Донна Гермоза отвечала также в светской манере, заданной доном Торрибио. — Я хочу развеять ваше недоумение и развеять возникший, по-видимому, в вашем воображении образ волшебницы, способной отыскать вас в таком необычном месте.

— Тем не менее вы навсегда останетесь для меня волшебницей.

— Вы льстец. А если говорить всерьез, то это бедный Эстебан, зная, что я намерена повидаться с вами, указал место, где вас можно найти. Таким образом, если вы хотите непременно наделить кое-кого волшебством, то это

должен быть только дон Эстеван. Он один имеет на это право.

— Я не забуду его при случае, — сказал дон Торрибио, слегка наклонившись. — Но вернемся к вам, прошу вас, потому что только одна вы интересуете меня. Я буду вечно благодарен ему за счастье видеть вас. Но позвольте спросить вас, чем я обязан этой величайшей милости, оказанной мне вами?

— О! В сущности, все очень просто, — сказала донна Гермоза, бросив взгляд на молодого человека.

Тот молча поклонился, донна Гермоза продолжала:

— Девушка моих лет и особенно моего звания не решается на такой шаг... прямо скажем, рискованный шаг, без веских к тому оснований.

— Я в этом убежден.

— Какие же важные причины заставили меня пренебречь инстинктом девичьей скромности и подвергнуть риску свою репутацию? Причина в том, что затронуты интересы сердца... Ясно ли я выражаюсь, дон Торрибио? Вы догадываетесь, о чем пойдет речь?

— Да, сеньорита, — ответил он с волнением.

— Последний раз отец принял вас, может быть, несколько сурово. Вы же решили, что наш брак расстроен, рассердились на отца моего и на меня, быстро простились и уехали, унося в сердце обиду и гнев...

— Кузина, клянусь вам...

— Я женщина, дон Торрибио, а женщинам свойствен инстинкт, никогда их не обманывающий. Неужели вы думаете, что я не догадывалась о вашей горячей любви ко мне, когда согласилась стать вашей женой?

Дон Торрибио смотрел на нее в полной растерянности.

— А несколько дней спустя дон Фернандо попал в засаду, — продолжала она, — и убит на месте. Значит, вы это сделали, дон Торрибио?

— Не стану отпираться, сеньорита, действительно я хотел отомстить человеку, которого считал своим соперником. Но, клянусь вам, я не приказывал убивать его.

— Я это знала, — сказала она торжествующим тоном. — Вам не нужно оправдываться.

Дон Торрибио смотрел на нее и ничего не понимал. Между тем она продолжала, улыбаясь:

— Тот, которого вы считали вашим соперником, не был им. Как только вы уехали в тот день из ачиснды, я

призналась отцу, что люблю только вас и никогда не выйду за другого.

— Возможно ли? — воскликнул молодой человек, вскакивая с места. — О, если бы я это знал!

— Успокойтесь, зло, содеянное вами, отчасти поправлено: дон Фернандо по моему приказанию вызволен из рук Паблито и в эту минуту находится в ачиенде Лас-Норис, откуда отправится в Мехико. Отец мой, который никогда мне ни в чем не отказывал, позволил мне соединиться с тем, кого я предпочитаю.

Она бросила на дона Торрибио взгляд, исполненный безмерной любви. Дон Торрибио был смущен. Он страстно желал, но не смел поверить только что сказанным словам. Сердце его снесдали сомнение и страх, что если она насмеется над ним?

— Неужели вы еще любите меня?

— Разве мое присутствие здесь не доказывает это? Иначе для чего бы мне приходиться сюда?

— Да, конечно, — вскричал дон Торрибио, опускаясь перед ней на колени. — Простите меня, сеньорита, я не ведаю, что говорю... О, я безмерно счастлив!

Торжествующая улыбка застыла на лице донны Гермозы.

— Если бы не любовь к вам, почему бы мне не выйти за дона Фернандо, тем более, что он теперь с нами, у нас в ачиенде.

— Да-да, вы правы! Сто раз, тысячу раз правы! О, женщины, загадочные существа! Кто может разгадать ваше сердце?

Донна Гермоза с трудом удерживала сардоническую улыбку. Лев был повержен к ее ногам, она одержала верх. Теперь она не сомневалась в успешном осуществлении своего замысла.

— Что мне сказать отцу? — спросила она.

Дон Торрибио вне себя от счастья принял торжественную позу.

— Сеньорита, скажите вашему отцу, что всю свою жизнь я буду благословлять те сладостные мгновения, которые вы мне подарили сегодня. Как только будет взят президио Сан-Лукар, я буду иметь честь явиться в ачиенду дона Педро де Луна.

Женская воля

Если некто особенно усердствует в доказательстве чего-то, то это невольно рождает подозрение, а следовательно, приводит к результату, обратному желаемому. Примерно то же самое имело место в описанном выше случае. Опьяненный счастьем дон Торрибио где-то в глубине души не доверял столь красноречивым изъяснениям чувств со стороны донны Гермозы. Но сам факт ее появления в лагере апачей усыпил его бдительность. Как часто умные и проницательные люди становятся жертвой той или иной своей слабости. И все потому, что доверяются лести людей, которым безгранично верят. Именно это и произошло с доном Торрибио. Мог ли он усомниться в искренности добропорядочной девушки, пришедшей признаться ему в любви?

Чего ради она стала бы обманывать его, если дон Фернандо Карриль спасен? Зачем ей было рисковать собственной репутацией, отправляясь в лагерь апачей?

Словом, в конце концов он принял желаемое за действительное. Блистательный молодой человек, занятый большой политикой, весь во власти честолюбивых грез, не удосужился изучить повадки лукавого существа, имя которому женщина.

Женщина — особенно мексиканка — никогда не прощает оскорблений, нанесенных тому, кого она любит. Он для нее — святыня, идол. К тому же донна Гермоза была единственной женщиной, которую любил дон Торрибио. Эта любовь слепила его, и он видел только то, что желал видеть.

— Теперь, — сказала донна Гермоза, — я могу остать-

ся в вашем лагере до прибытия моего отца, не опасаясь каких-либо оскорблений?

— Приказывайте, сеньорита, здесь все ваши рабы, — ответил дон Торрибио, поклонившись.

— Эта женщина, благодаря покровительству которой я добралась до вас, отправится на ачиенду Лас-Нориас.

Дон Торрибио подошел к выходу из хижины и два раза хлопнул в ладоши. Тотчас же явился индейский воин.

— Пусть для меня приготовят другую палатку. Эту я уступаю бледнолицым женщинам. Отряд отборных воинов под началом моего брата будет охранять их безопасность. Горе тому, кто посмеет проявить к ним хоть малейшее неуважение. Эти женщины священны. Они могут выходить куда угодно и принимать, кого пожелают. Брат мой понял меня?

Воин молча поклонился.

— Пусть брат мой велит приготовить двух лошадей.

Индеец вышел.

— Видите, сеньорита, — продолжал он, кланяясь донне Гермозе, — вы здесь царица.

— Благодарю вас, — ответила она.

Вынув из кармана письмо, приготовленное заранее и не запечатанное, она продолжала:

— Я была уверена в результате нашего разговора и написала обо всем отцу до того, как увиделась с вами. Прочтите, дон Торрибио, — добавила она с очаровательной улыбкой, но с внутренним трепетом.

— О, сеньорита! — воскликнул он, отстраняя письмо. — Дочь поверяет отцу свои сокровенные мысли и никому другому не полагается их знать.

Донна Гермоза медленно запечатала письмо, не обнаруживая ни малейшего признака тревоги, в которой она пребывала все это время, и вручила письмо Мануэле.

— Кормилица, улучи момент, когда отец будет один и вручи ему это письмо, а также объясни ему то, о чем я не могла упомянуть.

— Позвольте мне удалиться, — прервал ее дон Торрибио. — Я не хочу знать, какие поручения вы будете давать вашей служанке.

— Я несогласна, — лукаво сказала донна Гермоза. — Я не должна ничего скрывать от вас. Отныне вы будете знать самые сокровенные мои мысли.

Молодой человек засиял от удовольствия.

Тем временем привели лошадей. Когда дон Торрибио вышел отдать приказания апачу, донна Гермоза торопливо зашептала:

— Твой сын должен быть здесь через час, если возможно.

Дон Торрибио вернулся в палатку.

— Я сам провожу донну Мануэлу до оборонительного рубежа, чтобы вы не беспокоились о вашей посланнице.

— Благодарю вас, — ответила донна Гермоза.

Женщины бросились на шею друг другу и поцеловались так, будто расставались навсегда.

— Не забудь! — прошептала донна Гермоза.

— Будьте спокойны!

— Вы здесь у себя дома, — сказал дон Торрибио. — Никто не войдет сюда без вашего разрешения.

Донна Гермоза улыбнулась в ответ и проводила свою верную кормилицу до порога. Мануэла и дон Торрибио сели на лошадей и ускакали. Донна Гермоза провожала их взглядом и, когда топот их лошадей растворился в разноголосом шуме, опустила полог и вернулась в палатку.

— Я разыграла главную карту, теперь он должен открыть мне свои.

Четверть часа спустя Мануэла и ее проводник остановились в пятидесяти шагах от президио. За все время пути они не обменялись ни единым словом.

— Я вам больше не нужен, — сказал дон Торрибио. — Оставьте у себя эту лошадь, она может вам понадобиться. Да хранит вас Господь!

С этими словами он повернул лошадь, оставив старушку одну. Та огляделась по сторонам и решительно направилась в президио.

Едва Мануэла проехала несколько метров, как чья-то сильная рука схватила поводья ее лошади, к груди ее был приставлен пистолет и грубый голос спросил ее шепотом по-испански:

— Кто идет?

— Друг, — ответила она, леденя от ужаса.

— Матушка!

— Эстеван! Обожаемый сын мой! — радостно вскричала она и упала на руки сына.

— Откуда ты? — спросил он, прижимая ее к груди.

- Из лагеря краснокожих.
- Как? Уже? — удивился он.
- Да, барышня прислала меня к тебе.
- А кто тебя провожал, мамочка?
- Сам дон Торрибио.

— Проклятье! — воскликнул мажордом. — Он ускользнул от меня, а я целых пять минут прицеливался в него... Но здесь оставаться опасно. Поехали, там ты мне скажешь, что барышня поручила мне передать.

В президио Эстеван попросил мать рассказать ему все, что с ними случилось. Мануэла подробно рассказала сыну обо всем по порядку. Эстеван слушал ее, не переставая восклицать:

— О, мужчины! В сравнении с женщинами вы сущие глупцы!

Когда Мануэла закончила свой рассказ, он сказал:

— Нельзя терять ни минуты, матушка. Дон Педро должен получить от нее письмо немедленно. Бедный отец должен находиться в смертельном беспокойстве.

— Я поеду, — сказала Мануэла.

— Нет, — возразил он, — тебе нужно отдохнуть. У меня есть человек, который прекрасно исполнит это поручение.

— Как хочешь, — сказала она, отдавая ему письмо.

— Да, так будет лучше. Я отведу тебя в один дом, хозяйка — добрая женщина и позаботится о тебе.

— Ты поедешь к донне Гермозе?

— Еще бы! Бедная девушка! Неужели ты думаешь, что я оставлю ее одну среди язычников? К тому же она хочет сообщить мне что-то важное.

— Благодарю, Эстеван. Ты надежный человек!

— Ну, а как же иначе, матушка! Видно, уж так написано мне на роду.

Он поцеловал мать и, поручив ее заботам хозяйки, пошел искать человека, которого хотел послать к дону Педро де Луна.

Около костра, разведенного среди улицы, спали, закутавшись в плащи, несколько человек. Эстеван растолкал одного из леперов.

— Вставай быстро, срочно поедешь в ачиенду Лас-Нориа.

— Но я приехал оттуда полчаса назад, — пробормотал лепер, протирая глаза.

— Знаю, — ответил молодой человек, — именно поэтому я и посылаю тебя. Ты знаешь дорогу, а кроме того ты исполнишь поручение донны Гермозы.

— Донны Гермозы? — воскликнул лепер и проворно вскочил на ноги. — Говорите, что надо делать?

— Вот это другой разговор. Немедленно садись на лошадь. Вам придется отвезти дону Педро письмо его дочери. А вы понимаете, как важно его доставить в срок.

— Хорошо, я отправлюсь немедленно.

— Надеюсь, мне нет необходимости предупреждать, что письмо не должно попасть в чужие руки.

— Я понимаю!

— Вы должны сберечь его от посторонних глаз любой ценой.

— Не беспокойтесь, мажордом.

— И даже в случае вашей смерти оно не должно попасть в чьи бы то ни было руки.

— В крайнем случае я его съем.

Час спустя лепер скакал по дороге к ачиенде.

— Теперь моя очередь, — прошептал молодой человек, оставшись один. — Но как я смогу добраться до донны Гермозы?

Должно быть, вскоре у него созрел определенный план, потому что он немного повеселел и заспешил к крепости. После совещания с майором Барнумом, который после смерти полковника стал начальником президио, Эстебан переоделся индейцем и отправился в лагерь апачей.

Вернулся он незадолго до восхода солнца. Мать, с нетерпением ожидавшая его возвращения, бросилась ему навстречу.

— Ну что?

— Все идет как нельзя лучше. Ей-Богу, я думаю, что донна Гермоза заставит этого проклятого дьявола дорого заплатить за похищение дона Фернандо Карриля.

— Мне надо ехать к ней?

— Нет, пока этого не нужно.

Дон Эстебан едва удерживался на ногах от усталости, поэтому он не стал вдаваться в подробности и пошел отдыхать.

Прошло несколько дней. Индейцы не предпринимали атак, а только плотнее сжимали кольцо вокруг города, надеясь, что голод вынудит его жителей сдаться.

Те, кто находились в президио, не могли сделать и шага наружу, какое-либо сообщение с внешним миром было прервано, все отчетливее обнаруживался недостаток съестных припасов. Весь скот, загнанный в город в начале осады, был съеден, кое-кто уже был вынужден есть кожу.

План индейцев, без сомнения, удался бы, и мексиканцы в конце концов сдались бы на милость победителя. Однако у дона Эстевана родился план, пришедшийся по вкусу майору Барнуму, который был немедленно приведен в исполнение. В результате замысел Тигровой Кошки был напрочь разрушен, во избежании бунта индейцев он вынужден был начать наступление.

Мексиканцы, доведенные голодом до отчаяния, только о том и мечтали. Эстеван велел испечь двести пятьдесят пшеничных хлебов с мышьяком. Когда хлебы были готовы, их погрузили на уцелевших мулов вместе с восемьюдесятью бочонками водки, разбавленной купоросом. Вместе с десятью надежными соратниками дон Эстеван вызвался сопровождать этот зловещий груз.

Дальше события развивались так, как и предвидел Эстеван. Едва увидев бочонки с водкой, индейцы бросились навстречу каравану. Дон Эстеван и его спутники быстро побросали на землю всю кладь и вместе с мулами поспешно вернулись в город.

Тем временем индейцы, обрадованные столь желанной поживой, принялись пировать и пировали до тех пор, пока не была выпита вся водка и съеден весь хлеб.

Более двух тысяч индейцев скончались в страшных муках, остальные в страхе разбежались кто куда.

Вне себя от гнева индейцы в отместку учинили жестокую расправу над мужчинами, женщинами и детьми, которых они захватили в начале войны и держали в качестве заложников.

Даже донна Гермоза при том, что она находилась в лагере на особом положении, чуть было тоже не сделалась жертвой индейцев. Ее спасла чистая случайность.

Главный начальник решил, что дальше медлить нельзя. Он приказал Грифу созвать всех старейшин на совет в его палатку.

Когда все были в сборе, он объявил, что на рассвете будет предпринимать нападение на президио со всех сторон.

Дон Торрибио в качестве начальника также присутствовал на совете. Он сразу же после совета отправился к донне Гермозе.

С первого дня пребывания донны Гермозы в лагере Тигровая Кошка знал все, что ее касалось, вплоть до мельчайших подробностей. Он поздравил дона Торрибио со столь великолепной избранницей, но сам тщательно избегал возможной встречи с ней. Наблюдательный человек не мог бы не заметить, что Тигровая Кошка в глубине души таит какой-то коварный замысел, но дон Торрибио был слишком ослеплен своей любовью, чтобы усомниться в искренности старого разбойника. Владевшая им безумная страсть затмила сознание, вытеснив терзавшие его угрызения совести и стыд за совершенное предательство, за то, что он сделался сообщником диких и жестоких апачей.

Донна Гермоза, узнав, что дон Торрибио желает говорить с нею, изъявила согласие немедленно принять его. Донна Гермоза как раз беседовала со своим отцом: как только дон Педро получил письмо дочери, он немедленно отправился к ней и несколько дней уже находился в лагере.

Убранство палатки нельзя было узнать. Дон Торрибио приказал обставить ее дорогой мебелью, похищенной индейцами из разных ачиенд. Были установлены внутренние перегородки, и просторная палатка превратилась в европейское жилище из нескольких комнат.

С доном Педро приехала Мануэла, чему донна Гермоза была чрезвычайно рада, потому что теперь рядом был еще один надежный человек и потому что она была ей незаменимой помощницей в этих непривычных условиях. И наконец, постоянное присутствие старухи донны Мануэлы служило надежной гарантией того, что безудержная страсть дона Торрибио не выйдет за границы благоговейного почитания.

Вся эта любовная история дона Торрибио и пребывание в лагере донны Гермозы с отцом и служанкой вызывали неприязнь краснокожих, но они были бесконечно почтительны к Тигровой Кошке, а коль скоро тот не усматривал в этом ничего дурного, а сам дон Торрибио во всем помогал им, первым бросался в бой и последним отступал, то и они проявляли снисходительность — в конце концов, каждый имеет право устраивать свою судьбу, как того желает.

— Ну, — спросила донна Гермоза, едва дон Торрибио переступил порог, — сумел Тигровая Кошка усмирить волнение среди индейцев?

— Да, слава Богу, сеньорита! Однако поступок майора Барнума гнусен и не к лицу цивилизованному человеку.

— Может быть, майор неповинен в этом?

— О, это как раз похоже на белых. Мне тысячу раз приходилось слышать от них, что краснокожие не люди. Все средства хороши для их истребления: и пули, и яд. Одно только это их преступление лишний раз подтверждает правильность моего шага.

— Пожалуйста, не будем об этом говорить. Вы повергаете в ужас меня и вопреки моей воле вынуждаете согласиться с вами. Когда происходит подобное, начинаешь терять веру в людей.

— Что решили в совете? — спросил дон Педро, чтобы переменить тему разговора.

— Завтра на рассвете будет предпринято наступление на президио Сан-Лукар.

— Завтра? — с ужасом вскричала донна Гермоза.

— Да, завтра я надеюсь отомстить моим братьям по крови, которые вынудили меня отречься от них. Завтра я или выйду победителем, или погибну.

— Господь поможет доброму делу, дон Торрибио, — сказала донна Гермоза.

Дон Торрибио не понял смысла сказанного ею.

— Благодарю, кузина, — сказал он. — Во время сражения, которое обещает быть жестоким, я заклинаю вас, сеньорита, оставаться в палатке. Меня не будет рядом, а что может прийти в голову разъяренным апачам в случае поражения, предсказать невозможно. Вас будут охранять двадцать надежных вакеров. Впрочем, я дам вам знать, как только сражение кончится.

— Вы уже покидаете нас, дон Торрибио? — спросила донна Гермоза, видя, что он собирается уходить.

— Мне пора, сеньорита, я один из начальников индейцев. Мне необходимо кое-что проверить и подготовиться к грядущему дню. Прошу извинить меня.

— Прощайте, дон Торрибио, — сказала она.

Почтительно поклонившись донне Гермозе и ее отцу, дон Торрибио удалился.

— Все кончено, — прошептал дон Педро. — Мексиканцы не смогут отразить натиск индейцев.

Донна Гермоза выразительно посмотрела на отца и, наклонившись к его уху, тихо спросила:

— Папа, вы читали Библию?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, глупышка?

— Потому, — сказала она, лукаво улыбаясь, — что вы забыли историю Далилы.

— Ты что же, собираешься отрезать ему волосы? — спросил дон Педро с удивлением.

— Как знать! — загадочно проговорила она, приложив палец к розовым губкам.

Дон Педро недоумевающе пожал плечами.

Белые против краснокожих

Все краснокожие, а особенно апачи, начиная войну или готовясь к ней, проявляют удивительную предусмотрительность и конспирацию.

В этом смысле с ними не могут сравниться армии цивилизованных стран.

В три часа ночи, в то самое время, когда, притаившись в густой кроне деревьев, соловей оглашает окрестности своим божественным пением, Тигровая Кошка и дон Торрибио в полном боевом снаряжении молча скакали к центру лагеря, где возле огромного костра главные начальники курили трубки в ожидании верховного начальника. При появлении Тигровой Кошки индейцы вскочили, почтительно приветствуя своего вождя.

Тигровая Кошка подал им знак сесть и, обращаясь к колдуну, находившемуся тут же, спросил:

— Будет ли Властелин жизни благосклонен к воинам-апачам в той великой битве с бледнолицыми, в которой его сыны-индейцы намерены одержать победу над его притеснителями?

— Если начальники желают, — ответил колдун, — я спрошу Властелина жизни.

Он выпрямился во весь свой высокий рост, плотнее укутался в бизонью шкуру и три раза обошел вокруг огня, бормоча что-то, чего никто не мог понять, но, судя по всему, его слова имели таинственный смысл. Затем он наполнил кружку подслащенной водой, которая хранится в сосудах, сплетенных из тростника, и, омочив в ней ветку полыни, он окропил присутствующих, оставшуюся воду он выплеснул в три приема в ту сторону, откуда восходило солнце.

Потом, приняв настороженную позу и приложив руку к уху, стал внимательно прислушиваться к звукам, понятным только ему одному.

Вскоре снова послышалось залиvistое пение соловья. И тотчас же лицо колдуна исказилось в страшной гримасе, глаза налились кровью и, казалось, готовы были выскочить из орбит, беловатая пена выступила на губах, руки беспомощно повисли, тело содрогнулось в судорогах.

— Дух является! Дух является! — забормотали индейцы, охваченные суеверным страхом.

— Молчите! — сказал Тигровая Кошка. — Мудрец будет говорить!

И в самом деле, колдун исторг пронзительный свист, который затем сменился невнятной речью, постепенно становившейся все более и более ясной.

— Дух приближается, — вещал колдун, — он развязал свои длинные волосы, они развеваются по ветру. Ему будет принесено много жизней. Никто не способен ему противостать... Он — единственный властелин! Грудь белых будет исколота ножами апачей!.. Коршуны и уруби будут радоваться богатой поживе! Исторгните боевой клич! Мужайтесь, воины! Вами руководит Ваконда! Смерть — ничто, победа — все...

Произнеся еще несколько слов, смысл которых нельзя было понять, колдун повалился на землю и забился в конвульсиях.

Странное дело! Люди, только что внимавшие ему с таким беспокойством, теперь не удостоили его ни единым взглядом сострадания или участия, потому что согласно индейским поверьям, если у кого-то и хватит смелости дотронуться до человека, в которого вселился дух, его немедленно поразит смерть.

Как бы то ни было, как только отзвучали слова колдуна, заговорил Тигровая Кошка.

— Начальники великих апачских племен, вы видите, Бог ваших отцов благословляет вас. Отбросим сомнения, навсегда сокрушим наших тиранов. Земля индейцев теперь свободна, за исключением территории, занятой нашими притеснителями. Сегодня мы ее отвоюем и сбросим навсегда ненавистное испанское знамя, которое несло нам нищету и смерть! Мужайтесь, братья! Ваши предки, которые теперь охотятся в блаженных лугах, с радостью примут тех, кому суждено пасть в бою! А сейчас все должны

занять отведенные им позиции. Троекратное повторение через равные промежутки крика уруби будет служить сигналом к атаке.

Начальники поклонились Тигровой Кошке и разошлись. Тигровая Кошка, оставшись один, погрузился в раздумья.

Величественная тишина воцарилась над землей, прозрачный воздух застыл в неподвижности. Темно-синее небо усыпано звездами, луна щедро заливает серебристым светом все вокруг. Ничего не нарушало этой величественной тишины, и только изредка слышался какой-то неясный глухой звук, казавшийся могучим дыханием спящей природы.

Белый начальник, поклявшийся освободить индейцев от иноземных поработителей, употребил немало усилий, чтобы подготовиться к предстоящей операции, и теперь наедине сам с собой предвкушал скорую победу, в то же время без конца взывая к милости всевышнего не оставить его своими заботами. Внезапно кто-то коснулся его плеча, и он мгновенно вернулся к действительности. Отер со лба пот и оглянулся. Колдун взирал на него хмельными глазами и зловеще ухмылялся.

— Чего тебе надо? — сухо спросил Тигровая Кошка.

— Доволен ли мною отец мой? Хорошо ли говорил Ваконда с сахемами?

— Да, — коротко ответил Тигровая Кошка, содрогнувшись от отвращения. — Ты можешь идти.

— Отец мой велик и великодушен. Когда в меня вселяется дух, я испытываю ужасные страдания.

Тигровая Кошка вынул из-за пазухи жемчужное ожерелье и швырнул его негодяю, который схватил его с радостью.

— Уходи, — сказал Тигровая Кошка, брезгливо поморщившись.

Колдун, удовлетворенный, проворно ретировался.

Дон Торрибио, как и все начальники, направился к своему посту, но, отойдя на некоторое расстояние, поднял глаза к небу, чтобы попытаться по положению звезд определить, который был час.

— У меня есть в запасе время, — прошептал он и поспешил к палатке, где находилась донна Гермоза.

— Она спит и видит счастливые сны, — шептал он про себя. — Великий Боже, ты знаешь, сколь безгранична

моя любовь и чем ради нее я пожертвовал. Сделай же так, чтобы она была счастлива.

Он подошел к вакеру, который курил, не сводя глаз с палатки.

— Верано, — заговорил он с волнением, — я два раза спасал тебе жизнь, рискуя собственной. Ты это помнишь?

— Помню, — лаконично ответил вакер.

— Сегодня я прошу тебя об услуге. Могу я положиться на тебя?

— Говорите, дон Торрибио, все, что только в человеческих силах, я сделаю для вас.

— Благодарю, мой добрый товарищ. Моя жизнь, моя душа, словом, все, что есть у меня дорогого на этом свете, все заключено в этой палатке. Я поручаю ее тебе. Поклянись, что ты будешь ее защищать до последней капли крови.

— Клянусь, дон Торрибио. Все, что находится в этой палатке, священо. Я и вверенный мне отряд скорее умрем, нежели допустим оскорбления той, кого вы любите.

— Благодарю, — сказал дон Торрибио, дружески пожимая руку вакера.

Тот опустился на колени и почтительно поцеловал полу его плаща.

Окинув тоскливым взглядом палатку, в которой, как он сказал, заключалось все самое дорогое для него, дон Торрибио поспешно удалился.

— Теперь, — сказал он, — предстоит проявить себя настоящим мужчиной.

Как только Тигровая Кошка отдал распоряжение готовиться к наступлению, начальники отправились на отведенные им рубежи, где их воины в полной боевой готовности ждали приказа.

Распластавшись на земле, индейцы в назначенный час с присущей только им ловкостью и проворством по-змеинному поползли в густой высокой траве в направлении президио. Через час они уже достигли первого рубежа оборонительных сооружений мексиканцев.

Индейцы так искусно проделали эту операцию, ни единым звуком не нарушив ночной тишины, что со стороны могло показаться, будто лагерь спит безмятежным сном.

Однако за несколько минут до того, как Тигровая Кошка отдал сахемам приказ о наступлении, некий человек в

индейском костюме ускользнул из лагеря и ползком направился к президио.

У первого же рубежа укреплений его уже ждал товарищ, чутко вслушивающийся в ночную темноту.

— Ну что, Эстеван?

— Через час начнется атака на президио, майор.

— Как они намерены действовать?

— Приступом. Индейцы торопятся, боясь быть отравленными.

— Что делать?

— Умереть! — решительно ответил Эстеван.

— Прекрасный совет, нечего сказать. Умереть мы всегда успеем.

— Можно попытаться предпринять кое-что еще.

— Что именно, говори ради Бога!

— Все сделано, как мы условились?

— Да. Но что ты имеешь в виду?

— Дайте мне двадцать пять надежных вакеров.

— Бери, но что ты намерен предпринять?

— Предоставьте это мне, майор. За успех операции я не ручаюсь, потому что краснокожих демонов, что мух, но могу вас заверить, что их ряды существенно поредеют.

— Это в любом случае повредить не может, но как быть с женщинами и детьми?

— Женщин и детей, майор, я успел всех поместить в ачиенду Лас-Нориас.

— Слава Богу! Мы можем драться, как львы, дорогие нам люди находятся в безопасности.

— Временно, — глухо пробормотал дон Эстеван.

— Что ты этим хочешь сказать? Чего еще опасаться?

— Когда индейцы возьмут президио, они совершат набег и на ачиенду.

— Глупости, Эстеван, — улыбнулся майор, — а донна Гермоза?

— Да, конечно, — весело воскликнул Эстеван. — Я совсем забыл о донне Гермозе.

— Больше у тебя нет ко мне вопросов?

— Вот только еще одно.

— Говори, да поскорее, время не терпит.

— Сигналом к атаке будет тоекратный крик уруби, повторенный через равные промежутки времени.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, скорее всего они начнут атаку на рассвете.

Майор и Эстеван разошлись в разные стороны, чтобы, переходя от поста к посту, предупредить защитников президио о предстоящей атаке индейцев.

Накануне майор Барнум собрал жителей президио и со всей откровенностью обрисовал разработанный им план боевой операции. В заключение объявил, что лодки, причаленные под крепостью, готовы принять женщин, детей и стариков, и всех тех, кто по той или иной причине не пожелает участвовать в защите города. С наступлением ночи лодки отправятся в ачиенду Лас-Нориас, где всем прибывшим будет оказано гостеприимство.

К чести жителей президио, не пожелали остаться в городе лишь очень немногие из числа мужчин, способных держать оружие. Все оставшиеся были полны решимости стоять до конца.

Когда им объявили о предстоящей атаке апачей, они деловито заняли свои места за баррикадами и, превратившись в слух, стали ждать приказа стрелять по врагу.

Минул час, на позициях по-прежнему было спокойно. Мексиканцы уже стали думать, что дело кончится ложной тревогой, как это случалось уже не раз.

Вдруг среди ночной тишины, подобно вестнику смерти, прозвучал зловещий крик уруби. И вскоре повторился снова, вселяя отчаяние и страх в души защитников президио.

В третий раз крик уруби был особенно зловещим, и едва он успел смолкнуть, как индейцы с громкими криками устремились на окопы. Мексиканцы не были застигнуты врасплох и сражались мужественно, с отчаянием обреченных.

Индейцы рассчитывали быстро завладеть позициями мексиканцев в результате внезапного нападения, а потому, встретив такой решительный отпор, поспешно отступили. Вдогонку им неслись пушечные снаряды, заряженные картечью, сея беспорядок и смерть.

Эстеван со своими вакерами, воспользовавшись возникшей среди индейцев паникой, врезался в сплошную их гущу и принялся рубить направо и налево.

Два раза отряд Эстевана смело бросался на индейцев и оба раза те отступали.

Бой продолжался всю ночь с явным преимуществом белых. Апачи были уверены, что имеют дело с противником, значительно превосходящим их в численности.

Вскоре взошло солнце, и индейцы, словно вдохновленные его лучами, снова бросились в атаку. На сей раз их натиск оказался таким сильным, что белые дрогнули и отступили. Вдохновленные успехом, индейцы преследовали бегущего противника, но вдруг послышался страшный грохот, земля словно разверзлась, и вырвавшаяся из нее могучая сила подкинула индейцев высоко в небо. Оказалось, что майор предусмотрительно приказал заложить здесь мины, которые были подожжены в нужный момент. Все вокруг было усеяно разорванными на части трупами. Взрыв поверг индейцев в такое отчаяние, что они в ужасе стали разбегаться, не обращая внимания на призывы начальников.

Мексиканцы воспрянули духом. Но уже в следующую минуту наперерез разбегающимся скакал Тигровая Кошка на великолепной, черной, как ночь, лошади, размахивая священным знаменем объединенных племен.

— Трусые! — кричал он. — Если вы отказались от победы, то по-крайней мере будьте свидетелями моей смерти!

Заслужив грозный упрек начальника, даже самые трусливые индейцы устыдились своего малодушия и поспешили опять под знамена Тигровой Кошки, который так великодушно приносил себя в жертву.

Тигровая Кошка казался неуязвимым. Он находился в самой гуще схватки, отражая направленные на него удары древком знамени, которое сразу же снова взметалось у него над головой.

Вдохновленные мужеством своего начальника, индейцы, не боясь смерти, смело шли на врага с его именем на устах.

— Тигровая Кошка — Великий вождь апачей! Умрем за великого начальника!

Тот, в свою очередь, стремился всячески поддержать бравый дух апачей.

— Посмотрите, посмотрите! — кричал он, указывая на солнце. — Ваш отец благославляет нашу храбрость! Вперед! Вперед!

— Вперед! — вторили ему индейцы и с удвоенной яростью бросались на врага.

Однако эта ожесточенная атака не могла продолжаться долго, и это понимал майор. Индейцы были уже в городе, сражение шло на улицах. Мексиканцы отступали только

тогда, когда отстаивать очередной квартал было уже бесполезно.

Многочисленный отряд дона Торрибио быстро продвигался по улице, круто поднимавшейся к крепости.

Несмотря на то что отряд находился под непрерывным огнем пушек, стреляющих снарядами, апачи самоотверженно продолжали идти вперед, ведомые Тигровой Кошкой и доном Торрибио.

— Ну, теперь время свершить то, о чем мы говорили, — печально сказал майор Эстевану.

— Вы этого хотите? — спросил тот.

— Я этого требую, Эстеван, друг мой.

— Хорошо. Я не смею ослушаться вашего последнего приказа. Прощайте, майор, или до свидания там, на небе, потому что я погибну вместе с вами.

— Как знать, мой друг! Прощайте!

— Конечно, очень не хотелось бы погибать, — грустно проговорил Эстеван.

Они обменялись прощальным рукопожатием, потому что знали, что никогда больше не увидятся, если только не произойдет какого-нибудь чуда. Улучив момент, дон Эстеван во главе сорока отважных всадников выскочил из ворот крепости и помчался вниз навстречу индейцам. Индейцы невольно расступились, и отряд Эстева на бешеной скорости промчался сквозь них по направлению к реке.

Когда индейцы опомнились, отряд Эстева на уже погрузился в лодки, направляющиеся к ачиенде Лас-Нориас. Эстеван и его отряд, за исключением четверых, были спасены.

Майор, воспользовавшись замешательством среди индейцев, вызванным появлением отряда Эстева на, успел уйти с остальными защитниками президио в крепость и плотно затворить ворота.

Дон Торрибио сделал индейцам знак остановиться, и один направился к крепости.

— Майор, — громко крикнул он, — сдавайтесь, и вашему гарнизону будет гарантирована жизнь!

— Вы изменник и подлец, — ответил майор. — Вы предательски убили моего друга, который доверился вам, полагая вас честным человеком. Я не намерен сдаваться.

— В таком случае и вас, и всех, кто находится с вами, ждет неминуемая смерть. Вы не в состоянии защищаться.

Сдавайтесь ради спасения жизни всех, кто находится в крепости.

— Вы подлец! — вскричал майор. — Вот мой ответ.

— Назад! Назад! — крикнул Тигровая Кошка и, припорив свою лошадь, помчался со скоростью стрелы.

Индейцы повернули вспять, охваченные паническим страхом. Они метались из стороны в сторону и, наступая на пятки друг другу, улепетывали вниз по той самой дороге, по которой только что шли жестоким победным маршем.

Они слышали сначала какой-то зловещий гул — майор заложил порох под крепость, затем последовал невероятной силы взрыв. Через две-три секунды каменный гигант зашатался, словно пьяный великан, и, приподнявшись над землей, разорвался на части подобно гранате.

— Да здравствует отечество! — кричали защитники крепости.

Камни и разорванные на куски трупы сыпались на головы индейцев. Тигровая Кошка овладел Сан-Лукаром, но, как поклялся майор Барнум, он овладел не крепостью, а ее развалинами.

Со слезами ярости дон Торрибио водрузил знамя апачей на обломке стены величественной крепости Сан-Лукар.

Развязка

Прошло несколько дней после падения Сан-Лукара.

Город был разграблен дотла с присущим индейцам варварством. Только самые богатые дома по приказу Тигровой Кошки остались нетронутыми, их он пожаловал приближенным — начальникам.

Тигровая Кошка устроил свою главную квартиру в бывшем доме дона Торрибио Квируги в старом предместье, которую тот любезно предоставил своему новому начальнику.

Донна Гермоза с отцом поселились в своем доме. Город, где теперь хозяйничали индейцы, приобрел плачевный вид. От прошлой веселой и беззаботной жизни мексиканской колонии не осталось и следа. Во всем его облике были отчетливо видны следы жестокой бойни: груды камней от разрушенной крепости, зловонные трупы на каждом шагу, тучи хищных птиц, круживших над ними, запустение и мрак.

Спустя неделю после событий, описанных в предыдущей главе, утром в гостиной дона Педро де Луна три человека о чем-то беседовали вполголоса. Эти трое были сам дон Педро, донна Гермоза и Лючиано Педральва, который, облачившись в костюм вакера, походил на заправского разбойника, что невольно смешило донну Мануэлу, стоявшую на страже у окна.

— Итак, решено: Лючиано, друг мой, — говорил дон Педро. — Надо настроить флейты и приготовиться к танцам.

— Стало быть, церемония назначена на сегодня?

— Да, друг мой. Мы живем в странные времена в

странной стране. На своем веку я видел много революций, но такую вижу впервые.

— А я нахожу происходящее вполне логичным, с точки зрения индейцев, — сказала донна Гермоза.

— Может быть, дитя мое, я не буду спорить с тобой, но, признайся, разве месяц тому назад мы могли предположить, что здесь опять воцарится власть апачей?

— Я, конечно, в политике ничего не смыслю. Только мне кажется, дон Педро, что, претендуя на пост будущего властелина, Тигровая Кошка поступает не слишком хорошо.

— Что ты имеешь в виду, Лючиано, друг мой?

— То же, что и все. Письмо, отправленное им третьего дня дону Фернандо, с угрозой повесить его, если тот окажется в колонии.

— Если он еще сумеет его захватить! — живо откликнулась донна Гермоза.

— Конечно, это само собой разумеется, сеньорита.

— Почему ты удивляешься этому, Лючиано? — спросил добродушно дон Педро. — Боже мой! На свете случается столько необыкновенного! Я знаю множество людей, которым угрожали тем же, а между тем они живехоньки.

— Все равно, я на месте дона Фернандо поостерегся бы.

— Но сейчас речь не об этом. Возвращайся в ачиенду, Лючиано, и не забудь моих распоряжений.

— Положитесь на меня, сеньор, но еще одно слово.

— Говори, друг мой, только поскорее.

— Я очень встревожен насчет дона Эстевана, — сказал он, понизив голос, чтобы не услышала донна Мануэла. — Вот уже шесть дней, как мы о нем ничего не знаем.

Донна Гермоза лукаво улыбнулась.

— Эстеван не такой человек, чтобы исчезнуть, не оставив следов, — сказала она. — Успокойтесь, вы увидите его, когда придет время.

— Тем лучше, сеньорита, потому что это человек, на которого можно положиться в любой ситуации.

— Дон Торрибио! — сообщила донна Мануэла.

— Гм! Стало быть, мне пора убираться.

— Пойдемте, пойдемте, — сказала Мануэла.

Поклонившись дону Педро и донне Гермозе. Лючиано последовал за Мануэлой.

Едва захлопнулась одна дверь, как отворилась другая, и вошел дон Торрибио.

На нем был великолепный индейский костюм, но выглядел он озабоченным и печальным. Поклонившись дон-не Гермозе, он дружески пожал руку дону Педро и сел на предложенный ему стул. После положенных приветствий дочь ачиендера, встревоженная видом молодого человека, наклонилась к нему и с весьма искусно разыгранным трогательным участием спросила:

— Что с вами, дон Торрибио? Какие-нибудь неприятности?

— Нет, сеньорита, благодарю вас за трогательное участие, которое вы неизменно принимаете во мне. Будь я честолюбив, все мои желания были бы удовлетворены через несколько дней. Получив вашу руку, я осуществлю мечту всей моей жизни. Вы видите, сеньорита, — добавил он с печальной улыбкой, — я открываю перед вами сокровенные глубины моего сердца.

— Я благодарна вам, дон Торрибио, однако все эти дни вы были совсем другим. Должно быть, что-нибудь случилось...

— Ничего, уверяю вас, касающееся меня лично, — перебил он. — Но чем ближе минута, когда должна совершиться церемония вступления во владение этой завоеванной нами землей, тем сильнее овладевает мною уныние. Я отнюдь не одобряю намерения Тигровой Кошки официально объявить себя независимым начальником. Это сумасбродство, которое я не могу понять.

Тигровая Кошка должен прекрасно понимать, что ему не удастся удержаться здесь. При всей своей храбрости апачи не в состоянии противостоять хорошо обученному и снаряженному войску, которое мексиканское правительство незамедлительно направит против нас, как только узнает о случившемся.

— Нельзя ли уговорить Тигровую Кошку переменить свое намерение?

— Я употребил немало усилий, чтобы убедить его в неблагоразумии задуманного им, но он ничего не желает слушать. Человек этот преследует какую-то цель, которую он тщательно скрывает. Все его рассуждения о необходимости защитить индейцев от истребления и сохранения их, как биологического рода, представляются мне всего лишь предлогом.

— Вы меня пугаете, дон Торрибио. Если так, то зачем же вам оставаться с этим человеком?

— Что я могу сейчас сделать? Я — отступник. Признаюсь вам, сеньорита, хотя внешне все обстоит благополучно и, по-видимому, меня ждет лучезарное будущее, но вот уже несколько дней меня снедает тоска, все видится мне в мрачном свете, словом, меня мучит какое-то тягостное предчувствие, и я буквально не нахожу себе места.

Донна Гермоза окинула его проницательным взглядом.

— Прогоните прочь эти печальные мысли. Ваша судьба уже решена, ничто не может ее переменить.

— Я это понимаю, сеньорита, как гласит пословица, пока несешь чашу к устам, она может ненароком разбиться.

— Полно, полно, дон Торрибио! — весело сказал дон Педро.

— Прошу к столу. Вероятно, это последний наш завтрак до вступления во владение Тигровой Кошки. Ведь церемония, если не ошибаюсь, назначена на сегодня?

— Да, — ответил дон Торрибио, предлагая руку донне Гермозе, чтобы проводить ее в столовую.

Завтрак был великолепен.

Поначалу за столом царило молчание. Казалось, сидевшие там были чем-то стеснены, но мало-помалу, благодаря усилиям донны Гермозы и ее отца, атмосфера оживилась, и потекла спокойная беседа. Однако дону Торрибио было трудно скрыть обуревавшие его тревожные мысли.

В конце завтрака дон Торрибио обратился к донне Гермозе.

— Сеньорита, сегодня вечером решается моя судьба. Присутствуя на сегодняшней церемонии в костюме индейского начальника, я открыто бросаю вызов моим соотечественникам и тем самым подтверждаю, что перешел на сторону краснокожих, и то, что они сочли обычным набегом индейцев, в действительности было организованное Тигровой Кошкой и мною восстание целого народа. Мне известны амбиции белых. При том, что они просто не в состоянии обрабатывать земли, которыми владеют, они не захотят позволить нам пользоваться законно приобретенными нами посредством оружия землями. Мексиканское правительство предпримет против нас войну. Могу я положиться на вас?

— Прежде чем ответить, прошу вас, дон Торрибио, объяснить яснее.

— Сейчас я это сделаю. Испанцы опасаются, что по-

сле восстания индейцы начнут истреблять белых. Мой брак с мексиканкой будет служить залогом мира, гарантирующим испанцам в дальнейшем свободу торговли и прочих сношений, которые мы установим с ними. Как бы ни были возражения старейшин индейских племен, Тигровая Кошка и я не сойдем с избранного нами пути. Поэтому прошу вас, сеньорита, честно и прямо ответить на вопрос: вы действительно решили отдать мне вашу руку?

— Какая необходимость сейчас обсуждать столь важный вопрос? — ответила она. — Разве вы не уверены во мне?

Дон Торрибио нахмурился.

— Всегда один и тот же ответ. Дитя, вы играете со львом. Если бы я не взял вас под защиту в эту неделю, вы были бы убиты. Неужели вы думаете, что мне неизвестны ваши уловки и что я не вижу ваших намерений? Вы затеяли опасную игру и сами угодили в расставленные вами сети. Вы целиком в моей власти. Теперь я диктую свое условие: завтра вы обвенчаетесь со мною. Залогом вашего повиновения будут служить головы дона Педро и дона Фернандо.

Схватив хрустальный графин со свежей водой, он наполнил свой стакан и разом опорожнил его.

— Через час, — продолжал он, так грохнув стаканом по столу, что он разлетелся вдребезги, — начнется торжественная церемония. Вы должны стоять рядом со мной.

— Я там буду, — спокойно ответила донна Гермоза.

— Прощайте, — все так же мрачно сказал он и вышел, бросив на нее холодный взгляд.

Донна Гермоза быстро поднялась и, налив из графина воды, прошептала:

— Дон Торрибио, дон Торрибио, ты же сам сказал, пока несешь чашу к устам, ненароком можешь ее разбить. Или жаждущий умереть...

— Пора кончать, — сказал дон Педро.

По знаку дочери он вышел на террасу и поставил у баллюстрады две жардиньерки с цветами. Должно быть, это было условным сигналом, потому что буквально через несколько минут Мануэла вошла в гостиную, говоря:

— Он здесь.

— Пусть войдет, — воскликнули одновременно дон Педро и его дочь.

Дон Эстебан вошел в столовую.

Дон Педро приказал донне Мануэле быть как никогда бдительной, тщательно запер двери и, сев возле молодого человека, вполголоса спросил:

— Ну, Эстеван, друг мой, что нового?

Главная площадь в этот день выглядела празднично. Огромная эстрада, обитая красным бархатом, возвышалась в самом ее центре.

На этой эстраде было установлено кресло красного дерева, справа от него — еще одно, поскромнее, а за ними полукругом стояли стулья.

Ровно в полдень, в ту минуту, когда солнце достигло зенита, пять пушечных выстрелов возвестили о начале торжественной церемонии.

В ту же минуту с разных сторон на площадь ступили племена апачей, составляющих армию Тигровой Кошки, в парадной одежде, под предводительством своих главных начальников.

Воинов было немного, не более полуторы тысячи человек, потому что, по индейскому обычаю, сразу после взятия президио добыча была отправлена по индейским селениям в сопровождении живущих в них индейцев. В торжественной церемонии участвовали только самые знатные воины, всей душой преданные Тигровой Кошке.

После победы над мексиканцами Тигровая Кошка не считал нужным держать при себе большое войско, тем более, что оно немедленно соберется по первому сигналу.

Собравшиеся на площади индейцы построились в три колонны, четвертую составили появившиеся за ними вакеры, в количестве двухсот человек.

Индейцы были пешие и почти безоружные, если не считать заткнутые за пояс ножи. Вакеры же на конях были вооружены с головы до ног.

Оставшиеся в городе иностранцы, англичане, французы, немцы, испуганно выглядывали из окон домов, выходящих на площадь.

Индейские женщины, тоже пришедшие на торжество, в беспорядке столпились позади воинов, вытягивая шеи.

Перед эстрадой, у подножия наскоро сооруженного жертвенника в виде стола с глубокой выемкой, стоял главный колдун апачей в окружении колдунов низшего ранга. Все со скрещенными на груди руками, с опущенными вниз глазами.

Когда все заняли свои места, прозвучало еще пять выстрелов. И пышная кавалькада въехала на площадь. Возглавлял ее Тигровая Кошка, важно восседая на своей красивой лошади со знаменем в руках. По правую руку от него ехал дон Торрибио со священной трубкой, а позади, на некотором расстоянии — дон Педро его дочь и другие почетные граждане города.

Тигровая Кошка сошел с лошади, поднялся на эстраду и стал перед большим креслом, но не сел в него.

Дон Торрибио помог донне Гермозе сойти с лошади и стал перед вторым креслом.

Лицо дона Торрибио, всегда более бледное, сейчас покрылось красными пятнами. Он без конца отирал пот со лба и всячески старался скрыть внутреннее волнение.

Донна Гермоза стала позади отца в нескольких шагах от эстрады. Она также испытывала внутреннее волнение, нервный трепет то и дело пробегал по ее телу. Ее бледное лицо то и дело покрывалось лихорадочной краской. Она неотрывно смотрела на дона Торрибио.

Начальники апачей приблизились к жертвеннику. И в третий раз загревели пушечные выстрелы. Колдуны расступились, и взгляду присутствующих открылся лежавший на земле накрепко связанный человек.

Главный колдун обратился к толпе.

— Вы все, слушающие меня, знаете, по какому поводу мы здесь собрались. Наш дед Солнце благословил нас на правое дело, Ваконда вел нас в бой. Мы победили, как нам обещали месяц тому назад великие начальники. От имени Тигровой Кошки, нашего высокочтимого начальника, и от нашего собственного принесем же Властелину жизни жертву и попросим его не оставлять нас своим всемогущим покровительством. Колдуны, принесите жертву!

Колдуны схватили несчастного и положили его на жертвенник. Это был мексиканец-трактирщик, захваченный в плен при взятии старого президио, тот самый трактирщик, который фигурировал в одной из первых глав этого романа. Снедаемый жадностью, он не пожелал покинуть свой жалкий трактир и оказался в руках индейцев.

Между тем дону Торрибио становилось все хуже: глаза его наливались кровью, в ушах стоял звон, стучало в висках. Он вынужден был ухватиться за ручку кресла.

— Что с вами? — спросила донна Гермоза.

— Не знаю. Может быть, жар, а может быть, волнение. Мне не хватает воздуха, но, надеюсь, это пройдет.

Между тем с трактирщика сняли одежду, оставили только панталоны. Несчастный страшно кричал. Колдун приблизился к нему, размахивая ножом.

— Ах, это ужасно! — воскликнула донна Гермоза, закрыв лицо руками.

— Молчите! — прошептал дон Торрибио. — Так надо!

Колдун, не обращая внимания на душераздирающие крики жертвы, хладнокровно прикидывал, куда лучше нанести удар, в то время как несчастный взирал на своего палача глазами, полными мольбы и ужаса.

Вдруг колдун взмахнул ножом и вонзил его глубоко в грудь жертвы. Несчастный страшно завыл и тотчас же умолк навсегда. Тогда колдун, погрузив руку в зияющую рану несчастного, вырвал еще трепещущее сердце. В эту минуту индейские начальники устремились на эстраду и подняли кресло с сидящим в нем Тигровой Кошкой.

— Да здравствует победитель бледнолицых, великий сахем апачей! — восторженно кричали они.

Колдуны орошали толпу кровью жертвы. Обезумевшие от восторга индейцы, топали ногами и оглушительно кричали.

— Наконец, — торжественно изрек Тигровая Кошка, — я сдержал обещание: белые навсегда изгнаны из этого края!

— Пока еще нет, — громко сказал дон Педро, — смотри!

Произошла как бы перемена декораций в театре.

Вакеры, до той поры бесстрастные свидетели сцены, вдруг устремились на беззащитных индейцев, между тем как со всех сторон на площадь хлынули мексиканские войска, окна близлежащих домов оцетинились ружьями, стрелявшими по индейцам.

Над толпой индейцев были отчетливо видны фигуры дона Фернандо Карриля, Лючиано Педральвы и дона Эстевана, безжалостно разивших безоружных вояк.

— О! — вскричал дон Торрибио, размахивая знаменем. — Какое коварное предательство!

Он хотел броситься на помощь индейцам, но у него подкосились ноги и кровавое покрывало застлало ему глаза.

— Боже мой! Что это со мной! — с ужасом прошептал он.

— А то, что ты умрешь! — услышал он голос дона Эстевана, крепко схватившего его за руку.

— Лжешь! — дон Торрибио попытался приподняться. — Я хочу спасти моих братьев.

— Братья твои мертвы. Ты намеревался убить дона Педро, его дочь, дона Фернандо и меня! Умри, злодей, тебя настигло возмездие. Я напоил тебя ядом.

— О! — в отчаянии простонал дон Торрибио, пытаясь на коленях добраться до края эстрады. — Горе! Горе! Господь справедлив...

На площади мексиканцы яростно колотили индейцев.

— Это вам за дону Хозе Калбриса! --- кричали они: — А это за майора Барнума!

Это было не сражение, а настоящая бойня. Несколько начальников попытались взобраться на эстраду, преследуемые доном Фернандо и его друзьями.

Дон Торрибио, собрав последние силы, как ягуар, прыгнул на дону Фернандо и схватил его за горло.

— По крайней мере я не погибну неотомщенный, — крикнул он, но в следующую же минуту разжал руки.

— Нет, это было бы низко с моей стороны. Моя жизнь принадлежит этому человеку, он ее выиграл.

Присутствующие не могли удержаться от восторженных возгласов. Дон Эстебан хладнокровно прицелился в грудь дона Торрибио и выстрелил.

— Такой конец ждет всех предателей, — сказал он.

— Боже мой! — закричал дон Торрибио, усилием воли заставивший себя приподняться, и, обратив сияющий взор к небу, продолжал: — Великий Боже, благодарю тебя, ты меня прости!

Лицо его приняло умиротворенное выражение и, опрокинувшись назад, он умолк навсегда.

Донна Гермоза исчезла.

Когда Тигровая Кошка понял, что продолжать сражение бессмысленно и дальнейшее пребывание здесь опасно для жизни, он собрал горстку преданных ему храбрых воинов, схватил донну Гермозу, невзирая на ее крики и мольбы, перекинул через седло и на полном скаку помчался сквозь гущу сражения.

Когда мексиканцы сообразили, что произошло, было уже поздно; словно орел, уносящий в когтях добычу, он мчался на бешеной скорости прочь от разрушенной крепости.

Месяц спустя

Было около четырех часов вечера. Сквозь стволы деревьев проглядывал огромный огненный диск солнца, повисшего над самым горизонтом. Птицы устраивались на ночлег в густом массиве деревьев. Вдали среди густой травы порой появлялись стаи волков, или вдруг выскакивали из-за деревьев олени и косули и, наострив уши, тотчас же обращались в бегство. Все свидетельствовало о скором наступлении ночи.

На прогалине среди девственного леса, за двести миль от Сан-Лукара, где происходили ужасные события, описанные нами в предыдущей главе, два человека в костюмах мексиканских старателей сидели на черепах бизонов у яркого костра, от которого, однако, не было дыма.

Это были дон Эстебан Диас и Лючиано Педральва. Приставив для удобства ружье к ноге, они молча курили пахитоски.

Пеоны и погонщики мулов расположились рядом, возле вьючных лошадей. Десять верховых лошадей были привязаны недалеко от шалаша, вход в который был завешан одеялом. Один пеон неподвижно стоял на берегу узкого ручейка, протекавшего по краю прогалины, охраняя этот маленький отряд.

Судя по вытоптанной траве, лежащей на земле утвари и развешанным на деревьях окорокам дичи, нетрудно было догадаться, что это стоянка не из тех, что лесные всадники устраивают на одну ночь и покидают с восходом солнца, а настоящий лагерь, какой охотники устраивают в степи во время охоты.

Из шалаша вышел дон Педро. Бледное лицо его было

печально и задумчиво. Он огляделся по сторонам и, приблизившись к дону Эстевану и Лючиано, спросил с беспокойством:

— Ну что?

— Пока ничего, — ответил дон Эстеван.

— Такое длительное отсутствие непонятно. Никогда прежде дон Фернандо не отлучаялся так надолго.

— Да, минуло уже тридцать часов, как он уехал, — сказал Лючиано. — Только бы не случилось с ним никакой беды!

— Нет! — возразил Эстеван. — Дон Фернандо хорошо знает пустыню, он изъездил ее вдоль и поперек, так что какая-либо случайность невозможна.

— Подумайте, — продолжал дон Педро, — эта почти неизведанная страна кишмя кишит ядовитыми змеями, хищными зверями.

— Вы забываете, — живо отозвался дон Эстеван, — что дон Фернандо и Каменное Сердце — одно и то же лицо, что как раз в этих местах прошла большая часть его жизни. Он много лет охотился здесь за пчелами. Нет, уверяю вас, с нашим другом ничего не могло случиться.

— Тогда объясните мне причину столь длительного отсутствия.

— Вы знаете, дон Педро, с какой готовностью он предложил нам свое содействие, когда, обезумев от горя и отчаяния, мы пребывали в растерянности, не зная с чего начать поиски донны Гермозы. Из президио мы шли по невидимому следу, только дон Фернандо, привыкший читать на великих страницах пустыни, был способен различать эти следы с необычайной легкостью. Здесь следы обрывались, и самые тщательные их поиски не дали никаких результатов. Вот уже на протяжении недели каждый день до восхода солнца дон Фернандо садится на лошадь и отправляется на поиски. Трудности только удесятеряют его энергию. Вчера, по обыкновению, он покинул лагерь задолго до восхода солнца. Как знать, может быть, ему, наконец, удалось напасть на след и он увел его достаточно далеко отсюда.

— Дай-то бог! Эта мысль мне и самому приходила на ум, но разве можно в это поверить после столь продолжительных бесплодных поисков.

— Вы забываете, дон Педро, что мы имеем дело с апа-

чами — самыми изощренными в пустыне, как никто другой умеющими искусно скрывать свои следы.

— Я слышу лошадиный топот, — сказал Лючиано, прикладывая руку к уху.

— И правда, — вскричал дон Педро.

— Да, — подтвердил дон Эстебан. — Я также слышу шум. Только это топот не одной лошади, а двух или трех.

— Дон Фернандо уехал из лагеря один, — как бы отвечая собственным мыслям, проговорил дон Педро.

— Может быть, он встретился с кем-нибудь на дороге?

— Дурно, дон Эстебан, — печально сказал дон Педро, — шутить в нынешних обстоятельствах. Это оскорбляет мои отцовские чувства.

— Да сохранит меня Господь от шуток в подобной ситуации, дон Педро. Топот становится все ближе. Скоро все выяснится. Я имел лишь в виду, что дон Фернандо мог захватить какого-нибудь индейского бродягу в ту минуту, когда, притаившись в кустах, тот целился в него.

— Это действительно так, — радостно воскликнул Лючиано. — Смотрите!

В эту минуту прозвучал ответ дона Фернандо на вопрос часового «Кто идет?», и два всадника выехали из густых зарослей кустарника, окружавшего прогалину как бы естественным барьером.

Дона Фернандо действительно сопровождал человек, которого, вероятно, для того, чтобы тот не убежал, он накрепко привязал к лошади.

Впрочем, пленник, по-видимому, не тяготился этим, он величественно раскачивался в седле, высоко держа голову и высокомерно поглядывая по сторонам.

Подъехав к костру, у которого сидели друзья дона Фернандо, человек этот вежливо поклонился, по-видимому, вовсе не смущаясь холодностью, с которой его здесь встретили.

Человек оказался никем другим, как Тонилю эль-Сапоте, с которым наш читатель встречался уже не раз.

Зато дону Фернандо был оказан самый радушный прием. Другам не терпелось узнать обо всех подробностях, тем более что хорошее настроение дона Фернандо рождало в их сердцах надежду на добрые вести.

Пожав руки всем троим, дон Фернандо сошел с лошади и развязал ремень, которым были связаны ноги пленника.

— Уф! — облегченно вздохнул вакер. — Благодарю

вас, дон Фернандо! Я уже начал было приходить в отчаяние, клянусь вам. Ноги так колет, будто в них воткнули тысячу булавок.

Он спрыгнул с лошади и тяжело повалился на землю, не будучи в состоянии удержаться на затекших ногах. Лючиано поспешил ему на помощь.

— Это ничего, — сказал вакер, любезно улыбаясь. — Благодарю вас, кабальеро. Через несколько минут кровообращение восстановится, и все пройдет. Только в другой раз я вас попрошу, дон Фернандо, не связывайте меня так крепко.

— Это будет зависеть от вас, Сапоте. Поклянитесь, что не будете пытаться убежать, и я не стану вас связывать.

— Если так, то мы легко договоримся. Клянусь надеждой попасть после смерти в рай, что я не буду пытаться убежать.

— Хорошо, я вам верю.

— Честный человек должен твердо держать слово, — ответил вакер. — У вас не будет повода упрекнуть меня. Я раб своего слова.

— Тем лучше для вас, если это действительно так. Но я вам не очень доверяю в свете последних событий. А ведь как вы меня уверяли в своей верности данным обещаниям.

Слова дона Фернандо, однако, нисколько не смутили вакера.

— Таков удел людей, одаренных добрым сердцем, — сказал он, лукаво улыбаясь. — Я никогда не нарушал данное вам обещание.

— Даже когда вместе с такими же негодьями, как вы, совершили предательство, открыв индейцам путь в президио. Или когда устроили мне подлую ловушку?

Вакер чуть заметно улыбнулся.

— Да, сеньор Фернандо, в этих двух случаях, о которых вы говорите, я оставался вам верен.

Дон Фернандо начинал терять терпение.

— Любопытно было бы узнать, в чем же проявлялась ваша верность?

— Я был по-своему вам верен.

Этот ответ был столь неожиданен, что все присутствующие невольно рассмеялись.

Сапоте поклонился с горделивым смирением, обычно присущим людям неоспоримого достоинства, считающим себя непонятыми гениями.

— Словом, скоро у нас будет возможность проверить это, — продолжал дон Фернандо, пожимая плечами. — Я воочию увижу цену вашей верности.

Сапоте молча уставил глаза в небо, как бы призывая его в свидетели проявленной к нему несправедливости.

— Прежде всего позвольте мне закусить, — сказал дон Фернандо. — Я умираю от голода. После отъезда из лагеря я не пил и не ел ничего.

Эстеван проворно разложил перед ним еду, и дон Фернандо пригласил пленника разделить с ним трапезу. С ужином было вскоре покончено, и, утолив аппетит, дон Фернандо не стал более испытывать любопытство друзей и рассказал им с величайшими подробностями о причине своего продолжительного отсутствия.

Как и предполагал дон Эстеван, он действительно напал на след столь долго и безуспешно отыскиваемый, который уходил на юго-запад в доселе неизведанные земли дальнего Запада.

Дон Фернандо ехал в течение нескольких часов по следу с упорством, свойственным разве что охотникам, желая удостовериться, настоящий ли он, или очередная хитрость индейцев.

Чтобы сбить с толку преследователей, краснокожие запутывают свои следы, если не уничтожают их вовсе так, что становится невозможно распознать, где настоящий след, а где ложный. На этот раз они прибегли к такому искусному способу, разгадать который оказалось по силам только Каменному Сердцу. Любой другой охотник неизбежно запутался бы в этом лабиринте следов.

Обрадовавшись своему открытию, дон Фернандо поспешил в лагерь, не пренебрегая, однако, предосторожностями, каких требует благоразумие в стране, где за каждым деревом или кустом может таиться смерть. Внезапно его внимание привлекло какое-то легкое движение в траве. Он тихо соскользнул с лошади и, вооруженный только заткнутым за пояс ножом, пополз, словно змея, к тому подозрительному месту.

Вскоре он был уже у цели, и ему стоило больших усилий удержаться от возгласа радости и изумления, при виде спокойно сидящего на земле Сапоте. Вакер заканчивал завтрак, держа в руке узду своей лошади.

Дон Фернандо подполз поближе и, старательно рассчитав расстояние, прыгнул, как ягуар, на вакера, прежде

чем тот успел опомниться. Дон Фернандо связал вакера, лишив его возможности сопротивляться.

— Какая неожиданная встреча! — сказал дон Фернандо, опускаясь на траву рядом с пленником. — Как поживаете, Сапоте, друг мой?

— Вы очень добры, — серьезно ответил тот. — Я немножко кашляю.

— О, бедный кабальеро! Надеюсь, кашель скоро пройдет.

— Я тоже надеюсь, сеньор. Однако признаюсь вам, что он меня тревожит.

— Успокойтесь, я берусь вас вылечить.

— А! Вы знаете лекарство, сеньор?

— Да, прекрасное лекарство, которое я намереваюсь вам прописать.

— Вы очень добры, но, может быть, это для вас обременительно?

— Нисколько, — возразил дон Фернандо, — судите сами, я предполагаю раздробить вам голову пистолетным выстрелом.

Вакер почувствовал, как нервная дрожь пробежала по его телу, однако сохранил присутствие духа.

— Вы думаете, что это лекарство меня вылечит?

— Радикально, я в этом убежден.

— Гм! При всем моем уважении к вам, сеньор, я вынужден признаться, что на этот счет придерживаюсь иного мнения.

— Напрасно, — парировал дон Фернандо, хладнокровно взводя курок пистолета. — Сейчас вы изведаете эффект моего лекарства.

— И вы считаете, сеньор, что никакого другого лекарства, кроме этого, не существует?

— Право, не существует.

— Это лекарство кажется мне слишком сильным.

— Это вам только кажется. Вы скоро поймете, что ошиблись.

— Возможно. Я не смею спорить с вами, сеньор. Но разве вы очень желаете дать мне ваше лекарство именно здесь?

— А вы знаете более подходящее место?

— Кажется, знаю, сеньор.

— Вот как! Какое же?

— Боже мой! Возможно, я ошибаюсь, сеньор, но, по-

моему, было бы жаль, если бы за недостатком свидетелей никто не узнал о столь чудодейственном лекарстве. Поэтому я желал бы пригласить вас в одно место, где мы сможем найти свидетелей.

— Прекрасно. И вы знаете такое место недалеко отсюда?

— Да, кабальеро. Я даже думаю, вы будете очень рады увидеть тех, кому я вас представлю.

— Все зависит от того, кто эти люди.

— О! Вы прекрасно знаете их, сеньор. Во-первых, Тигровая Кошка, весьма любезный господин.

— И вы обязуетесь доставить меня к нему?

— В любое время. Если угодно, хоть сейчас.

Дон Фернандо заткнул пистолет за пояс.

— Нет, не сейчас, — сказал он. — Сначала нам надо отправиться в лагерь, где меня ждут друзья. Я нахожу вашу болезнь не столь серьезной, поэтому с лекарством можно повременить. К нему можно прибегнуть в любое время.

— О! Конечно, кабальеро, уверяю вас, нет никакой необходимости в спешке.

Договорившись таким образом, эти люди прекрасно понимали, чего можно было ждать друг от друга.

Дон Фернандо не питал ни малейшего доверия к Топильо, поэтому не стал искушать его соблазном бегства и крепко-накрепко связал ему ноги, чему тот нисколько не противился.

Поскольку, пока они беседовали, наступила ночь, то они решили там же и заночевать, а на рассвете отправиться в лагерь. Два или три раза Топильо пытался освободиться от пут, но каждый раз на него немедленно устремлялся строгий взгляд голубых глаз дона Фернандо.

— Вам плохо, любезный сеньор? — спросил его дон Фернандо с лукавой усмешкой при его последней попытке.

— Нисколько, — ответил тот, — нисколько, сеньор.

— Но тогда извините меня. Я думал вам стало хуже. Я обеспокоен вашей бессонницей.

После этого Топильо уgomонился и уснул. Когда же он проснулся на восходе солнца, дон Фернандо был уже на ногах, и лошади оседланы.

— А! Вы уже проснулись? Хорошо ли вы провели эту ночь?

— Бесподобно. Только ноги немножко затекли. Не мешал бы небольшой моцион.

— Сказалось действие росы, — невозмутимо ответил дон Фернандо. — Ночью довольно свежо.

— Черт побери! Только бы не приключился у меня ревматизм, — парировал Топильо с усмешкой.

— О! Надеюсь этого не случится. Езда пойдет вам на пользу.

С этими словами дон Фернандо взвалил его на плечо и бросил поперек лошади, но после некоторого раздумья развязал ему ноги, не желая таким обращением восстановить против себя человека, который мог сообщить ему полезные сведения.

Топильо был огорчен перспективой отправиться в путь в таком непривычном положении и очень обрадовался, когда ему было позволено занять сидячее положение, хотя и со связанными под брюхом лошади ногами. Так они и доехали до лагеря, мирно беседуя, казалось, бы на отвлеченные темы, словно два закадычных друга.

До погони

На протяжении всего рассказа дон Фернандо Сапоте сидел с напыщенным видом, изредка кивая в знак согласия или довольно улыбаясь. Когда дон Фернандо закончил свой рассказ, заговорил Сапоте.

— Видите, сеньоры, — сказал он примирительным тоном. — Я без всяких возражений последовал за этим достойным кабальеро. Это значит, что я готов повиноваться вам во всем.

Дон Фернандо улыбнулся.

— Мне совершенно безразлично, как вы ко мне относитесь. Но, кажется, я убедительно доказал, что нисколько не боюсь вас. Только хочу вам напомнить на всякий случай, что несколько раз держал вашу жизнь в своих руках и никогда не пытался отнять ее у вас.

— Я глубоко вам признателен за это, сеньор.

— Полноте, сеньор Сапоте. Вы явно принимаете меня за простака. Я так же мало верю вашим словам, как и вашему расположению ко мне, мое терпение иссякло, и если вы опять позволите себе что-нибудь подобное в отношении меня, снисхождения не ждите.

— Я очень хорошо понимаю все, что вы изволите говорить, сеньор, но слава Богу, что ничего подобного никогда не повторится. Я обещал вам, а вы знаете, что я честный человек и всегда держу слово...

— Ладно, ладно, — перебил его дон Фернандо. — Я говорю все это для вашего же блага. Послушайте меня внимательно.

— Я весь внимание. Не сомневайтесь, я запомню все до единого слова.

— Хотя я еще молод, сеньор Тонильо, — продолжал дон Фернандо, — я давно пришел к пониманию одного обстоятельства, к несчастью, весьма неутешительного для человечества, а именно: если хочешь добиться чьей-то помощи и преданности, следует обращаться не к добродетелям его, а к порокам. Вы по части пороков — личность непревзойденная.

Тонильо скромно поклонился.

— Сеньор, — сказал он, — вы приводите меня в замешательство. Такая похвала...

— Заслуженная, — продолжал дон Фернандо. — Я редко встречал людей с такой обильной коллекцией пороков, как у вас, любезный сеньор. Я в полной растерянности — на каком из них остановиться. На мой взгляд, ваша скаредность поистине феноменальна. Вот ес-то я и выбрал.

Глаза Тонильо засверкали алчностью.

— Чего же вы желаете? — спросил он.

— Позвольте мне сказать сначала, что я вам предлагаю, а потом объяснить, что от вас требуется. Послушайте меня внимательно. Повторяю, дело стоит того.

Лукавое лицо разбойника приняло серьезное выражение, и он всем корпусом подался вперед, опершись локтями о колени и прищулив глаза. Дон Фернандо заговорил внушительно, делая ударение на каждом слове.

— Не правда ли, вам известно, как я богат? Следовательно, я в состоянии выполнить свое обещание. Однако, чтобы не терять времени и лишить вас предлога изменить мне, я немедленно вручаю вам три бриллианта стоимостью две тысячи пятьсот пиастров каждый. Вы великолепно разбираетесь в драгоценных камнях и оцените их с первого взгляда. Эти бриллианты — ваши. Я вам их дарю. Однако я обязуюсь, по вашему желанию, заплатить наличными семь тысяч пятьсот пиастров по первому вашему требованию и по предъявлению бриллиантов.

— И бриллианты при вас? — спросил Тонильо прерывающимся от волнения голосом.

— Вот они, — дон Фернандо достал из-за пазухи небольшой замшевый мешочек, вынул из него три крупных бриллианта и отдал разбойнику. Тот схватил их, даже не пытаясь скрыть алчности, счастливо улыбаясь, повертел их в руках и бережно спрятал на груди.

— Позвольте, — улыбаясь, сказал дон Фернандо, — но я еще не сказал вам моих условий.

— Каковы бы они ни были, я заранее согласен, сеньор! — живо воскликнул Сапоте. — Семь тысяч пятьсот пиастров! Это целое состояние для такого, как я. Удар ножом, как бы хорошо ни заплатили мне за него, не принесет мне столько счастья!

— Итак, вы обдумали?

— Еще бы! Кого требуется подрезать?

— Никого, — сухо ответил дон Фернандо. — Вы должны сопровождать меня до того места, где укрывается Тигровая Кошка.

Тонильо разочарованно покачал головой.

— Я не могу этого сделать, сеньор. Клянусь спасением моей души, это невозможно.

— Вот как! Я забыл еще кое-что сказать вам.

— Что именно, сеньор? — поспешно спросил Тонильо, огорченный таким оборотом дела.

— А то, что, если вы не исполните моего требования, я немедленно прострелю вам голову.

Сапоте с минуту смотрел на охотника с самым серьезным видом. Чутьем, присущим разбойникам, он безошибочно угадал, что тот не шутит и разговор в любую минуту может закончиться трагедией.

— Позвольте мне, по крайней мере, объясниться.

— Объясняйтесь. Я жду, у меня время есть, — холодно ответил дон Фернандо.

— Я действительно не могу сопровождать вас к тому месту, где находится Тигровая Кошка. Но я могу назвать вам его.

— Ну, это уже кое-что. Уже сдвинулись с мертвой точки, еще немного, и мы договоримся. Мне неприятно, что приходится прибегать к таким крайностям.

— К сожалению, сеньор, я говорю вам чистую правду. Дело в том, что после своего побега из президио Тигровая Кошка собрал два десятка отважных людей, в числе которых был и я. Эти люди понимали, что вскоре на территории мексиканской конфедерации начнется их преследование, и решили, пока не утихнет гроза, отсидеться в пустыне. Поначалу все шло хорошо, но недели через три Тигровая Кошка вдруг передумал и повел нас к пчелам.

— Неужели? — воскликнул дон Фернандо, пораженный столь ужасным известием.

— Да, сеньор, согласитесь, с моей стороны было бы глупо рисковать собственной жизнью в краю, кишасщем

хищными зверями, а главное — змеями, укусы которых смертельны. Не желая следовать за Тигровой Кошкой, я предпочел умереть с голоду в пустыне или быть скальпированным индейцами. При первом же удобном случае я незаметно отстал и ловко улизнул от Тигровой Кошки.

Дон Фернандо устремил на разбойника взгляд, который, казалось, проникал в самую глубь его сердца, но тот не дрогнул.

— Ладно, я вижу, ты не лжешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты бросил Тигровую Кошку?

— Всего четыре дня, сеньор. Я совсем не знаю здешних мест, поэтому брел наугад. Тогда-то счастливый случай и свел меня с вами.

— Гм! Теперь скажите, как называется место, куда намеревался отправиться Тигровая Кошка?

— Эль-Воладеро де-Лас-Анимас, — ответил, не колеблясь, Тонильо.

Смертельная бледность разлилась по лицу дона Фернандо при этом известии, которое, однако, не явилось для него неожиданным, ибо он знал характер воспитавшего его человека.

— О! — горестно воскликнул он. — Бедняжка несомненно погибла. Он специально отвез ее именно туда.

Все присутствующие содрогнулись от ужаса.

— Где же это страшное место? — с беспокойством спросил дон Педро.

— Увы! — ответил дон Фернандо. — Воладеро де-Лас-Анимас — место гибельное. Туда даже самые бесстрашные охотники за пчелами не рискуют отправляться. Это гора с крутыми, почти отвесными склонами, одиноко возвышающаяся среди обширных болот, кишящих очковыми и гремучими змеями, укусы которых влечет за собой почти мгновенную смерть. Никакой защиты от этих змей практически не существует.

— Боже мой! И в этом аду находится моя дочь! — в отчаянии повторял дон Педро.

Дон Фернандо поспешил успокоить несчастного отца.

— Тигровая Кошка слишком хорошо знает это проклятое место, чтобы не принять мер предосторожности. Опасны сами болота, что касается Воладеро, то, поскольку гора достаточно высока, разреженный воздух служит надежной гарантией от хищных животных. Если ваша

дочь, как я надеюсь, благополучно доставлена на Воладе-ро, она в безопасности.

— Но каким образом можно преодолеть эти коварные болота? — спросил дон Педро. — Как добраться до моей дочери?

Неизъяснимая улыбка мелькнула на губах дона Фернандо.

— Я доберусь, дон Педро, — сказал он твердым голосом. — Разве вы забыли? Ведь Каменное Сердце — самый знаменитый охотник за пчелами! Тигровая Кошка открыл мне все известные ему тайны, когда мы с ним не только охотились за пчелами, но и отыскивали каскарил. Наберитесь терпения и мужества, пока еще не все потеряно.

Если рядом с человеком, которого постигло страшное несчастье, находится мужественный и добрый друг, способный вселить в него надежду, как бы ни была она зыбка и несбыточна, он вдруг обретает мужество и уверенно смотрит в будущее. Именно так было в случае с доном Педро. Вот уже целый месяц он изо дня в день наблюдал дона Фернандо и успел за это время не только проникнуться к нему полным доверием, но и полюбить. Поэтому сказанное доном Фернандо вернуло совсем было покинувшее его мужество и надежду.

— Теперь, — продолжал дон Фернандо, обращаясь к Тонилю, — скажите, как Тигровая Кошка обращался со своей пленницей. Вы довольно долго находились с ним рядом и наверняка знаете это.

— На это я отвечу вам совершенно откровенно, сеньор. Он проявлял к сеньорите постоянное внимание и всячески заботился о ней, нередко даже замедляя езду из опасения утомить ее.

Присутствующие с облегчением вздохнули. Такое отношение со стороны человека, который никого не уважал, по-видимому, свидетельствовало не о столь коварных намерениях, как могло показаться на первый взгляд.

— Вы никогда не слыхали, — продолжал дон Фернандо, — как Тигровая Кошка разговаривал с донной Гермозой?

— Однажды бедная сеньорита была особенно печальна. Она не смела плакать громко из опасения разгневать начальника, но глаза ее постоянно были полны слез и грудь судорожно вздымалась от сдерживаемых рыданий. Как-то

раз, во время очередной остановки, она села поодаль под деревом и, устремив глаза на дорогу, заплакала. Тигровая Кошка подошел к ней и, глядя на нее со смешанным чувством сострадания и гнева, сказал примерно так: «Дитя, напрасно вы смотрите на дорогу. Те, кого вы ждете, не могут вырвать вас из моих рук до тех пор, пока мне не заблагорассудится возвратить вам свободу. Вам одной обязан я крушением моих планов и гибелью друзей в Сан-Лукаре. Я похитил вас в отместку за это, но в утешение вам могу сказать, что не намерен долго держать вас в заточении. Не пройдет и месяца, как я соединю вас с тем, кого вы любите.» Молодая сеньорита недоверчиво взглянула на него, и, уловив ее взгляд, он продолжал злобным тоном: «Самое заветное мое желание — видеть вас женою дона Фернандо Карилля. Другой цели у меня никогда не было. Итак, наберитесь мужества и осушите слезы. Они могут только пагубно отразиться на вашей красоте. Все будет так, как я сказал, в день и час, назначенный мною». Так он сказал и сразу же отошел, не пожелав выслушать донну Гермозу. Я лежал на траве неподалеку, и Тигровая Кошка, видимо, меня не заметил, а если и заметил, то, наверное, думал, что сплю. Вот каким образом мне удалось слышать этот разговор. Впрочем, насколько мне известно, начальник только один раз говорил со своей пленницей, хотя продолжал обращаться с ней наилучшим образом.

После рассказа Тонилю наступило долгое молчание.

Дон Фернандо мучительно искал объяснение столь странному поведению Тигровой Кошки. Ему вспомнились слова, сказанные когда-то Тигровой Кошкой, что-то в этом же духе. Значит, этот план зародился у Тигровой Кошки уже тогда? Но что побудило его действовать именно так? Эти и множество других вопросов теснились в голове дона Фернандо, но он не находил на них ответа.

Между тем солнце закатилось, и сразу, как всегда в странах, где не бывает сумерек, наступила ночь, одна из тех восхитительных ночей, наполненных волшебным благоуханьем и свежестью. На темно-синем небе сверкали мириады звезд. Полная луна проливала на землю серебристый свет. Прохладный ветерок после томительного дневного зноя навевал покой и умиротворение.

Сидевшие у шалаша наши путешественники обсуждали план дальнейших действий.

Когда дон Педро и два верных его мажордома собрались под предводительством дона Фернандо на поиски донны Гермозы, Мануэла не пожелала расстаться со своим господином и сыном. Она решительно заявила о своем праве разделить с ними любые тяготы предстоящего путешествия по праву кормилицы донны Гермозы. Она была столь упорна в своей решимости, что тронутый такой самоотверженностью дон Педро не устоял перед ее просьбой, и она отправилась вместе с ними.

Донна Мануэла взяла на себя хозяйственные хлопоты, ухаживала за больными, словом, была для всех них матерью. Все двадцать членов отряда относились к ней с величайшим почтением. Она же помогала им всем, чем могла, всячески утешала их, а в трудные минуты являла собой пример мужества и выносливости.

Мануэла ведала запасами продовольствия отряда. Вот и сейчас она переходила от одного к другому, оделяя одинаковой едой всех подряд. Эта мужественная женщина, несомненно, слышала весь разговор дона Фернандо с вакером, но внешне оставалась спокойной, хотя сердце у нее разрывалось от горя. Она опасалась усугубить страдания дона Педро.

Между тем настало время отдыха. Пеоны, кроме часовых, завернулись в свои одеяла и заснули.

Дон Фернандо продолжал сидеть в задумчивости, занятый печальными мыслями. Его друзья изредка перебрасывались отдельными словами, стараясь не мешать ему. Они догадывались, что дон Фернандо обдумывает какой-нибудь план. Один только Тонилю, совершенно безучастный ко всему происходящему, собирался спать. Он не успел погрузиться в сон, а пребывал в полубыбком состоянии дремоты, которое нельзя назвать ни сном, ни бдением, как вдруг был разбужен доном Фернандо.

— Э, в чем дело? — вскричал он, вскакивая.

— Способен ли ты проявить преданность? — спросил его дон Фернандо.

— Вы задавали уже мне этот вопрос, сеньор. Я вам отвечал, что способен, если мне хорошо платят, а вы мне заплатили по-царски. Только один человек мог превзойти вас в щедрости, а именно — дон Торрибио Квируга. Он умер, остались вы один. Говорите. Ни одна собака не служила вам так преданно, как это сделаю я по первому же вашему знаку.

— Я не хочу подвергать слишком тяжелому испытанию вашу преданность. Вы останетесь здесь и запомните: никаких уловок и тайных замыслов. У меня не дрогнет рука пристрелить вас на месте в случае обмана, и, уверяю вас, вы не сможете укрыться от меня нигде. Я достану вас из-под земли.

Тонилю поклонился и сказал с чувством, редкостным в устах подобного разбойника:

— Сеньор дон Фернандо, крестом нашего Господа, умершего во искупление грехов наших, клянусь, что я честно буду вам служить.

— Хорошо, Сапоте, я вам верю. Теперь вы можете спать, если хотите.

Через несколько минут Сапоте спал.

— Сеньоры, — обратился дон Фернандо к своим друзьям, — вам не мешает отдохнуть. Я часть ночи не буду спать. Дон Педро, не теряйте мужества. Положение отнюдь не безнадежное. Чем больше я размышляю, тем более утверждаюсь в мысли, что мы сможем вызволить донну Гермозу из когтей Тигровой Кошки. Не тревожьтесь, если завтра меня не увидите, впрочем, моя поездка будет непродолжительна — ни под каким предлогом не оставляйте этот лагерь до моего возвращения. Прощайте все!

После этого дон Фернандо опустил голову на грудь и погрузился в размышления.

Друзья догадались о его желании остаться наедине с собой и молча удалились.

Несколько минут спустя все в лагере, кроме дона Фернандо и часовых, спали или притворялись спящими.

Погоня

Величественная тишина царила в пустыне, только изредка у водопоя слышался рев ягуаров и волков. Дон Фернандо продолжал сидеть все в той же неподвижной позе, в какой его оставили его друзья. И если бы не поблескивавшие в темноте глаза, можно было подумать, что он спит.

Внезапно чья-то рука коснулась его плеча. Дон Фернандо приподнялся от неожиданности и увидел кротко улыбающегося дона Эстевана.

— Вы хотите поговорить со мной, друг мой?

— Да, — ответил дон Эстеван, подсаживаясь к нему.

— Слушаю вас, Эстеван.

— Когда все уснули, я поспешил к вам. Друг мой, вы замышляете какую-то смелую экспедицию. Может быть, вы решили отправиться в лагерь Тигровой Кошки?

Охотник улыбнулся в ответ.

— Я угадал, не так ли? — продолжал дон Эстеван, уловивший эту мимолетную улыбку.

— Может быть, друг мой. Но почему все это вас беспокоит?

— Потому что, Фернандо, эта экспедиция чрезвычайно опасна. Вы сами только что сказали это. Предпринимать ее одному, как это вы намерены сделать, сумасбродство, я этого не допущу. Вспомните, мы с первой же встречи стали неразлучными друзьями, нас связывает дружба, которую ничто не способно разрушить. Как знать, какие опасности подстерегают вас в этой экспедиции, задуманной вами. Друг, я пришел сказать, что половина этих опасностей по праву принадлежит мне и вы не имеете права лишать меня ее.

— Друг мой, — с волнением ответил дон Фернандо, — так я и знал, что вы непременно обратитесь ко мне с этой просьбой. Вы угадали, я действительно готовлюсь к отчаянной экспедиции. Как знать, чем она завершится? Зачем же вы хотите разделить мою несчастную судьбу? Вся моя жизнь была бесконечной чередой горестей. Я рад, что жертвую своей жизнью ради бедного отца, оплакивающего похищенную у него дочь. У каждого человека своя судьба. У меня судьба несчастливая. Предоставьте ей свершиться. Вы — совсем другое дело, у вас есть мать, любимая и любящая. Я же один, как перст. Если я умру, никто, кроме вас, не станет печалиться обо мне. Не усугубляйте моей горестной судьбы. Если вы ненароком погибнете на моих глазах, я буду терзаться до конца моих дней, сознавая себя причиной вашей смерти.

— Моя решимость неизменна, друг мой. Что бы вы ни говорили, я последую за вами. Вы знаете, преданность в нашем семействе передается по наследству. Я должен ныне сделать то, что мой отец, не колеблясь, сделал бы в свое время для блага того семейства, которому мы преданы всей душой. Итак, друг мой, повторяю еще раз, долг повелевает мне отправиться вместе с вами.

— Не упорствуйте, Эстеван, умоляю вас. Подумайте о вашей матери!

— Я думаю в эту минуту только о том, что предписывает мне честь! — с жаром воскликнул дон Эстеван.

— Нет, повторяю, я не могу согласиться, чтобы вы были со мною, друг мой. Подумайте, что будет с вашей матерью, если она вдруг вас лишится.

— Будь моя мать здесь, Фернандо, она бы первая приказала мне следовать за вами.

— Правильно, сын мой! — слышался кроткий голос у них за спиной.

Они вздрогнули от неожиданности. В двух шагах от них стояла улыбающаяся Мануэла.

— Я все слышала, — сказала она. — Благодарю, дон Фернандо, за ваши трогательные слова. Они нашли отзвук в моем сердце. Но Эстеван прав: долг требует, чтобы он последовал за вами, не надо его отговаривать. Он принадлежит к роду, где не принято уклоняться от долга. Пусть он едет с вами. Так надо. Если он погибнет, я буду его оплакивать, я, может быть, умру от горя, но умру, благославляя его, потому что он погибнет за тех, кому на

протяжении пяти поколений мы поклялись служить верой и правдой.

Дон Фернандо с восторгом смотрел на эту женщину, которая, несмотря на безграничную любовь к сыну, не колеблясь, готова была пожертвовать им во имя долга. Он был совершенно обезоружен этой мужественной женщиной. Он не находил слов для выражения обуревавших его чувств и потому лишь молча кивнул головой.

— Поезжайте, дети, — продолжала Мануэла, воздев глаза к небу с безмолвной мольбой. — Вездесущий Господь увидит вашу преданность и вознаградит вас. Покровительство Всемогущего будет сопутствовать вам и защитит вас от опасностей, подстерегающих вас в пути. Поезжайте без страха. Я верю, что вас ждет успех. До свидания!

— Благодарим, матушка! — ответили молодые люди, тронутые до слез.

Бедная женщина по очереди прижала их крепко к груди, потом, собрав всю свою волю, спокойно сказала:

— Помните правило кодекса чести: делай то, что должен делать, пусть будет, что будет! До свидания, до свидания!

Она повернулась и быстро исчезла за пологом в шалаше, потому что как ни старалась, не могла сдержать слезы. Слезы же, как она считала, могли поколебать их решимость.

Молодые люди пребывали минуту в задумчивости, глядя ей вслед.

— Вы видите, друг, — сказал наконец Эстеван, — мать приказывает мне следовать за вами.

— Пусть будет по вашему, Эстеван, — ответил дон Фернандо со вздохом. — Я не должен более противиться вашему желанию.

— Наконец!

Дон Фернандо внимательно посмотрел на небо.

— Три часа утра, четвертого половина. Рассветает. Пора в путь.

Не говоря ни слова, Эстеван пошел за лошадьми. Через минуту друзья неслышно покинули лагерь и, отъехав на некоторое расстояние, помчались во весь опор.

До восхода солнца они проехали шесть миль. Путь их пролегал по зеленому берегу одной из многочисленных, не имеющих названия речушек, которые прорезывают

пустыню во всех направлениях и рано или поздно вливаются в более крупную реку.

— Сделаем короткую остановку, — сказал дон Фернандо. — Во-первых, надо дать отдых лошадям, а во-вторых, обдумать наши дальнейшие действия.

Они разнуздали лошадей и пустили их щипать траву на берегу реки.

— Теперь, друг мой, — сказал дон Фернандо, — я должен ввести вас в курс дел в связи с предстоящей операцией, а главное — тех опасностей, которые могут нам встретиться на пути. Через две мили начнется болото, кишящее ядовитыми змеями, и нам необходимо принять меры, чтобы избежать их смертоносных укусов.

— Черт побери! — воскликнул Эстеван, слегка побледнев.

— Не беспокойтесь. Мы должны надеть кирасы, и тогда можно не опасаться ходить, наступая на головы самых опасных змей.

— Кра! Вы знаете, как уберечься от опасных тварей?!

— Вы скоро убедитесь в этом сами. Следуйте за мной. Вы, очевидно, знаете птиц гуако?

— Конечно, я несколько раз наблюдал, как они расправляются со змеями.

— Вам без сомнения, известно, как эта умная птица залечивает укусы змей, над которыми она неизменно одерживает победу.

— Признаюсь, я никогда не задумывался над этим.

— Ну, я очень рад, что сообразил просветить вас на этот счет. Вот здесь неподалеку я заметил лиану миканию, обвивающую стволы дубов. Нам надо непременно нарвать побольше ее листьев.

Дон Эстеван, следуя примеру друга и не задавая лишних вопросов, принялся рвать листья микании. Когда, по мнению дона Фернандо, их было нарвано достаточно, они взяли их в охапку и понесли туда, где их ждали лошади.

Ничего не объясняя, дон Фернандо начал рубить листья на плоском камне, принесенном для этой цели с реки. Дону Эстевану, с любопытством следившему за этой таинственной операцией, он передавал горсть за горстью рубленые листья, и тот должен был выжимать из них сок в тыкву-горлянку. Примерно через час горлянка была наполнена до краев зеленой жидкостью.

— А теперь что будем с этим делать? — с любопытством спросил дон Эстебан.

— Да! — засмеялся дон Фернандо. — Сейчас наступит весьма щекотливый момент. Нам предстоит раздеться донага. Затем мы сделаем ножом довольно глубокие надрезы на груди, на руках, на бедрах, между пальцами рук и ног, так, чтобы брызнула кровь. После этого надо тщательно втереть во все порезы эту жидкость. Ну, как? Хватит у вас мужества привить себе сок микании?

— Конечно, друг мой, хотя эта операция, как мне кажется, весьма болезненная. А что в итоге она нам даст?

— О! Самую малость. Мы всего-навсего станем неуязвимыми для змей. Их самые ядовитые укусы будут равносильны булавочному уколу. Так что мы сможем беспрепятственно наступать на них ногами.

Не теряя времени, дон Фернандо разделся и стал хладнокровно делать на теле надрезы. Дон Эстебан, не колеблясь, последовал его примеру.

Затем они натерлись соком микании, дали ему как следует впитаться и только после этого оделись.

— Лошадей мы оставим здесь, — сказал дон Фернандо, — иначе они непременно погибнут. Мы возьмем их на обратном пути. Только надо будет непременно спутать им ноги, чтобы они не слишком далеко ушли. Сброю спрячем в кустах.

Покончив со всеми этими делами, наши отважные авантюристы заткнули за спину винтовки и отправились пешком в путь. В руках у них были лишь толстые ветки лиан, чтобы прогонять комаров.

Их путь пролегал вдоль берегов бесчисленных болот, затянутых зловонной пеленой, над которой колыхались плотные тучи комаров. Чем дальше они шли, тем больше становилось болот.

Молодые люди шли быстро, один в след другому, размахивая ветками направо и налево. Они обнаружили следы многочисленных всадников и теперь строго придерживались их.

Пройдя некоторое расстояние, они наткнулись на раздувшийся и наполовину сгнивший труп человека.

— Бедняга, видно, понятия не имел о микании, — заметил дон Фернандо.

Тем временем из-под трупа с пронзительным свистом вылезла прехорошенькая маленькая змейка, не толще

мизинца и длиной дюймов восемь, и, приподнявшись на хвосте, устремилась к правому бедру дон Фернандо.

— Извини, любезная моя, — сказал тот. — Ты ошиблась, — и, схватив ее за хвост, разможил ей голову. — Это ленточная змея. После ее укуса через одиннадцать минут наступает смерть. Сначала человек желтеет, потом зеленеет, а затем распухает и — конец. Останется только одно утешение — после смерти еще раз поменять цвет и из зеленого сделаться черным. Странно, не правда ли, Эстеван?

— Как хорошо, Фернандо, что вам пришла счастливая мысль по поводу микании, — вне себя от ужаса проговорил Эстеван.

— Без микании мы были бы уже мертвы.

— Вы думаете, милый друг?

— Безусловно! Раздавите-ка коралловую змею, которая ползет у вас по ноге.

— Скажи, пожалуйста! Какая бесцеремонная! — Эстеван спокойно схватил змею и раздавил.

— Какой восхитительный край, не правда ли? — продолжал дон Фернандо. — Путешествовать здесь сплошное удовольствие. А вот и опять трупы! На этот раз человек погиб вместе с лошастью. Бедное животное!

Друзья шли таким образом целый день. Чем дальше, тем больше становилось змей. Порой их можно было увидеть слипшимися большими клубками. Попадавшие время от времени трупы свидетельствовали о том, что они вышли на след и что Тигровая Кошка оставил большую часть своих спутников на дороге. При всем своем мужестве молодые люди невольно содрогались от ужаса.

Вдруг дон Фернандо прислушался.

— Я не ошибся, сюда кто-то едет.

— Едет сюда? — удивился дон Эстеван. — Это невозможно!

— Почему же, — возразил дон Фернандо. — Если мы здесь, почему же не могут быть другие?

— И правда. Но кто же это может быть?

— Мы скоро узнаем. Пойдемте вон туда.

Он повел своего друга к густому кустарнику.

— Взведите курок, Эстеван, — сказал он. — Кто знает, с кем предстоит встретиться.

Эстеван молча повиновался. Друзья притаились в кустарнике, поджидая. Шаги человека слышались теперь уже совсем близко.

Тропинка, по которой шагали наши путники, вскоре должна была круто пойти вверх, что служило признанием того, что болота останутся позади, а с ними и змеи.

Прошло совсем немного времени, когда Фернандо увидел сначала тень на изгибе тропинки, а потом и самого человека.

Дон Фернандо сразу узнал его по высокому росту и длинной белой бороде. Это был Тигровая Кошка.

Дон Фернандо что-то быстро сказал на ухо спутнику и вдруг прыгнул на тропинку в десяти шагах от Тигровой Кошки. Тот не проявил ни малейших признаков удивления.

— Я шел как раз за тобою, — сказал он спокойным голосом и остановился.

— Стало быть, вы пришли, — сухо ответил молодой человек. — Я здесь.

— Нет еще. Пока ты пойдешь в мой лагерь, я пойду в твой.

— Вы так считаете? — продолжал дон Фернандо насмешливым тоном.

— Конечно. Уж не задумал ли ты преградить мне путь? — спросил Тигровая Кошка насмешливо.

— Почему бы и нет? Не находите ли вы, что нам пора объясниться?

— Я не вижу в этом никакой необходимости. Полагаю, ты искал не меня.

— Вы ошибаетесь, Тигровая Кошка. Я искал именно вас. — Прежде всего вас, — продолжал дон Фернандо, — настало время наконец-то свести наши довольно длинные счета.

— Не будем терять времени, — нетерпеливо сказал Тигровая Кошка. — Выслушай меня и постарайся понять. Донна Гермоза недалеко отсюда, и она ждет тебя. Я обещал ей соединить вас. Она поручила мне сообщить кое-что ее отцу. Поэтому я иду в твой лагерь, но прежде провожу тебя в свой жалкий лагерь, — прибавил он со вздохом. — Из всех самых верных моих приверженцев остались только четверо, остальные погибли.

— Да, мне попадались их трупы на дороге. Это вы их погубили. Зачем вы повезли их сюда?

— Содеянного не воротишь. Время не ждет. Хочешь следовать за мною? Я действую с тобой совершенно откровенно.

— Нет, я вам не верю. Что заставило вас забраться в это ужасное место?

— Разве ты не догадываешься, дитя? Только здесь я мог быть уверен, что никто не похитит мою добычу.

— Как видите, вы заблуждались.

— Возможно, — ответил Тигровая Кошка с загадочной улыбкой. — Хватит, возьми мою винтовку и зови своего приятеля. Я вижу дуло его ружья в ветвях. Теперь, когда вас будет двое против одного безоружного, ты не побоишься следовать за мной.

Дон Фернандо некоторое время молчал, потом позвал Эстевана.

Тот быстро подошел к нему.

— Оставьте при себе винтовку, — продолжал Фернандо, обращаясь к Тигровой Кошке. — В пустыне нельзя ходить без оружия.

— Благодарю, Фернандо, ты знаешь, что лесной наездник не должен оставлять своей винтовки. Благодарю! Следуйте за мной и ничего не бойтесь.

Следуя за Тигровой Кошкой, через четверть часа друзья достигли его лагеря, расположенного на полпути к вершине Воладеро в довольно обширном гроте.

Тигровая Кошка не солгал: из всех его соратников в живых осталось только четверо.

— Прежде чем мы войдем в грот, — сказал Тигровая Кошка, — заявлю о своем требовании.

— Требования? — усмехнулся дон Фернандо.

Тигровая Кошка пожал плечами.

— По одному моему знаку эти люди заколют донну Гермозу. Теперь ты понимаешь, что у меня есть право требовать?

Нервная дрожь пробежала по телу дона Фернандо.

— Говорите, — сказал он сквозь стиснутые зубы.

— Я оставляю тебя здесь наедине с донной Гермозой. Твой товарищ и четверо моих воинов вместе со мною покинут Воладеро. Через два дня, не ранее, ты тоже отправишься в свой лагерь, где я буду тебя ждать.

— Чем объясняется такое ваше условие? — недоверчиво спросил дон Фернандо.

— Это не твое дело. Чем тебя не устраивает мое условие? Впрочем, я не обязан давать тебе объяснение. Отвечай, да или нет, иначе не увидишь донну Гермозу.

— Я даже не знаю, жива ли она, — продолжал дон Фернандо.

— Какой мне был смысл убивать ее?

Дон Фернандо с минуту колебался.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я согласен остаться здесь на два дня.

— Хорошо! Теперь ступай, а мы отправимся в твой лагерь.

— Позвольте, ручаетесь ли вы мне за безопасность моего товарища? Я знаю, что могу положиться на ваше слово.

— Клянусь тебе, пока он будет со мной, я буду считать его другом. Ты найдешь его в лагере здоровым и невредимым.

— Я верю вам! До свидания, Эстеван! Успокойте дону Педро и скажите, на каких условиях мне возвратили его дочь.

— Я сам все ему скажу, — заверил Тигровая Кошка с каким-то странным выражением лица.

Дон Фернандо обнял на прощание друга и быстро зашагал к гроту, между тем как Тигровая Кошка остановился на минуту и, обернувшись к гроту, в который в эту минуту входил дон Фернандо, прошептал со зловещей улыбкой:

— Ну, на сей раз моя месть, кажется, состоится!

Воладеро

Мы уже говорили, что дон Фернандо Карриль, или Каменное Сердце, большую часть жизни провел в пустыне. Воспитанный Тигровой Кошкой в опасном ремесле охотника за пчелами, он несколько раз по воле случая оказывался в этих местах. Он знал Воладеро как свои пять пальцев и даже находил порой убежище в том самом гроте, который теперь служил местом заточения донны Гермозы. Поэтому он без затруднений отыскал его, хотя человек, оказавшийся здесь впервые, наверняка не смог бы проникнуть в него.

Этот грот, пожалуй, единственный в своем роде, находился глубоко в недрах горы и состоял из нескольких частей. Два коридора, протянувшиеся на всю длину горы на высоте двух тысяч футов над равниной, заканчивались выходящими наружу отверстиями, подобными окнам. Однако снизу их не было видно из-за скрывавших их деревьев.

Дон Фернандо вошел в грот, где на расстоянии двадцати пяти шагов были отлично видны все предметы благодаря еще одной удивительной особенности грота — свет проникал через многочисленные трещины извне.

Дон Фернандо был встревожен выдвинутым Тигровой Кошкой условием. Он не мог понять, почему должен провести здесь два дня наедине с донной Гермозой, прежде чем вернуться в лагерь. Он предполагал, что Тигровая Кошка устроил ему какую-нибудь западню, но какую именно, разгадать не мог.

Он медленно шел по гроту, осматриваясь по сторонам в надежде увидеть ту, ради которой он сюда пришел, однако ее нигде не было.

Когда он прошел весь грот из конца в конец, солнце скрылось за горизонтом, и грот погрузился во тьму. Дон Фернандо вернулся назад, чтобы добыть огня, потому что продолжать поиски в темноте было бессмысленно.

У входа в грот он заметил предусмотрительно оставленные ему несколько факелов. Он быстро высек огонь, зажег факел и снова поспешил в грот.

Он опять долго ходил по гроту и уже подумал было, что Тигровая Кошка обманул его, но как раз в эту минуту заметил вдалеке бледный свет, который постепенно приближался к нему, становясь все ярче, и наконец увидел донну Гермозу.

Бедная девушка держала в руках факел и с отрешенным видом, потупив голову, робко направлялась в его сторону. Однако она не замечала присутствия дона Фернандо. Он тоже не знал, как привлечь ее внимание. Он уже собрался окликнуть ее, когда она случайно подняла голову. Заметив человека, она застыла на месте и строго спросила:

— Зачем вы входите в эту галерею? Разве вы забыли, что ваш начальник запретил беспокоить меня?

— Извините, сеньорита,— ответил дон Фернандо. — Я не знал об этом запрете!

— Боже мой! — воскликнула девушка. — Ваш голос! Неужели это не сон?

Выронив факел, она побежала к дону Фернандо. Тот в свою очередь, тоже устремился к ней.

— Дон Фернандо! Дон Фернандо здесь, в этом вертепе! Боже мой! Какие еще несчастья ждут меня впереди? Разве мало их выпало на мою долю, — вопрошала она со слезами. И вдруг без чувств упала на руки дона Фернандо. Тот, в полном отчаянии от случившегося и не зная, как привести ее в чувство, в конце концов решил, что свежий воздух пойдет ей на пользу. Взяв ее на руки, он вынес ее из грота и осторожно положил на кучу сухих листьев, сам же, стоя чуть поодаль, не сводил с нее глаз.

Дон Фернандо был одарен мужеством, доходившим до отваги, сколько раз он, улыбаясь, смотрел в лицо смерти, однако при виде мертвенно бледной донны Гермозы, которая по-прежнему оставалась без чувств, он содрогался от страха. На лбу у него выступил холодный пот, и впервые за всю свою жизнь он горестно зарыдал.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнул он. — Я убил ее!

— Кто это говорит? — услышал он вдруг слабый голос донны Гермозы. — Неужели я ошиблась? Разве это не дон Фернандо?

Дон Фернандо осторожно приблизился к девушке.

— Это я, Гермоза, — повторил он прерывающимся от волнения голосом. — Умоляю вас, успокойтесь и простите меня за то, что своим появлением испугал вас.

— Увы! Я была бесконечно счастлива видеть вас рядом, если бы ваше появление в этом проклятом месте не предвещало мне нового несчастья.

— Успокойтесь, сеньорита, мое присутствие здесь не должно вас пугать.

— Зачем вы стараетесь успокоить меня? — сказала она со слабой улыбкой. — Разве я не знаю, что вы пленник этого чудовища с человеческим лицом?

Она приподнялась. Легкий румянец проступил на ее бледных щеках. Она протянула молодому человеку руку, и тот, преклонив колено, трепетно взял ее и стал покрывать горячими поцелуями.

— Теперь мы будем страдать вместе, — сказала она, остановив на его лице долгий взгляд.

— Милая Гермоза, вы не будете страдать! Ваши несчастья кончились, уверяю вас. Напротив, вы будете счастливы.

— Что вы имеете в виду, дон Фернандо? Я вас не понимаю. О каком счастье может быть речь в этом проклятом месте, мы оба — пленники Тигровой Кошки.

— Нет, сеньорита, вы больше не пленница Тигровой Кошки, вы свободны.

— Свободна! — вскричала она, вскакивая на ноги. — Возможно ли это? О, отец мой! Мой добрый отец! Увижу ли я его когда-нибудь?

— Вы скоро его увидите, донна Гермоза. Ваш отец недалеко отсюда с доном Эстеваном, с донной Мануэлой — словом, со всеми, кого вы любите.

— О! — воскликнула она, упав на колени, и обратилась к небу с горячей мольбой.

Дон Фернандо смотрел на нее с почтительным восторгом. Радость, отражавшаяся на лице девушки, лучезарный блеск таких печальных недавно глаз возбуждали сладостное волнение в его душе. Впервые в жизни он был счастлив.

Донна Гермоза молилась долго, и, судя по тому, как было теперь спокойно ее лицо, молитва пошла ей на пользу.

— Теперь, дон Фернандо, — сказала она важным голо-

сом, — давайте сядем вот здесь, и вы расскажете со всеми подробностями, что происходило после моего похищения.

Они сели рядом на бугорке, поросшем густой травой, и дон Фернандо начал свой рассказ.

Рассказ этот продолжался долго, потому что донна Гермоза то и дело заставляла его возвращаться к тому или иному эпизоду, желая поподробнее узнать об отце. Когда дон Фернандо умолк, первые лучи озарили землю.

— Теперь ваша очередь, сеньорита, рассказать, что происходило с вами.

— О! — сказала она с очаровательной улыбкой. — Я провела этот месяц в страданиях и тоске по людям, которых я так люблю. Человек, так гнусно похитивший меня, надо отдать ему должное, относился ко мне почтительно. И даже несколько раз, — добавила она, смущенно потупившись, — когда я бывала особенно печальной, он старался утешить меня, говоря, что, может быть, скоро я увижу людей, которых люблю, и соединюсь с ними.

— Поведение этого человека мне совершенно непонятно, — заметил дон Фернандо задумчиво. — Зачем ему нужно было так нагло вас похищать, только для того, чтобы через некоторое время возратить?

— Да, это очень странно. Какую цель он преследовал, поступая подобным образом? Но главное, что я свободна, слава Богу, и скоро увижу отца!

— Завтра мы поедem к нему.

Донна Гермоза посмотрела на молодого человека со смешанным чувством удивления и беспокойства.

— Завтра? Почему же не сегодня, сию минуту?

— Увы! — ответил он. — Я поклялся покинуть это место только завтра. Только при этом условии Тигровая Кошка согласился возратить вам свободу.

— Как странно! — прошептала она. — Что может заставлять этого человека удерживать нас здесь?

— Я вам сейчас объясню, — услышала она голос донна Эстевана, выросшего словно из-под земли.

— Эстеван, — вскричали они в один голос, бросаясь к нему. — Какая счастливая случайность заставила вас воротиться, друг мой? — спросил дон Фернандо.

— Не случайность, друг мой, а сам Бог позволил мне услышать слова, неосторожно оброненные Тигровой Кошкой, и замысел его открылся мне со всей очевидностью, как если бы он сам подробно мне его изложил.

— Объясните, друг мой, — снова сказали они в один голос.

— Вчера, когда мы с вами простились, дон Фернандо, вы пошли к этому гроту, а мы, напротив, повернули к лесу. Не знаю, почему, но, когда я расставался с вами, сердце у меня горестно сжалось. Я был уверен, что благодущие Тигровой Кошки скрывает какое-то гнусное коварство, жертвой которого станете вы. Поэтому я через силу заставлял себя идти. Когда мы достигли опушки леса, он остановился неподалеку от меня и, злорадно потирая руки, устремил свой гневный взгляд в сторону грота. Я отчетливо слышал сказанные им слова: «Ну, на сей раз моя месть, кажется, состоится». Эти слова пронзили меня, как стрела. Я понял дьявольский замысел этого чудовища. Вы помните, Фернандо, при каких обстоятельствах мы познакомились с вами?

— Конечно, друг мой, драгоценную память об этом я сохраню до конца моих дней.

— Вы помните ваш разговор с Тигровой Кошкой, подслушанный мною случайно? Он открыто говорил тогда о ненависти к дону Педро.

— Да-да, друг мой, все это я помню, но не могу понять, к чему вы клоните.

— А вот к чему, друг мой: Тигровая Кошка, отчаявшись погубить самого дона Педро, решил нанести ему удар с другой стороны, и для осуществления этого плана он сделал вас, помимо вашей воли, своей собственностью. Вы любите донну Гермозу, вы сделали для нее все, чтобы спасти ее. Он согласился возвратить ее при условии, что вы проведете с ней наедине двое суток. Теперь вы меня понимаете?

— О, это ужасно! — негодуяше воскликнул дон Фернандо.

Донна Гермоза закрыла лицо руками и залилась слезами.

— Простите меня за причиненную вам горечь, друзья мои, — продолжал дон Эстеван, — но я хотел спасти вас и не видел возможности сделать это иначе, как обнаружив вам гнусные козни этого человека. Теперь я задаюсь вопросом: чем объясняется его лютая ненависть к дону Педро? Это знает только один сатана. Но это теперь не имеет значения. Главное — нам нечего больше его опасаться, планы его разгаданы.

— Благодарю, Эстеван, — сказала донна Гермоза, протягивая ему руку.

— Но как удалось вам вернуться назад, друг мой? — спросил дон Фернандо.

— Очень легко. Я просто сказал Тигровой Кошке, что не желаю путешествовать вместе с ним. Он был так обескуражен этим заявлением, что не нашелся, что ответить, а я на первом же повороте покинул его и поспешил сюда.

— Вы прекрасно поступили, друг мой. Я искренне признателен вам. Что теперь, по вашему мнению, мы должны предпринять? Ведь я дал слово.

— Полноте, милый друг, вы с ума сошли! Кто обязан держать слово перед людьми такого сорта? Поверьте мне, вы должны отправиться в наш лагерь сейчас же, чтобы сорвать его злобные козни.

— Да-да! — живо отозвалась донна Гермоза. — Эстеван прав. Последуйте его совету. Идемте! Идемте!

— Идемте, если вы хотите, — сказал дон Фернандо. — Я со своей стороны желаю как можно скорее покинуть этот проклятый грот. Но как сможет донна Гермоза пройти по этому лесу?

— Так же, как я однажды уже проходила, — ответила она решительно.

— Объясните, — попросил Эстеван.

— На носилках, которые, видимо, сохранились. Их несли два человека. Вы знаете, что змеи, особенно мелкие, не могут прыгать высоко.

— Да, конечно. Впрочем, мы завернем вас к тому же в бизонью шкуру, таким образом, вы будете в полной безопасности.

Дон Эстеван пошел тотчас же отыскивать носилки и вскоре вернулся с ними. Дон Фернандо тем временем приготовил бизонью шкуру.

— Мы выполнили условие, — сказал, улыбаясь, Эстеван.

— Это как? Что вы имеете в виду?

— Ведь вы условились сегодня быть в нашем лагере.

— Да, — ответил дон Фернандо, — а это было бы невозможно, если бы мы отправились в час, назначенный Тигровой Кошкой.

— Гм! Как знать, может быть, Тигровая Кошка на это и рассчитывал, — ответил дон Эстеван.

Это заставило всех троих задуматься над очередной загадкой Тигровой Кошки. Однако им надо было торопиться. Поэтому, прервав разговор, они поспешно отправились в путь.

Перст Божий

Теперь вернемся в лагерь мексиканцев.

Когда Мануэла утром сообщила об отъезде дона Фернандо с ее сыном, дон Педро сказал, что он предвидел это.

— Я рад, что ваш сын поехал с ним, моя добрая Мануэла, потому что, если я не ошибаюсь, дону Фернандо предстоит опасная экспедиция. Дай Бог, чтобы ему удалось вызволить мою дочь! Ах, зря он не посоветовался со мной перед отъездом. Нас здесь целых двадцать человек, и без сомнения все вместе мы добились бы лучшего результата.

— Я не думаю, — ответила донна Мануэла. — В пустыне уйма неожиданностей, и два человека порой могут гораздо более преуспеть, чем многочисленный отряд. По крайней мере, им легче оставаться незамеченными. В любом случае, они не должны долго отсутствовать, так что вскоре мы получим известие о сеньорите.

— Дай Бог, чтобы это известие оказалось добрым, Мануэла, потому что после всех выпавших на мою долю бед, я не вынесу утраты любимой дочери.

— Прогоните прочь эти черные мысли, сеньор. Все зависит от провидения. Я надеюсь, Всевышний не оставит нас.

— Печально, — продолжал со вздохом дон Педро, — что мы вынуждены пребывать в бездействии. Нам ничего не остается, как набраться терпения и ждать возвращения молодых людей.

День прошел без каких-либо происшествий, достойных упоминания. Сапоте, отправившись на охоту на восходе солнца, убил оленя.

На другой день, часов в десять утра, в лагерь явился безоружный индеец и объявил, что желает говорить с дон-ом Педро. Тот велел его пропустить.

Индеец был апач с хитрыми острыми глазами. Когда его привели к дону Педро, тот разговаривал с Лючиано. Апач стоял неподвижно, с холодным бесстрашием ожидая, когда с ним заговорят.

Дон Педро пытливо вглядывался в лицо индейца, и тот, нимало не смущаясь, спокойно выдержал его взгляд.

— Чего желает брат мой? — спросил наконец дон Педро. — Кто он?

— Гриф, воин апачский, — ответил краснокожий. — Начальник его племени посылает его к начальнику бледнолицых.

— Я начальник бледнолицых. Можете говорить.

— Вот что говорит Тигровая Кошка, — продолжал апач все также бесстрастно.

— Тигровая Кошка! — воскликнул дон Педро не в силах скрыть удивления. — Что ему угодно от меня?

— Если отец мой выслушает, Гриф скажет ему.

— Конечно. Говорите же!

— Вот что говорит Тигровая Кошка. Тучи спустились между Тигровой Кошкой и начальником бледнолицых, которые распространились на охотничьи земли моего народа. Как благодатные лучи солнца рассивают облака и открывают небесную лазурь, точно так же, если бледнолицый согласен выкурить трубку мира с Тигровой Кошкой, спустившаяся туча исчезнет и секира войны будет так глубоко зарыта в землю, что ее нельзя будет отыскать через тысячу и десять лун. Я сказал и жду ответа моего отца со снежной бородой.

— Индеец, — печально заговорил дон Педро. — Тот, кого вы называете своим начальником, причинил мне много зла, хотя я не знаю, почему. Однако, если он желает встретиться со мной, чтобы прекратить несогласие, существующее теперь между нами, — да хранит меня Господь от того, чтобы я стал отвергать его предупредительность, — скажите ему, что я его жду и что, если против моей воли и сам того не зная, я причинил ему какой-нибудь вред, я готов загладить свою вину.

Апач слушал дона Педро с величайшим вниманием, а когда тот умолк, заговорил Гриф:

— Отец мой говорил хорошо. В нем пребывает мудрость.

Начальник придет, но кто поручится за его безопасность, пока он будет находиться в лагере бледнолицых один против двадцати испанских воинов?

— Мое честное слово. Мое честное слово стоит несравненно больше всего того, что может обещать ваш начальник, — проговорил дон Педро надменно.

— О! Слова моего отца хороши, язык у него не раздвоенный. Тигровая Кошка не требует ничего больше. Он придет.

Произнося эти слова с типичной индейской торжественностью, апач церемонно поклонился ачиендеру и так же неторопливо удалился, как и пришел.

— Что вы думаете об этом, Лючиано? — спросил дон Педро, как только снова остался с ним наедине.

— Я думаю, что за этим скрывается какая-то индейская хитрость. Я во сто раз больше опасаясь белого, меняющего шкуру и превращающегося в индейца, чем настоящего краснокожего. Я никогда не любил хамелеонов.

— Да, вы правы, Лючиано, мы в затруднительном положении. Прежде всего нам надо постараться отыскать мою дочь, а для этого придется многим пренебречь.

— Все так, сеньор, однако вы знаете не хуже меня, что Тигровая Кошка страшный злодей. Не верьте ни единому его слову.

— Я вынужден принять его, ведь я обещал.

— Да, конечно, — пробормотал Лючиано, — но я ничего не обещал.

— Будьте осторожны, Лючиано, в особенности остерегайтесь навлечь на себя подозрение этого человека.

— Будьте спокойны, сеньор, ваша честь не менее дорога мне, но я не могу допустить, чтобы вы встречались с ним один на один. Я не имею права оставлять вас без всякой защиты. — И как бы подводя итог разговору, Лючиано поспешно покинул шалаш.

— Эй, — окликнул он Сапоте. — Я искал вас.

— Меня? Стало быть, мы встретились кстати. О чем идет речь? — весело болтал вакер.

— Пожалуйте-ка сюда, — сказал Лючиано, отводя вакера в сторону. — Не могу же я вот так рассказывать, не опасаясь нескромных ушей.

Час спустя, то есть в одиннадцать часов, Тигровая Кошка явился в лагерь.

На нем был костюм золотоискателя, и, по-видимому,

он пришел без оружия, по крайней мере, его не было видно. Часовые проводили его к Лючиано, который прохаживался взад-вперед неподалеку.

Тигровая Кошка зорко огляделся по сторонам, но не увидел ничего подозрительного.

— Что вам здесь нужно? — грубо спросил Лючиано.

— Я желаю говорить с доном Педро де Луна, — сухо ответил Тигровая Кошка.

— Хорошо, идите за мной.

Без дальнейших церемоний Лючиано привел его к шалашу.

— Входите, — сказал он, — там вы найдёте дону Педро.

— Кто там? — слышался голос изнутри.

— Сеньор, это индеец, который желает говорить с вами. Ступайте же, — добавил Лючиано, обращаясь к начальнику апачей.

Тот вошел в шалаш вместе с Лючиано.

— Вы желаете говорить со мной? — спросил дон Педро.

— Да, — ответил начальник апачей мрачным голосом, — наедине.

— Этот человек — давнишний мой слуга, он пользуется полным моим доверием.

— То, что я вам скажу, не должен слышать никто другой.

— Выйдите, Лючиано, — сказал дон Педро, — но оставайтесь у входа в шалаш, друг мой.

Лючиано бросил сердитый взгляд на Тигровую Кошку и вышел, ворча себе под нос.

— Теперь мы одни, — продолжал дон Педро, — вы можете откровенно объясниться со мной.

— Я намерен сделать именно это.

— Вы хотите что-то сказать мне о моей дочери?

— О ней и о других, — ответил Тигровая Кошка все тем же глухим, мрачным голосом.

— Я вас не понимаю, начальник, и буду признателен, если вы выскажетесь более определенно.

— Я сделаю это с тем большим удовольствием, что давно уже желаю встретиться с вами лицом к лицу. Взгляните на меня, дон Педро, разве вы не узнаете меня?

— Я видел вас впервые, когда вы оказали мне гостеприимство в вашем теокале.

Начальник апачей продолжал со злобной усмешкой:

— Стало быть, годы очень изменили меня. Прозвище Тигровая Кошка так прочно пристало ко мне, что я со-

всем забыл свое настоящее имя, сделался совершенно неузнаваемым! Если дон Гусман де Рибейра превратился в дона Педро де Луна, почему же дону Леонсио де Рибейра не сделаться Тигровой Кошкой, брат?

— Что вы хотите этим сказать? — вскричал дон Педро, испуганно вскочив с места. — Какое имя вы произнесли?

— Я назвал свое подлинное имя, — холодно ответил Тигровая Кошка.

Дон Педро бросил на него взгляд, исполненный горестного сострадания.

— Несчастный! — печально проговорил он. — Как же это вы пали так низко?

— Вы ошибаетесь, брат, — насмешливо продолжал Тигровая Кошка, — напротив, я возвысился, потому что стал начальником индейского племени. Я давно, очень давно ждал случая отомстить, — добавил он с сатанинским хохотом. — Вот уже двадцать лет я вынашиваю эту мечту и вот теперь моя мечта сбылась!

— Несчастный! — гневно воскликнул дон Педро. — За что же вы собираетесь мне мстить? За то, что хотели обольстить мою жену, потом пытались погубить меня, а теперь подло похитили у меня дочь?

— Вы забывали, что я еще похитил вашего сына, дона Фернандо Карриля, которого я успел заставить влюбиться в его сестру и который уже два дня находится наедине с нею в Воладеро. Ха-ха-ха! Дон Гусман, ну что вы скажете на это?

— Горе! Горе! — вскричал дон Педро, с отчаянием ударяя себя в лоб.

— Брат и сестра влюблены друг в друга, вы их благословите, дон Педро, а я их женю. Ха-ха-ха! — продолжал Тигровая Кошка со зловещим хохотом, походившим на вой гиены.

— О, это ужасно! — вскричал дон Педро в отчаянии. — Ты лжешь, негодяй! Каким бы ты ни был страшным злодеем, ты не осмелился бы совершить такого страшного поступка! Ты хвастаешься, изверг, своим изуверством, но того, что ты сказал, быть не может!

— Ты не веришь моим словам, брат? — возразил Тигровая Кошка язвительным тоном. — Это твое дело. А вот я, кстати, слышу, как идут твои дети. Они уже вошли в лагерь.

Дон Педро, обезумев от горя, бросился было из шала-

ша, но в эту самую минуту вошли дон Фернандо, донна Гермоза и дон Эстеван. Несчастный отец застыл неподвижно на месте.

— Ну! — насмешливо улыбнулся Тигровая Кошка. — Так-то ты встречаешь своих детей? А еще слывешь примерным отцом!

Донна Гермоза, не обращая внимания на Тигровую Кошку, бросилась со слезами на шею отцу.

— Папа! Папа! Слава Богу, наконец я вас вижу!

— Кто говорит здесь о Боге? — сказал дон Педро глухим голосом, резко оттолкнув от себя дочь.

Донна Гермоза испуганно огляделась по сторонам, ничего не понимая. Она упала бы без чувств, если бы дон Фернандо не поддержал ее.

— Как они любят друг друга! — продолжал Тигровая Кошка.

— Не правда ли? Дон Фернандо, — добавил он, указывая на дону Педро. — Поспешите же в объятия своего родного отца.

— Моего отца? — радостно воскликнул молодой человек. — О, это было бы сказочным счастьем!

— Да, дон Педро — ваш отец! — продолжал Тигровая Кошка. — А вот ваша сестра, — и он указал на донну Гермозу со злорадной усмешкой.

Молодые люди были потрясены. Дон Педро пребывал в нервном шоке и оставался безучастным ко всему происходящему. Он чувствовал, что рассудок покидает его.

Между тем Тигровая Кошка торжествовал победу. Дон Эстеван, напуганный состоянием дону Педро, счел, что настало время вмешаться.

— Дон Педро, — громко позвал он и сильно встряхнул его за плечо. — Опомнитесь. Этот негодяй солгал, ваши дети не опорочили вас. Я все время находился с ними в Воладеро.

Дон Педро грустно старался уразуметь смысл обращенных к нему слов. В какую-то минуту он повернул голову в сторону дону Фернандо, посмотрел на него и разрыдался.

— О, это правда?! Это правда?! Не так ли, Эстеван?

— Клянусь вам, дон Педро! — внушительно сказал тот.

— Благодарю! Благодарю! Я знал, что этот негодяй лжет! Дети мои! Дети мои!

Молодые люди бросились к нему на шею и осыпали его ласками.

Тигровая Кошка, скрестив руки на груди, снова разразился зловещим хохотом.

— Они любят друг друга, говорю же тебе, брат. Обвенчай же их!

— Они имеют право любить друг друга, — прозвучал вдруг громкий голос.

Все обернулись. В шалаш вошла Мануэла.

— А! — воскликнула она, бросив насмешливый взгляд на Тигровую Кошку, который сам, не зная почему, испугался ее внезапного появления. — День правосудия настал! Я уже давно жду его. Господь Бог всех рассудит, и для проявления своего могущества он избрал меня.

Все присутствующие взирали на эту женщину с восторгом и почтением. Она же словно преобразилась. Глаза ее излучали свет. Спокойной и величественной походкой она направилась к ачиендеру.

— Дон Педро, достопочтимый господин мой, — заговорила она с волнением в голосе. — Простите, что я долго заставляла вас страдать, но мною руководил Господь. Он один определял мои поступки. Дон Фернандо — сын не ваш, а мой. Вот ваш сын, — добавила она, указывая на дона Эстевана.

— Он! — вскричали все присутствующие.

— Это ложь! — взревел Тигровая Кошка.

— Это правда, — решительно заявила Мануэла. — Ненависть слепа, дон Леонсио! Вы по ошибке похитили не сына вашего брата, а сына бедной кормилицы. Взгляните на дона Эстевана. Все, знавшие его мать, увидят в нем ее черты.

И в самом деле, он, как две капли воды, был похож на жену дона Педро, но никто никогда этого не замечал.

— О, вы навсегда останетесь моей матерью! — воскликнул дон Эстефан, нежно обнимая старую женщину.

— Матушка, — дон Фернандо тоже радостно бросился на шею к ней.

Дон Педро пришел в себя и испытывал безграничную радость. Тигровая Кошка заревел, как хищный зверь.

— А! Так вот как! Но не все еще кончено!

Быстро вытащив из-под платья кинжал, он бросился на дона Педро, который от радости забыл о его присутствии.

Однако за ним наблюдал один человек. Лючиано потихоньку пробрался в шалаш и стал за спиной разбойника,

не спуская с него глаз. Едва тот вскочил с места, как Лючиано вцепился в него мертвой хваткой.

Как раз в эту минуту ворвался Сапоте с ножом в руке, и присутствующие не успели глазом моргнуть, как он вонзил нож по самую рукоятку в горло разбойника.

— Никогда мой нож не был таким метким. Надеюсь, этим ударом я заслужу прощение за многие другие?

Тигровая Кошка некоторое время продолжал стоять, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно дубу, наполовину вырванному из земли. Глаза его еще пылали злобой, но уже начали заволакиваться мутной пеленой. Он хотел что-то сказать, но рот его исказила судорога, и черная кровь фонтаном забила из горла. Он рухнул на землю, его тело несколько раз еще судорожно дернулось и беспомощно застыло на месте.

Он был мертв, но на лице его, искаженном предсмертными муками, все еще сохранилось выражение жестокой ненависти, которая пережила его.

— Правосудие свершилось, — сказала Мануэла твердым голосом. — Бог наказал его!

— Помолимся Всевышнему! — сказал дон Педро, опускаясь на колени возле трупа.

Присутствующие последовали его примеру. Сапоте с сознанием исполненного долга почел за лучшее исчезнуть, не преминув при этом взглядом попрощаться с Лючиано, ответившим ему благодарной улыбкой.

СОДЕРЖАНИЕ

ОХОТНИКИ ЗА ПЧЕЛАМИ

ГЛАВА 1	
Встреча на Дальнем Западе	7
ГЛАВА 2	
В лесу	18
ГЛАВА 3	
Теокали	29
ГЛАВА 4	
Поверхностные сведения	39
ГЛАВА 5	
Откровенный разговор	49
ГЛАВА 6	
Путешествие	60
ГЛАВА 7	
Стычка	70
ГЛАВА 8	
Крепость	80
ГЛАВА 9	
Донна Гермоза	91
ГЛАВА 10	
Пиковый туз	102
ГЛАВА 11	
Ранчо	112
ГЛАВА 12	
Краснокожие	121
ГЛАВА 13	
Ночное свидание	130
ГЛАВА 14	
Дон Эстебан Диас	139
ГЛАВА 15	
Дон Гусман де Рибейра	146
ГЛАВА 16	
Почтовая станция в пампасах	159

ГЛАВА 17	
Федеральная любезность	171
ГЛАВА 18	
Измена	180
ГЛАВА 19	
Конец рассказа	189

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

ГЛАВА 1	
Симпатия	201
ГЛАВА 2	
Девственный лес	210
ГЛАВА 3	
Дон Торрибио Квируга	218
ГЛАВА 4	
Вечеринка	227
ГЛАВА 5	
Засада	236
ГЛАВА 6	
Сан-Лукар	245
ГЛАВА 7	
Атака президио	254
ГЛАВА 8	
Гнусность	265
ГЛАВА 9	
Пленник	273
ГЛАВА 10	
Лагерь краснокожих	282
ГЛАВА 11	
Оступник	292
ГЛАВА 12	
Женская воля	300
ГЛАВА 13	
Белые против краснокожих	309
ГЛАВА 14	
Развязка	318
ГЛАВА 15	
Месяц спустя	327
ГЛАВА 16	
До погони	335
ГЛАВА 17	
Погоня	343
ГЛАВА 18	
Воладеро	352
ГЛАВА 19	
Перст Божий	358

Г. Эмар

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 13

Редактор Э. Пономарева

Корректоры Ю. Черникова, Э. Пономарева, Ю. Диамент
Компьютерная верстка А. Диамента, А. Мышко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать 02.08.93.
Формат 84 x 108 1/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.
19,32. Уч.-изд. л. 21,02. Тираж 50 000 экз. Заказ 1053.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграф-
комбинате Министерства печати и информации Российской
Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Scan Kreyder - 17.11.2017 - STERLITAMAK

